

Факультет
государственного
управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal (Russia)

91
2022

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Редакция:

Никонов В.А. — главный редактор, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Петрунин Ю.Ю. — зам. главного редактора, доктор философских наук;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук;

Чугунов А.А. — технический редактор.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Д. Ван Слайк — PhD (Сиракузский университет, США);

Л.С. ван Яарсвелд — PhD (Университет Южной Африки, ЮАР);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Дубровская Ю.В. — кандидат экономических наук (ПНИПУ, Россия);

Зайцева Т.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Купряшин Г.Л. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Лексин И.В. — доктор юридических наук (МГУ, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Логинов А.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Машкова А.Л. — кандидат технических наук (ОГУ, Россия);

Михайлова О.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Мягков М.Г. — PhD (Университет Орегона, США; ТГУ, Россия);

Полюшкевич О.А. — кандидат философских наук (ИГУ, Россия);

Попова С.С. — кандидат юридических наук (МГУ, Россия);

Рыбакова М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Сидоров А.В. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Сторчевой М.А. — кандидат экономических наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Россия);

Угнич Е.А. — кандидат экономических наук (ДГТУ, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: e-journal.spa.msu.ru/.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701.

Тел.: +7 (495) 930-85-71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — Editor-in-chief, DSc (History), Dean of School of Public Administration;

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy);

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD;

Maria V. Fedko — Editor, PhD;

Aleksey A. Chugunov — Layout editor.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Russia);

David Van Slyke — PhD (Syracuse University, USA);

Liza Ceciel van Jaarsveld — PhD (University of South Africa, RSA);

Sergey Yu. Glaziev — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Julia V. Dubrovskaya — PhD (PNRPU, Russia);

Tatyana V. Zaytseva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Gennady L. Kupryashin — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Vladimir I. Leksin — DSc (Juridical Sciences) (MSU, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Russia);

Andrey V. Loginov — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Aleksandra L. Mashkova — PhD (OSU, Russia);

Olga V. Mikhailova — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Mikhail G. Myagkov — PhD (University of Oregon, USA; TSU, Russia);

Oxana A. Polyushkevich — PhD (ISU, Russia);

Svetlana S. Popova — PhD (MSU, Russia);

Marina V. Rybakova — DSc (Sociology) (MSU, Russia);

Alexander V. Sidorov — DSc (History) (MSU, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Maxim A. Storchevoy — PhD (Political Sciences) (MSU, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Russia);

Ekaterina A. Ugnich — PhD (DSTU, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Russia).

The journal is officially registered with the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation. International serial number of the magazine is ISSN 2070-1381.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The goal of “E-journal. Public Administration (Russia)” is to use the possibilities of Internet to promote cutting-edge theoretical and practical developments in public, municipal and corporate administration. All issues are available on the website: ee-journal.spa.msu.ru/.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701.

Telephone: + 7 (495) 930-85-71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

Бушуева Людмила Игоревна ; Попова Юлия Федоровна

Статистический анализ финансовой доступности и удовлетворенности населения деятельностью финансовых организаций 7

Lyudmila I. Bushueva; Yulia F. Popova

Statistical Analysis of Financial Accessibility and Population Satisfaction with Activities of Financial Institutions

*Глазьев Сергей Юрьевич; Воронов Александр Сергеевич; Кудина Марианна Валерьевна;
Орлова Любовь Николаевна*

Прогноз развития человеческого капитала в Российской Федерации в условиях изменений в мировой экономике 24

Sergei Yu. Glazyev; Aleksandr S. Voronov; Marianna V. Kudina; Liubov N. Orlova

Forecast of Human Capital Development in the Russian Federation in the Context of Global Economy Changes

*Гумерова Гюзель Исаевна; Хюзиг Стефан; Шеве Герхард; Бутнева Александра Юрьевна;
Шаймиева Эльмира Шамилевна*

Формирование организационно-управленческого подхода на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности в области международного научного сотрудничества 45

Guzel I. Gumerova; S. Hüsig; G. Schewe; Aleksandra J. Butneva; Elmira Sh. Shaimieva

Formation of Organizational and Managerial Approach Based on Management of Intellectual Property Objects in the Field of International Scientific Cooperation

Кичигин Олег Эмильевич

Конкуренция и сотрудничество: две стратегии социально-экономического развития общества и государства (институциональный подход) 66

Oleg E. Kichigin

Competition and Cooperation: Two Strategies for Socio-Economic Development of Society and State (Institutional Approach)

Назаренко Максим Борисович

Перспективы развития экономики СССР предперестроечного периода в оценках зарубежных аналитиков 83

Maxim B. Nazarenko

Prospects for Economic Development of the USSR in Pre-Perestroika Period as Assessed by Foreign Analysts

Проблемы управления: теория и практика
Administrative problems: theory and practice

Боброва Ольга Сергеевна

От устойчивого развития к ESG: опыт европейских компаний и правительств 94

Olga S. Bobrova

From Sustainable Development to ESG: Experience of European Companies and Governments

Оборин Матвей Сергеевич

Механизмы стимулирования инновационного развития моногородов арктических территорий..... 105

Matvey S. Oborin

Mechanisms for Stimulating Innovative Development of Single-Industry Towns in Arctic Territories

**Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration**

Наумов Александр Олегович; Белоусова Марина Владимировна; Рыжкова Анастасия Геннадьевна

Роль технологий «мягкой силы» в деятельности организации «ООН-женщины»..... 120

Alexander O. Naumov; Marina V. Belousova; Anastasia G. Ryzhkova

Role of Soft Power Technologies in Activities of UN Women

Сальников Андрей Александрович

Правительственная реформа 1993–1994 гг. в РФ: предпосылки, ход и результаты 134

Andrei A. Salnikov

The Government Reform of 1993–1994 in Russian Federation: Background, Course and Results

**Социологические исследования
Sociological researches**

Андреюк Денис Сергеевич; Ливитина Арина Сергеевна; Сушко Никита Сергеевич

Семантический анализ структуры ценностей группы с помощью Тезауруса Роже: автоматизированный алгоритм..... 148

Denis S. Andreyuk; Arina S. Livitina; Nikita S. Sushko

Semantic Analysis of Group Values Structure Using Roget Thesaurus: Automated Algorithm

Скипин Николай Сергеевич

Сюжетно-идеологический подход к изучению ценностей: модель и результаты..... 162

Nikolai S. Skipin

Plot-Ideological Approach to Values Study: Model and Results

**Социология управления
Management sociology**

Зубова Екатерина Андреевна

Общественные потери от пандемии коронавируса через призму стоимости человеческой жизни..... 173

Ekaterina A. Zubova

Societal Cost of Coronavirus Disease (COVID-19) Mortality Using Value of Statistical Life

Шестакова Елена Евгеньевна

Современные пенсионные системы на новом этапе трансформации..... 193

Elena E. Shestakova

Modern Pension Systems at the Stage of Transformation

**Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies**

Исаева Айгуль Эрнстовна

**Цифровая платформа как одна из доминантных бизнес-моделей
цифровой экономики 209**

Aigul E. Isaeva

Digital Platform as One of the Dominant Business Models of Digital Economy

Швыряев Павел Сергеевич

Утечки конфиденциальных данных: главный враг внутри 226

Pavel S. Shvyriaev

Data Breaches: The Main Enemy Within

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-7-23

Статистический анализ финансовой доступности и удовлетворенности населения
деятельностью финансовых организаций

Бушуева Людмила Игоревна

Доктор экономических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, РФ.

E-mail: ieu@syktsu.ru

SPIN-код РИНЦ: 3991-0938

ORCID ID: [0000-0003-2070-5465](https://orcid.org/0000-0003-2070-5465)

Попова Юлия Федоровна

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, РФ.

E-mail: ieu@syktsu.ru

SPIN-код РИНЦ: 5939-1074

ORCID ID: [0000-0001-8138-0962](https://orcid.org/0000-0001-8138-0962)

Аннотация

В статье представлены результаты анализа доступности финансовых услуг и финансовых организаций и удовлетворенности населения их деятельностью, исследования потребительских предпочтений на региональном финансовом рынке. В качестве исходной информации использованы данные информационно-аналитического отчета о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми в 2020 г., подготовленного авторами статьи для Министерства экономики Республики Коми на основе мониторинга конкурентной среды потребительских товаров и услуг. Для реализации поставленных задач использовался количественный метод опроса населения по квотной выборке. Для анализа полученных результатов применялись программы статистической обработки данных SPSS и Statistica. По результатам опроса дана оценка доступности и востребованности финансовых продуктов (услуг) у населения региона; изучены особенности поведения граждан при их выборе; проанализирован уровень доверия населения к финансовым организациям, степень удовлетворенности людей предлагаемыми на рынке продуктами (услугами). В ходе исследования изучены барьеры доступа к финансовым услугам. Отдельным направлением изучения был анализ уровня востребованности дистанционных каналов финансового обслуживания, поскольку их расширение влияет на активность и удовлетворенность существующих клиентов и позволяет привлечь новых участников рынка. Полученные по результатам анализа данные показали, что такие традиционные финансовые продукты (услуги), как банковские карты, вклады и накопительные счета, являются наиболее востребованными на региональном рынке. Сравнительно меньше граждане обращаются в финансовые организации за инвестиционными услугами, так как это направление предполагает более высокий уровень финансовой грамотности граждан. Результаты исследования могут быть полезны финансовым организациям для разработки мероприятий по повышению уровня удовлетворенности населения.

Ключевые слова

Дистанционное банковское обслуживание, доверие к финансовым организациям, инфраструктура предоставления финансовых услуг, мониторинг конкурентной среды, потребительские предпочтения, удовлетворенность населения деятельностью финансовых организаций, финансовая доступность, финансовый рынок, цифровизация.

Statistical Analysis of Financial Accessibility and Population Satisfaction with Activities of
Financial Institutions

Ljudmila I. Bushueva

DSc (Economics), Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: ieu@syktsu.ru

ORCID ID: [0000-0003-2070-5465](https://orcid.org/0000-0003-2070-5465)

Yulia F. Popova

DSc (Economics), Professor, Head of Management and Marketing Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation.

E-mail: ieu@syktsu.ru

ORCID ID: [0000-0001-8138-0962](https://orcid.org/0000-0001-8138-0962)

Abstract

The article provides the results of the analysis of financial institutions financial accessibility and public satisfaction with their activities, the study of consumer preferences in the regional financial market. The initial information is based on the information and analytical report on the state and development of the competitive environment in the goods and services markets of the Komi Republic in 2020, prepared by the authors of the article for the Ministry of Economy of the Komi Republic on the basis of the competitive environment monitoring of consumer goods and services. The quantitative method of a quota sample survey of the population was used to implement the objectives. Statistical processing software SPSS and Statistica were used to analyze

the obtained results. The survey results are used to assess the availability and demand for financial products (services) among the population of the region. The features of citizens' behaviour in their choice have been studied. The level of population's trust in financial institutions and the degree of people's satisfaction with the products (services) offered in the market have been analyzed. The barriers to access to financial services have been studied in the course of the research. A separate direction of the study was to analyze the level of demand for remote channels of financial services, as their expansion affects the activity and satisfaction of existing customers and allows attracting new market participants. The data obtained from the analysis showed that such traditional financial products (services) as bank cards, deposits and savings accounts are the most demanded in the regional market. Comparatively fewer citizens turn to financial institutions for investment services, as this area implies a higher level of financial literacy of citizens. The results of the study can be useful to financial institutions to develop measures to increase the level of satisfaction of the population.

Keywords

Remote banking, trust to financial institutions, financial services infrastructure, competitive environment monitoring, consumer preferences, public satisfaction with financial institutions, financial inclusion, financial market, digitalization.

Введение

Развитие современной российской экономики невозможно без эффективной системы денежного обращения и использования инновационных банковских технологий. Однако, несмотря на быстрое развитие финансового сектора в России, в том числе рынка цифровых услуг, существуют проблемы физического доступа к финансовым услугам, недостаточной удовлетворенности населения и низкого уровня доверия граждан к финансовым организациям.

В настоящее время вопросам доступности финансовых услуг и удовлетворенности потребителей уделяется большое внимание. Банк России регулярно проводит анализ финансовой доступности и удовлетворенности населения работой финансовых организаций, а также оценку проникновения дистанционных каналов доступа¹.

С целью повышения уровня качества и доступности финансовых услуг для потребителей Банком России была принята «Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов»². В 2021 г. с учетом процессов цифровой трансформации финансового рынка были разработаны «Приоритетные направления повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации на период 2022–2024 годов»³.

Актуальность изучения данных проблем подтверждают научные исследования. В работах российских и зарубежных авторов активно обсуждаются основные элементы понятия доступности финансовых услуг в рамках подходов, применяемых Банком России и международными организациями [Байдукова и др. 2018; Быковец 2015; Калачева, Кириенко 2018; Мочалина, Лобачева 2016]; анализируется доступ к финансовым услугам в регионах РФ [Большаков и др. 2020; Коханова, Лосева 2018; Куницина, Белгаришвили 2020; Тётушкин 2015]. В ряде работ [Большаков, Дохолян 2020; Большаков и др. 2021] изучается удовлетворенность населения деятельностью финансовых организаций.

Российские [Гетманова 2016; Ширинкина 2019; Юсупова 2016] и зарубежные [Aladwani 2001; Birch, Young 1997; Chernikova et al. 2015; Furst et al. 2000; Furst et al. 2002; Hurnandez-Murillo 2010; Ивлиев, Коротаева 2016; Ruben et al. 2010; Тан, Тео 2000] исследователи широко обсуждают проблемы и перспективы развития современных инновационных технологий, изучают роль дистанционного банковского обслуживания для повышения доступности и качества финансовых услуг

¹ Аналитическая справка об индикаторах финансовой доступности за 2020 год (по результатам замера 2021 года) // ЦБ РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/124646/acc_indicators_29072021.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

² Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов // ЦБ РФ [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84497/str_30032018.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

³ Приоритетные направления повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации на период 2022–2024 годов Банка России // ЦБ РФ [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132047/pr_pnpdfu_2022-2024.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

Методы исследования

В Республике Коми (РК) с 2016 г., в соответствии с Планом мероприятий («дорожной картой») по содействию развитию конкуренции на региональных рынках, ежегодно в форме опроса населения и субъектов предпринимательской деятельности проводится мониторинг состояния конкурентной среды⁴. Целью эмпирического исследования, проведенного в ноябре 2020 г., являлась оценка состояния конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми, в рамках которого были изучены потребительские предпочтения населения на финансовом рынке; измерен уровень удовлетворенности граждан финансовыми услугами; дана оценка их доступности и распространенности; исследованы факторы, влияющие на выбор финансовых услуг; проанализирован уровень цифровизации и распространенности дистанционного обслуживания клиентов банков.

Для реализации поставленных задач был использован количественный метод сбора данных. Опрос проводился по квотной выборке. Для сбора необходимой информации была использована высокостандартизированная анкета.

В анкету вошли 26 вопросов, из них 8 вопросов задавались с целью анализа демографических характеристик респондентов (пол, возраст, социальный статус, уровень материального благосостояния, место проживания, образование, наличие детей и их количество), а остальные 16 относились к основной части анкеты и включали вопросы, непосредственно связанные с использованием/неиспользованием финансовых продуктов и услуг (за последние 12 месяцев) и их оценкой по показателю удовлетворенности этими продуктами и услугами или причинами отказа от использования этих услуг; респондентам предлагалось также оценить собственный уровень финансовой грамотности.

Для обработки исходной информации были использованы пакеты прикладных программ Excel и Statistica.

Обоснование выборочной совокупности. В 2020 г. в процессе анкетирования было опрошено 977 респондентов, из них 569 женщин (58%) и 408 мужчин (42%). Выбор участников опроса осуществлялся случайным образом на основе их готовности участвовать в мониторинге при обращении в Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг Республики Коми, центры госуслуг «Мои Документы». Заполнить анкеты можно было на сайтах органов республиканской власти, местных администраций, муниципальной власти, на крупных предприятиях и в местах массового скопления людей.

Опрос проводился во всех муниципальных образованиях городских округов и муниципальных районов республики Коми. Возрастной состав аудитории респондентов приведен на Рисунке 1.

⁴ Внедрение стандарта развития конкуренции в Республике Коми // Министерство экономического развития и промышленности Республики Коми [Электронный ресурс]. URL: <https://econom.rkomi.ru/deyatelnost/vnedrenie-standarta-razvitiya-konkurencii-v-respublike-komi> (дата обращения: 15.04.2021).

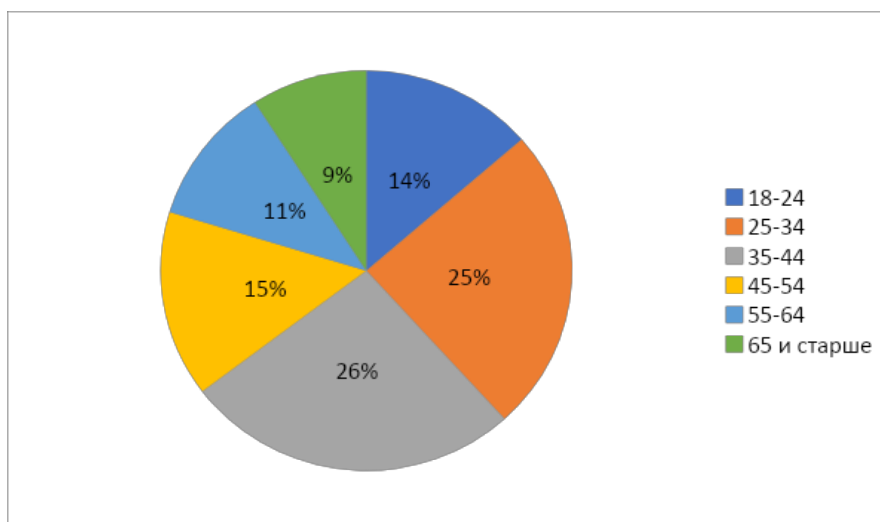

Рисунок 1. Возраст респондентов⁵

В ходе исследования было опрошено 62% работающего населения, 18,6% пенсионеров, 7,2% студентов и учащихся, 10% безработного населения, 0,5% предпринимателей, 1,1% самозанятого населения, 0,5% домохозяек (домохозяев).

39% респондентов имели высшее образование разных уровней: специалистами со средним профессиональным образованием являлись 40% опрошенных. Менее 1% — это люди с неполным средним образованием, 7% — с основным общим образованием и 14% — со средним общим образованием.

Что касается материального состояния, практически 37% респондентов указали, что их доход позволяет приобретать еду и одежду, но покупка бытовой техники вызывает затруднения; 19,2% опрошенных могут позволить себе купить еду, но на одежду уже не хватает. Не всегда хватает денег даже на еду 10,8% опрошенных. Для 20% респондентов их материальное состояние позволяет без проблем приобретать бытовую технику, но покупка автомобиля уже кажется непозволительной роскошью. Денег хватает на все, кроме покупки однокомнатной квартиры, 10,1% респондентов, и лишь 3,2% не испытывают никаких финансовых затруднений. Полученные данные подтверждают достаточно напряженное материальное положение жителей региона. 34,3% респондентов имеют двух детей, 27,9% — одного ребенка, 10,4% — 3 и более детей. Около трети опрошенных (27,3%) не имеют детей.

Результаты исследования

Исследование проводилось по трем основным направлениям:

- доступность и востребованность финансовых услуг для населения;
- доверие к финансовым организациям и удовлетворенность финансовыми услугами;
- развитие дистанционного обслуживания в финансовых организациях.

Доступность и востребованность финансовых услуг для населения региона. Одним из косвенных показателей востребованности финансовых услуг различными участниками рынка является оценка их использования жителями региона за последние 12 месяцев.

Банковские карты являются наиболее востребованным продуктом в финансовом секторе (Рисунок 2). Платежные карты активно использовались респондентами: за последние 12 месяцев

⁵ Составлено авторами.

более 70% опрошенных являлись участниками зарплатных проектов, более 47% опрошенных имели расчетные дебетовые карты. Кредитными картами пользовались 39% респондентов. Основные причины отказа от пользования платежными картами — это недоверие банкам (24,7%) и недостаточность средств для хранения и использования на карте (17,7%). Сдерживающим фактором также является удаленность банковских отделений в отдельных населенных пунктах РК.

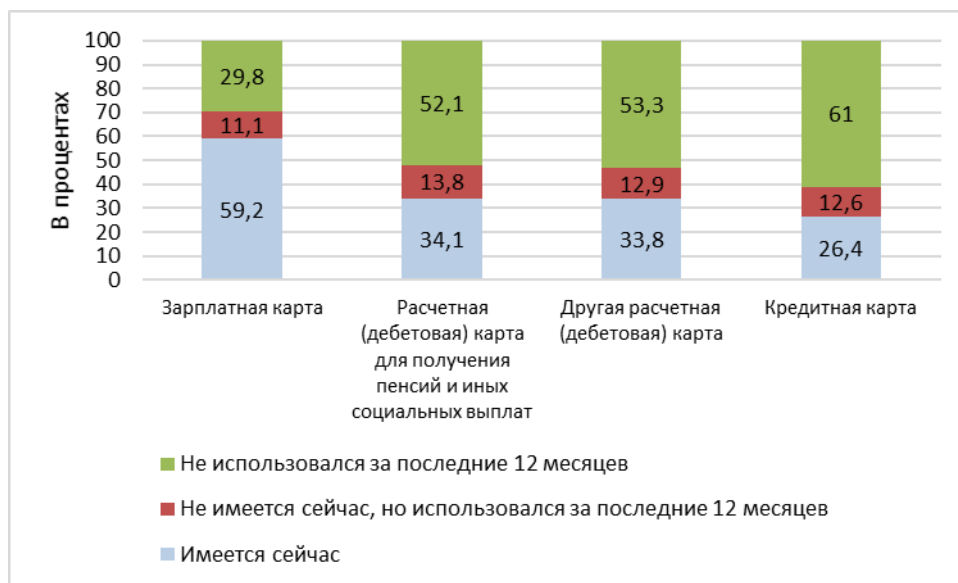

Рисунок 2. Использование респондентами платежных карт⁶

Для приумножения своих сбережений граждане чаще используют вклады и накопительные счета. Сравнительно менее популярны инвестиционные финансовые услуги, так как это направление предполагает более высокий уровень финансовой грамотности пользователей.

По результатам опроса, более половины респондентов не пользовались ни одним из представленных в диаграмме кредитных финансовых продуктов (услуг) (Рисунок 3); 44,4% опрошенных имеют в настоящий момент или имели в течение последнего года банковский вклад. Менее 20% граждан пользовались другими финансовыми продуктами.

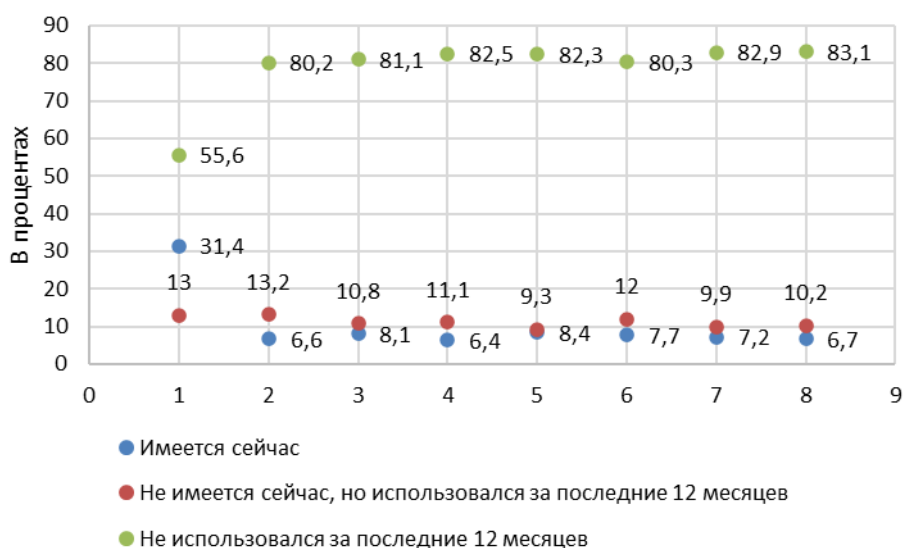

Рисунок 3. Использование респондентами финансовых продуктов (услуг)⁷

⁶ Составлено авторами.

⁷ Составлено авторами. Условные обозначения финансовых продуктов: 1. Банковский вклад; 2. Вклад в микрофинансовые организации; 3. Вклад в кредитном потребительском кооперативе; 4. Вклад в сельскохозяйственном кредитном потребительском кооперативе; 5. Индивидуальный инвестиционный счет; 6. Инвестиционное страхование жизни; 7. Брокерский счет; 8. Вложение средств в паевой инвестиционный фонд.

Основная причина, почему респонденты не пользуются тем или иным финансовым продуктом, — это недостаточность свободных средств (45,1%), а также факт пользования им другими членами семьи респондента (9,7%).

На Рисунке 4 представлены результаты использования респондентами кредитных финансовых продуктов (услуг). Ипотечным кредитом в течение года пользовались 31,8% опрошенных, кредитным лимитом по кредитной карте — 30,6%, онлайн-кредитом в банке — 30,9% и иным кредитом — 31,4% респондентов.

Основные причины недостаточного уровня использования кредитных финансовых продуктов жителями Республики Коми — нежелание жить в долг, брать кредиты (20,7%) и отсутствие необходимости в заемных средствах (19,5%). На третьем месте по популярности ответ «Процентная ставка слишком высокая» (16,3%).

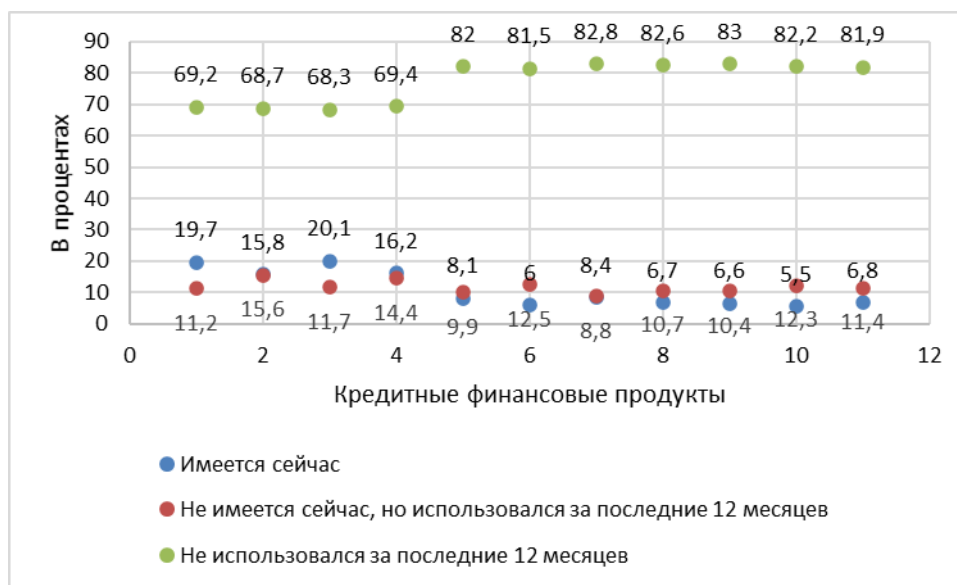

Рисунок 4. Использование респондентами кредитных финансовых продуктов (услуг)⁸

Страховыми продуктами и услугами респонденты пользовались реже, чем кредитами и банковскими картами (Рисунок 5). Чуть более трети опрошенных использовали различные виды добровольного страхования жизни, страхования имущества, медицинского страхования, страхования автогражданской ответственности и др.

⁸ Составлено авторами. Условные обозначения кредитных финансовых продуктов: 1. Онлайн-кредит в банке (договор заключен с использованием сети Интернет, сумма кредита предоставлена в безналичной форме); 2. Иной кредит в банке, не являющийся онлайн-кредитом; 3. Ипотечный кредит; 4. Использование кредитного лимита по кредитной карте; 5. Онлайн-заем в микрофинансовой организации; 6. Иной заем в микрофинансовой организации, не являющийся онлайн-заемом; 7. Онлайн-заем в кредитном потребительском кооперативе; 8. Иной заем в кредитном потребительском кооперативе, не являющийся онлайн-заемом; 9. Онлайн-заем в сельскохозяйственном кредитном потребительском кооперативе; 10. Иной заем в сельскохозяйственном кредитном потребительском кооперативе, не являющийся онлайн-заемом; 11. Заем в ломбарде.

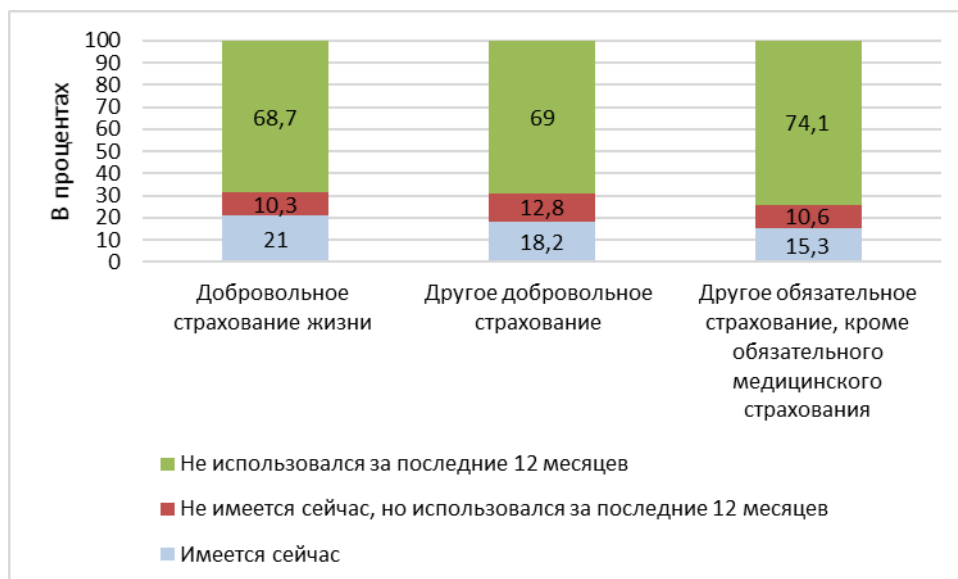

Рисунок 5. Использование респондентами страховых продуктов⁹

Среди барьеров, препятствующих доступу к финансовым услугам, респондентами более остальных были отмечены следующие (Рисунок 6): низкий уровень дохода (14,2%) — этот показатель стал немного лучше относительно 2019 г., высокая процентная ставка по кредитам (16,5%), низкая процентная ставка по депозитам (14,2%) и отсутствие доверия к финансовым организациям (10,3%). Менее всего респондентов беспокоит высокий уровень закредитованности (2,8% ответов). Расширение предложения услуг финансовыми организациями в как можно большем количестве населенных пунктов может увеличить популярность их использования. В настоящее время 6,3% жителей региона отмечают отсутствие возможности применения ряда финансовых услуг.

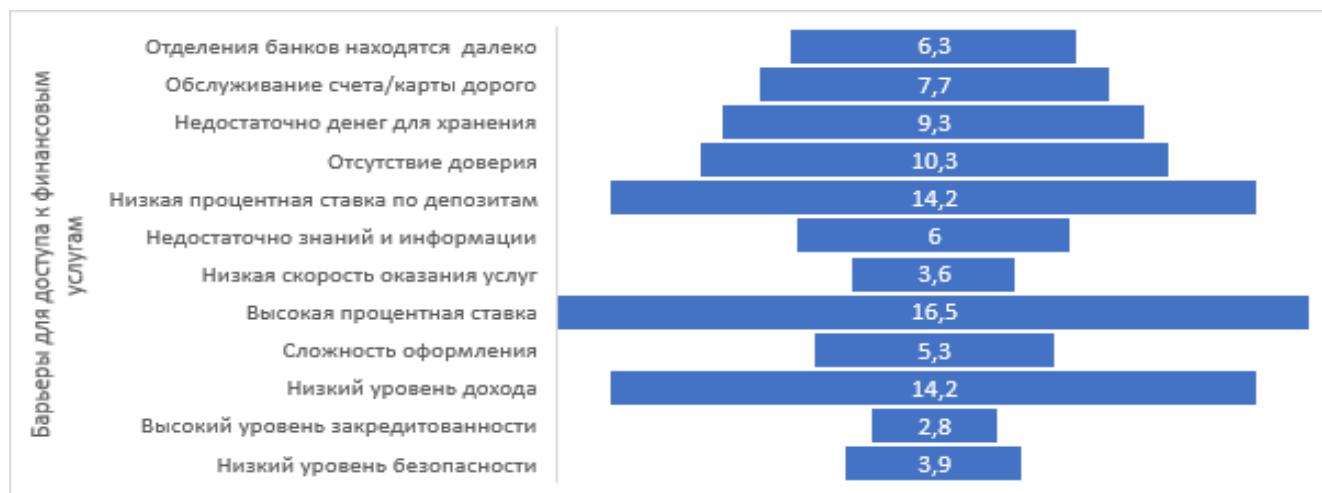

Рисунок 6. Выбор респондентами барьеров для доступа к финансовым услугам (в процентах от числа отвечающих)¹⁰

Уровень доверия к финансовым организациям и степень удовлетворенности населения их услугами. Отдельным направлением исследования стало измерение уровня доверия (Рисунок 7) жителей региона к финансовым организациям и оценка их удовлетворенности предоставляемыми услугами.

⁹ Составлено авторами.

¹⁰ Составлено авторами.

Рост доверия и снижение риска необходимы клиентам финансовых организаций для сохранения стабильности. Поэтому опыт использования финансовых услуг и доверие к финансовым учреждениям оказывают большое влияние на поведение граждан. Более половины опрошенных доверяют банкам (56,5%). Это самый высокий показатель. Уровень доверия к субъектам страхового дела в два раза ниже (25,8%). Самый низкий уровень доверия — к брокерам (15%), микрофинансовым организациям (15,1%) и ломбардам (17,1%). Низкий уровень доверия к услугам большинства финансовых организаций, кроме банков, может быть также связан с отсутствием у более трети респондентов опыта взаимодействия с ними.

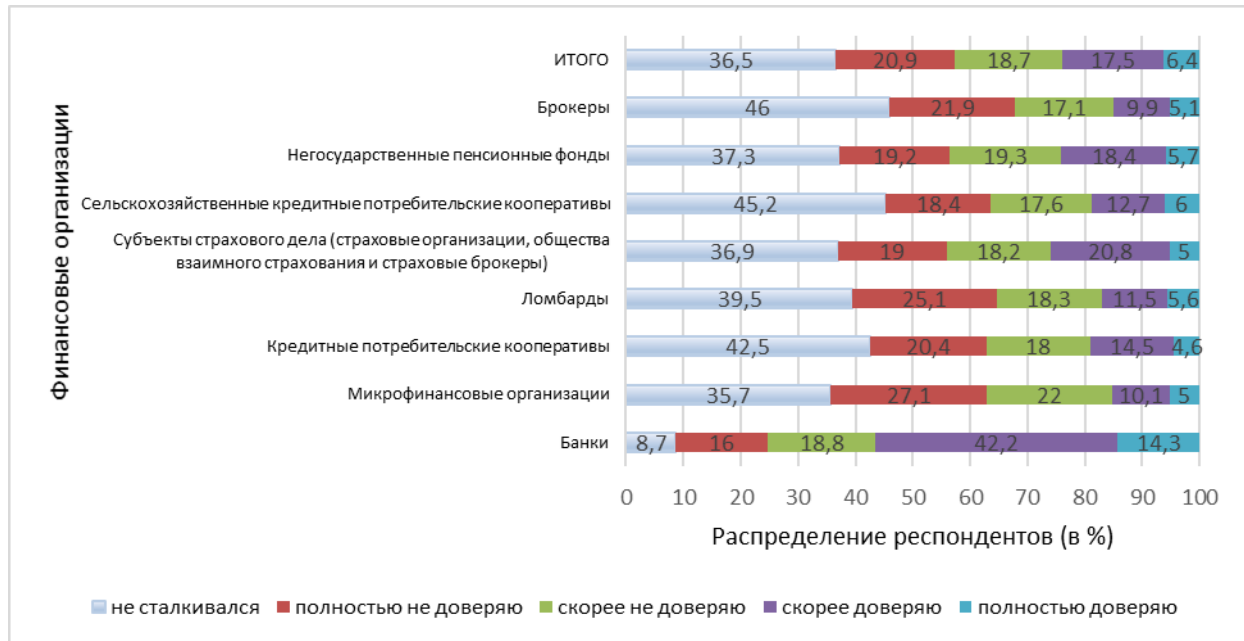

Рисунок 7. Распределение респондентов (в %) по уровню доверия к финансовым организациям¹¹

Среди услуг банков наибольшее удовлетворение вызвали такие услуги, как дебетовые карты (64%) и переводы и платежи (56,5%), в то время как кредиты и вклады получили неудовлетворительные оценки (59,6% и 63,4% соответственно). Из страховых услуг было выделено обязательное медицинское страхование (41,4%). По остальным видам финансовых услуг наиболее популярным ответом был «не сталкивался». В сфере финансовых услуг менее всего респонденты удовлетворены услугами микрофинансовых организаций и ломбардов (Рисунок 8).

Самый частый ответ по всем финансовым сферам, кроме банков, — «не сталкивался» (29,2%). Больше всего респонденты удовлетворены работой банков (62,1%). В 2020 г. уровень удовлетворенности ими, по сравнению с прошлым годом, увеличился вдвое.

¹¹ Составлено авторами.

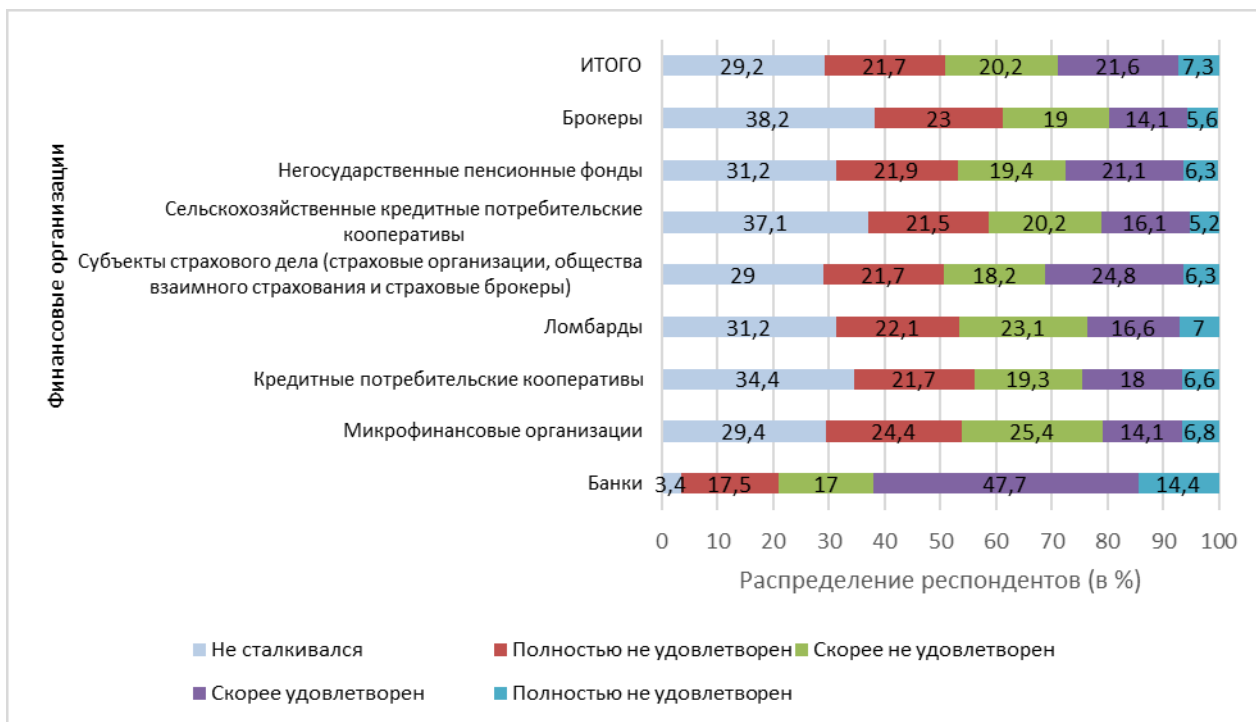

Рисунок 8. Распределение респондентов по уровню удовлетворенности работой (сервисом) финансовых организаций¹²

Измерение уровня удовлетворенности респондентов 19 продуктами/услугами финансовых организаций (Рисунок 9) показало, что только по трем из них процент удовлетворенных клиентов превысил процент неудовлетворенных. Речь идет о расчетных (дебетовых) картах, переводах и платежах, а также кредитах.

¹² Составлено авторами.

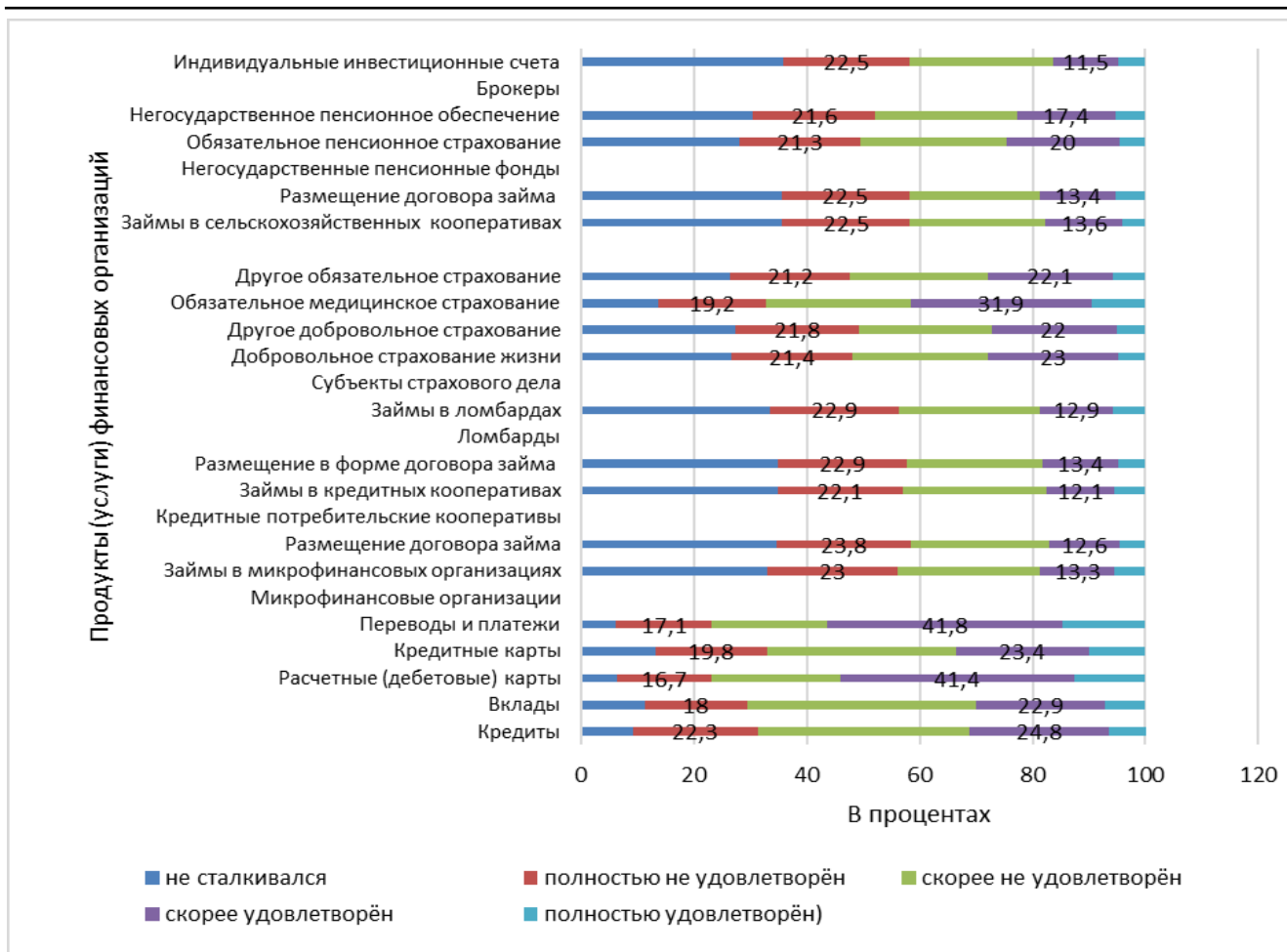

Рисунок 9. Оценка респондентами удовлетворенности продуктами (услугами) финансовых организаций¹³

Больше половины респондентов (Рисунок 10) удовлетворены количеством и удобством расположения банковских отделений в своем населенном пункте (54,6%), качеством дистанционного банковского обслуживания (54,6%), выбором банков (49,9%), качеством интернет-связи (49,9%) и качеством мобильной связи (50,9%). Остальными услугами респонденты чаще не пользуются.

¹³ Составлено авторами.

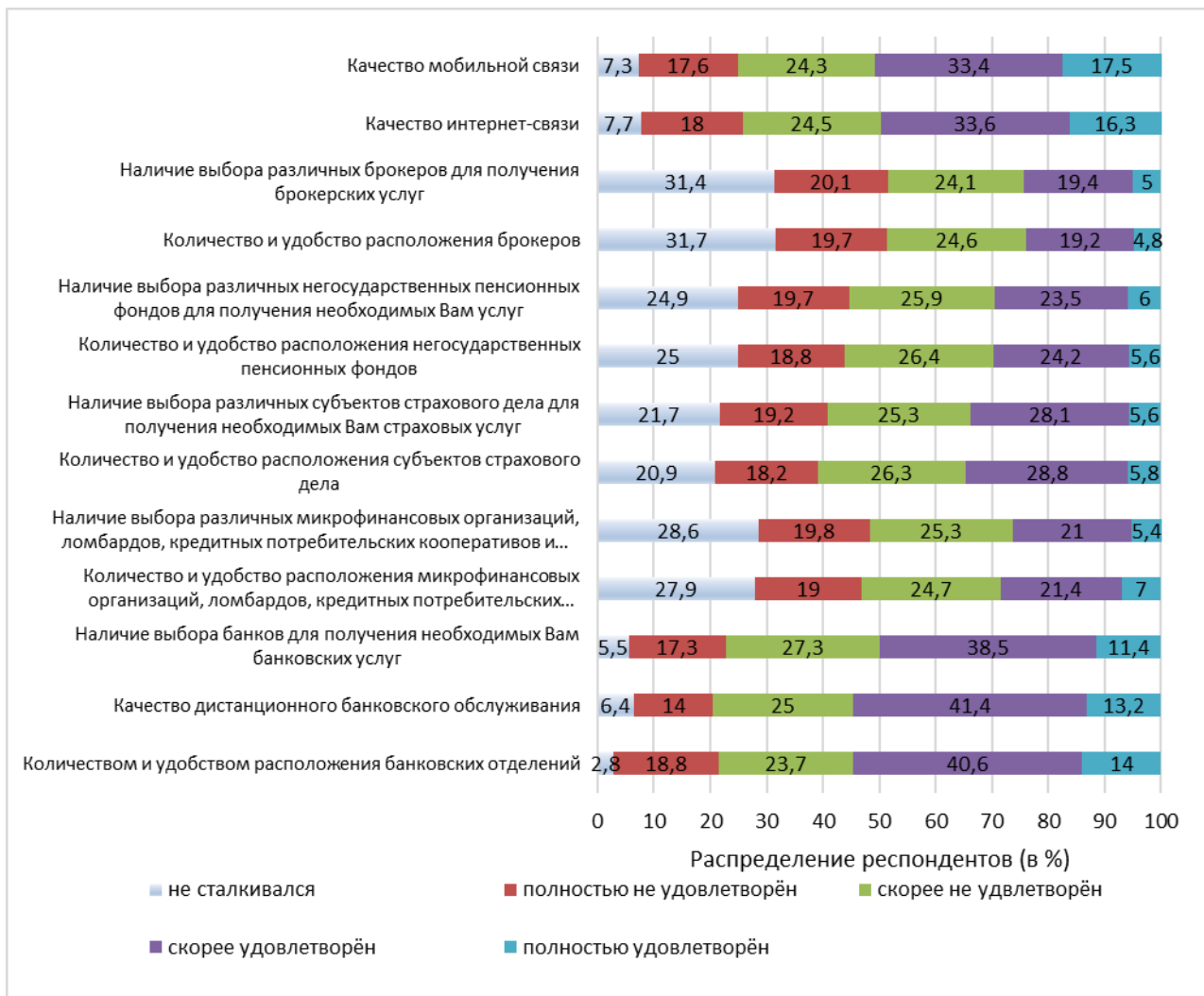

Рисунок 10. Удовлетворенность населения доступностью и качеством финансовых услуг¹⁴

Важным фактором, влияющим на качество обслуживания клиентов в финансовых организациях, является доступность способов обслуживания (Рисунок 11). Удобство — один из основных мотивов при приобретении финансовых услуг. В среднем она была оценена респондентами на «3» по 5-балльной шкале. На втором месте — высшая оценка «5» по всем способам обслуживания, на третьем месте — оценка «4».

¹⁴ Составлено авторами.

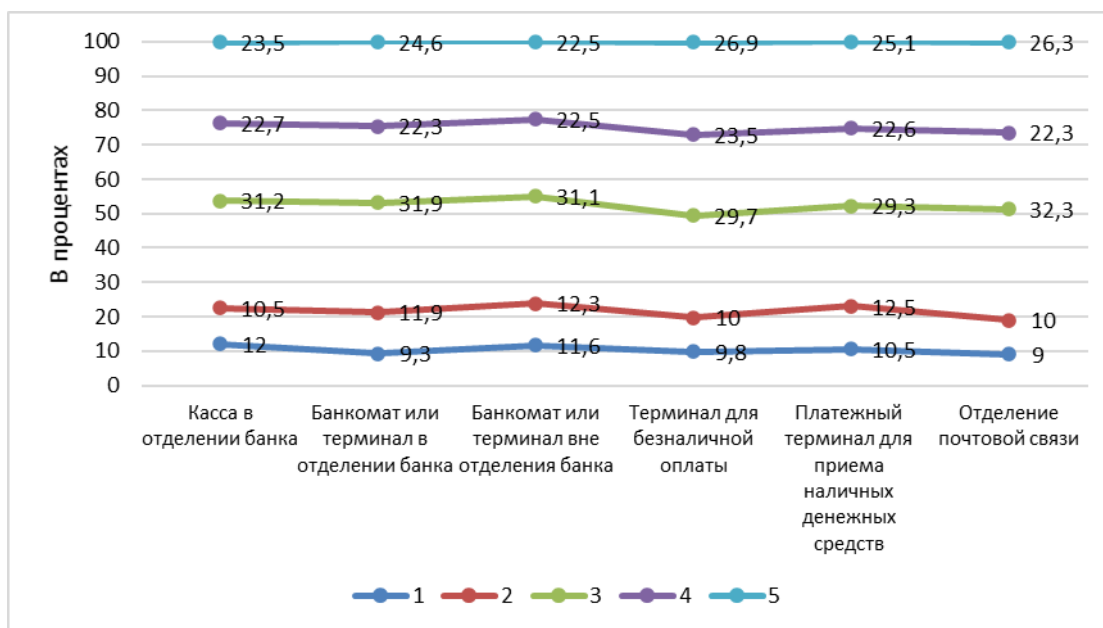

Рисунок 11. Распределение ответов респондентов по оценкам доступности способов обслуживания¹⁵

Для оценки скорости получения финансовых услуг респонденты использовали шкалу от 1 до 5, где 1 — на доступ трату много времени, а 5 — могу воспользоваться быстро.

Скорость получения финансовых услуг с использованием различных способов обслуживания была оценена в среднем на три балла по 5-балльной шкале (Рисунок 12). Самыми удобными услугами, требующими минимальных затрат времени, респонденты считают безналичную оплату в предприятиях торговли и оплату товаров (услуг) через платежные терминалы. На пять баллов по 5-балльной шкале быстроту их использования оценили соответственно 27,1% и 23,5%.

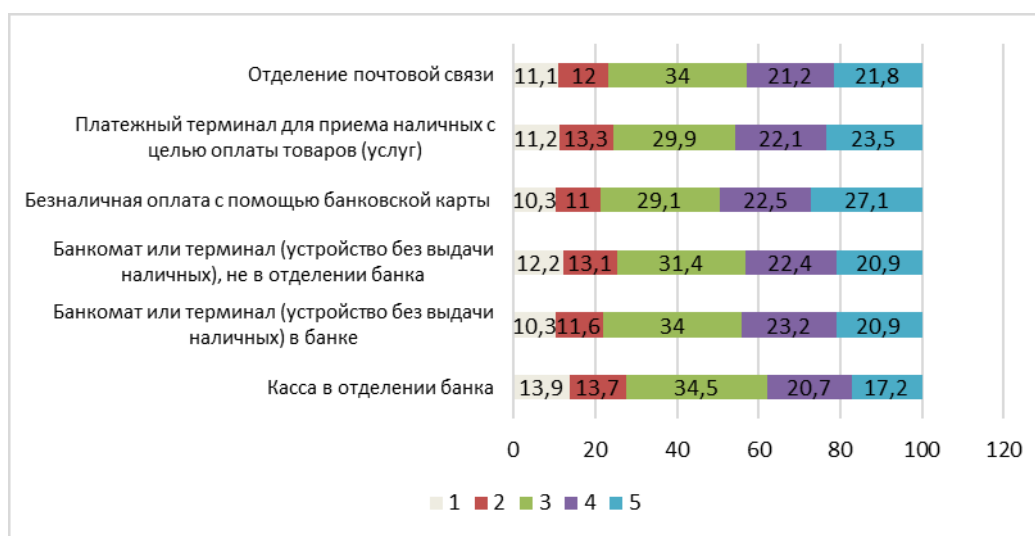

Рисунок 12. Распределение респондентов по оценкам услуг, которыми они могут воспользоваться быстро, не тратя время на ожидание (в процентах от числа опрошенных)¹⁶

¹⁵ Составлено авторами.

¹⁶ Составлено авторами.

Развитие дистанционного обслуживания в финансовых организациях. Традиционно взаимодействие банков с клиентами происходило офлайн. Однако с развитием информационных технологий за последние 10 лет в отрасли выросла востребованность цифровых каналов. Фактор наличия у банков отделений оказывает все меньшее влияние на выбор граждан. Развитие дистанционного обслуживания стало одним из приоритетов финансовых организаций. Основными инструментами дистанционного обслуживания являются мобильное приложение и интернет-банк. В процессе анкетирования респондентам было предложено оценить популярность дистанционных форм финансового обслуживания (Рисунок 13): 59,1% опрошенных осуществляли денежные переводы через интернет-банк с помощью планшета или смартфона через мобильное приложение, 50,6% — перевод посредством отправки СМС на короткий номер. Денежными переводами через веб-браузер пользовались меньше респондентов — 46,8% на компьютерах и 36,7% на планшетах и смартфонах.

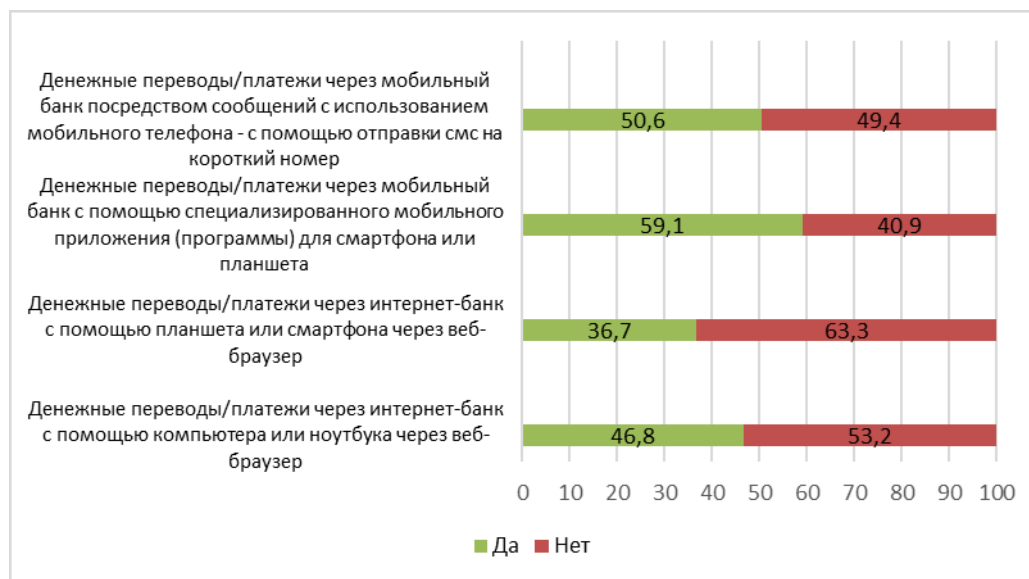

Рисунок 13. Использование респондентами дистанционного обслуживания при выполнении денежных переводов/платежей (в процентах от числа опрошенных)¹⁷

Наиболее популярная причина отказа граждан от использования дистанционных форм обслуживания для денежных переводов/платежей — отсутствие уверенности в безопасности интернет-сервисов (37,4%). У некоторых респондентов отсутствуют навыки использования таких технологий (23,4%). Около 40% жителей отдельных населенных пунктов республики Коми в качестве одного из основных барьеров развития дистанционных форм финансового обслуживания отметили отсутствие компьютера/планшета/ноутбука/смартфона (Рисунок 14).

¹⁷ Составлено авторами.

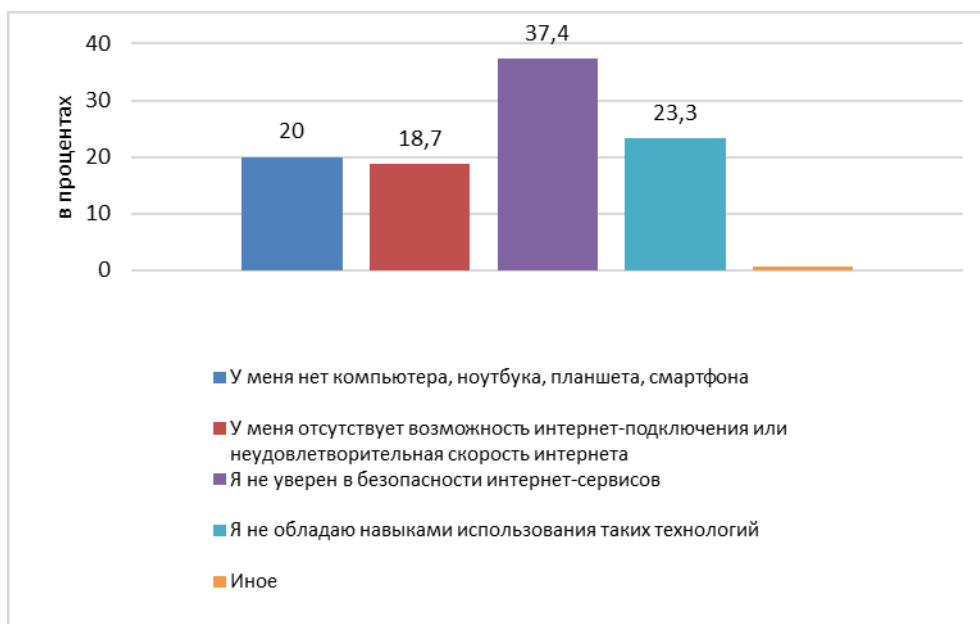

Рисунок 14. Барьеры для использования дистанционных форм финансового обслуживания (в процентах от числа опрошенных)¹⁸

Уровень недоверия к безопасности интернет-сервисов не зависит от возраста респондентов. Однако отсутствие навыков использования таких технологий, а также компьютера, ноутбука, планшета, смартфона, возможности интернет-подключения или неудовлетворительная скорость интернета — это барьеры, которые в первую очередь негативно влияют на использование дистанционных технологий респондентами старше 55 лет.

Заключение

Повышение уровня доверия населения к финансовым организациям, рост их удовлетворенности способствуют формированию и развитию долгосрочных отношений между участниками рынка, повышению лояльности граждан, увеличению количества потребляемых ими услуг, а также снижению риска их переключения на конкурентов.

По результатам анализа можно сказать, что наиболее востребованные в регионе финансовые услуги — платежные карты и вклады в банке. Росту регионального рынка банковских вкладов и кредитных финансовых услуг препятствуют низкие доходы населения, нежелание жить в долг, высокие процентные ставки по кредитам и низкие процентные ставки по депозитам. По-прежнему на региональном рынке наблюдается низкий уровень популярности страховых продуктов и услуг. Большая часть респондентов воспринимает страховые продукты как ненужные.

Банки являются поставщиками финансовых услуг, пользующимися наибольшим доверием, в то время как микрофинансовые организации, брокеры и ломбарды — наименьшим.

Анализ мнения респондентов об их удовлетворенности работой финансовых организаций показал, что жители региона более всего удовлетворены работой банков и менее всего — услугами микрофинансовых организаций и ломбардов. Результаты измерения уровня удовлетворенности респондентов основными услугами финансовых организаций продемонстрировали, что только по трем из них (расчетным картам, кредитам, переводам и платежам) процент удовлетворенных клиентов превысил процент неудовлетворенных.

¹⁸ Составлено авторами.

Результаты исследования подтверждают необходимость дальнейшего развития финансовой инфраструктуры. Увеличение количества банковских терминалов, банкоматов, электронных и платежных терминалов играет важную роль в повышении доступности удовлетворенности населения банковскими услугами.

На рынке финансовых услуг выросла востребованность цифровых каналов обслуживания. Главной причиной для отказа от пользования традиционными каналами является их меньшее удобство. Существует большая группа потребителей, предпочитающих дистанционные формы обслуживания, в том числе посредством мобильного и интернет-банкинга. Их распространение сдерживается недостаточным уровнем безопасности (надежности) интернет-сервисов, а также отсутствием у населения навыков использования цифровых технологий. Одним из барьеров цифровизации финансовых услуг в отдельных населенных пунктах региона является отсутствие у жителей компьютеров, планшетов или смартфонов.

Результаты исследования подтвердили необходимость повышения удовлетворенности населения финансовыми услугами и доступности способов их обслуживания, в том числе посредством развития инфраструктурного потенциала финансовых организаций. Это будет способствовать росту конкуренции в отрасли, экономическому росту и повышению уровня жизни граждан.

Список литературы:

Байдукова Н.В., Достов В.Л., Шуст П.М. Анализ и оценка лучших практик применения инструментов повышения финансовой доступности (часть 1) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 6 (114). С. 48–57.

Большаков С.Н., Григорьев А.Н., Притула О.Д., Шутов Р.А. Мониторинг удовлетворенности населения конкурентоспособностью финансовых организаций региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 3. С. 108–122. DOI: [10.26726/1812-7096-2021-3-108-122](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-3-108-122)

Большаков С.Н., Дохолян С.Б. Мониторинг удовлетворенности населения деятельностью в сфере финансовых услуг // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 4. С. 93–101. DOI: [10.26726/1812-7096-2020-04-93-101](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-04-93-101)

Большаков С.Н., Ким О.Л., Касьянов С.В., Шутов Р.А. Оценка доступности финансовых услуг региона в условиях цифровой экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 5. С. 66–75. DOI: [10.26726/1812-7096-2020-04-66-75](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-04-66-75)

Быковец М.В. Доступность финансовых услуг как фактор устойчивого социально-экономического развития // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6–1 (59). С. 156–163.

Ивлиев М.И., Коротаева Н.В. Векторы развития дистанционного банковского обслуживания в современной России // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 10. С. 21–27. DOI: [10.20310/1819-8813-2016-11-10-21-27](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2016-11-10-21-27)

Калачева Е.А., Кириенко Е.А. Понятие финансовой доступности и критерии ее оценки // Вестник НГУЭУ. 2018. № 1. С. 131–138.

Коханова В.С., Лосева И.Н. Анализ доступности финансовых услуг в Ростовской области // Финансовые исследования. 2018. № 2 (59). С. 58–65.

Куницина Н.Н., Белгаришвили К.Н. Оценка доступности финансовых услуг в Ставропольском крае // Деловой вестник предпринимателя. 2020. № 1 (1). С. 40–48.

Мочалина О.С., Лобачева Я.А. Специфика индикаторов финансовой доступности в Российской Федерации // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2016. № 1 (34). С. 80–85.

Тётушкин В.А. Анализ качества доступа и пользования финансовыми услугами и каналами их представления потребителями в регионах // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 46 (280). С. 36–50.

Ширинкина Е.В. Оценка трендов цифровой трансформации финансовой отрасли // Надежность и качество сложных систем. 2019. № 2 (26). С. 114–119. DOI: [10.21685/2307-4205-2019-2-13](https://doi.org/10.21685/2307-4205-2019-2-13)

Юсупова О.А. Развитие и место дистанционного банковского обслуживания в банковской конкурентной среде // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 33 (315). С. 37–51.

Aladwani A.M. Online Banking: A Field Study of Drivers, Development, Challenges, and Expectations // International Journal of Information Management. 2001. Vol. 21. Is. 3. P. 213–225. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0268-4012\(01\)00011-1](https://doi.org/10.1016/S0268-4012(01)00011-1)

Birch D., Young M.A. Financial Services and the Internet — What Does Cyberspace Mean for the Financial Services Industry? // Internet Research. 1997. Vol. 7. Is. 2. P. 120–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/10662249710165262>

Furst K., Lang W.W., Nolle D.E. Internet Banking // Journal of Financial Services Research. 2002. Vol. 22. Is. 1. P. 95–117. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1016012703620>

Furst K., Lang W.W., Nolle D.E. Internet Banking: Developments and Prospects // Office of the Comptroller of the Currency Economic and Policy Analysis Working Paper № 2000–9. 2000. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1988503>

Hurnandez-Murillo R., Llobet G., Fuentes R. Strategic Online Banking Adoption // Journal of Banking & Finance. 2010. Vol. 34. Is. 7. P. 1650–1663. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.03.011>

Tan M., Teo T.S.H. Factors Influencing the Adoption of Internet Banking // Journal of the Association for Information Systems. 2000. Vol.1. P. 1–44. DOI: [10.17705/1jais.00005](https://doi.org/10.17705/1jais.00005)

References:

Aladwani A.M. (2001) Online Banking: A Field Study of Drivers, Development, Challenges, and Expectations. *International Journal of Information Management*. Vol. 21. Is. 3. P. 213–225. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0268-4012\(01\)00011-1](https://doi.org/10.1016/S0268-4012(01)00011-1)

Baydukova N.V., Dostov V.L., Shoust P.M. (2018) Analysis and Evaluation of the Best Practices of the Use of Tools in the Area of the Financial Accessibility Improvement (part 1). *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. № 6 (114) P. 48–57.

Birch D., Young M.A. (1997) Financial Services and the Internet — What Does Cyberspace Mean for the Financial Services Industry? *Internet Research*. Vol. 7. Is. 2. P. 120–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/10662249710165262>

Bolshakov S.N., Dokholyan S.B. (2020) Monitoring of Satisfaction of the Population Activities in the Field of Financial Services. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. № 4. P. 93–101. DOI: [10.26726/1812-7096-2020-04-93-101](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-04-93-101)

Bolshakov S.N., Grigoriev A.N., Pritula O.D., Shutov R.A. (2021) Monitoring of Population Satisfaction Competitiveness of Financial Organizations in the Region. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. № 3. P. 108–122. DOI: [10.26726/1812-7096-2021-3-108-122](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-3-108-122)

Bolshakov S.N., Kim O.L., Kasyanov S.V., Shutov R.A. (2020) Assessing the Availability of Financial Services in the Region in the Digital Economy. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. № 5. P. 66–75. DOI: [10.26726/1812-7096-2020-04-66-75](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-04-66-75)

Bykovets M.V. (2015) Ensuring Access to Financial Services as a Factor of Sustainable Socio-Economic Development. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. № 6–1 (59). P. 156–163.

Furst K., Lang W.W., Nolle D.E. (2000) Internet Banking: Developments and Prospects. *Office of the Comptroller of the Currency Economic and Policy Analysis Working Paper № 2000-9*. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1988503>

Furst K., Lang W.W., Nolle D.E. (2002) Internet Banking. *Journal of Financial Services Research*. Vol. 22. Is. 1. P. 95–117. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1016012703620>

Hernandez-Murillo R., Llobet G., Fuentes R. (2010) Strategic Online Banking Adoption. *Journal of Banking & Finance*. Vol. 34. Is. 7. P. 1650–1663. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.03.011>

Ivliyev M.I., Korotayeva N.V. (2016) Vectors of Development of Remote Bank Services in Modern Russia. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*. Vol. 11. № 11. P. 21–27. DOI: [10.20310/1819-8813-2016-11-10-21-27](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2016-11-10-21-27)

Kalacheva Ye.A., Kiriyyenko Ye.A. (2018) The Definition of Financial Inclusion and Criteria for Its Evaluation. *Vestnik NGUEU*. № 1. P. 131–138.

Kohanova V.S., Loseva I.N. (2018) Analysis of Availability of Financial Services in the Rostov Region. *Finansovyye issledovaniya*. № 2 (59). P. 58–65.

Kunitsyna N.N., Beglarishvili K.N. (2020) Assessing the Availability of Financial Services in the Stavropol Territory. *Delovoy vestnik predprinimatel'nykh organizatsiy*. № 1 (1). P. 40–48.

Mochalina O.S., Lobacheva Y.A. (2016) Specifics of Financial Affordability Indicators in the Russian Federation. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii*. № 1 (34). P. 80–85.

Shirinkina E.V. (2019) Assessment of Digital Transformation Trends in the Financial Industry. *Nadezhnost' i kachestvo slozhnykh sistem*. № 2 (26). P. 114–119. DOI: [10.21685/2307-4205-2019-2-13](https://doi.org/10.21685/2307-4205-2019-2-13)

Tan M., Teo T.S.H. (2000) Factors Influencing the Adoption of Internet Banking. *Journal of the Association for Information Systems*. Vol. 1. P. 1–44. DOI: [10.17705/1jais.00005](https://doi.org/10.17705/1jais.00005)

Tetushkin V.A. (2015) Analyzing The Quality of Access to, and the Use of Financial Services and Channels to Deliver Them to Consumers in Regions. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*. № 46 (280). P. 36–50.

Yusupova O.A. (2016) Development of Remote Banking and Its Place in the Banking Competitive Environment. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*. № 33 (315). P. 37–51.

Дата поступления/Received: 09.02.2022

Прогноз развития человеческого капитала в Российской Федерации в условиях изменений в мировой экономике¹

Глазьев Сергей Юрьевич

Академик РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методологии государственного и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Glazyev@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4922-6019](#)

Воронов Александр Сергеевич²

Кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](#)

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](#)

Кудина Марианна Валерьевна

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики инновационного развития, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: kudina@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5515-5825](#)

ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](#)

Орлова Любовь Николаевна

Доктор экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

E-mail: lnorlova@fa.ru

SPIN-код РИНЦ: [5071-9120](#)

ORCID ID: [0000-0002-8144-4900](#)

Аннотация

Главным стратегическим ресурсом современного этапа развития является человеческий капитал, аккумулирующий в себе весь интеллектуальный, физиологический, трудовой и социальный потенциал людей, возможности его использования для обеспечения устойчивого тренда развития экономических систем в условиях постоянной турбулентности, возрастающей неопределенности, нарастающего технологического прогресса. Цель исследования — провести оценку состояния человеческого капитала национальной экономики, определить тренды и факторы его формирования с последующей интеграцией в стратегию развития на этапе перехода к шестому технологическому укладу. Предметом исследования являются экономические отношения, возникающие в процессе формирования и использования человеческого капитала при развитии национальных, региональных и отраслевых экономических систем на этапе становления шестого технологического уклада. Основные результаты исследования заключаются в оценке состояния человеческого капитала, формируемого и используемого на региональном уровне, в разрезе основных составляющих его компонент; определении основных причин высокой дифференцированности уровня его формирования в условиях многоукладности российской экономики. Область применения полученных результатов определяется возможностями формирования стратегических программ развития национальной экономики с учетом глобальных технологических трендов и определения направлений использования человеческого капитала для достижения поставленных задач и преодоления существующих вызовов.

Ключевые слова

Человеческий капитал, технологический уклад, мирохозяйственный уклад, многоукладность экономики, оценка и прогноз динамики развития человеческого капитала, ресурс развития, управление изменениями.

Forecast of Human Capital Development in the Russian Federation in the Context of Global Economy Changes³

Sergei Yu. Glazyev

RAS Academician, DSc (Economics), Professor, Head of Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Glazyev@spa.msu.ru

Aleksandr S. Voronov⁴

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](#)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07449.

² Корреспондирующий автор.

³ The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07449.

⁴ Corresponding author.

Marianna V. Kudina

DSc (Economics), Professor, Head of Department of Economics of Innovative Development, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: kudina@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](https://orcid.org/0000-0003-3923-515X)

Liubov N. Orlova

DSc (Economics), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: lnorlova@fa.ru

ORCID ID: [0000-0002-8144-4900](https://orcid.org/0000-0002-8144-4900)

Abstract

The main strategic resource of the current stage of development is human capital which accumulates all the intellectual, physiological, labor and social potential of people, the possibility of using it to ensure a sustainable trend in the development of economic systems in conditions of constant turbulence, increasing uncertainty, and increasing technological progress. The purpose of the study is to assess the state of the human capital of the national economy, identify trends and factors of its formation with subsequent implementation in the development strategy at the stage of transition to the sixth technological mode. The subject of the study is the economic relations that arise in the process of formation and use of human capital in the development of national, regional and sectoral economic systems at the stage of forming the sixth technological mode. The main results of the study allow assessing the state of human capital formed and used at the regional level in the context of its main components, determining the main reasons for high differentiation of the level of its formation in the conditions of the Russian economy multi-structural nature. The scope of the obtained results is determined by the possibilities of forming strategic programs for the national economy development taking into account global technological trends and determining the directions for using human capital to achieve the set goals and overcome existing challenges.

Keywords

Human capital, technological order, world economic order, multi-structural nature of the economy, assessment and forecast of human capital development dynamics, development resource, change management.

Введение

Прогноз социально-экономического развития национальной экономики до 2030 г. в целях обеспечения высокого уровня экономического роста национальной экономики предполагает повышение качества жизни и значимости человеческого капитала. Человеческий капитал становится фактором, который учитывается при реализации долгосрочных стратегических планов, фактором, который формирует тренды устойчивого инновационного роста за счет инновационного мышления, развития партнерства и инвестирования в жизненные ценности населения⁵. Обеспечение условий для расширенного воспроизводства человеческого капитала и его использования во всех сферах деятельности, в свою очередь, становится базой устойчивого развития российской экономики.

В рамках данного исследования процессы формирования и использования человеческого капитала в региональном разрезе представлены в контексте смены мирохозяйственных и технологических укладов в условиях глобальных изменений мировой экономики. Постановка проблемы воспроизводства человеческого капитала на региональном уровне связана с тем, что многоукладность российской экономики определяет специфику разной степени представленности базового ядра разных технологических укладов в регионах России. Прогнозирование перспективных трендов развития человеческого капитала в регионах России связана с диагностикой состояния экономической системы конкретного региона применительно к необходимости противостояния вызовам макро- и мезоэкономического уровней.

Цель исследования заключается в проведении оценки состояния человеческого капитала национальной экономики, определении трендов и факторов его формирования с последующей интеграцией в стратегию развития на этапе перехода к шестому технологическому укладу. Для достижения цели исследования в работе решен ряд задач: определены тенденции использования человеческого капитала как фактора инновационного развития экономики,

⁵ Human Capital Project // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/152711635786365470/pdf/Human-Capital-Project-Year-3-Progress-Report.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

проведена оценка структурных элементов, формирующих основу человеческого капитала, определено отражение процессов формирования человеческого капитала в стратегических и инновационных планах развития национальной экономики.

Материалы и методы

Основой эмпирических исследований человеческого капитала и построения трендов его использования для обеспечения устойчивого развития национальной экономики послужили теоретико-методологические работы ведущих российских и зарубежных исследователей, а также собственные разработки авторов.

Базу исследования составили экономические теории технологических и мирохозяйственных укладов как последовательно сменявших друг друга на протяжении последних трехсот лет технологических тенденций и институциональных условий хозяйствования [Айвазов 2012; Глазьев 2016; Arrighi 1994]. Основу исследования также составили современные теории экономического роста, которые относят к традиционным факторам производства, обеспечивающим рост национального благосостояния (земля, труд, капитал), человеческий капитал и научно-технический прогресс [Becker 1962; Lucas 2002; Helpman 2004].

Изучение человеческого капитала в контексте технологических и мирохозяйственных укладов нами было проведено в рамках нескольких направлений (Таблица 1).

Таблица 1. Теоретико-методологическая основа исследования⁶

Направления исследования человеческого капитала	Характеристика	Основные исследования
Основные глобальные тренды экономического и технологического развития	Неоднородность и неравномерность мирового развития, смещение центров притяжения капитала, формирование шестого технологического уклада и переход к интегральному мирохозяйственному укладу	Arrighi G. [Arrighi 1994], Глазьев С.Ю. [Глазьев 2016], Айвазов А. [Айвазов 2012], Аузан А.А. [Аузан 2017; Аузан 2019], Лукас Р. [Lucas 2002], Хэлпман Э. [Helpman 2004], Нуреев Р.М., Латов Ю.В. [Нуреев, Латов 2016] и др.
Факторы, влияющие на человеческий капитал и обеспечивающие переход к следующему укладу	Возрастание роли когнитивных ресурсов и информационных технологий, всеобщность образования, ускорение процессов коммуникаций и передачи знаний	Салихова Е.В. ⁷ , Аникин В.А. [Аникин 2018], Диденко Д.В. [Диденко 2011], Капелюшников Р.И. [Капелюшников 2013а; Капелюшников 2013b], Лосева О.В. [Лосева 2019], Вовк В.А. [Вовк 2014], Уринсон Я.М. [Уринсон 2019], Rodriguez-Pose A., Wilkie C. [Rodriguez-Pose, Wilkie 2016], McCann Ph., Ortega-Argilés R. [McCann, Ortega-Argilés 2013], Driver C., Oughton Ch. [Driver, Oughton 2008] и др.
Параметры и характеристика человеческого капитала, характеризующие его состояние	Выделение отдельных составляющих и доминант человеческого капитала, обоснование необходимости инвестирования в эти направления, реализации институциональных преобразования экономики	Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю. [Айвазян, Афанасьев 2020], Беккер Г. [Becker 1962], Залозная Г.М., Моргунов В.П. [Залозная, Моргунов 2014], Захаренков В.В., Бабенко А.И. [Захаренков, Бабенко 2014] и др.

Методологическую основу исследования составили авторские исследования, посвященные вопросам оценки человеческого капитала в условиях структурных изменений в экономике [Воронов и др. 2020; Глазьев и др. 2020а; Глазьев и др. 2020b].

⁶ Составлено авторами.

⁷ Салихова Е.В. Воздействие новых технологических укладов на развитие человеческого капитала. Автореферат дисс... канд. экон. наук. Саратов, 2012.

Прогноз долгосрочного развития человеческого капитала связан с формированием интегрального мирохозяйственного уклада, определяющего глобальные тренды экономического развития до конца XXI в. По мнению авторов, интегральный мирохозяйственный уклад накладывается на шестой технологический уклад, что в перспективе определяет ядро глобального тренда развития экономики.

В условиях глобальной конкуренции за ресурсы и сферы влияния развитие национальных экономик во многом определяется характером протекания и интенсивностью научно-технических процессов, а также эффективностью функционирования систем управления. Настоящее время можно охарактеризовать как становление шестого технологического уклада, отличительной чертой которого является бурное распространение новых технологий, основанных на функционировании наносистем, использовании искусственного интеллекта, приводящих к кардинальному снижению ресурсоемкости и энергоемкости производственных и других процессов. Ряд развитых стран уже вошли в стадию роста шестого технологического уклада, для остальных стран также открывается «окно возможностей», связанных с масштабным обесцениванием в развитых странах не только капитала в традиционных производствах, но и квалификации людей.

Основными трендами развития мировой экономики является неравномерность использования ресурсов и возможностей развития, неравномерность процессов формирования человеческого капитала и качества жизни, неравномерность распределения мирового богатства. Согласно отчету Global Wealth 2021⁸, в 2020 г. 2,9 миллиарда человек (55% всего взрослого населения планеты) имеют доходы ниже 10 000 долларов США. Доходы в диапазоне от 10 000 до 100 000 долларов США имеют 1715 млн человек (Рисунок 1). Этот сегмент расширяется за счет стран с развивающейся экономикой, особенно за счет Китая.

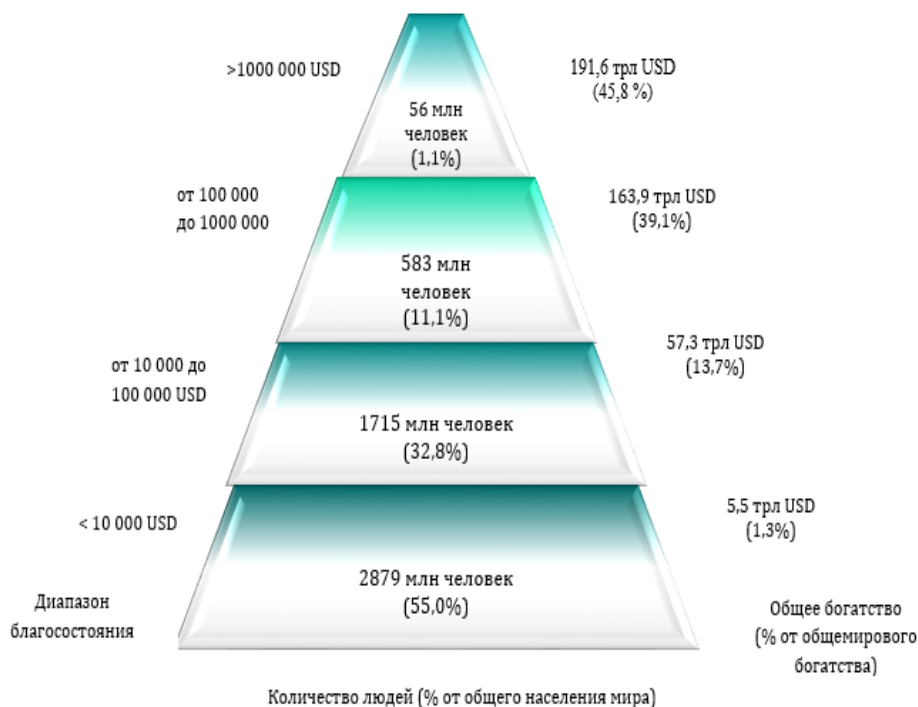

Рисунок 1. Пирамида богатства⁹

⁸ Why wealth matters. The Global wealth report. 2021 // Credit Suisse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения: 11.01.2022).

⁹ Источник: Why wealth matters. The Global wealth report. 2021 // Credit Suisse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения: 11.01.2022).

Представленная на Рисунке 1 пирамида богатства показывает неравномерность распределения благосостояния в мире. Определение процентилей всего мирового богатства показывает региональную составляющую каждой децильной группы: концентрацию населения Индии и стран Африки в основании пирамиды, доминирование Китая на средних уровнях, доминантное представительство стран Северной Америки и Европы в верхнем сегменте (Рисунок 2).

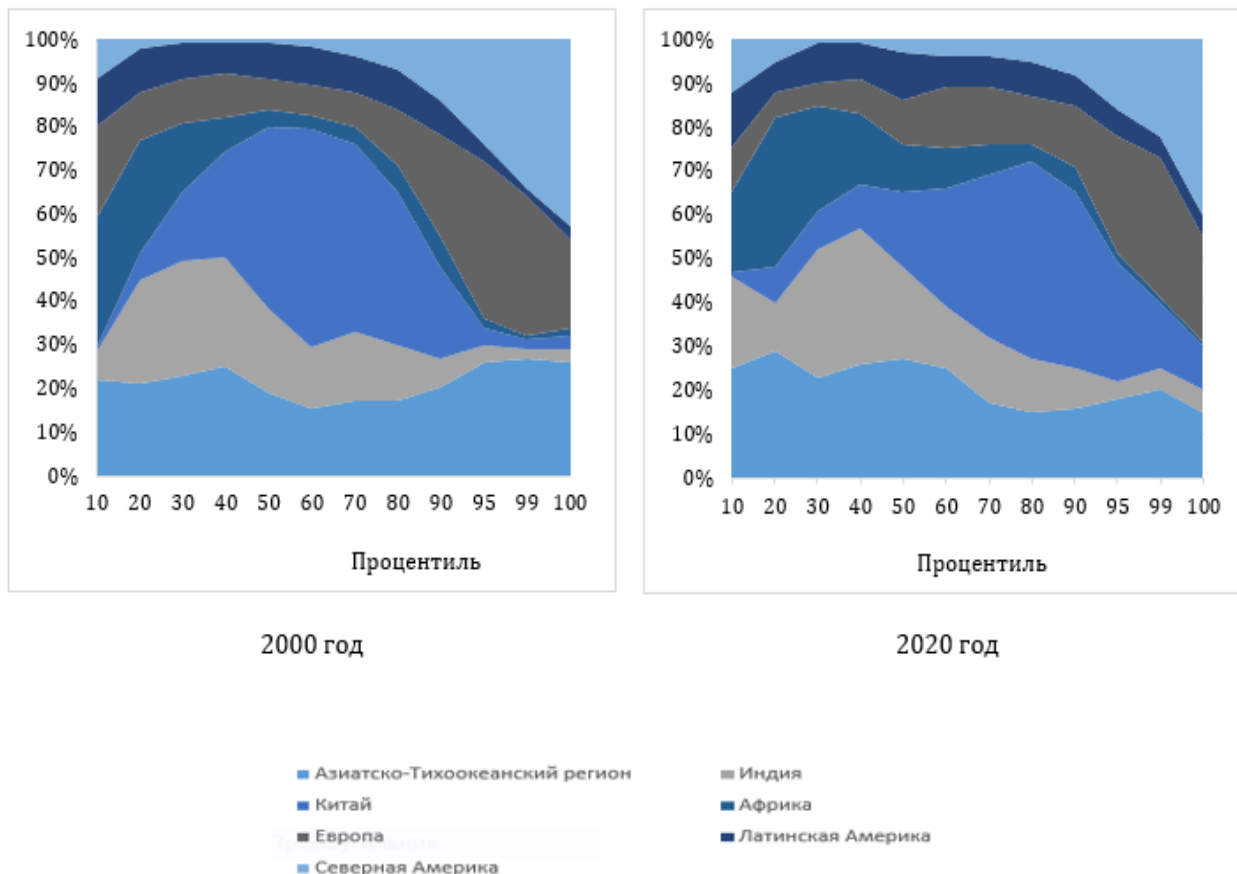

Рисунок 2. Распределение мирового богатства: региональный срез¹⁰

Экономическое и технологическое развитие российской экономики исторически шло по тем же траекториям, что и мировой, но с некоторым отставанием. Определенный лаг технологического и экономического развития наблюдается и в настоящее время: можно наблюдать смещение приоритетов развития страны и национальной экономики. Приоритетом является движение в сторону высококачественного человеческого капитала, в «страну умных людей», к освоению экономического и территориального/природного пространства страны. Но реально Россия движется по траектории «военной сверхдержавы», что дает политические эффекты, но не всегда приносит экономические дивиденды [Аузан 2017, 186]. В качестве проблем использования человеческого капитала можно выделить также обострение проблем бедности, отток населения из страны, в том числе высококвалифицированных кадров, общее снижение качества человеческого капитала [Уринсон 2019]. По итогам экспертного опроса [Аузан 2017] желательными для развития страны являются стратегия лидерства в развитии и модель устойчивого роста, но наиболее вероятной к реализации пока является модель догоняющего развития.

¹⁰ Источник: Why wealth matters. The Global wealth report. 2021 // Credit Suisse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения: 11.01.2022).

Формирование человеческого капитала находится в тесной взаимосвязи с условиями развития технологических и мирохозяйственных укладов: происходит структурная перестройка основных элементов человеческого капитала (физиологической, трудовой, социальной и интеллектуальной компонент), а также изменение институциональных условий (Рисунок 3). Поэтому не только увеличение финансирования сферы человеческого капитала, но и выстраивание институтов развития человеческого капитала является приоритетной задачей национальной экономики.

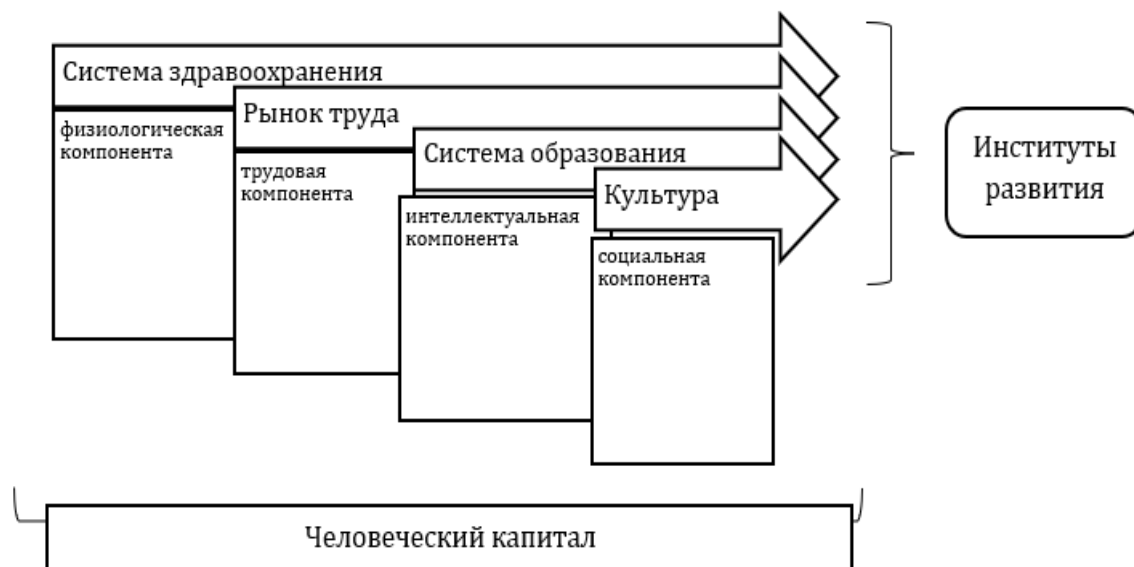

Рисунок 3. Компоненты человеческого капитала и институты, обеспечивающие его развитие¹¹

Для оценки человеческого капитала авторами была разработана система оценки и определена функция, описывающая зависимость национального благосостояния от развития компонент человеческого капитала [Воронов и др. 2020]:

$$НБ = f(ЧК) = f(ФК + ТК + ИК + СК - ФиК),$$

где НБ — национальное благосостояние (валовый внутренний продукт); ЧК — человеческий капитал; ФК — физиологическая компонента; ТК — трудовая компонента; ИК — интеллектуальная компонента; СК — социальная компонента; ФиК — фиктивный человеческий капитал.

Для проведения оценки использования человеческого капитала и составления прогнозов развития применялся метод матричного моделирования, предполагающий составление оценочных матриц состояния человеческого капитала. Оценочные матрицы включают в себя 23 паттерна показателей, характеризующих в стоимостной, натуральной и индексной форме формирование и использование человеческого капитала по отдельным компонентам (Рисунок 4).

¹¹ Источник: [Воронов и др. 2020].

Рисунок 4. Паттерны матрицы оценки человеческого капитала¹²

Подробно методика оценки человеческого капитала изложена в [Воронов и др. 2020; Глазьев и др. 2020а; Глазьев и др. 2020b].

Для оценки человеческого капитала в региональном срезе были выбраны по 2 региона из каждого федерального округа. Выбор региона определялся его позицией в Рейтинге инновационного развития¹³. В выборку попали 18 субъектов РФ: по 2 региона из каждого федерального округа, а также г. Москва и г. Санкт-Петербург. Внутри каждого федерального округа анализ формирования и использования человеческого капитала проводился для субъектов РФ с высшим и низшим уровнем инновационной активности (Рисунок 5).

¹² Составлено авторами.

¹³ Рейтинги инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

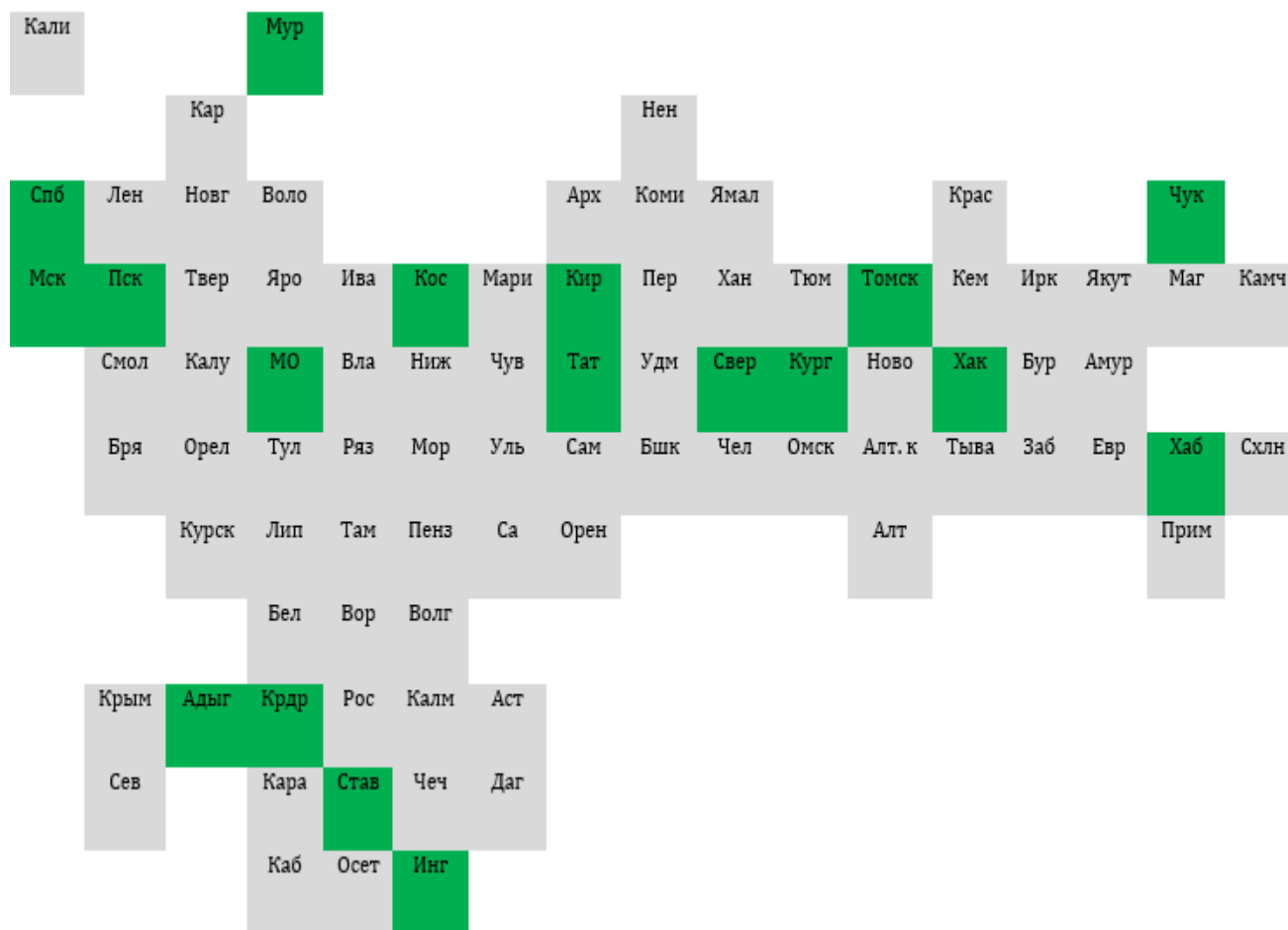

Рисунок 5. Регионы РФ, вошедшие в аналитическую выборку оценки человеческого капитала¹⁴

Фрагмент массива данных, характеризующих использование человеческого капитала в регионах Российской Федерации, представлен в Таблицах 2 и 3.

¹⁴ Составлено авторами.

Таблица 2. Компонентная структура человеческого капитала регионов Российской Федерации¹⁵

Показатель	Московская область			Костромская область			Мурманская область			Псковская область		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
ФК1	87,6	92,8	145,7	2,2	4	5,6	5,2	8,3	12,9	—	3,8	5,1
ФК2	73,5	73,9	71,7	71,9	72,4	70,9	71,7	71,8	69,8	70,2	70,7	69,2
ФК3	55	54	54	50	49	49	93	95	93	94	95	94
ФК4	38,2	38,2	42,6	37,4	37,5	38,1	52	52,4	51,7	34,7	34	31
ФК5	—	12,4	11,5	—	11	11,2	—	10,3	14,4	—	14,8	19,4
ТК1	38074	—	45201	20307	—	24172	42143	—	49589	19052	—	23895
ТК2	51937,5	55555,3	—	27724	31421,1	—	58045	63715,2	—	26870,9	29441	—
ТК3	7,3	7,3	—	12,7	12,6	—	9,9	10,6	—	17	16,2	—
ТК4	116,1	120,9	—	116,5	119,8	—	118,7	125,9	—	108	108,8	—
ТК5	100,7	102,6	104,1	103,8	101,3	102,8	103,5	101,6	106,1	103,8	100,1	102,0
ИК1	196,1	213,1	227,3	11,3	12	12,8	25,7	28	31,7	9,3	10,5	10,9
ИК2	112500,3	114651,6	113043	128,8	160,9	125,8	2245,9	2536,2	2711,4	418,9	197,0	162,7
ИК3	101	134	128	0	0	0	0	0	0	1	4	6
ИК4	18,38	14,1	8,6	6,5	5,8	4,6	16,2	11,6	9,6	12,6	13,4	5,8
ИК5	24,7	22,9	27,5	9,1	7,3	8,6	23,4	16,3	19,0	18,4	17,7	14,6
ИК6	86579	86796	82599	114	138	101	2138	2028	2029	236	216	158
ИК7	16819	18980	18419	1668	1678	1560	1156	1380	1375	1363	1928	1994
ИК8	391	136	—	9	6	—	24	27	—	37	33	—
СК1	130,6	157	178,8	7,6	7,9	10,7	20,5	21,3	24,9	8,4	8,9	—
СК2	13,1	13,6	13,5	10,5	9,2	9,2	10,5	10,5	9,4	9,9	10,1	10,1
СК3	10,6	6,6	5,9	39	20,1	18,5	4,9	0,6	0,5	37,1	21,8	18,4
СК4	7,9	7,3	7,3	13,4	12,7	12,6	11,3	9,9	10,6	17,7	17	16,2
СК5	72,45	74,5	76,1	40,69	40,09	39,06	47,31	47,12	45,77	41,6	42,48	41,18
Показатель	Краснодарский край			Республика Адыгея			Ставропольский край			Республика Ингушетия		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
ФК1	26,4	31	49,4	1,7	2,2	4	7,3	10,6	17,4	—	—	3,6

¹⁵ Составлено авторами.

ФК2	74,3	73,9	72,2	73,6	73,9	73,3	74,2	74,7	73,2	82,4	83,4	81,2
ФК3	95	95	95	91	92	92	49	49	49	50	50	50
ФК4	42,8	43,4	43,3	38,2	38,9	39	43,2	43,9	44,2	45,8	45,4	44,4
ФК5	14,4	16,9	11,3	—	28,8	20,4	—	15,9	16,6	—	48,8	38,5
ТК1	24875	—	29887	18670	—	23943	20550	—	24432	17607	—	19954
ТК2	27468,5	30191,7	—	27468,5	30191,7	—	29065,2	31835,5	—	25367,1	27409,7	—
ТК3	10,5	10,7	—	12,8	12,6	—	13,9	14	—	30,4	30,5	—
ТК4	106,6	105,4	—	129,7	135,7	—	107	107,6	—	115,2	114,3	—
ТК5	100,6	100,3	98,9	103,5	104,5	104,6	101,8	100,4	100,6	94,7	99,4	99,2
ИК1	84,4	93	104,5	6,5	8,2	8	35,8	41	45,4	9,4	11,8	14
ИК2	5219,4	6126,9	5667,5	240,7	250,2	206,7	1834,4	2042,1	1972	61,8	103,6	108
ИК3	25,0	39,0	52,0	—	—	—	6,0	16,0	13,0	0	0	1
ИК4	12,6	8,9	4,3	12,5	8,2	4,4	9,3	7,9	5,1	14,6	10,5	0,8
ИК5	18,3	12,6	10,3	20,	16,6	14,5	10,7	10,2	10,6	21,4	11,1	20,0
ИК6	6916	6918	6752	283	271	276	2634	2678	2491	244	175	176
ИК7	6184	6656	7375	277	389	443	1486	1870	1981	24	28	38
ИК8	217	174	—	11	8	—	730	446	—	2	3	—
СК1	72,7	—	101,5	—	5,3	7,4	—	—	51,1	—	8,5	12,2
СК2	14,7	14,6	14,2	12,4	14,5	14,7	12,4	12,2	11,7	10,5	9,4	8,9
СК3	24,2	4,4	3,6	37,2	23,1	19,1	32,7	21,8	18,6	38,9	29,6	24,8
СК4	10,9	10,5	10,7	13	12,8	12,6	14,3	13,9	14	29,6	30,4	30,5
СК5	45,77	63,06	63,71	47,97	50,13	51,27	53,02	52,17	51,37	28,53	29,76	31,45
Показатель	Республика Татарстан			Кировская область			Свердловская область			Курганская область		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
ФК1	25,1	25,5	37,4	2,4	—	6,9	23,6	27,7	41,9	3	3,9	5,7
ФК2	74,4	75	72,6	72,5	73	71,4	71,3	71,8	70,2	70,8	71,1	69,9
ФК3	52	52	52	52	50	47	50	49	49	46	44	45
ФК4	41,5	42,2	42,8	47,5	47	48,5	42	43,2	43,7	29,8	29,7	29,3
ФК5	—	14,8	23,2	—	6,9	9,2	—	8,3	7,4	—	15	15,1
ТК1	26092	—	31314	21617	—	25074	29402	—	34818	20489	—	24717

ТК2	35172,2	37418	—	27932	30213,4	—	38052,2	41110	—	28159,4	30632,2	—
ТК3	7	6,9	—	15,2	14,7	—	9,5	8,9	—	19,6	19,6	—
ТК4	116,8	119,6	—	114,6	119	—	121,6	122,8	—	113,1	118,5	—
ТК5	101,5	101,3	102,4	100,7	103,2	103,8	102,9	103,3	101	102,4	104,1	104,8
ИК1	104,2	101,8	104,2	20,8	23,5	23,4	95,5	108,7	114,9	17,9	19,9	20
ИК2	15590,2	17038,8	15840	2110,5	2042,8	3243,8	29414,7	27398,4	25363,7	346,4	348,4	336,5
ИК3	57	43	54	1	0	0	85	85	69	0	1	1
ИК4	31,7	21,5	17,4	11,4	12,3	14,6	19,5	16,7	11,6	9,2	10,7	9,8
ИК5	33,2	31,8	26,5	15,9	15,7	21,9	31,2	27,1	24,1	18,4	21,1	20,4
ИК6	12323	12671	13212	1776	1744	1493	21212	20528	21006	629	616	637
ИК7	7648	7694	8304	2449	2735	2835	10662	11352	13102	1684	1834	1584
ИК8	392	166	—	12	2	—	334	214	—	89	42	—
СК1	40,4	41,9	52	16,2	17,7	22,6	71,2	—	90,5	13,2	13,1	16,9
СК2	13,8	14	14	9,5	9,3	9,3	14,8	14,6	14,8	10,7	10,1	10,1
СК3	21,8	12,2	10,2	33,1	20,5	17	18,7	11	9,2	35,6	23,1	19,4
СК4	7,2	7	6,9	15,4	15,2	14,7	9,8	9,5	8,9	19,7	19,6	19,6
СК5	66,15	66,8	66,62	40,18	40,26	39,76	56,67	57,14	56,59	28,89	29,4	30,45
Показатель	Томская область			Республика Тыва			Хабаровский край			Чукотский АО		
	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>
ФК1	5,3	6,5	12,9	2	2,3	6	9,5	11,6	16,7	2,4	2,7	3,5
ФК2	72,8	72,9	71,2	66,5	67,6	66,3	70,2	70	68,6	63,6	68,1	65,8
ФК3	51	50	50	39	36	39	55	53	55	61	62	62
ФК4	55,7	58,1	56,4	52,9	51,4	49,7	57,5	57,2	56,4	74,8	75,5	71
ФК5	—	6,9	7,4	—	1,1	0,3	—	2,2	3,7	—	0,4	0,4
ТК1	29173	—	34074	21690	—	27822	35470	—	43216	65696	—	76865
ТК2	41900	45525	—	35778,8	39672,8	—	47153,1	50213	—	98864	107107,3	—
ТК3	14,7	14,8	—	34,4	34,1	—	12,2	12,2	—	8,8	8,5	—
ТК4	105,7	107	—	118,9	122,2	—	101,6	104,5	—	130,9	134,6	—
ТК5	97,8	99,6	101,2	102,3	101,3	102,8	101,0	101,0	102,9	96,3	104,5	102,8
ИК1	26,4	28,9	29,5	11,4	13	14	35	35,2	—	—	—	—

ИК2	13365,7	15820,0	16032,3	261,2	305,4	305,7	3538,7	2315,8	2168,4	—	—	—
ИК3	14	28	41	0	0	0	13	24	1	0	0	0
ИК4	19,6	17,9	14,8	1,8	2,0	5,6	13,0	24	8,1	16,7	12,5	7,8
ИК5	24,5	24,5	27,8	3,0	4,8	8,8	21,1	18,9	18,0	19,3	10,7	9,4
ИК6	9301	9903	9676	385	375	387	1717	1819	1751	—	—	—
ИК7	1603	1745	1922	60	69	69	2602	2799	3006	221	247	142
ИК8	202	205	—	1	1	—	69	92	—	0	0	—
СК1	17,3	—	23,7	6,6	7,3	12	28	32	40,1	2,6	—	3,3
СК2	10,3	11	10,8	10,6	9,7	9,6	12,7	12,8	12,5	14,1	14,8	15,1
СК3	16	7,2	3,9	30,7	4	3,4	12,9	2,2	1,8	1,1	0,4	0,6
СК4	14,8	14,7	14,8	35,8	34,4	34,1	12,5	12,2	12,2	8,5	8,8	8,5
СК5	44,47	45,5	43,52	16,2	17,53	17,5	48,78	49,22	49,57	38,95	38,47	40,45

Таблица 3. Компонентная структура человеческого капитала г. Москвы и г. Санкт-Петербурга¹⁶

Показатель	Г. Москва			Г. Санкт-Петербург			Показатель	Г. Москва			Г. Санкт-Петербург		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020		2018	2019	2020	2018	2019	2020
ФК1	189,9	248,3	509,5	77,1	81,8	133,2	ИК1	299,3	343,6	374,6	147,5	175,3	166,4
ФК2	77,8	78,4	76,2	75,9	76,3	74	ИК2	334991,3	328756,4	377649,4	114419,4	1176488,8	136998,9
ФК3	57	58	58	57	57	57	ИК3	165	145	223	130	104	157
ФК4	55,9	58,3	61,2	80,7	81,2	84,9	ИК4	32,4	33,8	12,1	30,6	28,3	15,4
ФК5	—	8,8	6,7	—	6,8	8,1	ИК5	32,4	33,8	12,1	30,6	28,3	15,4
ТК1	43136	—	51248	55434	—	66103	ИК6	224517	204862	210497	77051	75031	75228
ТК2	83801,4	94293,7	-	60420,5	65872,4	—	ИК7	20649	14554	11649	8933	9553	9972
ТК3	6,8	6,6	-	6,6	6,5	—	ИК8	5218	3791	—	814	468	—
ТК4	103,3	104,2	-	112,1	113,7	—	СК1	—	478,5	551	99,2	122,8	142,9
ТК5	101,4	101,9	100,9	100,4	104,6	101,4	СК2	16,1	15,38	15,9	14,9	14,7	14,8
							СК3	3,1	1,5	1,2	6,2	2,6	2,2
							СК4	7,5	6,8	6,6	7,3	6,6	6,5
							СК5	77,37	79,27	72,16	75,69	77,3	80,63

¹⁶ Составлено авторами.

Результаты исследования

Оценка человеческого капитала в разрезе основных составляющих его компонент позволила выявить как позитивные моменты, связанные с повышением эффективности формирования и использования человеческого капитала, так и ряд негативных моментов, связанных со снижением качественных характеристик человеческого капитала¹⁷.

Оценка физиологической компоненты человеческого капитала позволила выявить достаточно сложную ситуацию в регионах РФ: затраты на здравоохранение во всех исследуемых субъектах достаточно низкие; незначительное увеличение расходов на здравоохранение вызвано в большей степени выделением денежных средств на борьбу с пандемией COVID-19, нежели системным увеличением расходов, обеспечивающих повышение качества и доступность медицинского обслуживания. В связи с этим можно наблюдать снижение продолжительности жизни населения практически во всех исследуемых регионах (Рисунок 6), что является крайне негативным маркером, а также снижение доли населения в возрасте от 15 до 72 лет (Костромская, Псковская, Кировская, Курганская области, Республика Тыва, Чукотский АО).

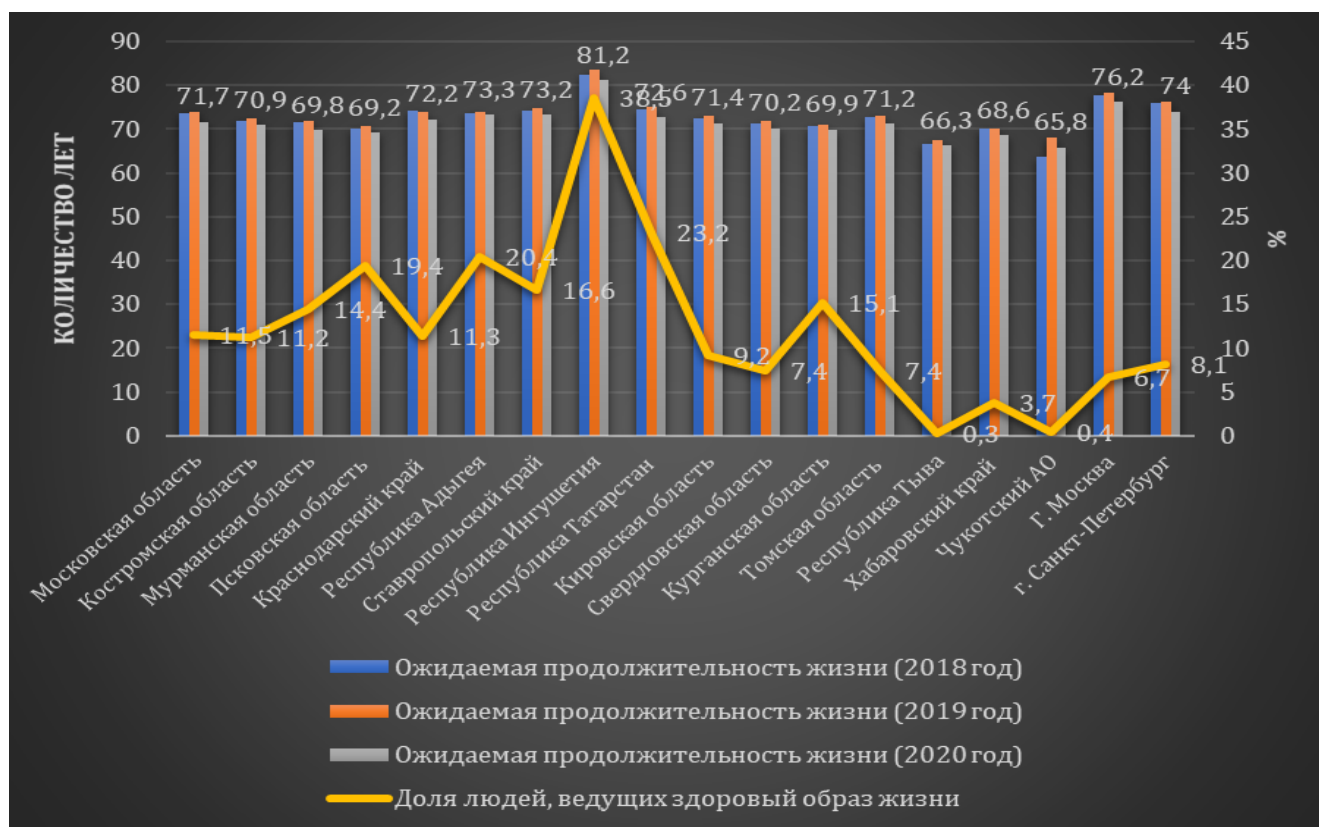

Рисунок 6. Оценка ожидаемой продолжительности жизни и доля людей, ведущих здоровый образ жизни¹⁸

Незначительное увеличение количества врачей наблюдается в Московской области и Ставропольском крае. А вот в Хабаровском крае, Томской и Мурманской областях численность врачей снижается. Более позитивно на этом фоне выглядит увеличение численности врачей в Костромской и Кировской областях, в Республике Адыгее. В Псковской области наблюдается значительное сокращение количества врачей, приходящихся на 1000 человек населения. Что касается Москвы и Санкт-Петербурга, то здесь также проявляются основные тенденции: при увеличении расходов на здравоохранение и количества врачей продолжительность жизни

¹⁷ Частично приводимые результаты анализа были представлены в работе [Воронов и др. 2022].

¹⁸ Составлено авторами.

людей снижается. Таким образом, исследуемые маркеры характеризуют низкий уровень формирования физиологической компоненты человеческого капитала в представленных регионах. Для поддержания физиологической компоненты человеческого капитала в хорошем состоянии требуется не только постфактумные меры по лечению заболеваний, но и их профилактика и повышение количества людей, ведущих здоровый образ жизни.

Оценка трудовой и социальной компоненты также позволила выявить ряд тенденций, характерных как для регионов-лидеров, так и для регионов, отстающих в развитии. Для регионов-лидеров характерно увеличение номинальных доходов населения и производительности труда. Однако на фоне положительного роста доходов населения наблюдается рост их дифференциации. Оценка трудовой компоненты человеческого капитала регионов, не являющихся лидерами по развитию, также показала низкие маркеры развития, особенно в части начисленной заработной платы и безработицы. Так, медианные и средние значения начисленной заработной платы демонстрируют очень низкие значения в исследуемых областях (кроме Чукотского АО). Особенно низкий уровень заработной платы — в Курганской области и Республике Ингушетия. На фоне низких доходов также сложной выглядит ситуация с безработицей: более трети населения является безработной в Республиках Ингушетия и Тыва, в Псковской и Курганской областях этот показатель приближается к 20%, во всех остальных исследуемых регионах находится выше критических значений (Рисунок 7).

Вызывает опасения высокий уровень безработицы в большинстве исследуемых районов — Мурманской и Томской областях, Краснодарском, Ставропольском и Хабаровском краях. Ближе к нормальному, естественному уровню безработицы находятся города Москва и Санкт-Петербург. Создавшаяся ситуация в большей степени вызвана неравномерностью создания рабочих мест (размещением производств), перетоком квалифицированных кадров в крупные центры, структурными сдвигами в экономике и образовательной сфере.

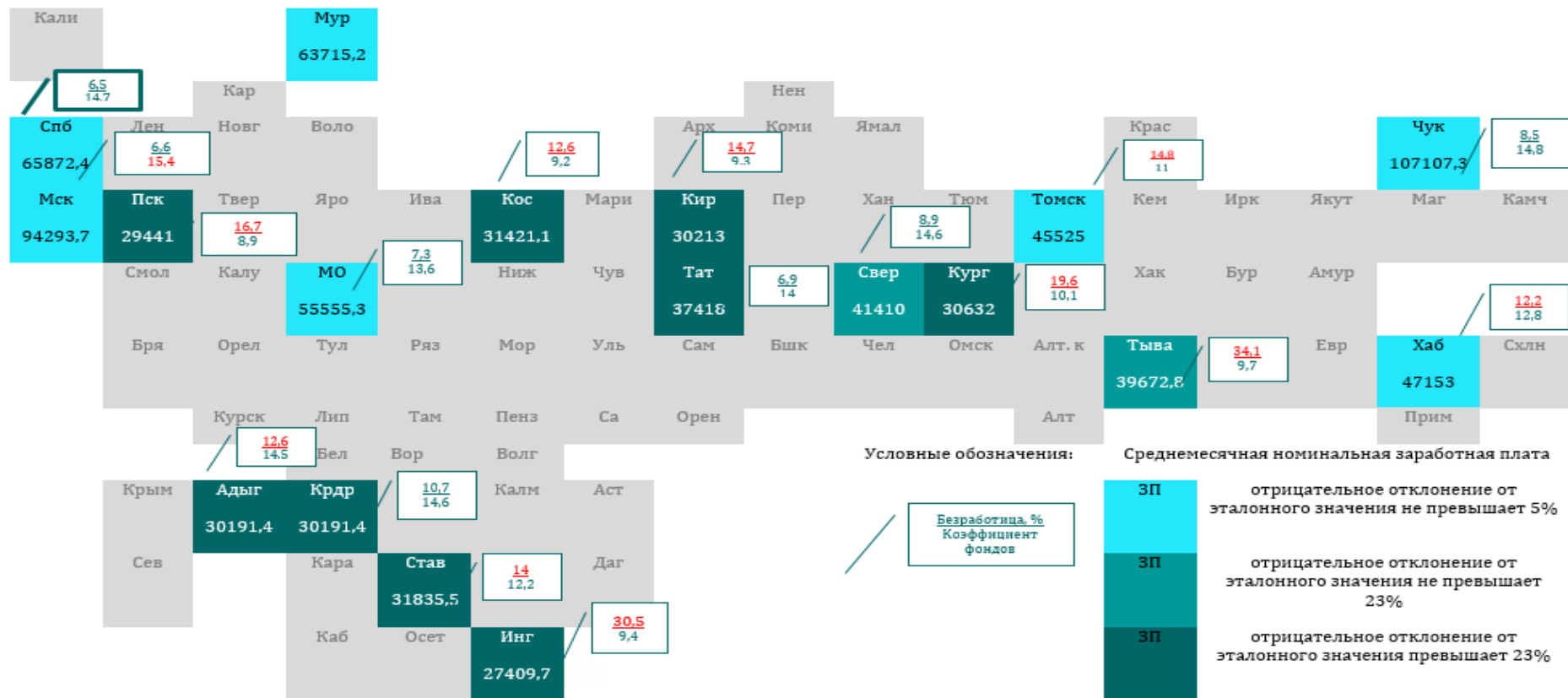

Рисунок 7. Региональная дифференциация показателей, характеризующих трудовую и социальную компоненты человеческого капитала (по данным 2019 г.)¹⁹

¹⁹ Составлено авторами.

Коэффициент фондов во всех регионах имеет устойчиво высокие значения, причем чем выше средние показатели доходов, тем выше разрыв между высокими и низкими доходами населения. В 2020 г. в Москве и Санкт-Петербурге коэффициент фондов демонстрирует очень высокие значения: 15,9 и 14,8 соответственно. В Мурманской области дифференцированность по доходам менее выражена: 9,4. В целом по исследуемым регионам наблюдается положительная динамика сокращения доли занятых с низким уровнем оплаты труда. Но при этом доля населения с доходами ниже прожиточного минимума остается стабильно высокой. Интегральный показатель качества жизни, характеризующий условия жизни и ситуацию в социальной сфере, в исследуемых регионах находится на уровне 40 (баллов), а в Республиках Тыва и Ингушетия имеют крайне низкие значения: 16–17 и 28–31 соответственно. Для сравнения: в г. Москве и Санкт-Петербурге эти показатели за последние три года принимают значения на уровне 72–80 (баллов).

Что касается интеллектуальной компоненты как основной составляющей человеческого капитала, определяющей технологический прогресс социально-экономической жизни общества, то здесь ситуация складывается следующим образом: расходы на образование и внутренние исследования и разработки имеют небольшую повышающую тенденцию не во всех регионах (в основном Москве и Санкт-Петербурге). Уровень инновационной активности предприятий и разработки передовых производственных технологий снижаются, что не отвечает требованиям перехода к шестому технологическому укладу (Рисунок 8).

Рисунок 8. Инновационная активность и уровень использования передовых производственных технологий (данные за 2019 г.)²⁰

Конечно, по уровню используемых передовых технологий регионы имеют позитивные маркеры, но это достигается в основном за счет заимствования этих технологий. В инновационно активных регионах и субъектах (Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Свердловская и Томская области) наблюдается увеличение количества разрабатываемых передовых технологий, но при этом снижается общий уровень инновационной

²⁰ Составлено авторами.

активности. Мурманская область в этом плане является своеобразным аутсайдером с нулевым показателем количества передовых технологий. В большинстве исследуемых регионов (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республика Татарстан, Свердловская область, Хабаровский край) наблюдается снижение удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, а также незначительное снижение персонала, занятого исследованиями и разработками (Томская и Московская области, Хабаровский, Краснодарский и Ставропольский края).

Прогноз развития человеческого капитала

Проведенный анализ формирования и развития человеческого капитала в региональном аспекте позволил выявить следующие тенденции, сформировавшиеся к настоящему моменту времени: неравномерность развития компонент человеческого капитала, неравномерность регионального развития, часто разнонаправленный характер проявления количественных и качественных характеристик человеческого капитала (Рисунок 9).

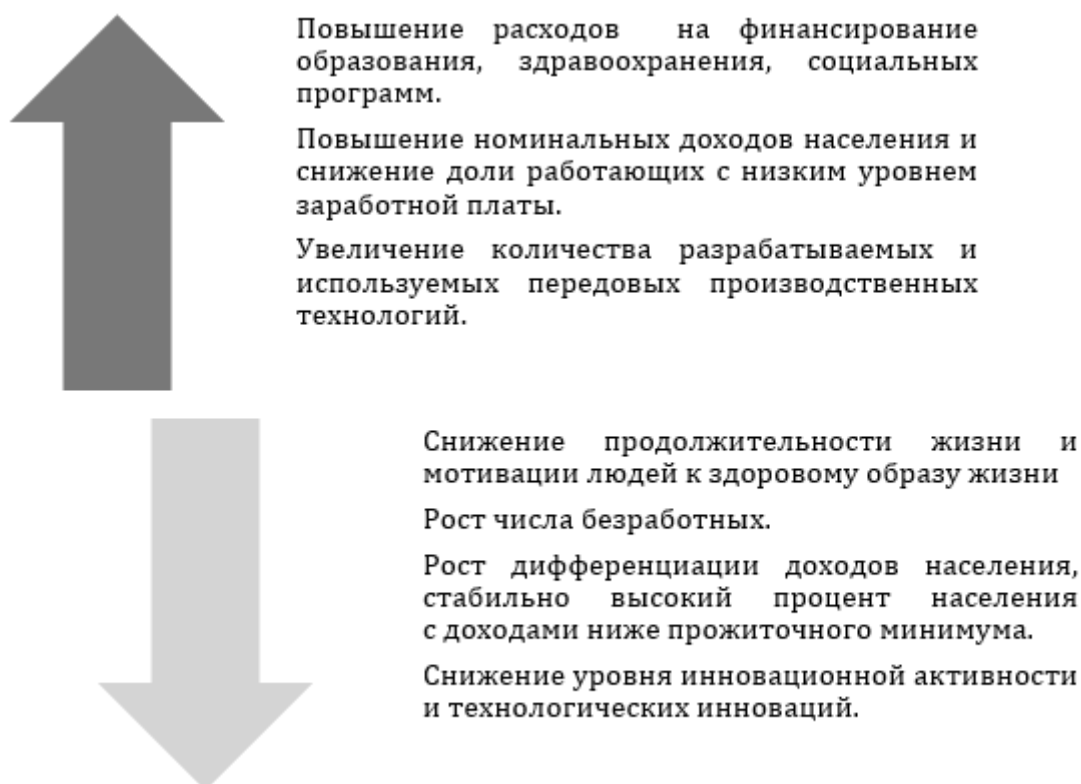

Рисунок 9. Тенденции формирования и развития человеческого капитала²¹

Общий вывод по результатам проведенного исследования заключается в том, что развитие человеческого капитала в национальной экономике происходит неравномерно, с проявлением на региональном уровне так называемого «эффекта Матфея»: высокие показатели развития и использования человеческого капитала наблюдаются в регионах с высоким уровнем социально-экономического и инновационного развития, с преобладанием крупных агломераций, концентрацией других видов капитала. Эти же регионы демонстрируют более быстрый и качественный рост на основе использования технологий шестого уклада. В тех регионах, которые демонстрируют менее высокий, а часто низкий уровень социально-экономического и

²¹ Составлено авторами.

инновационного развития, наблюдается усиливающееся истощение человеческого капитала. Это объясняется отсутствием центров притяжения капитала, перетоком высокотехнологичных производств в другие регионы, широким применением технологий пятого и четвертого укладов.

Усиление технологической многоукладности, пространственной и цифровой асимметрии требует применение ряда мер по выравниванию ситуации и более равномерному и эффективному формированию и использованию человеческого капитала, устранению фрагментарности стратегического планирования на региональном уровне. В большинстве государственных программ и национальных проектов (ГП «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», «Возможности для самореализации и развития талантов», НП «Наука и университеты», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Образование», «Наука») определены индикаторы развития человеческого капитала по основным компонентам. Более глубокой проработки требует интеграция этих индикаторов в стратегии и программы регионального развития с учетом особенностей территорий, реализация межсубъектного сотрудничества и переход на технологии шестого уклада.

Предложения авторов направлены на реализацию комплекса мероприятий: а) по повышению качества и доступности медицинского обслуживания, в том числе за счет технологий телемедицины; б) по повышению занятости в депрессивных регионах за счет механизмов дистанционной занятости и распределенной системы высшего и профессионального образования; в) по созданию межрегиональных центров цифрового развития, обеспечивающих равный доступ к интеллектуальным ресурсам во всех сферах экономики и жизни общества, расширяющих доступ к результатам интеллектуальной деятельности, созданных в рамках государственного заказа и на совместной (шеринговой) основе; г) по восстановлению длинных национальных воспроизводственных цепочек разработки и производства инновационных продуктов, созданию цифровых платформ национальных исследований²².

Заключение

В условиях российской реальности выявлена неравномерность воспроизводственных процессов на всех уровнях (макро-, мезо-, микроуровне) национальной экономики. Несмотря на значительные потребности повышения качества человеческого капитала в условиях шестого технологического уклада, наблюдаются воспроизводственные провалы и региональные диспропорции в развитии человеческого капитала по субъектам РФ. Качество человеческих ресурсов в решающей степени определяют конкурентный потенциал национальной экономики. Проведенный анализ формирования и развития человеческого капитала на мезоуровне позволил выявить региональную дифференциацию и внутреннюю структурную асимметрию для конкретных территорий.

Проведенная оценка человеческого капитала, прогноз его развития и представленные рекомендации направлены на формирование стратегических программ с учетом региональных особенностей, что должно способствовать выравниванию социально-экономического положения территорий, развитию цифровых и инновационных трансформаций в экономике.

²² Частично рекомендации были представлены в работе [Воронов и др. 2022].

Список литературы:

- Айвазов А.Э. Периодическая система мирового капиталистического развития // Альманах «Развитие и экономика». 2012. № 2. С. 142–149.
- Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю. Модели оценки человеческого капитала компании, основанные на концепции стохастической границы // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 3. С. 45–63.
- Аникин В.А. Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10. № 2. С. 90–117. DOI: [10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117)
- Аузан А.А. Стратегия 2035: предварительные гипотезы // Журнал НЭА. 2017. № 3 (35). С. 185–192. DOI: [10.31737/2221-2264-2017-35-3-10](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-35-3-10)
- Аузан А.А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 6. С. 12–19.
- Вовк В.А. Концепция человеческого капитала в контексте поворота к «обществу мудрости» // Бизнес Информ. 2014. № 2. С. 18–22.
- Воронов А.С., Леонтьева Л.С., Орлова Л.Н., Сергеев С.С. Оценка состояния человеческого капитала на этапе шестого технологического уклада: региональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 108–125. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-108-125](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-108-125)
- Воронов А.С., Леонтьева Л.С., Орлова Л.Н., Сухарева М.А. Общие принципы оценки основных показателей развития человеческого капитала по технологическим укладам // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2020. № 3. С. 38–62.
- Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3–29.
- Глазьев С.Ю., Воронов А.С., Леонтьева Л.С., Орлова Л.Н., Сухарева М.А. О формировании человеческого капитала на разных этапах социально-экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2020b. № 82. С. 140–170. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10096](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10096)
- Глазьев С.Ю., Орлова Л.Н., Воронов А.С. Человеческий капитал в контексте развития технологических и мирохозяйственных укладов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020a. № 5. С. 3–23.
- Диденко Д.В. Инновационное и догоняющее развитие: две стратегии модернизации российской интеллектуалоемкой экономики // Экономическая политика. 2011. № 1. С. 158–169.
- Залозная Г.М., Моргунов В.П. Эволюция теоретических концепций человеческого капитала // Журнал экономической теории. 2014. № 1. С. 67–78.
- Захаренков В.В., Бабенко А.И. Человеческий капитал и стратегии здравоохранения // Бюллетень СО РАМН. 2014. Т. 34. № 1. С. 72–77.
- Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть I // Вопросы экономики. 2013a. № 1. С. 27–47. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-1-27-47>
- Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть II // Вопросы экономики. 2013b. № 2. С. 24–46. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-24-46>
- Лосева О.В. Модели формирования и оценки интеллектуального капитала работника в условиях перехода к шестому технологическому укладу // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 6. С. 32–40.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Что такое path dependence и как ее изучают российские экономисты // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 118–129.

Уринсон Я.М. Динамика человеческого капитала и темпы роста // Бизнес. Общество. Власть. 2019. № 1. С. 67–76.

Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times. London: Verso, 1994.

Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. № 5. Part 2. P. 9–49. DOI: <https://doi.org/10.1086/258724>

Driver C., Oughton Ch. Dynamic Models of Regional Innovation: Explorations with British Time-Series Data // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2008. Vol. 1. Is. 2. P. 205–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsn012>

Helpman E. The Mystery of Economic Growth. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2004.

Lucas R. Lectures on Economic Growth. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2002.

McCann Ph., Ortega-Argilés R. Modern Regional Innovation Policy // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2013. Vol. 6. Is. 2. P. 187–216. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rst007>

Rodriguez-Pose A., Wilkie C. Putting China in Perspective: A Comparative Exploration of the Ascent of the Chinese Knowledge Economy // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2016. Vol. 9. Is. 3. P. 479–497. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsw018>

References:

Aivasian S.A., Afanasiev M.Yu. (2012) The Models for Company's Human Capital Estimation, Based on the Concept of Stochastic Frontier. *Ekonomika i matematicheskiye metody*. Vol. 48. № 3. P. 45–63.

Anikin V.A. (2018) Human Capital in Post-Crisis Russia: Status and Impact. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. № 2. P. 90–117. DOI: [10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117)

Arrighi G. (1994) The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times. London: Verso.

Auzan A.A. (2019) Digital Economy as an Economy: Institutional Trends. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. № 6. P. 12–19.

Auzan A.A. (2017) Strategy-2035: Preliminary Hypotheses. *Zhurnal NEA*. № 3 (35). P. 185–192. DOI: [10.31737/2221-2264-2017-35-3-10](https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-35-3-10)

Ayvazov A.E. (2012) Periodicheskaya sistema mirovogo kapitalisticheskogo razvitiya [Periodic system of world capitalist development]. Al'manakh «Razvitiye i ekonomika». № 2. P. 142–149.

Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*. Vol. 70. № 5. Part 2. P. 9–49. DOI: <https://doi.org/10.1086/258724>

Didenko D.V. (2011) Innovation and Catch-Up Development: Two Modernization Strategies for the Russian Knowledge Economy. *Ekonomicheskaya politika*. № 1. P. 158–169.

Driver C., Oughton Ch. (2008) Dynamic Models of Regional Innovation: Explorations with British Time-Series Data. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 1. Is. 2. P. 205–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsn012>

Glazyev S.Yu., Orlova L.N., Voronov A.S. (2020a) Human Capital in the Context of Technological Development and World Economic Paradigms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. № 5. P. 3–23.

Glazyev S.Yu. (2016) National Economy Structures in the Global Economic Development. *Ekonomika i matematicheskiye metody*. Vol. 52. № 2. P. 3–29.

Glazyev S.Yu., Voronov A.S., Leontieva L.S., Orlova L.N., Sukhareva M.A. (2020b) On Formation of Human Capital at Different Stages of Socio-Economic Development. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 82. P. 140–170. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10096](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10096)

- Helpman E. (2004) *The Mystery of Economic Growth*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.
- Kapelyushnikov R. (2013a) Russia's Human Capital: What Is It Worth? Part I. *Voprosy ekonomiki*. № 1. P. 27–47. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-1-27-47>
- Kapelyushnikov R. (2013b) Russia's Human Capital: What Is It Worth? Part II. *Voprosy ekonomiki*. № 2. P. 24–46. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-24-46>
- Loseva O.V. (2019) Models of Formation and Evaluation of Intellectual Capital of the Employee in the Transition to the Sixth Technological Order. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. Vol. 15. № 6. P. 32–40.
- Lucas R. (2002) *Lectures on Economic Growth*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- McCann Ph., Ortega-Argilés R. (2013) Modern Regional Innovation Policy. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 6. Is. 2. P. 187–216. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rst007>
- Nureev R.M., Latov Yu.V. (2006) What Is Path Dependence and How It Is Analyzed by Russian Scholars. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. № 2. P. 118–129
- Rodriguez-Pose A., Wilkie C. (2016) Putting China in Perspective: A Comparative Exploration of the Ascent of the Chinese Knowledge Economy. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 9. Is. 3. P. 479–497. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsw018>
- Urinson Ya.M. (2019) Human Capital Dynamics and Growth Rates. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. №1. P. 67–76.
- Voronov A.S., Leontieva L.S., Orlova L.N., Sergeev S.S. (2022) Assessment of Human Capital State at the Stage of the Sixth Technological Paradigm: Regional Aspect. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 90. P. 108–125. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-108-125](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-108-125)
- Voronov A.S., Leontieva L.S., Orlova L.N., Sukhareva M.A. (2020) General Principles for Assessing the Main Indicators of Human Capital Development by Technological Paradigms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. № 3. P. 38–62.
- Vovk V.A. (2014) Concept of Human Capital in the Context of Transition to the Wisdom Society. *Biznes Inform.* № 2. P. 18–22.
- Zakharenkov V.V., Babenko A.I. (2014) Human Capital and Public Health Strategy. *Byulleten' SO RAMN*. Vol. 34. № 1. P. 72–77
- Zaloznaya G. M., Morgunov V.P. (2014) Evolution of Theoretic Concepts of Human Capital. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. № 1. P. 67–78.

Дата поступления/Received: 10.02.2022

Формирование организационно-управленческого подхода на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности в области международного научного сотрудничества¹

Гумерова Гюзель Исаевна

Доктор экономических наук, профессор департамента менеджмента, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ.

E-mail: GIGumerova@fa.ru

SPIN-код РИНЦ: [4426-5494](#)

ORCID ID: [0000-0002-5198-7576](#)

Хюзиг Стефан

PhD, профессор, заведующий кафедрой инновационных исследований и технологического менеджмента, Технический университет, Хемнитц, Германия.

E-mail: stefan.huesig@wirtschaft.tu-chemnitz.de

ORCID ID: [0000-0002-9074-2360](#)

Шеве Герхард

PhD, профессор, директор Центра менеджмента, заведующий кафедрой организации, управления человеческими ресурсами и инновациями, Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, Германия.

E-mail: gerhard.schewe@wiwi.uni-muenster.de

ORCID ID: [0000-0002-3199-2837](#)

Бутнева Александра Юрьевна

Студент магистратуры, университет Боккони, Миланский политехнический университет, Милан, Италия.

E-mail: aleksandra.butneva@studbocconi.it

SPIN-код РИНЦ: [5633-0429](#)

ORCID ID: [0000-0002-4892-9121](#)

Шаймиева Эльмира Шамилевна²

Доктор экономических наук, профессор департамента менеджмента, заведующий научно-исследовательской лабораторией менеджмента знаний, факультет менеджмента и инженерного бизнеса, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, РФ.

E-mail: shaimieva@ieml.ru

SPIN-код РИНЦ: [5592-5270](#)

ORCID ID: [0000-0002-9588-0199](#)

Аннотация

Необходимость повышения конкурентоспособности российской системы образования, согласно целям Национального рейтинга агентства «Интерфакс», выдвигает требования к формированию, развитию и применению на практике подхода или подходов, обеспечивающих достижение поставленных целей. Объектом исследования является международное научное сотрудничество российских высших учебных заведений. Предметом выступает организационно-управленческий подход, формируемый в процессе реализации международного научного сотрудничества как основы его результативности, а также развитие его инструментария (на основе Национального рейтинга «Интерфакс»). Целями исследования являются изучение опыта международного научного сотрудничества вузов для выявления и классифицирования подхода в данной области, обеспечивающего лидирующее положение университета в международном научном сотрудничестве; использование методики Национального рейтинга университетов по параметрам «Интернационализация» (международное и межрегиональное сотрудничество) и «Инновации» руководителями международного научного сотрудничества университетов. Методология исследования реализована по следующим блокам: анализ методологии и результатов Национального рейтинга университетов агентства «Интерфакс»; анализ данных в Научной электронной библиотеке (НЭБ); анализ теоретических источников по теме исследования; практическая часть исследования: подход на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности (ОИС) в международном научном сотрудничестве университетов. В результате за период 2019–2021 гг. выявлены шесть российских университетов, занимающих высокие места в Национальном рейтинге агентства «Интерфакс» по параметрам «Инновации» и «Интернационализация». Подход на основе менеджмента ОИС в области международного научного сотрудничества российских университетов реализуется в практике вузов с инженерно-технической специализацией. Международное научное сотрудничество, результаты которого отражаются в публикациях в НЭБ, является составной частью международного сотрудничества. Практическая значимость работы заключается в формировании организационно-управленческого подхода в области международного научного сотрудничества на основе менеджмента ОИС; популяризации данного подхода.

Ключевые слова

Международное научное сотрудничество высших учебных заведений, объекты интеллектуальной собственности, менеджмент объектов интеллектуальной собственности, рейтинг университетов, инновации, интернационализация.

¹ Настоящее исследование является развитием публикации авторов: [Шаймиева и др. 2021].

² Корреспондирующий автор.

Formation of Organizational and Managerial Approach Based on Management of Intellectual Property Objects in the Field of International Scientific Cooperation

Guzel I. Gumerova

DSc (Economics), Professor, Department of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: GIGumerova@fa.ru

ORCID ID: [0000-0002-5198-7576](https://orcid.org/0000-0002-5198-7576)

S. Hüsig

PhD, Professor, Head of Department of Innovative Researches and Technological Management, University of Technology, Chemnitz, Germany.

E-mail: stefan.huesig@wirtschaft.tu-chemnitz.de

ORCID ID: [0000-0002-9074-2360](https://orcid.org/0000-0002-9074-2360)

G. Schewe

PhD, Professor, Director for Center of Management, Head of Department of Organizing, Managing Human Resources and Innovations, University of Münster, Münster, Germany.

E-mail: gerhard.schewe@wiwi.uni-muenster.de

ORCID ID: [0000-0002-3199-2837](https://orcid.org/0000-0002-3199-2837)

Aleksandra J. Butneva

Master's degree student, Bocconi University, Politecnico di Milano, Milan, Italy.

E-mail: aleksandra.butneva@gmx.de

ORCID ID: [0000-0002-4892-9121](https://orcid.org/0000-0002-4892-9121)

Elmira Sh. Shaimieva³

DSc (Economics), Professor, Department of Management; Head of Scientific and Research Laboratory of Management of Knowledge, Faculty of Management and Engineering Business, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russian Federation.

E-mail: shaimieva@ieml.ru

ORCID ID: [0000-0002-9588-0199](https://orcid.org/0000-0002-9588-0199)

Abstract

The critical need to increase the competitiveness of the Russian education system in accordance with the goals formulated by the National Rating Agency "Interfax" puts forward the demand for forming, developing and implementing efficient and sustainable education policies. The object of this study is the international scientific cooperation (ISC) of Russian higher educational institutions. The subject under research is the organizational and managerial approach formed in the process of implementing ISC as the cornerstone of its effectiveness, as well as the development of its tools (based on the National University Ranking "Interfax"). The objectives of the study are two-fold: (1) to investigate predominant practices of ISC within higher education institutions and (2) to develop a custom approach ensuring the forward movement of Russian scientific centers within the ISC networks. The paper uses the methodology of the National University Ranking with regards to the parameters "Internationalization" (International and interregional cooperation) and "Innovation", endorsed by the heads of international scientific cooperation in universities' responsible departments. The research strategy is implemented as follows: assessment of the methodology and results of the "Interfax" agency; analysis of cooperative works stored in the Scientific Electronic Library; review of theoretical works on the research topic; and practical application of the research. The latter is concerned with developing an educational approach based on the management of intellectual property objects in international scientific cooperation of universities with engineering and technical specializations. The study shows that in 2019–2021 six Russian universities were distinguished by their excellence in the National University Ranking across the "Innovation" and "Internationalization" dimensions. Appropriate management of intellectual property objects in the field of ISC of Russian universities is implemented within ISC networks, the impact of which is reflected in publications in the NEB and is an integral part of international cooperation. The practical significance of this work lies in the formation and customization of an organizational and managerial approach in the field of ICS, based on the management of the intellectual property objects, but also in the popularization of this approach.

Keywords

International scientific cooperation of higher educational institutions, intellectual property objects, management of intellectual property objects, university rating, innovation, internationalization.

³ Corresponding author.

Актуализация проблемы и постановка исследовательского вопроса

Одной из целей Национального рейтинга российских университетов⁴, составляемого Группой «Интерфакс» с 2010 г. по настоящее время (далее — Национальный рейтинг «Интерфакс»), является «...повышение конкурентоспособности российской системы образования, научных исследований и технологического предпринимательства...»⁵. Объектом настоящего исследования является международное научное сотрудничество российских высших учебных заведений (вузов). Предметом выступает организационно-управленческий подход, формируемый в процессе реализации международного научного сотрудничества как основы его результативности, а также развитие его инструментария (на основе Национального рейтинга «Интерфакс»). Целями исследования являются:

- 1) изучение опыта международного научного сотрудничества вузов для выявления и классифицирования подхода в данной области, обеспечивающего лидирующее положение университета в международном научном сотрудничестве;
- 2) использование методики рейтинга университетов по параметрам «Интернационализация» (международное и межрегиональное сотрудничество) и «Инновации» руководителями международного научного сотрудничества университетов.

Подмеждународным научным сотрудничеством вузов как составной частью международного сотрудничества в настоящем исследовании понимается «...научное сотрудничество между профессорско-преподавательским составом (ППС) российских и зарубежных вузов, осуществляемое на основе соглашений о научном сотрудничестве по профильным или непрофильным направлениям подготовки и без соглашений вузов, в конкретных научно-исследовательских областях, в том числе по приоритетным проектам развития РФ...» [Шаймиева и др. 2021, 41–42].

Методология исследования

Методология исследования заключается в реализованном плане работ, проведенных в целях верификации гипотезы исследования.

Гипотезой исследования, сформулированной авторами на основе опыта международного научного сотрудничества за 2014–2021 гг., полученных положительных результатов в 2021 г., понимания ценности менеджмента ОИС в международном научном сотрудничестве в цифровой экономике, является следующее положение: международное научное сотрудничество вузов, осуществляемое на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности (ОИС), формирует подход, обеспечивающий конкретному вузу лидирующие позиции в области «Инновации» и «Интернационализация». Подход развития международного научного сотрудничества на основе менеджмента ОИС отражается в портфеле патентов университета (параметр «Инновации и Предпринимательство» Национального рейтинга университетов «Интерфакс»); закрепляет результаты научно-исследовательского сотрудничества вуза с зарубежными авторами на основе соответствующей нормативно-правовой базы в области ОИС⁶

⁴ Исследовательский проект Национальный рейтинг университетов реализуется Группой «Интерфакс» с 2010 г. Его целью является развитие в РФ механизмов и процедур независимой системы оценки российских вузов и их образовательных программ; повышение конкурентоспособности российской системы образования, научных исследований и технологического предпринимательства; развитие федеральных и региональных университетов, рассматриваемых в качестве каркаса новой экономики страны.

⁵ О проекте // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс]. URL: https://academia.interfax.ru/ru/about/about_project (дата обращения: 20.01.2022).

⁶ Здесь имеется в виду нормативно-правовая база соответствующего патентного бюро, где регистрируется ОИС как результат международного научного сотрудничества.

(показатель «Научно-исследовательское сотрудничество Университета с зарубежными университетами и исследовательскими организациями, наукоемким бизнесом» параметра «Интернационализация» Национального рейтинга университетов «Интерфакс»).

Методология исследования реализована по следующим блокам:

I-й блок: анализ методологии и результатов Национального рейтинга университетов агентства «Интерфакс».

II-й блок: анализ данных в Научной электронной библиотеке (НЭБ).

III-й блок: анализ теоретических источников по теме исследования в российской и зарубежной литературе.

IV-й блок: практическая часть исследования: подход на основе менеджмента ОИС в международном научном сотрудничестве университетов.

На первом этапе I-ого блока анализа Национального рейтинга университетов «Интерфакс» за период 2019–2021 гг. нами выявлены вузы, занимающие лидирующие позиции (1–3) по параметрам «Интернационализация» и «Инновации»:

— вузы-лидеры по параметру «Интернационализация»: РУДН⁷, МИФИ⁸, ННИГУ⁹;

— вузы-лидеры по параметру «Инновации»: МФТИ¹⁰, МИФИ, МИСиС¹¹.

На втором этапе I-ого блока в каждый из анализируемых параметров добавлен перечень вузов, которые минимум один раз занимали лидирующее положение за период 2019–2021 г. К числу таких вузов по параметру «Интернационализация» отнесены: УИТМО (3-е место в 2019 г.)¹², ННИГУ (2 место в 2020–2021 гг.)¹³.

На третьем этапе I-ого блока каждый параметр дополнен перечнем вузов, которые занимали ведущие позиции по другому параметру. Так, параметр «Интернационализация» дополнен МИСиС. Параметр «Инновации» дополнен соответственно РУДН, ННИГУ, УИТМО.

На четвертом этапе I-ого блока сформирована единая таблица вузов по двум анализируемым параметрам, позволяющая сделать выводы по сформулированной гипотезе исследования (Таблицы 1, 2, 3, 4; Рисунок 1).

Во II-ом блок работ нами изучена база данных, представленная в Научной электронной библиотеке eLibrary по следующим группам ключевых слов: I-я группа ключевых слов: «Международное научное сотрудничество», II-я группа ключевых слов: «Международное научное сотрудничество высших учебных заведений», III-я группа ключевых слов: «Международное сотрудничество». Условия поиска, включающие области поиска, тип публикаций и количество выявленных публикаций, представлены в Таблице 5.

В III-м блоке работ анализ трудов российских авторов осуществлен в следующем формате: авторы исследования, статус автора исследования, упоминание зарубежных соавторов-партнеров (в названии исследования или в виде благодарности за консультирование), упоминание о патенте как факте или плане работ (в РФ или за рубежом) (Таблица 6).

⁷ РУДН — Российский университет дружбы народов.

⁸ МИФИ — Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ».

⁹ ННИГУ — Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

¹⁰ МФТИ — Московский физико-технический институт (государственный университет).

¹¹ МИСиС — Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС».

¹² УИТМО — (здесь) Университет ИТМО

¹³ ННИГУ — Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Результаты исследования

Международное научное сотрудничество на основе анализа данных Национального рейтинга российских университетов агентства «Интерфакс»

В целях изучения опыта международного научного сотрудничества вузов, выявления и классифицирования подхода в данной области, обеспечивающего лидирующее положение конкретного вуза в международном научном сотрудничестве, нами использованы результаты и методология национального рейтинга университетов «Интерфакс» за период 2019–2021 гг. по параметрам «Интернационализация» и «Инновации».

В Национальном рейтинге университетов «Интерфакс» в 2019–2021 гг. принимало участие соответственно 327, 337 и 341 университет (Таблицы 3, 4). В Таблицах 1 и 2 представлены критерии рейтинга по двум областям: «Интернационализация» и «Инновации», каждый из которых включает шесть частных показателей.

Таблица 1. Методика формирования рейтинга университетов по параметру «Интернационализация» (международное и межрегиональное сотрудничество): 6 частных показателей¹⁴

Показатель	Вес, %	Комментарий	Источники
М1. Иностранные граждане в контингенте обучающихся в вузе (2020/21 учебный год)	15	Иностранцы граждане (дальнее и ближнее зарубежье), обучающиеся на полных программах Б, С, М, А, а также иностранные граждане, обучающиеся по программам обмена (длительность не менее 1 семестра/триместра).	Анкета НРУ2021 Публичные материалы
М2. Международное сотрудничество университета в 2020 г.	20	Международные и межрегиональные конференции в 2020 г, число участников этих конференций (НПР + А + М).	Анкета НРУ2021 Публичные материалы
		Число университетов и исследовательских организаций, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве (долговременная составляющая).	Публичные материалы
М3. Глобальные коммуникации Университета	15	Показатель сайта университета на конец марта 2021 по рейтингу Alexa.	Alexa

¹⁴ Источник: Интернационализация. Методология исследования // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=7&year=2021&page=1> (дата обращения: 10.01.2022). Примечание: цветом выделен объект настоящего исследования; * — объект настоящего исследования, требующий дополнения с учетом темы настоящего исследования; НПР – научно-производственные работники; R&D (Research and Development) — исследования и разработки.

М4. Научно-исследовательское сотрудничество Университета с зарубежными университетами и исследовательскими организациями, наукоемким бизнесом*	20	Оценка деятельности коллабораций университета в сфере R&D.	Анкета НРУ2021 Данные международной наукометрии
М5. Образовательные программы (курсы) на иностранных языках	15	Число образовательных программ различного уровня на иностранных языках.	Анкета НРУ2021 Публичные материалы
М6. Международные НПП	15	Доля международных НПП в общей численности НПП.	Анкета НРУ2021 Публичные материалы

По мнению авторов, непосредственно к теме настоящего исследования по параметру «Интернационализация» относятся частные показатели М4 и М6. Дополнением к показателю М4 являются уточнения по публикациям в зарубежных (Web of Science, SCOPUS) и российских журналах (WoS, SCOPUS, ВАК, РИНЦ) с международным составом соавторов [Шаймиева и др. 2021].

По параметру «Инновации» непосредственно к теме настоящего исследования относятся частные показатели П2 и П5 (Таблица 2).

Таблица 2. Методика формирования параметрического рейтинга университетов по параметру «Инновации и предпринимательство»: 6 частных показателей¹⁵

Показатель	Вес, %	Комментарий	Источники
П1. Технологическое (инновационное) предпринимательство в университете	10	Медиаактивность университета, накопленная «заметность» публичных материалов в сферах Инновации, Технологическое Предпринимательство в 2020.	SCAN-Интерфакс
П2. Портфель патентов университета*	25	Число патентов (национальных и международных), поддерживаемых Университетом на конец 2020.	Публичные материалы Анкета НРУ2021 Роспатент СПАРК-Интерфакс
П3. Сотрудничество университета с высокотехнологичными компаниями; проводимые университетом испытания	15	Сотрудничество университета с высокотехнологичными компаниями; проводимые университетом испытания.	Анкета НРУ2021 Публичные материалы

¹⁵ Источник: Инновации. Методология исследования // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=8&year=2021&page=1> (дата обращения: 10.01.2022). Примечание: цветом выделен объект настоящего исследования; * — объект настоящего исследования, требующий дополнения с учетом темы настоящего исследования; МИП — малые инновационные предприятия; БК — базовые кафедры.

<p>П4. Инновационная инфраструктура университета, предприятия университета, социальное предпринимательство</p>	<p>15</p>	<p>Юридические клиники: занятые студенты и проведенные консультации.</p> <p>Доля обучающихся в университете, занятых в деятельности объектов инновационной инфраструктуры, от общей численности обучающихся.</p> <p>Доля НПР университета, занятых в деятельности объектов инновационной инфраструктуры (в том числе МИП), от общей численности НПР.</p> <p>Линейная комбинация:</p> <p>Число учрежденных университетом МИП, занятые НПР и студенты.</p>	<p>СПАРК-Интерфакс</p> <p>Анкета НРУ2021</p>
<p>П5. НИОКР Университета*</p>	<p>15</p>	<p>Доля финансирования НИОКР без привлечения бюджетных средств в общем объеме бюджета университета в 2020 г., нормированная на численность НПР.</p>	<p>Анкета НРУ2020</p> <p>Публичные материалы</p>
<p>П6. Базовые кафедры Университета</p>	<p>20</p>	<p>Линейная комбинация:</p> <p>Доля НПР (в том числе внешних совместителей), занятых на БК, от общей численности НПР.</p> <p>Доля студентов (все программы 1, 2, 3 уровней кроме ОП ДПО), занятых на БК, от общей численности обучающихся по этим программам.</p> <p>Число организованных университетом базовых кафедр.</p>	<p>Анкета НРУ2021</p> <p>Публичные материалы</p>

Дополнением к показателю П2 являются, по мнению авторов, следующие уточнения:

- «патентование объектов интеллектуальной собственности как результатов международного научного сотрудничества российских и зарубежных вузов, включая: патенты на изобретение; свидетельство на регистрацию баз данных; свидетельство о регистрации программы для ЭВМ; патент на полезную модель в зарубежных патентных ведомствах;
- патентование объектов интеллектуальной собственности как результатов международного научного сотрудничества российских и зарубежных вузов, включая: патенты на изобретение; свидетельство на регистрацию баз данных; свидетельство о регистрации программы для ЭВМ; патент на полезную модель в зарубежных патентных ведомствах по приоритетным проектам РФ;
- патентование объектов интеллектуальной собственности как результатов международного научного сотрудничества российских и зарубежных вузов, включая: патенты на изобретение; свидетельство на регистрацию баз данных; свидетельство о регистрации программы для ЭВМ; патент на полезную модель в «Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (Роспатенте);

— патентование объектов интеллектуальной собственности как результатов международного научного сотрудничества российских и зарубежных вузов, включая: патенты на изобретение; свидетельство на регистрацию баз данных; свидетельство о регистрации программы для ЭВМ; патент на полезную модель в Роспатенте по приоритетным проектам РФ...» [Шаймиева и др. 2021, 48].

Параметр П.5, понимаемый как «НИОКР Университета», требует уточнения в аспекте настоящего исследования подпунктом «НИОКР Университета с привлечением зарубежных научно-педагогических работников».

На основе представленной выше методологии исследования нами выявлено шесть вузов, занимающих лидирующее положение по параметрам «Инновации», «Интернационализация» за период 2019-2021 гг.

В Таблицах 3, 4 представлены позиции вузов в Национальном рейтинге университетов «Интерфакс» с указанием баллов по анализируемым параметрам: университеты, занимающие лидирующие позиции и позиции, завершающие каждый соответствующий параметр рейтинга.

Таблица 3. Национальный рейтинг университетов. Параметр «Интернационализация» за период 2019–2021 гг. (фрагмент)¹⁶

2019			2020			2021		
Позиция в рейтинге	Вуз	Кол-во баллов	Позиция в рейтинге	Вуз	Кол-во баллов	Позиция в рейтинге	Вуз	Кол-во баллов
1	РУДН	1000	1	РУДН	1000	1	РУДН	1000
2	МИФИ	948	2	ННИГУ	912	2	ННИГУ	922
3	Университет ИТМО	801	3	МИФИ	811	3	МИФИ	806
...
5	МФТИ	726	5	МФТИ	740	5	МФТИ	734
—	—	—	6	Университет ИТМО	686	6	Университет ИТМО	652
...
11	МИСиС	517	10	МИСиС	584	11	МИСиС	513
...
327	АнГТУ	23	337	НМИЦ им. В.А. Алмазова	40	341	СВГУ	39

¹⁶ Источник: Интернационализация // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=7&year=2021&page=1> (дата обращения: 10.01.2022). Примечание: АнГТУ — Ангарский государственный технический университет; НМИЦ им. В.А. Алмазова — Научно-исследовательский медицинский центр им. В.А. Алмазова; СВГУ — Северо-восточный государственный университет.

Таблица 4. Национальный рейтинг университетов.
Параметр «Инновации» за период 2019–2021 гг. (фрагмент)¹⁷

2019			2020			2021		
Позиция в рейтинге	Вуз	Кол-во баллов	Позиция в рейтинге	Вуз	Кол-во баллов	Позиция в рейтинге	Вуз	Кол-во баллов
1	МФТИ	1000	1	МФТИ	1000	1	МФТИ	1000
2	МИСиС	903	2	МИФИ	978	2	МИФИ	966
3	МИФИ	834	3	МИСиС	904	3	МИСиС	896
...
5	Университет ИТМО	757	4	Университет ИТМО	788	4	Университет ИТМО	821
...
18	ННИГУ	533	8	ННИГУ	739	2	ННИГУ	679
...
90	РУДН	325	44	РУДН	401	88-89	РУДН	341
...
327	ИвГУ	203	337	МГПУ им. М.Е. Евсевьева	185	341	ВГУЮ	193

На четвертом этапе сформирована единая таблица вузов по двум анализируемым параметрам «Инновации» и «Интернационализация», позволяющая сделать ряд выводов по выдвинутой гипотезе исследования (Рисунок 1).

¹⁷ Источник: Инновации // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=8&year=2019&page=1> (дата обращения: 10.01.2022). Примечание: ИвГУ — Ивановский государственный университет; МГПУ — Мордовский государственный педагогический университет; ВГУЮ — Всероссийский государственный университет юстиции.

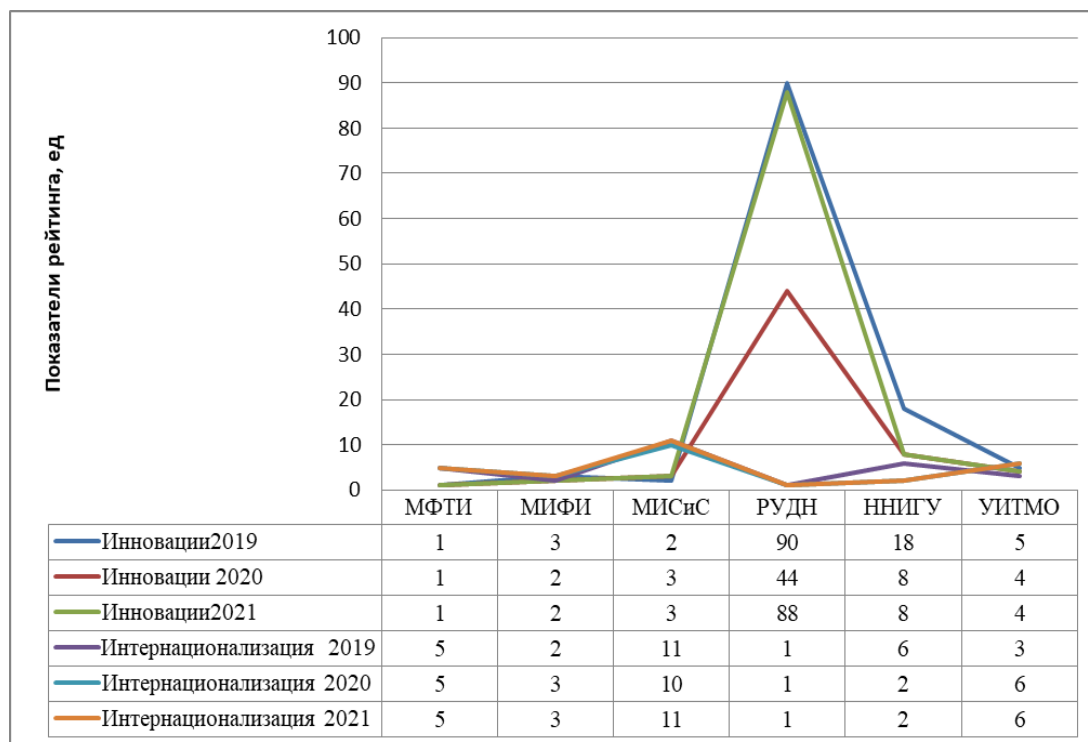

Рисунок 1. Положение в Национальном рейтинге университетов «Интерфакс» по параметрам «Инновации» и «Интернационализация» шести российских вузов-лидеров за период 2019–2021 гг.¹⁸

По итогам 4-го этапа настоящего исследования нами выделены три группы российских университетов:

1-я группа: университеты, имеющие высокие показатели в области инноваций и интернационализации за период 2019–2021 и обладающие тесной взаимосвязью между этими показателями. Под высокими показателями здесь понимаются позиции в рейтинге (1–6)¹⁹. К данной группе отнесены следующие университеты: МФТИ, МИФИ, УИТМО.

2-я группа: университеты, имеющие показатели в областях «инновации» и «интернационализация» в рангах (2–18): МИСиС, НИИГУ.

3-я группа: университет, имеющий максимальную амплитуду в двух анализируемых областях по показателям рейтинга (1–90): РУДН.

В результате анализа Национального рейтинга университетов «Интерфакс» по параметрам «Инновации» и «Интернационализация» за период 2019–2021 гг. относительно сформулированной гипотезы исследования необходимо сделать следующие выводы с учетом специфики НИР-деятельности анализируемых университетов:

- 1) международное научное сотрудничество вузов на основе менеджмента ОИС реализуется в университетах с НИР-деятельностью в инженерно-технических областях. Подход на основе менеджмента ОИС является составной частью их НИР-деятельности, предполагающей регистрацию прав на результаты

¹⁸ Источник: Интернационализация // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=7&year=2021&page=1> (дата обращения: 10.01.2022); Инновации // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=8&year=2019&page=1> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁹ Здесь необходимо отметить об ограничениях, которые обязательны в процессе научно-исследовательских работ университетов с привлечением зарубежных исследователей в сферах, касающихся конфиденциальных данных. Отсюда позиции университетов в ранге 1–3 могут быть недостижимы в силу указанных условий.

интеллектуальной деятельности, в том числе в международной области, участниками данного процесса. В данных университетах подход на основе менеджмента ОИС является приоритетным;

- 2) университеты, не делающие акцент на менеджменте ОИС, включающем регистрацию прав на ОИС в «Федеральной службе по интеллектуальной собственности» или зарубежных патентных ведомствах, имеют свои конкурентные преимущества в области образовательных программ с привлечением международных научно-педагогических работников, иностранных обучающихся, которые сформировались на протяжении длительного периода. Подход на основе менеджмента ОИС не является приоритетным для данных университетов на момент исследования.

Международное научное сотрудничество российских высших учебных заведений: обзор базы данных в Научной электронной библиотеке elibrary по трем группам ключевых слов

В целях развития гипотезы настоящего исследования, а также исследования вопроса учета ОИС в области международного научного сотрудничества в российском экономическом пространстве нами изучена база данных, представленная в Научной электронной библиотеке elibrary по трем группам ключевых слов:

- I-я группа — «Международное научное сотрудничество»;
- II-я группа — «Международное научное сотрудничество высших учебных заведений»;
- III-я группа — «Международное сотрудничество».

Условия поиска, включающие области поиска, тип публикаций и количество выявленных публикаций, представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Показатели базы данных в НЭБ по трем группам ключевых слов в области настоящего исследования²⁰

Ключевые слова	Область поиска	Тип публикации	Количество публикаций
I-я группа ключевых слов: «Международное научное сотрудничество»			
1. Международное научное сотрудничество	название публикации; аннотация; ключевые слова	Статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации, депонированные рукописи, отчеты, патенты	6865
2. Международное научное сотрудничество	название публикации; аннотация; ключевые слова	Статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации, депонированные рукописи, отчеты	6853
3. Международное научное сотрудничество	название публикации; аннотация; ключевые слова	Патенты	12
II-я группа ключевых слов: «Международное научное сотрудничество высших учебных заведений»			
4. Международное научное сотрудничество высших учебных заведений	название публикации; аннотация; ключевые слова	Статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации, депонированные рукописи, отчеты, патенты	299

²⁰ Составлено по поисковым данным Научной электронной библиотеки elibrary. Для всех видов поиска един параметр: «с учетом морфологии».

5. Международное научное сотрудничество высших учебных заведений	название публикации; аннотация; ключевые слова	Статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации, депонированные рукописи, отчеты	299
6. Международное научное сотрудничество высших учебных заведений	название публикации; аннотация; ключевые слова	Патенты	0
III-я группа ключевых слов: «Международное сотрудничество»			
7. Международное сотрудничество	название публикации; аннотация; ключевые слова	Статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации, депонированные рукописи, отчеты, патенты	22079
8. Международное сотрудничество	название публикации; аннотация; ключевые слова	Статьи в журналах, книги, материалы конференций, диссертации, депонированные рукописи, отчеты	22054
9. Международное сотрудничество	название публикации; аннотация; ключевые слова	Патенты	25

На основе анализа полученных данных становятся очевидными следующие положения:

- 1) международное научное сотрудничество является составной частью международного сотрудничества;
- 2) международное научное сотрудничество вузов является наименее используемым термином по ключевым словам;
- 3) в областях «международного сотрудничества», «международного научного сотрудничества» доминантой являются публикации соавторов, но не патентование (включая государственную регистрацию прав) в «Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (Роспатенте), иных зарубежных ведомствах (с индексации данной записи в НЭБ);
- 4) соавторами 24 патентов из 25 являются российские авторы, научно-педагогические работники университетов. Информация по одной базе данных из 25, где соавторами являются профессора зарубежных университетов (соавторы настоящего исследования), представлена подробно далее²¹.

В качестве критического замечания по данному пункту исследования необходимо отметить, что выявленные результаты поиска в НЭБ, скорее всего, не учитывают исследования, патенты с индексацией в РИНЦ по естественно-научным направлениям, более узким областям (в частности, здравоохранения, электронного здравоохранения и др.), где соавторами являются научно-педагогические работники университетов-лидеров по параметрам «Инновации», «Интернационализация». Кроме того, нами не исследуется вопрос, являются ли авторы патентов (физические лица) авторами публикаций по родственным темам (24 ед.).

²¹ Источник: Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Хюзиг С., Шева Г. Международное научное сотрудничество КИУ им. В.Г. Тимирязова, ФУ при Правительства РФ, ТУ г. Хемнитца (Германия), Университета г. Мюнстера (Германия) в области менеджмента цифровой экономики: продвижение на научных конкурсах, информационных порталах, публикациях за период 2019–2021 гг. // НЭБ elibrary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47255119> (дата обращения: 20.12.2021).

**Международное научное сотрудничество российских высших учебных заведений:
обзор теоретической литературы**

Обзора публикаций по теме исследования в российской экономической литературе сделаны нами из группы 2 «Международное научное сотрудничество». Анализ трудов российских авторов мы осуществили в следующем формате: авторы исследования, статус автора исследования, упоминание зарубежных соавторов-партнеров (в названии исследования или в виде благодарности за консультирование), упоминание о патенте как факте или плане работ (в РФ или за рубежом) (Таблица 6).

В работе Жуковского И.И., Барановой Ю.В. представлены масштабные проекты в области международного научного и образовательного сотрудничества, которые реализуются в Балтийском федеральном университете им. И. Канта на протяжении десятилетий [Жуковский, Баранова 2011]. Масштабность проектов отмечена в их названии (например, «Еврофакультет: Калининградская инициатива», реализация в период 2000–2007 гг.), источниках финансирования (данный проект финансировался Советом государств Балтийского моря при поддержке МИД РФ), значении для развития и продвижения принципов Болонского процесса в системе высшего образования в РФ. Здесь же авторы отмечают смежные темы проектов пространственного планирования в рамках Программы соседства «Регион Балтийского моря», тематику совместных проектов в рамках Программы соседства «Литва — Польша — Калининградская область РФ», включающую такие направления, как стимулирование экономического и научно-технического сотрудничества (12 проектов), поддержка инициатив местных сообществ (14 проектов) и др. Информации о необходимости патентования результатов интеллектуальной деятельности в данной работе нами не выявлено.

В работе Рябовой Л.А., Ивановой Л.В. представлен опыт международного сотрудничества в области изучения Севера, Арктики, который развивался в течение 30 лет в Институте экономических проблем им. Г.П. Лузина (ИЭП). В данной работе как обобщении международного опыта ИЭП представлена эволюция международного северного и арктического сотрудничества, основные его темы, современные проекты, в частности международные научные проекты для развития местных сообществ Севера и Арктики [Рябова, Иванова 2016].

Исследование Аничкина Е.С., Серебрякова А.А. изучает непосредственно объект настоящего исследования с юридической точки зрения [Аничкин, Серебряков 2021a]. В нем показано, что, несмотря на усиление инновационной деятельности в области международного сотрудничества (которое, согласно OECD's Frascati Manual, подразделяясь на научное и научно-техническую деятельность, состоит из фундаментальных, прикладных исследований, экспериментальных разработок), ученые-исследователи не уделяют значительного внимания данному вопросу. В другой работе Аничкина Е.С., Серебрякова А.А. выделена децентрализованная и централизованная модели регулирования правовых отношений в анализируемой области, отмечены базовые принципы, которые способствуют научно-техническому прогрессу, осуществляемому в международной научной деятельности [Аничкин, Серебряков 2021b].

В еще одном исследовании отмечены три формы международной коллаборации: образовательная, исследовательская и смешанная. Данные три типа исследуются применительно к сотрудничеству между странами Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) [Аничкин, Серебряков 2021a]. Данная тема находит свое развитие в исследовании, в котором на основе анализа нормативно-правовых актов Европейского союза, Содружества Независимых

Государств и Евразийского экономического союза выделены три модели правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества: децентрализованная, централизованная и отраслевая [Аничкин, Серебряков 2021с].

Исследование Васильева А.А., Аничкина Е.С., Канакова А.Е. акцентирует внимание на факте, что правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества носит «...декларативный характер...». Данное исследование направлено на разработку «...подхода к модели правового регулирования...» стран ШОС, ее результатом является создание потенциальной модели данного сотрудничества [Васильев и др. 2021].

В работе Аничкина Е.С., Серебрякова А.А. о конвенции ШОС в области международного научного и научно-технического сотрудничества определены его цели, принципы, предложена конвенционная модель научного и научно-технического сотрудничества, на базе которой в дальнейшем предполагается выстраивание институциональной модели сотрудничества [Аничкин, Серебряков 2021b].

Исследование Серебрякова А.А. сфокусировано на предложенном им проекте Федерального Закона «О международном научном и научно-техническом сотрудничестве», его основных положениях. Согласно Серебрякову А.А., на момент исследования отсутствует «...закрепление на законодательном уровне основ правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества с участием Российской Федерации» [Серебряков 2020, 107]. Разрабатываемый автором законопроект призван дополнить «Концепцию международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации», обеспечивающую развитие международного научного и научно-технического сотрудничества с участием РФ в части закрепления основ правового регулирования международного научного сотрудничества²². В частности, в проекте ФЗ «О международном научном и научно-техническом сотрудничестве», согласно А.А. Серебрякову, должны присутствовать положения, затрагивающие «Основы правового регулирования отношений в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества» (Глава 1 ФЗ, проект), «Принципы правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества» (Глава 2 ФЗ, проект), «Формы международного научного и научно-технического сотрудничества» (Глава 3, проект), «Информационное обеспечение международного научного и научно-технического сотрудничества» (Глава 4, проект), «Финансовое обеспечение международного научного и научно-технического сотрудничества» (Глава 5, проект), «Территории развития международной научной и научно-технической деятельности» (Глава 6, проект) [Там же].

В работе Ридигера А.В. изучаются вопросы финансирования и выполнения научных исследований вузов и научных организаций Минобрнауки России из средств зарубежных источников по годам за период 2013–2019 гг. [Ридигер 2020]. Основными заказчиками исследований в области международного научного сотрудничества за данный период были США, Китай, Германия, Великобритания, Финляндия. В работе отмечается сокращение финансирования НИОКР за данный период из зарубежных источников, а также по грантам.

В статье Зонна С.С. показан опыт научно-исследовательской деятельности Залибекова З.Г. в области почвоведения и смежных наук, который сформировал основу многоаспектной международной деятельности выдающегося ученого [Зонн 2014].

²² Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (решение Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952) // Посольство РФ во Франции [Электронный ресурс]. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

В Таблице 6 представлены результаты анализа трудов российских авторов в области международного научного сотрудничества по следующим трем критериям: являются ли авторы руководителями проекта в области международного научного сотрудничества (ответ предполагает три варианта ответа); присутствует ли упоминание зарубежных соавторов-партнеров; присутствует ли в тексте исследования упоминание о патенте как факте или плане работ (в РФ или за рубежом).

Таблица 6. Результат анализа трудов российских авторов в области международного научного сотрудничества²³

Авторы исследования	Являются ли авторы руководителями проекта в области международного научного сотрудничества (а), исследователями (б), руководителями и исследователями (в)	Присутствует ли упоминание зарубежных соавторов-партнеров (в названии исследования или в виде благодарности за консультирование)	Присутствует ли в тексте исследования упоминание о патенте как факте или плане работ (в РФ или за рубежом)
Жуковский И.И., Баранова Ю.В.	(а)	нет	нет
Рябова Л.А., Иванова Л.В.	(в)	да	нет
Аничкин Е.С., Серебряков А.А. ²⁴	Не указано*	Не указано*	да
Ридигер А.В	Не указано*	Не указано*	Не указано*
Зонн И.С.	(в) ²⁵	да	Нет
Васильев А.А., Аничкин Е.С., Канаков А.Е	Не указано*	Не указано*	Да
Серебряков А.А.	Не указано*	Не указано*	Да

Международное научное сотрудничество зарубежных научно-исследовательских институтов: обзор теоретической литературы

Международное научное сотрудничество в классических работах зарубежных ученых понимается как социальный процесс, обусловленный различными причинно-следственными факторами, побудившими научных работников к коллаборации [Katz 1994]. Международное научное сотрудничество подразделяется на следующие категории: коллаборация на национальном уровне, а также международное сотрудничество. Wagner C.S., Leydesdorff L. определяют статьи, являющиеся результатом национального сотрудничества, как научно-исследовательские документы, авторы которых трудоустроены или аффилированы с институтами, находящимися на территории одного государства [Wagner, Leydesdorff 2005]. Статьи, написанные в рамках международного научного сотрудничества, напротив, предполагают авторство двух или более ученых, являющихся гражданами двух или более государств.

Существуют различные подходы, позволяющие оценить значение и объем международного научного сотрудничества, в том числе с помощью выделения так называемых сетей соавторов (co-author networks). Сети соавторов основаны на принципах взаимозависимости, или реципрокности, — способа взаимодействия индивидуумов на основе оказания взаимных

²³ Составлено авторами на основе: [Жуковский, Баранова 2011], [Рябова, Иванова 2016], [Аничкин, Серебряков 2021a], [Ридигер 2020], [Васильев и др. 2021], [Зонн 2014], [Серебряков 2020]. Примечание: * — не входит в задачи исследования.

²⁴ Речь идет о трех работах данных соавторов: [Аничкин, Серебряков 2021a], [Аничкин, Серебряков 2021b], [Аничкин, Серебряков 2021c].

²⁵ Речь идет об авторе, деятельность которого представлена в работе.

услуг. Публикационная активность научного сотрудника — один из показателей влияния индивидуального представителя научного сообщества на процесс научного познания, который в том числе обусловлен размером и географической вариативностью сетей соавторов.

Пространственный метод анализа соавторских сетей напрямую связан с географическим местоположением соавторов. Он позволяет локализовать информационные потоки, существующие между различными государствами, а также оценить их плотность и частоту [Ronda-Pupo, Guerras-Martín 2010]. На примере трансатлантической кооперации была определена степень инклюзивности двух регионов: Западной Европы, а также Центральной и Восточной Европы. Авторами показаны и оцифрованы изменения паттернов международного научного сотрудничества, вызванные включением нового государства в сети соавторов между двумя вышеописанными регионами.

Библиометрический анализ, наряду с географическим и пространственным подходами, — один из наиболее распространенных методов изучения международного научного сотрудничества (МНС). На примере статей в области стратегического менеджмента библиометрическая методика используется для идентификации атрибутов и ключевых тематик МНС в данной области, а также построения иерархии соавторских связей в соответствии с содержанием научных трудов [Ferreira et al. 2016]. Документационный анализ — часть библиометрического анализа, направленная на изучение трехуровневой аффилиации соавторов: на уровне государства, города и высшего учебного заведения. Выделяют следующие способы оцифровки данных уровней международного научного сотрудничества:

- 1) описательная статистика по количеству соавторов и соавторских работ на национальном уровне;
- 2) корреляционные температурные карты городов (correlation heatmaps);
- 3) анализ социальных сетей научно-исследовательских центров, в рамках которых осуществляется международное научное сотрудничество [Kosch, Szarucki 2020].

В основе вышеперечисленных методов лежат показатели дистанций между научно-исследовательскими центрами, а также их публикационная активность и фактор влияния в международном научном сообществе. Для компьютерного моделирования сетей соавторов рекомендовано использовать пакеты ggplot2 [Wickham 2016] и maps²⁶ языка программирования R.

Среди комплементарных метрик, используемых для изучения международного научного сотрудничества и объектов интеллектуальной собственности, стоит отметить эффект аудитории — процент вовлеченности соавторов из различных социокультурных регионов, мобилизующий информационный спилловер²⁷ среди читателей, географически и/или психологически связанных с регионом соавтора. Международные научные работы и патенты, как правило, находятся под влиянием эффекта аудитории (то есть привлекают большее количество заинтересованных читателей), что обуславливает высокий индекс цитирования данных работ [Wagner et al. 2019]. В рамках анализа международного научного сотрудничества интересны также индексы креативности и новаторства работ соавторов. Данные индексы могут быть подсчитаны с использованием качественных и количественных методов статистического анализа.

²⁶ Maps: Draw Geographical Maps // ridrr [Электронный ресурс]. URL: <https://ridrr.io/cran/maps/> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁷ Под информационным спилловером в исследовании понимается распространение информации [Wagner et al. 2019].

Таким образом, по результатам обзора зарубежных работ по международному научному сотрудничеству можно сделать следующий вывод: международные научные коллаборации варьируются в зависимости от географической, предметной и социокультурной аффилиации научной работы. Положительный эффект международного научного сотрудничества и фактор влияния научной работы также могут быть усилены или ослаблены второстепенными факторами, напрямую связанными с соавторами (например, эффект аудитории).

Практика реализации менеджмента объектов интеллектуальной собственности в развитии международного научного сотрудничества университетов России и Германии

Международное научное сотрудничество между Казанским инновационным Университетом им. В.Г.Тимирязова (КИУ), Финансовым Университетом при Правительстве РФ (ФУ) с Вестфальским Университетом им. Вильгельма (г. Мюнстер), Техническим Университетом (ТУ) (г. Хемнитц), университетом г. Маннгейма в области менеджмента цифровой экономики стартовало в 2014 г., сформировалось в указанном составе в 2019 г. [Шаймиева и др. 2021; Шеве и др. 2020]. Соавторы разделяли ценность менеджмента ОИС, который понимался как публикационная активность, продвижение научных трудов на научных конкурсах, регистрация прав на ОИС в «Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (Роспатенте). Организация и управление международной научной деятельностью осуществляется Э.Ш.Шаймиевой (соавтором настоящего исследования) на основе менеджмента ОИС, который, в свою очередь, стал драйвером этого сотрудничества, результатом которого стало подписание договоров о международном сотрудничестве в научной, научно-образовательной сферах и Соглашения о студенческом обмене с ТУ г. Хемнитца (12.02.2021)²⁸.

Реализуя подход менеджмента ОИС, в 2021 г. соавторы зарегистрировали 7 ОИС в «Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (Роспатенте) в области менеджмента цифровой экономики, электронного здравоохранения. В Таблице 7 представлены характеристики семи баз данных, включая номер регистрации, объем баз данных.

Таблица 7. Характеристика 7 баз данных, зарегистрированных в «Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (Роспатенте) в 2021 г. в области менеджмента цифровой экономики, электронного здравоохранения²⁹

Название базы данных	Авторы	Патенто-обладатели	Номер патента ³⁰ , дата/ Номер заявки, дата	Система управления базой данных	Объем
1. Менеджмент Индустрии 4.0. Глоссарий в трех частях	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Хюзиг С., Шеве Г.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш.	2021621541 от 16.07.2021/ 2021621132 от 01.06.2021	Word	957 KB
2. Менеджмент Индустрии 4.0 в четырех частях	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Хюзиг С., Шеве Г.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш.	2021622188 от 19.10.2021/2021621792 от 25.08.2021	Word	4,30 MB

²⁸ Проведение научно-практических конференций в КИУ в области менеджмента цифровой экономики с очным участием профессоров международной команды, студенческий обмен КИУ в Технический Университет г. Хемнитца перенесены на постпандемийный период.

²⁹ Источник: Butneva A.J., Shaimieva E.Sh., Gumerova G.I. An E-Collection Comprising Eight Databases in the Digital Economy Management Area // НЭБ elibrary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47377273> (дата обращения: 10.01.2022).

³⁰ Точнее номер свидетельства о государственной регистрации базы данных.

3. Менеджмент организаций цифровой экономики для развития прикладных результатов у обучающихся	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Хюзиг С., Шева Г.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш.	2021622189 от 19.10.2021/ 2021621790 от 25.08.2021	Word	6,69 MB
4. Менеджмент организаций цифровой экономики. Глоссарий в четырех частях	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Хюзиг С., Шева Г.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш.	2021622140 от 14.10.2021/2021621795 от 25.08.2021	Word	1,16 MB
5. Концепция «Менеджмент Индустрии 4.0» посредством ее визуализации и продвижения на научных конкурсах для формирования прикладных навыков у обучающихся	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Савинов А.В., Хюзиг С., Шева Г.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Савинов А.В.	2021622168 от 19.10.2021/ 2021622076 от 11.10.2021	Microsoft Excel, Adobe Acrobat Reader	82,9 MB
6. Международное научное сотрудничество КИУ им. В.Г. Тимирязова, ФУ при Правительства РФ, ТУ г. Хемнитца (Германия), Университета г. Мюнстера (Германия) в области менеджмента цифровой экономики: продвижение на научных конкурсах, информационных порталах, публикациях за период 2019–2021 гг.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Хюзиг С., Шева Г.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш.	2021622374 от 02.11.2021/ 2021621793 от 25.08.2021	Excel, Adobe Acrobat Reader	78,8 MB
7. Исследование российского электронного здравоохранения в период его становления, развития в условиях пандемии COVID-19 на основе авторских работ за период 2019–2021 гг.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Бутнева А.Ю., Хюзиг С., Шева Г.	Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш., Бутнева А.Ю.	2021622359 от 01.11.2021/ 2021621788 от 25.08.2021	Word	45,3 MB

Согласно А.В. Тимирязовой, ректору КИУ им. В.Г. Тимирязова, «...благодаря международному сотрудничеству с германскими вузами ученые университета стали победителя конкурса «Лидеры российской науки-2019»»³¹. С учетом достигнутых результатов в 2021 г. можно добавить, что данный подход — менеджмент ОИС в области международного научного сотрудничества — был высоко оценен на Конкурсе «Золотые Имена Высшей Школы-2021»³².

Выводы

В результате анализа Национального рейтинга университетов «Интерфакс» по параметрам «Инновации» и «Интернационализация» за период 2019–2021 гг. нами выявлены шесть российских университетов, занимающих высокие места в данном рейтинге: МФТИ, МИФИ, МИСиС, РУДН, ННИГУ, УИТМО. Подход на основе менеджмента ОИС в области международного научного сотрудничества российских университетов реализуется в практике вузов с инженерно-технической специализацией, что подтверждает гипотезу исследования. Этот подход обеспечивает данным университетам высокие места в Национальном рейтинге университетов по параметрам «Инновации» и «Интернационализация» за период 2019–2021 г.

³¹ «Благодаря международному сотрудничеству с германскими вузами ученые университета стали победителями конкурса «Лидеры российской науки-2019» // Российско-Германский год научно-образовательных партнерств [Электронный ресурс]. URL: <https://russia-germany-cooperation.ru/interview/blagodaraya-mezhdunarodnomu-sotrudnichestvu-s-germanskimi-vuzami-uchenyje-universiteta-stali-pobeditel/> (дата обращения: 10.01.2022).

³² За развитие международного сотрудничества в сфере высшего образования // Золотые Имена Высшей Школы [Электронный ресурс]. URL: <https://goldennames.professorstoday.org/4-2021> (дата обращения: 10.01.2022).

На основе анализа полученных данных в НЭБ можно сделать вывод о том, международное научное сотрудничество, результаты которого отражаются в публикациях в НЭБ, является составной частью международного сотрудничества. В областях «международного сотрудничества», «международного научного сотрудничества» доминантой являются публикации соавторов, но не патентование (включая государственную регистрацию прав) в «Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (Роспатенте), иных зарубежных ведомствах (с индексации данной записи в НЭБ).

Практическая значимость проведенного исследования заключается в формировании организационно-управленческого подхода в области международного научного сотрудничества на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности; популяризации организационно-управленческого подхода в области международного научного сотрудничества на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности команды ФУ при Правительстве РФ, КИУ им. В.Г.Тимирязова, ТУ г.Хемнитца (Германия), Университета им. Вильгельма г. Мюнстера (Германия), Университета г. Мангейма (Германия). Данные результаты стали возможны благодаря анализу Национального рейтинга университетов «Интерфакс» и сформировали инструментарий подхода на основе менеджмента ОИС.

Сущность организационно-управленческого подхода на основе менеджмента ОИС в области международного научного сотрудничества заключается в понимании ОИС как ценности в процессе международного научного сотрудничества и как его результата; регистрации прав соавторов и патентообладателей в патентных ведомствах (РФ, за рубежом); учете ОИС в виде научных публикаций и патентов в соответствующих базах данных (elibrary, РИНЦ, ВАК, Scopus, Web of Science); популяризации ОИС как результата международной научной деятельности на научных национальных, федеральных, региональных конкурсах как для преподавателей-участников международного научного сотрудничества, так и для университетов с целью повышения конкурентоспособности системы российского высшего образования.

Список литературы:

Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Интеграция российских исследовательских групп в международные научные коллаборации с участием стран Шанхайской организации сотрудничества: перспективы правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2021а. № 3 (35). С. 7–11.

Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Конвенция ШОС о международном научном и научно-техническом сотрудничестве: необходимость принятия // Российско-азиатский правовой журнал. 2021б. № 4. С. 56–62. DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)4.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)4.11)

Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Модели нормативно-правового обеспечения международного и научно-технического сотрудничества и управления результатами совместных исследований // Российское право: образование, практика, наука. 2021с. № 4. С. 41–49. DOI: [10.34076/2410_2709_2021_4_41](https://doi.org/10.34076/2410_2709_2021_4_41)

Васильев А.А., Аничкин Е.С., Канакова А.Е. Концептуальная модель правового регулирования международного научно-технологического сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 207–222. DOI: [10.24412/2227-7315-2021-4-207-222](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-4-207-222)

Жуковский И.И., Баранова Ю.В. Международное научное и образовательное сотрудничество на Балтике // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 83–90.

Зонн И.С. Роль научного творчества Залибекова З.Г. в развитии международного сотрудничества по проблемам освоения аридных земель // Труды Института геологии Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 63. С. 8–11.

Ридигер А.В. Современные тенденции развития отраслевой системы международного научно-образовательного сотрудничества // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2020. № 5. С. 47–53. DOI: [10.19181/obrnaukru.2020.2](https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020.2)

Рябова Л.А., Иванова Л.В. Международное сотрудничество Института экономических проблем Кольского научного центра РАН на Севере и в Арктике: 30 лет научного диалога // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 4 (51). С. 41–57.

Серебряков А.А. Проект Федерального Закона «О международном научном и научно-техническом сотрудничестве» // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 107–112. DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.16](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.16)

Шаймиева Э.Ш., Гумерова Г.И., Бутнева А.Ю., Хюзиг С., Шева Г. Интеллектуальная собственность как драйвер международного научного сотрудничества: развитие показателей для российской практики // Государственное управление. Электронный вестник. № 88. 2021. С. 36–51. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-88-36-51](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-36-51)

Шева Г., Хюзиг С., Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Научно-исследовательский проект «Менеджмент цифровой экономики» как основа международного сотрудничества: развитие, результаты, перспективы // Инвестиции в России. 2020. №8. С. 37–41.

Ferreira J.J.M., Fernandes C.I., Ratten V. A Co-Citation Bibliometric Analysis of Strategic Management Research // Scientometrics. 2016. Vol. 109. P. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-016-2008-0>

Katz J.S. Geographical Proximity and Scientific Collaboration // Scientometrics. 1994. Vol. 31. P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02018100>

Kosch O., Szarucki M. Transatlantic Affiliations of Scientific Collaboration in Strategic Management: A Quarter-Century of Bibliometric Evidence // Journal of Business Economics and Management. 2020. Vol. 21. № 3. P. 627–646. DOI: <https://doi.org/10.3846/jbem.2020.12395>

Ronda-Pupo G.A., Guerras-Martín L.Á. Dynamics of the Scientific Community Network within the Strategic Management Field through the Strategic Management Journal 1980–2009: The Role of Cooperation // Scientometrics. 2010. Vol. 85. P. 821–848. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-010-0287-4>

Wagner C.S., Leydesdorff L. Mapping the Network of Global Science: Comparing International Co-Authorships from 1990 to 2000 // International Journal of Technology and Globalisation. 2005. Vol. 1. Is. 2. P. 185–208. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJTG.2005.007050>

Wagner C.S., Travis A., Whetsell S.M. International Research Collaboration: Novelty, Conventionality, and Atypicality in Knowledge Recombination // Research Policy. 2019. Vol. 48. Is. 5. P. 1260–1270. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.01.002>

Wickham H. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. Cham: Springer, 2016
DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-24277-4>

References:

Anichkin E.S., Serebriakov A.A. (2021a) Integration of Russian Research Groups into International Scientific Collaborations with the Participation of the Shanghai Cooperation Organization Countries: Prospects of Legal Regulation. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. № 3 (35). P. 7–11.

Anichkin E.S., Serebriakov A.A. (2021b) Models of Regulatory Support for International Scientific and Technical Cooperation and Management of the Results of Joint Research. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka*. № 4. P. 41–49. DOI: [10.34076/2410_2709_2021_4_41](https://doi.org/10.34076/2410_2709_2021_4_41)

Anichkin E.S., Serebriakov A.A. (2021c) SCO Convention on International Scientific and Technical Cooperation: Discussion of a Proposal. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal*. № 4. P. 56–62. DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)4.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)4.11)

- Reediger A.V. (2020) Modern Trends in the Development of the Sectoral System of International Scientific and Educational Cooperation. *Obrazovaniye i nauka v Rossii: sostoyaniye i potentsial razvitiya*. № 5. P. 47–53. DOI: [10.19181/obrnaukru.2020.2](https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020.2)
- Riabova L.A., Ivanova L.V. (2016) International Cooperation of the Institute for Economic Studies of the The Kola Science Centre of the RAS in the North and in the Arctic: 30 Years of Scientific Dialogue. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka*. № 4 (51). P. 41–57.
- Serebriakov A.A. (2020) Draft Federal Law “On International Scientific and Scientific and Technical Cooperation”. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal*. № 2. P. 107–112. DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.16](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.16)
- Shaimieva E.Sh., Gumerova G.I., Intellectual Property as a Driver for International Scientific Cooperation: Development of Indicators for Russian Practice. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 88. P. 36–51. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-88-36-51](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-36-51)
- Schewe G., Hüzig S., Gumerova G.I., Shaimieva E.Sh. (2020) *Nauchno-issledovatel'skiy proyekt «Menedzhment tsifrovoy ekonomiki» kak osnova mezhdunarodnogo sotrudnichestva: razvitiye, rezul'taty, perspektivy* [Research project “Digital Economy Management” as a basis for international cooperation: Development, results, prospects]. *Investitsii v Rossii*. № 8. P. 37–41
- Vasiliev A.A., Anichkin E.S., Kanakova A.E. (2021) Conceptual Model of Legal Regulation of International Scientific and Technological Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization Countries. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. № 4 (141). P. 207–222. DOI: [10.24412/2227-7315-2021-4-207-222](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-4-207-222)
- Zhukovskiy I.I., Baranova Yu.V. (2011) International Scientific and Educational Cooperation on the Baltic. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 5. P. 83–90.
- Zonn I.S. (2014) *Rol' nauchnogo tvorchestva Zalibekova Z.G. v razvitii mezhdunarodnogo sotrudnichestva po problemam osvoyeniya aridnykh zemel'* [The role of scientific creativity of Zalibekov Z.G. in the development of international cooperation on the development of arid lands]. *Trudy Instituta geologii Dagestanskogo nauchnogo centra RAN*. № 63. P. 8–11.
- Ferreira J.J.M., Fernandes C.I., Ratten V. (2016) A Co-Citation Bibliometric Analysis of Strategic Management Research. *Scientometrics*. Vol. 109. P. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-016-2008-0>
- Katz J.S. (1994). Geographical Proximity and Scientific Collaboration. *Scientometrics*. Vol. 31. P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02018100>
- Kosch O., Szarucki M. (2020) Transatlantic Affiliations of Scientific Collaboration in Strategic Management: A Quarter-Century of Bibliometric Evidence. *Journal of Business Economics and Management*. Vol. 21. № 3. P. 627–646. DOI: <https://doi.org/10.3846/jbem.2020.12395>
- Ronda-Pupo G. A., Guerras-Martín L.Á. (2010). Dynamics of the Scientific Community Network within the Strategic Management Field through the Strategic Management Journal 1980–2009: The Role of Cooperation. *Scientometrics*. Vol. 85. P. 821–848. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-010-0287-4>
- Wagner C.S., Leydesdorff L. (2005) Mapping the Network of Global Science: Comparing International Co-Authorships from 1990 to 2000. *International Journal of Technology and Globalisation*. Vol. 1. Is. 2. P. 185–208. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJTG.2005.007050>
- Wagner C.S., Travis A., Whetsell S.M. (2019) International Research Collaboration: Novelty, Conventionality, and Atypicality in Knowledge Recombination. *Research Policy*. Vol. 48. Is. 5. P. 1260–1270. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.01.002>
- Wickham H. (2016). *ggplot2: Elegant graphics for data analysis*. Cham: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-24277-4>

Дата поступления/Received: 09.02.2022

Конкуренция и сотрудничество: две стратегии социально-экономического развития общества и государства (институциональный подход)

Кичигин Олег Эмильевич

Доктор экономических наук, доцент, профессор Высшей школы административного управления Института промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, РФ.

E-mail: kichigin-oleg@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [3981-3824](https://elibrary.ru/3981-3824)

Аннотация

Социально-экономическое развитие общества и государства происходит путем формирования институциональной среды, в которой организации для достижения поставленных целей используют различные виды стратегий. В работе с классической и институциональной точки зрения раскрыта сущность понятий «конкуренция» и «сотрудничество» как теоретических основ формирования двух стратегий социально-экономического развития общества и государства: конкурентной борьбы и сотрудничества. Уточнены методологические особенности институционального подхода в оценке выбора субъектами социально-экономического развития общества и государства стратегий конкурентной борьбы или сотрудничества, а также предложена концепция, отражающая алгоритм такого выбора. В исследовании делается вывод о том, что с институциональной точки зрения выбор той или иной стратегии зависит от наличия и величины транзакционных издержек, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами общественных отношений. В работе исследуется влияние выбора стратегий на процессы социально-экономического развития общества и государства, а именно: на изменение (развитие или разрушение) инфраструктурных связей между субъектами общественных отношений; на формы контрактных отношений, используемых участниками социального обмена. Определение условий формирования транзакционных издержек позволяет сделать вывод о возможности регулирования процессов социально-экономического развития общества и государства посредством формирования и реализации институтов, способных снизить издержки социальных обменов при выборе участниками различных стратегий их взаимодействия.

Ключевые слова

Конкуренция, сотрудничество, социальный обмен, стратегия развития общественных отношений, институты, институциональная среда.

Competition and Cooperation: Two Strategies for Socio-Economic Development of Society and State (Institutional Approach)

Oleg E. Kichigin

DSc (Economics), Associate Professor, Professor of the Higher School of Administrative Management of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation.

E-mail: kichigin-oleg@mail.ru

Abstract

The socio-economic development of society and the state occurs through the formation of institutional environment in which organizations use various types of strategies to achieve their goals. The work reveals the essence of "competition" and "cooperation" concepts from classical and institutional point of view, as the theoretical foundations for forming two main strategies for the socio-economic development of society and the state: competition and cooperation. The methodological features of the institutional approach in assessing the choice by the subjects of the socio-economic development of society and the state of strategies for competition or cooperation are clarified, and a concept is proposed that reflects the algorithm for such a choice. The study concludes that from an institutional point of view, the choice of a particular strategy depends on the presence and magnitude of transaction costs that arise in the process of interaction between the subjects of public relations. The paper examines the influence of strategies choice on the processes of socio-economic development of society and the state, namely: on the change (development or destruction) of infrastructural links between the subjects of public relations; on the forms of contractual relations used by participants in social exchange. Determining the conditions for the formation of transaction costs allows us to conclude that it is possible to regulate the processes of socio-economic development of society and the state through forming and implementing institutions that can reduce the costs of social exchanges when participants choose various strategies for their interaction.

Keywords

Competition, cooperation, social exchange, strategy for the development of social relations, institutions, institutional environment.

Введение

В общем случае под социально-экономическим развитием общества и государства понимается процесс целенаправленного качественного производства частных и общественных благ, создаваемых субъектами общественных отношений в целях роста благосостояния населения и укрепления государственного устройства. При этом государство использует легитимный потенциал насилия, а общество (бизнес и домохозяйства) — право выбора различных форм экономической

деятельности. Формируя стратегии своего развития, субъекты социально-экономических отношений всегда стоят перед выбором между ведением конкурентной борьбы (конфронтацией) и возможностью взаимовыгодного сотрудничества (кооперацией).

По нашему мнению, основой такого выбора является, с одной стороны, защита экономических, социальных, политических и других интересов, имеющих у субъектов общественных отношений в краткосрочной и долгосрочной перспективе, с другой стороны, наличие и возможность реализации ими своих конкурентных преимуществ, сформированных правами собственности на ограниченные ресурсы (специфические активы). При этом в условиях конфронтации права собственности на специфические активы используются акторами в качестве противодействующих факторов в конкурентной борьбе, а при сотрудничестве, напротив, объединяются, создавая инфраструктурные связи, усиливающие положительные синергетические эффекты в деятельности субъектов социально-экономического развития общества и государства. Реализация любой стратегии, выбранной субъектами социально-экономического развития, подразумевает их стремление к достижению индивидуально поставленных целей и, независимо от этого, формирование условий позитивного развития общественных отношений. В целом такую ситуацию А. Смит рассматривал как «невидимую руку рынка», при которой выбор субъектами социального обмена любой из выбранных стратегий приводит к развитию общественных отношений в долгосрочной или краткосрочной перспективе.

Безусловно, идея исследования различных стратегий социально-экономического развития общества не нова, однако понимание природы выбора ее альтернативных вариантов может позволить перейти от спонтанного стратегического планирования, основанного на методе проб и ошибок, к разработке научно-обоснованных методов строительства социальных отношений. Этим определяется актуальность настоящей работы, целью которой является использование институционального подхода в исследовании конкуренции и сотрудничества — двух ключевых взаимодополняющих стратегий социально-экономического развития общества и государства. Для решения поставленной цели необходимо:

- 1) раскрыть сущность понятий «конкуренция» и «сотрудничество», представляющих собой теоретические основы формирования стратегии социально-экономического развития общества и государства (с классической и институциональной точки зрения);
- 2) уточнить методологические особенности институционального подхода в исследованиях процесса выбора субъектами общественных отношений различных стратегий социально-экономического развития общества и государства;
- 3) предложить концепцию выбора субъектами общественных отношений стратегий конкурентной борьбы или сотрудничества;
- 4) определить условия формирования трансакционных издержек во взаимоотношениях между субъектами социально-экономического развития общества и государства, влияющих на выбор и реализацию ими стратегий конкурентной борьбы или сотрудничества.

Обзор литературы

В современной научной литературе существуют различные подходы к трактовке понятия «стратегия», формирующие многообразные классификации этого термина. Достаточно часто стратегия определяется как способ реакции на внешние угрозы [Сысоева 2019], как метод,

процесс или искусство достижения субъектом социально-экономического развития долгосрочных целей за счет использования им своих конкурентных преимуществ [Porter 1987]. В институциональном смысле под стратегией понимается выбор участниками общественных отношений набора правил или алгоритмов поведения (институтов), позволяющих им принимать научно-обоснованные управленческие решения. В современных научных исследованиях рассматриваются различные подходы к определению понятий «конкуренция» и «сотрудничество», представляющих собой теоретические основы формирования стратегии социально-экономического развития общества и государства.

Конкуренция

Изначально под стратегией понималась «наука о войне», или искусство полководца разработать такую модель боевых действий, которая за счет эффективного использования ограниченных боевых ресурсов позволяла бы ему обеспечить полную победу. В этом смысле «конкуренция» или «конкурентная борьба» неразрывно связаны с понятием «стратегия». Поэтому в научных исследованиях понятие конкуренции достаточно часто рассматривалось в качестве центрального элемента стратегии, интегрируясь в такое понятие, как «стратегия конкурентного поведения» [Жангалиева 2017]. В общем случае реализация стратегии конкурентного поведения представляет собой процесс усиления субъектами общественных отношений своих конкурентных преимуществ, при этом образуются новые элементы, формы и инструменты социально-экономического развития общества и государства. Так, М. Портер считал, что, формируя стратегии социально-экономического развития, субъекты конкурентной борьбы предполагают, что имеющиеся у них конкурентные преимущества позволят им обеспечить выигрыш в краткосрочной перспективе, а в среднесрочной и долгосрочной перспективе освободить рынок от аутсайдеров рыночных отношений [Porter 1987].

По мнению Р.А. Фатхутдинова, под конкуренцией следует понимать «процесс управления субъектом своими конкурентными преимуществами для одержания победы или достижения других целей в борьбе с конкурентами за удовлетворение объективных и субъективных потребностей в рамках законодательства либо в естественных условиях» [Фатхутдинов 2002]. Необходимо отметить, что Р.А. Фатхутдинов делает уточнение о роли институционального фактора в конкурентной борьбе. Мы согласны с его мнением о том, что для позитивного развития общества и государства конкурентная борьба должна проходить в рамках, ограниченных действующей нормативно-правовой средой (формальными институтами и неформальными ограничениями).

Представляют интерес исследования Н.Н. Алфёровой, которая считает, что в общем случае борьба ведется за монопольное право обладания и распоряжения ограниченными ресурсами [Алфёрова 2015]. Поэтому основной целью своей деятельности субъекты конкурентных отношений видят достижение такого уровня конкурентных преимуществ, который способен обеспечить им победу в конкурентной борьбе за право извлечения различных видов монопольной ренты в процессе формирования общественных отношений. На наш взгляд, борьба за монопольное право обладания ограниченными ресурсами позволяет субъектам общественных отношений формировать различные виды (производственной, технологической, финансовой, институциональной) ренты. В этом смысле между субъектами идет борьба за право извлечения монопольного дохода.

Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве случаев исследовался процесс конкурентной борьбы между независимыми компаниями (и/или их объединениями), действующими на рынке монополистической конкуренции. При этом выделялись два основных

подхода к анализу экономической деятельности субъектов, использующих свои конкурентные преимущества: классический и институциональный. В классическом подходе в основном анализировалась эффективность формирования и реализации инструментов рыночного предложения и спроса. При применении институционального подхода акцент делался на оценке процессов рыночного взаимодействия как результатов реализации транзакции сделки и рационализации [Coase 1937]; процессов внутрифирменных взаимоотношений как результатов осуществления транзакции управления [Милгром, Робертс 1999]; эффективности применения институтов, направленных на снижение транзакционных издержек, возникших в результате реализации различных видов транзакций. С институциональной точки зрения под конкуренцией понимался конкурс рент, или соперничество, которое основано на возможности субъектов социального обмена формировать свои конкурентные преимущества за счет использования ими формальных институтов и неформальных ограничений [North 1989]. В данном случае под рентой понималась возможность получения монопольного дохода за счет создания и/или использования инструментов и механизмов институциональной среды в процессе общественных отношений. По мнению Г. Таллока, возникает конкуренция на нескольких взаимосвязанных уровнях: первый уровень: в экономической сфере — борьба за привилегии на рынке товаров и услуг; второй уровень: в политической сфере — борьба между субъектами принятия управленческих решений; третий уровень: в экономической сфере — вхождение в отрасли, имеющие привилегии в экономическом секторе экономики [Таллок 2011].

На наш взгляд, важнейшим выводом этих исследований является то, что понятие конкуренции вне общественных отношений теряет всякий смысл: конкуренция — это всегда продукт общественных отношений, уровень развития которых отражает развитие институциональной среды, сформированной обществом и государством в процессе реализации и защиты своих интересов. При этом институты, действующие в обществе, позволяют снизить издержки, возникающие при формировании и реализации стратегии конкурентной борьбы, а размер институциональной ренты определяется способностью субъектов конкурентной борьбы использовать данные институты. В общем случае под реализацией интересов подразумевается спецификация и защита прав собственности на ограниченные ресурсы, наличие которых позволяет субъекту общественных отношений получать природную, производственную, финансовую или институциональную ренту.

Отдельным направлением исследований является изучение конкурентной борьбы как процесса, в результате которого субъектами конкурентных отношений решались сложные, многоуровневые социально-экономические конфликты, направленные на согласование их интересов. В этом смысле конкурентная борьба представляет собой один из способов решения конфликта между субъектами социального обмена, результатом которого становится гармонизация их интересов [Кичигин 2018].

Необходимо отметить, что в научной литературе конкурентная борьба рассматривается не только в отношении между конкурирующими субъектами, но и с точки зрения ее влияния на социально-экономическое развитие общества и государства. Е.В. Саклакова и В.В. Мелешкин отмечали, что в условиях возникновения несовершенной конкуренции, а в некоторых случаях недобросовестной конкуренции, как «борьбы без правил» растут социальные риски [Саклакова, Мелешкин 2019]. По нашему мнению, риски представляют собой отклонения от «траекторий», принятых обществом стратегий, и связаны с увеличением зон неопределенности в социальных отношениях, границы которых определяются уровнем транзакционных издержек. Поэтому для снижения возможных потерь обществом формируются и активно

используются формальные институты и неформальные ограничения как ключевые инструменты социально-экономического развития. В этом смысле конкуренция является обобщающим понятием в общественных отношениях, которая отражает направление и результаты различных процессов конкурентной борьбы, происходящих в постоянно эволюционирующей институциональной среде [North 1990]. При этом под институциональной средой рассматривалась система формальных институтов и неформальных ограничений, в которой формальные институты образуют взаимосвязанную систему нормативно-правовых актов, а также различных организаций взаимодействия людей (государство, фирма, домохозяйство), формирующих механизмы ее реализации. В свою очередь, неформальные ограничения представляют собой исторически сложившийся образ жизни, культуру людей, населяющих определенную территорию.

С точки зрения институционального анализа конкурентных отношений важным моментом является то, что между формальными и неформальными институтами, а также внутри этих институтов возникают противоречия и, как следствие, конкурентная борьба между институтами. При этом результат такой борьбы не всегда предсказуем. Нередки случаи, когда победа достается неэффективным институтам. На наш взгляд, такая ситуация определяется величиной транзакционных издержек, возникающих при взаимодействии субъектов, обладающих неравноценным переговорным потенциалом (потенциалом рыночной силы), которые стремятся не столько гармонизировать интересы между субъектами социально-экономического развития общества и государства, сколько «подавить» своего контрагента. При этом в слабом с правовой точки зрения государстве с низким уровнем правовой защиты и спецификации различных режимов собственности конкуренция институтов усиливает недобросовестную конкуренцию. Необходимо признать, что в современной науке конкуренция между институтами представляет собой малоизученную область конкурентных отношений, что снижает результаты анализа общественных отношений, достоверность прогнозов и рекомендаций, необходимых субъектам социально-экономического развития общества и государства.

Сотрудничество

Во многих современных научных исследованиях сотрудничество рассматривается в качестве формы взаимодействия между субъектами социально-экономического развития и как социальная стратегия [Акулич, Боликова 2018]. При этом анализ дефиниций сотрудничества позволяет выделить несколько ключевых признаков данного понятия, а именно: множественность участников процесса; наличие общей цели, отражающей интересы этих участников; осуществление совместной деятельности, основанной на взаимопонимании и доверии; использование формальных алгоритмов взаимодействия, а также неформальных ограничений, снижающих риски неопределенности, при выборе стратегии сотрудничества.

Необходимо отметить, что практически во всех исследованиях, посвященных вопросам взаимоотношений между субъектами социально-экономического развития общества и государства, высказывалась мысль о том, что при реальном взаимодействии субъекты общественных отношений не разделяют понятия конкуренции и сотрудничества. Авторы утверждали, что субъекты реализуют свои стратегии с учетом их возможного симбиоза. При этом формируются такие понятия, как «сотрудничество между конкурирующими субъектами» [Королев 2019], «соконкуренция» [Батуева 2017], «конкурентное партнерство» [Терешин 2015], причинами возникновения которых считали схожесть желаемых целей и/или средств их достижения. Так, А.Х. Хакимов утверждал, что «сотрудничество имеет место там, где участники взаимодействия имеют общую цель и общие средства достижения этой цели. В противоположность

этому соперничество возникает тогда, когда взаимодействующие лица преследуют индивидуальные цели либо расходятся в средствах их достижения. Поэтому в качестве основного источника более серьезных форм конфликта исследователи конфликта стали рассматривать не гнев и предубеждение, а различие интересов»¹. На наш взгляд, такой подход к обоснованию выбора участников рыночных отношений между конкурентной борьбой и сотрудничеством является дискуссионным. По нашему мнению, у субъектов конкурентной борьбы всегда имеется различие интересов, поэтому выбор инструментов общественных отношений определяется соотношением затрат и доходов, которые в итоге получают стороны в процессе реализации ими альтернативных вариантов взаимодействия: конкуренции или сотрудничества.

Мы согласны с мнением М.А. Пашиной, которая считала, что институциональная среда сформирована как рыночными, так и государственными инструментами регулирования экономических отношений. Основой взаимоотношений становятся отношения к инфраструктурным связям между субъектами, осуществляющими свой выбор [Пашина 2015]. При этом основой строительства инфраструктурных связей является возможность совместного использования специфических активов, которыми обладают субъекты социально-экономического взаимодействия. В результате совместного использования прав собственности на специфические активы у них формируются новые конкурентные преимущества. Д.Г. Родионов, О.Э. Кичигин и Т.Н. Селентьева утверждают, что в этом случае возникает институциональная инфраструктурная рента, то есть возможность получения монопольного дохода от снижения транзакционных издержек за счет использования институтов, усиливающих инфраструктурные связи [Родионов и др. 2018]. Кроме того, с точки зрения институционального подхода при реализации стратегии сотрудничества можно говорить о возникновении положительного мультипликативного эффекта, основанного на взаимодействии классических рыночных (производственных) механизмов, направленных на снижение производственных затрат и институциональных механизмов, позволяющих снизить организационные (транзакционные) издержки. При этом необходимо обратить внимание на то, что существуют ситуации, в которых снижение производственных затрат может привести к росту транзакционных издержек и, наоборот, снижение транзакционных издержек может привести к увеличению производственных затрат. В этом смысле необходим анализ общих издержек при формировании и изменении системы инфраструктурных связей общественных отношений. По нашему мнению, в общем случае при конкурентной борьбе инфраструктурные связи разрушаются, а при сотрудничестве, напротив, совершенствуются, формируя различные синергетические эффекты от использования субъектами своих специфических активов.

Исследуя такое явление, как сотрудничество, необходимо рассмотреть работу О. Уильямсона, в которой сотрудничество (взаимодействие) между конкурирующими субъектами играет ключевую роль при реализации ими различных иерархических структур (организаций) и гибридных форм (контрактов), формируя институциональную среду развития общества и государства [Уильямсон 1996]. Мы согласны с подходом О. Уильямсона, однако в рамках настоящего исследования, на наш взгляд, необходимо теоретически разделить понятия «сотрудничество» и «конкуренция», что позволит более точно конкретизировать причины выбора субъектами общественных отношений стратегий конкуренции и сотрудничества.

¹ Хакимов А.Х. Формирование системы управления конкурентоспособностью предпринимательских структур в Российской экономике: дисс... докт. эк. наук. СПб, 2019. С. 25–26.

Методология исследования

Теоретической базой настоящего исследования является институциональная теория, а методологической базой, определяющей направление институционального анализа, — теория транзакционных издержек. При этом методология настоящего исследования учитывает ряд принципиальных положений:

1. Институтами определяются производственные отношения, а научно-техническим прогрессом — развитие производительных сил; в этом смысле эффективность институтов взаимодействия субъектов общественных отношений обусловлена гармоничным развитием производительных сил и производственных отношений. Основой гармоничного развития является развитие инфраструктурных связей между субъектами общественных отношений.

2. Институт конкурентной борьбы и институт сотрудничества «как алгоритмы поведения субъектов рыночного взаимодействия представляют собой альтернативные, взаимодополняющие варианты общественных отношений, на которых строятся различные типы социальных обменов. При этом и в том, и в другом случае основной целью организаций остается наращивание конкурентных преимуществ и возможность извлечения монопольной ренты в процессе осуществления ими социально-экономической деятельности. И в том, и в другом случае независимые компании будут нести трансформационные и транзакционные издержки» [Родионов и др. 2019, 53], анализ которых определяет конечный выбор субъектами стратегии своего развития.

3. Деятельность субъектов социального обмена реализуется в виде системы взаимосвязанных транзакций, каждая из которых формирует систему транзакционных издержек. Поэтому осуществление любой стратегии должно строиться на анализе возможности у субъектов общественных отношений использовать институциональные механизмы, направленные на снижение таких издержек. При этом анализ возможностей снижения издержек должен учитывать как наличие производственных затрат, так и транзакционных издержек: снижение транзакционных (организационных) издержек не должно вести к росту производственных расходов, и наоборот.

4. Любая из выбранных стратегий определяется уровнем легитимного потенциала насилия (рыночной силы) у субъекта социального обмена, отражающего его конкурентный потенциал. При этом эффективность реализации конкурентного потенциала обеспечивается развитием институциональной среды, то есть действующими формальными институтами государства, а также системой социальных ценностей, выраженных в виде неформальных ограничений.

5. Независимо от распределения рыночной силы, основанной на наличии и возможности использования конкурентных преимуществ, между субъектами социального обмена при выборе ими любой из имеющихся стратегий взаимодействия всегда будет отсутствовать единственно верное оптимальное решение. Все решения будут субоптимальными, то есть иметь множественное значение и зависеть от того, как субъекты социального взаимодействия формулируют цель своей деятельности (исходя из субъективного видения процесса реализации своих интересов и личных предпочтений).

6. Развитие внутри организационной структуры субъекта общественных отношений (бизнес, домохозяйства, публичные органы власти) находится в прямой зависимости от эффективности действующих в институциональной среде формальных институтов и неформальных ограничений в процессе реализации этими организациями транзакций управления. При этом реализация транзакции управления подразумевает возникновение транзакционных издержек, определяющих эффективность построения внутренних организационных структур

у субъектов общественных отношений. В этом смысле основой формирования конкурентных преимуществ становится построение организационных рутин, способных снизить различные виды транзакционных (внутриорганизационных) издержек.

7. Реализация социального обмена подразумевает, что между его субъектами принято принципиальное решение о необходимости взаимодействия. При этом форма сотрудничества предполагает наличие активного взаимодействия, то есть имеет инициативный характер. В отличие от сотрудничества, конкурентная форма взаимодействия может носить скрытый, пассивный характер. В этом случае конкуренция может осуществляться в отношении нескольких (не связанных между собой) субъектов, деятельность которых формирует рынок монополистической конкуренции. Это предполагает, что любой субъект рынка монополистической конкуренции не ставит своей задачей победу в конкурентной борьбе в отношении конкретного участника рыночных отношений. Другими словами, целью использования конкурентных преимуществ становится возможность получения рентных доходов, вне зависимости от успехов контрагентов. В этом смысле пассивный характер конкурентной борьбы проявляется в возможности использовать (а не создавать) уже имеющиеся реальные (объективные) условия рыночного обмена для получения институциональной ренты.

8. Важно отметить, что различный характер рыночного взаимодействия реализуется его субъектами через различные формы контрактных отношений. Так, например, в условиях рынка монополистической конкуренции при формировании стратегии конкурентной борьбы основная роль принадлежит имплицитным контрактам, согласно которым стороны в одностороннем порядке берут на себя обязательства исполнять законы, действующие в обществе и государстве. То есть общество и государство формируют нормативно-правовые рамки, выход за которые налагает на участников конкурентной борьбы санкции, снижающие их доход. В этих условиях основой конкурентной борьбы становится понимание механизмов институциональной среды в развитии рыночных отношений. Другими словами, конкурентными преимуществами субъектов конкурентных отношений является знание законов и умение их применять на практике. В свою очередь, при выборе стратегии сотрудничества стороны формируют свою деятельность, в основном опираясь на институты или правила контрактации, снижающие различные виды транзакционных издержек контрактных отношений. В данном случае определяющими становятся контракты сделки и отношенческие контракты [Вострова, Ладыкова 2017]. Такой подход позволяет более точно оценить роль институтов при формировании и регулировании процессов социально-экономического развития общества и государства.

Результаты исследования

Исследуя понятие стратегии социально-экономического развития общественных отношений, необходимо подчеркнуть, что любая стратегия определяет выбор комбинаций (альтернатив) в различных видах деятельности между субъектами социальных обменов. В общем случае можно утверждать, что сотрудничество между субъектами связано с механизмами гармонизации их интересов. При этом желание субъектов согласовать свои интересы формирует новые формы и механизмы сотрудничества, напротив, отсутствие такого желания является предпосылкой к конкурентной борьбе, а их антагонизм ведет к обострению конкуренции (Рисунок 1).

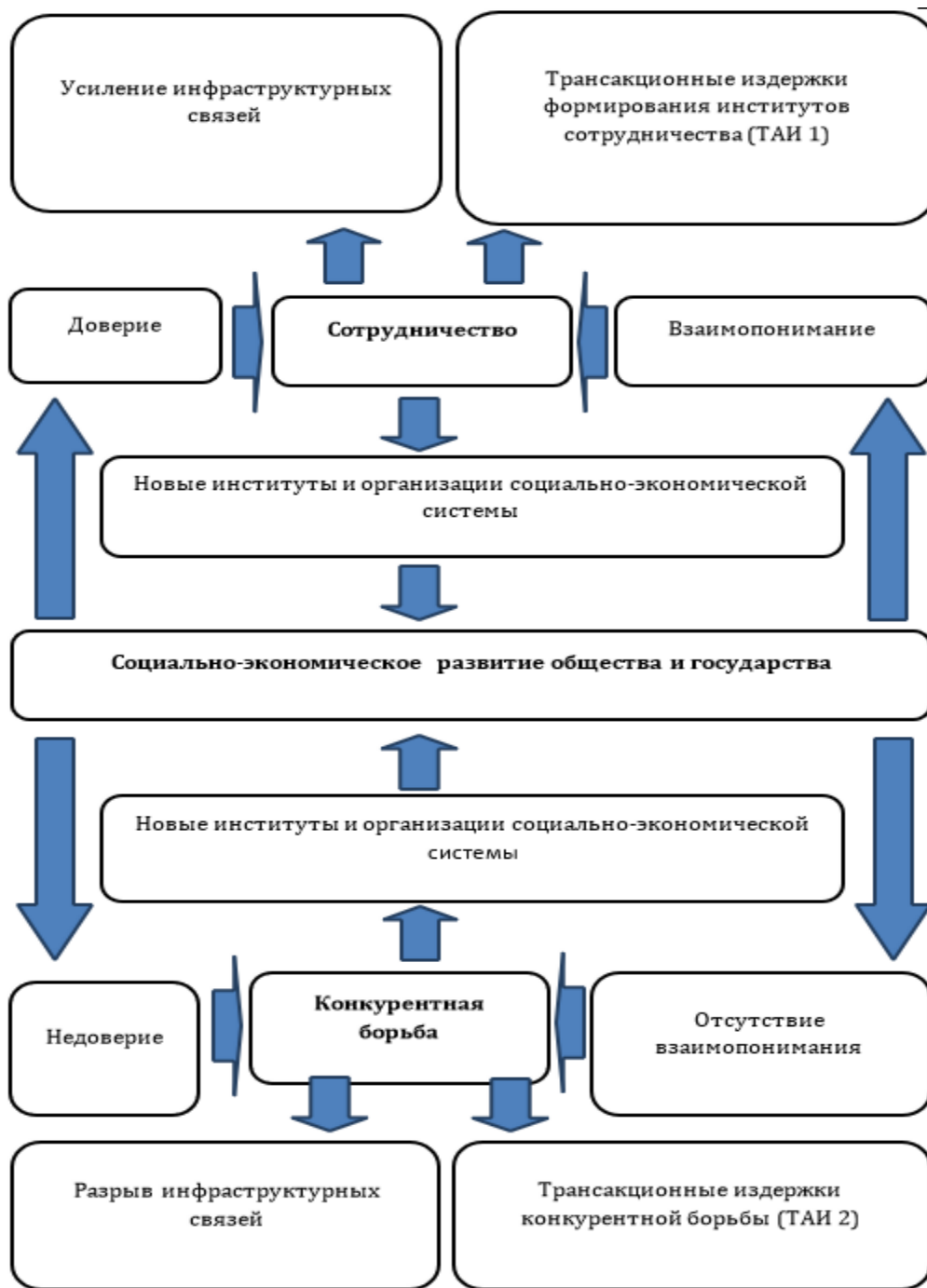

Рисунок 1. Концепция формирования социально-экономического развития общества на основе выбора стратегии конкурентной борьбы и сотрудничества²

На наш взгляд, определение роли доверия и взаимопонимания как специфических транзакций социального обмена, определяющих возможность его осуществления и его границы, является темой отдельного исследования. Поэтому в данной работе нами не рассматриваются вопросы, связанные с решением проблемы формирования и реализации этих транзакции. Однако следует подчеркнуть, что доверие и взаимопонимание между субъектами общественных отношений влияют на выбор инструментов их взаимодействия внутри реализуемых стратегий. В данном случае мы рассматриваем социальный обмен в узком смысле (как ключевой элемент общественных отношений), который с институциональной точки зрения представляет собой цепочку взаимосвязанных транзакций в виде движения и/или обмена правами собственности

² Составлено автором.

и свободами между его участниками. При этом в процессе социального обмена возникают транзакционные издержки, анализ которых влияет на выбор стратегии, обоснование границ ее применения, а также на разработку рекомендаций по ее эффективному применению. Необходимо отметить, что сами по себе низкие издержки не являются конкурентным преимуществом, а лишь отражают потенциал или возможность субъектов социального обмена эффективно реализовать выбранные ими стратегии. В этом смысле необходим анализ взаимодействия институтов, формирующих как производительные силы, так и производственные отношения.

По нашему мнению, гармонизация интересов между субъектами социального обмена во многом связана с процессами развития или, наоборот, разрушения инфраструктурных связей, формирующих общественные отношения. В общем случае выбор субъектами социального обмена стратегии сотрудничества оказывает более благоприятное влияние на процессы создания инфраструктурных связей, а значит, в целом на социально-экономическое развитие общества и государства. Однако социальный обмен может происходить и между субъектами общественных отношений, формирующими деструктивные процессы в развитии общества и государства. В этом случае необходим дополнительный анализ персональных интересов всех основных субъектов социально-экономического развития (общества, бизнеса, государства), а также разработка критериев оценки их влияния на общественные отношения в конкретных сферах политической, экономической, социальной и другой деятельности. В этом смысле, так же как и в отношении понятий «доверие» и «взаимопонимание», необходимо самостоятельное исследование понятия «инфраструктурные связи социального обмена», раскрывающего сущность и условия общественных отношений в целом (формирование социального капитала [Coleman 1994]) и социального обмена в частности.

Необходимо признать, что во многих случаях субъекты общественных отношений отказываются от сотрудничества, выбирая стратегию конкурентной борьбы. По нашему мнению, такой выбор можно объяснить, используя концептуальные положения теории транзакционных издержек. Если взаимодействие между субъектами рассматривать как систему транзакций, формирующих различные виды и уровни транзакционных издержек, то их величина будет определять доход субъекта в социальном обмене, а в конечном счете выбор стратегии поведения субъектами социально-экономического развития общества и государства (Таблица 1).

Таблица 1. Выбор стратегии субъектами социально-экономического развития³

Стратегия	Доход от применения стратегии	Условия выбора стратегии
Сотрудничества	$D_c = D1 - ТАИ1$	$D_c > D_{кб}$
Конкурентной борьбы	$D_{кб} = D2 - ТАИ2$	$D_c < D_{кб}$

На наш взгляд, если у субъекта социального обмена имеется возможность анализа транзакционных издержек и расчета потенциального дохода, то выбор стратегии будет обусловлен сравнительным анализом величин D_c и $D_{кб}$. При этом, должны выполняться неравенства: $ТАИ1 < D_c$; $ТАИ2 < D_{кб}$. Если $D_c < ТАИ1$, то субъект откажется от стратегии сотрудничества. Если $D_{кб} < ТАИ2$, то субъект откажется от стратегии конкурентной борьбы.

³ Составлено автором. Примечание: $D1$ — это максимально возможный доход субъекта социального обмена, выбравшего стратегию сотрудничества; $ТАИ1$ — транзакционные издержки, возникающие в результате реализации стратегии сотрудничества; D_c — это потенциальный доход субъекта социального обмена, выбравшего стратегию сотрудничества; $D2$ — это максимально возможный доход субъекта социального обмена, выбравшего стратегию конкурентной борьбы; $ТАИ2$ — транзакционные издержки, возникающие в результате реализации стратегии конкурентной борьбы; $D_{кб}$ — это потенциальный доход субъекта социального обмена, выбравшего стратегию конкурентной борьбы.

Обсуждение результатов исследования

Предложенная выше концепция выбора стратегии субъектами социально-экономического развития общества и государства предполагает анализ условий формирования транзакционных издержек при реализации стратегий конкурентной борьбы или сотрудничества. В свою очередь, выявленные условия формирования транзакционных издержек позволяют не только спрогнозировать направление выбора субъектами стратегии своего поведения в тех или иных конкретных условиях их взаимодействия, но и предложить институциональные механизмы, действие которых будет способствовать развитию инфраструктурных связей общественных отношений, росту общего уровня социального капитала.

Условия формирования транзакционных издержек (ТАИ2) при реализации стратегии конкурентной борьбы

По нашему мнению, особенностью выбора стратегии конкурентной борьбы является наличие высокого уровня неопределенности в отношениях между сторонами социального обмена [Гасимов, Володарская 2020], который определяется следующими условиями:

- 1) асимметрией правового положения сторон социального обмена; наличием убеждения, что имеющиеся ресурсы, определяющие потенциал насилия, превосходят ресурсы контрагента, а значит, его возможности; отсутствием возможности анализа расходов по осуществлению конкурентной борьбы;
- 2) асимметрией правовой и бизнес-информации между субъектами социального обмена; использование ими разных типов коммуникационных каналов [Наконечных 2016], искажающих реальное положение дел;
- 3) отсутствием механизмов и инструментов эффективного мониторинга поведения контрагентов в отношении выполнения взятых ими на себя обязательств. При этом в условиях постоянно эволюционирующей институциональной среды общественных отношений происходит изменение внешних и внутренних факторов, воздействующих на субъекты социально-экономического развития. Это приводит к росту рисков в оценке их деятельности;
- 4) отсутствием доверия и взаимопонимания между субъектами социального обмена [Бикметов и др. 2018], а также низкой эффективностью институциональных механизмов, способных гармонизировать их интересы. В отдельных случаях: безразличием общества и государства к проблемам субъектов общественных отношений; возможностью использования суррогатных схем сотрудничества: например, «дружить против кого-то»; ложным убеждением того, что только борьба способна «все расставить на свои места», а кризисы и банкротства предприятий «чистят» рынок.

Необходимо отметить, что отдельной проблемой, требующей решения, остается количественное определение транзакционных издержек. В большинстве случаев у субъектов социального обмена отсутствуют механизмы расчета и анализа транзакционных издержек. Именно это является причиной высокого уровня неопределенности в отношениях между сторонами, что приводит к выбору стратегии конкурентной борьбы.

Условия формирования транзакционных издержек (ТАИ1) при реализации стратегии сотрудничества

При формировании и реализации процесса сотрудничества стороны также несут организационные затраты, выраженные различными типами транзакционных издержек. В отличие от стратегии конкурентной борьбы, осуществляемой в условиях высокого уровня неопределенности, стратегия сотрудничества более формализована, поэтому имеет свои институциональные преимущества. Прежде всего она реализуется с использованием различных форм контрактных отношений, что подразумевает наличие механизмов анализа и снижения транзакционных издержек (например, использование институтов страхования). Рассмотрим несколько ключевых моментов. Необходимо отметить, что стратегия сотрудничества предполагает необходимость решения проблем, связанных с реализацией неполного контракта на этапе предконтрактной подготовки и в постконтрактном периоде:

- на предконтрактном этапе возникает проблема неблагоприятного отбора для субъекта, который является инициатором социального обмена. Его ограниченная рациональность не позволяет определить и оценить реальные условия, отражающие полный спектр возможного взаимодействия между всеми субъектами социального контракта, а значит, максимально полные требования, предъявляемые к контрагенту. Более того, отсутствие возможности проверить достоверность информации, предоставляемой контрагентом, усиливает риски заключения неэффективного договора с высокими затратами по его реализации. В свою очередь, контрагент, используя минимальные («заниженные») условия отбора, способен вести себя оппортунистически, скрывая информацию, знание о которой способно снизить заинтересованность в нем. В общем случае проблема неблагоприятного отбора формирует условия неравноценного обмена между субъектами общественных отношений;
- на постконтрактном этапе взаимодействия основной проблемой, требующей решения, становится проблема «безбилетника» (проблема морального риска), согласно которой одна из сторон контракта может снизить свои усилия в достижении общего положительного результата, если будет понимать, что другая сторона договора вынуждена (во всех случаях будет стремиться) достичь поставленной цели. В этом случае возникает рост издержек контроля и принуждения сторон к выполнению взятых на себя обязательств.

В общем случае можно говорить о формировании инфраструктурных связей между субъектами, обладающими специфическими активами, в обмене которыми заинтересованы все стороны контрактных отношений. Однако на каждом этапе издержки процесса сотрудничества, то есть стоимость инфраструктурных связей, могут стать настолько большими, что стороны, оценивая будущие потенциальные результаты, могут отказаться от продолжения своих отношений.

Важное значение имеет конечный этап в реализации стратегии сотрудничества, характеризующийся достижением заданного результата. На этом этапе возникают транзакционные издержки, связанные с разделом результатов сотрудничества. Проблемы усиливаются, если результаты представляют собой коллективную (коммунальную) собственность. По нашему мнению, в современной практике отсутствуют эффективные механизмы раздела результата коммунальной собственности. Кроме того, риски разрыва отношений возрастают, если стороны в контрактах сделки или отношенческих контрактах не оговорили специальные условия пролонгации договора или выхода из него. В этом случае начинается «отложенная

по времени» конкурентная борьба за конечный результат сотрудничества. Во многих случаях такая конфронтация приводит к разрыву отношений (инфраструктурных связей в общественных отношениях). При этом необходимо отметить, что при имплицитных контрактах, когда отсутствует необходимость делить продукт сотрудничества, стороны могут максимально долго реализовывать стратегию сотрудничества, например, при формировании института кластера.

По нашему мнению, заслуживающим внимания и требующим отдельного исследования является процесс возникновения и возможность использования симбиоза между инструментами конкурентной борьбы и инструментами сотрудничества, позволяющего снизить уровень трансакционных издержек в выбранных стратегиях. Основой такого симбиоза может стать формирование и реализация институтов социально-экономического развития общества и государства в сфере кластерной политики. Именно это обстоятельство определяет организацию обществом и государством институтов, деятельность которых направлена на создание условий, позволяющих снизить негативные эффекты, связанные с возникновением издержек конкурентной борьбы или сотрудничества между отдельными субъектами общественных отношений. Главным направлением является формирование в обществе и государстве производственных и социальных инфраструктурных связей [Кичигин 2018]. Использование таких связей становится самостоятельным организационным (инфраструктурным) конкурентным преимуществом для всех субъектов общественных отношений, способным создать различные виды институциональной ренты. Ярким примером может являться формирование и реализация различных кластерных стратегий, в которых интегрированы инструменты конкуренции и сотрудничества. При формировании кластерных структур усиление инфраструктурных связей между субъектами кластера повышает результативность интеграционного процесса, главными принципами которого становятся: совместимость видов экономической деятельности; возможность их взаимного усиления (положительный синергетический эффект); оптимизация усиления, при которой один вид экономической деятельности не поглощается другим видом экономической деятельности; общность целеполагания и т.д. При этом не требует отдельного доказательства тот факт, что в реальной жизни у каждого субъекта имеются свои интересы, защита которых формирует условия конкуренции в процессе их кластерного сотрудничества.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования раскрыта сущность понятий «конкуренция» и «сотрудничество», что позволило с классической и институциональной точки зрения объединить все виды стратегий социально-экономического развития общества и государства в две ключевые взаимодополняющие группы: конкурентные стратегии (или стратегии конкурентной борьбы) и стратегии, основанные на взаимовыгодном сотрудничестве (кооперации) между участниками общественных отношений. При выборе стратегии субъектами социально-экономического развития учитываются возможности использования имеющихся у них конкурентных преимуществ, которые определены их конкурентным потенциалом в сфере реализации (защиты) своих интересов за счет возможности получения природной, производственной, финансовой или институциональной ренты. В конечном счете это определило особенности формирования и эффективность реализации, исследуемых нами стратегий.

При этом уточнена методологическая база институционального подхода в исследованиях по выбору субъектами социально-экономического развития стратегий своего взаимодействия, которая позволяет выявить решающую роль институтов в снижении трансакционных издержек при формировании и регулировании процессов социально-экономического развития общества и государства.

С точки зрения теории трансакционных издержек предложена концепция выбора субъектами общественных отношений стратегий конкурентной борьбы или сотрудничества. Определены основные условия формирования трансакционных издержек во взаимоотношениях между субъектами социально-экономического развития общества и государства, что влияет на выбор стратегий конкурентной борьбы или сотрудничества. Согласно этим условиям, отсутствие современных механизмов расчета и анализа трансакционных издержек повышает уровень неопределенности во взаимоотношениях между сторонами социального обмена, ориентируя их на стратегию конкурентной борьбы с опорой исключительно на имеющиеся конкурентные преимущества. При этом наличие институтов, способных понизить трансакционные издержки ниже уровня доходов от социального взаимодействия, позволяет субъектам социально-экономического развития использовать стратегию сотрудничества.

Направлением дальнейших исследований является рассмотрение понятий «доверие» и «взаимопонимание», а также понятия «инфраструктурные связи социального обмена», раскрывающих сущность и условия социального обмена как ключевого элемента в процессах социально-экономического развития общества и государства.

Список литературы:

Акулич М.М., Боликова Д.Е. Сотрудничество конкурирующих субъектов как социальная стратегия // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7. С. 19–23. DOI: [10.24158/tipor.2018.7.2](https://doi.org/10.24158/tipor.2018.7.2)

Алфёрова Н.Н. Концепция конкурентных преимуществ в контексте конкурентоспособности предприятий // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. 2015. № 2. URL: <http://elmag.uran.ru:9673/magazine/Numbers/2015-2/Articles/ANN-2015-2.pdf>

Батуева Т.Б. Межрегиональная кооперация на основе соконкуренции как фактор инновационного развития региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 80–84.

Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Содержательный аспект экзистенции доверия // Манускрипт. 2018. № 7 (93). С. 74–78. DOI: [10.30853/manuscript.2018-7.14](https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.14)

Вострова С.С., Ладыкова Т.И. Эффективность отношенческих контрактов в Российской экономике // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 9. С. 260–262.

Гасимов А.Ф., Володарская И.А. Неопределенность переговорной ситуации и пути ее преодоления // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 65–75. DOI: [10.18384/2310-7235-2020-1-65-75](https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-65-75)

Жангалиева Е.С. Влияние особенностей потребительского рынка на конкурентную стратегию предприятия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3. С. 48–51.

Кичигин О.Э. К вопросу о решении проблемы гармонизации интересов субъектами социального обмена: институциональный подход // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 220–245. DOI: [10.24411/2070-1381-2018-00091](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00091)

Королев В.И. Предпосылки и проблемы сотрудничества фирм-конкурентов на внешнем рынке // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 9. С. 69–79.

Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент: в 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 1999. Т. 1. 468 с.

Наконечных В.Н. Современные коммуникационные каналы в жизни общества // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 247–263.

Пашина М.А. Исследование современных систем управления конкурентоспособностью предпринимательских структур // Экономика и предпринимательство. 2015. № 5–2 (58). С. 1107–1110.

Родионов Д.Г., Кичигин О.Э., Селентьева Т.Н. К вопросу об условиях возникновения кластеров на рынке монополистической конкуренции: институциональный подход // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 54–68. DOI: [10.18721/JE.11605](https://doi.org/10.18721/JE.11605)

Родионов Д.Г., Кичигин О.Э., Селентьева Т.Н. Особенности оценки конкурентоспособности инновационного регионального кластера: институциональный подход // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 43–58. DOI: [10.18721/JE.12104](https://doi.org/10.18721/JE.12104)

Саклакова Е.В., Мелешкин В.В. Социальный риск и социальная безопасность: атрибуты современного общества риска // Kant. 2019. № 2 (31). С. 266–271.

Сысоева Е.В. Стратегия, как инструмент развития и оружие против конкурентов // Юридическая наука. 2019. № 3. С. 20–26.

Таллок Г. Общественные блага, распределение и поиск ренты. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

Терешин А.В. Интеграция партнерства и конкуренции в предпринимательстве // ЭТАП: экономическая теория, анализ и практика. 2015. № 5. С. 127–136.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996.

Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность организаций в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент. М.: Маркетинг, 2002.

Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4. № 16. P. 386–405. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x>

Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1994.

North D. *Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction* // *World Development*. 1989. Vol. 17. Is. 9. P. 1319–1332. DOI: [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2)

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Porter M.E. *From Competitive Advantage to Corporate Strategy* // *Readings in Strategic Management* / ed. by D. Asch, C. Bowman. London: Palgrave, 1989. P. 234–255. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-20317-8_17

References:

Akulich M.M., Bolikova D.E. (2018) The Cooperation of Competing Actors as a Social Strategy. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. № 7. P. 19–23. DOI: [10.24158/tpor.2018.7.2](https://doi.org/10.24158/tpor.2018.7.2)

Alferova N.N. (2015) The Competitive Advantage Concept at Context of Competitiveness Enterprise. *Byulleten' Orenburgskogo nauchnogo tsentra UrO RAN*. № 2. URL: <http://elmag.uran.ru:9673/magazine/Numbers/2015-2/Articles/ANN-2015-2.pdf>

Batueva T.B. (2017) Inter-Regional Cooperation on the Basis of Synthesis of Cooperation and Competition as a Factor of Innovative Development of the Region. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*. № 4. P. 80–84.

- Bikmetov E.Yu., Luk'yanov A.V., Pushkareva M.A. (2018) Content Aspect of Trust Existence. *Manuskript*. № 7 (93). P. 74–78. DOI: [10.30853/manuskript.2018-7.14](https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-7.14)
- Vostrova S.S., Ladikova T.I. (2017) Efficiency of Relational Contracts in the Russian Economy. *Skif. Voprosy studentcheskoy nauki*. № 9. P. 260–262.
- Gasimov A.F., Volodarskaya I.A. (2020) Uncertainty of the Negotiation Situation and Ways to Overcome It. *Vestnik MGOU. Seriya: Psikhologicheskiye nauki*. № 1. P. 65–75. DOI: [10.18384/2310-7235-2020-1-65-75](https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-65-75)
- Zhangaliyeva E.S. (2017) Impact of Consumer Market Preferences on Competitiveness Strategy of Its Participants. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. № 3. P. 48–51.
- Kichigin O.E. (2018) Solving the Issue of Subjects Interests Harmonization in Socio-Economic Exchange: Institutional Approach. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 70. P. 220–245. DOI: [10.24411/2070-1381-2018-00091](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00091)
- Korolev V.I. (2019) Assumptions and Problems of Cooperation Between Competitive Companies on Foreign Markets. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. № 9. P. 69–79.
- Milgrom P., Roberts J. (1999) Economics, Organization and Management: In 2 volumes. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola. Vol. 1.
- Nakonechnykh V.N. (2016) Modern Communication Channels in Society Life. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk*. № 4. P. 247–263.
- Pashina M.A. (2015) The Study of Modern Systems of Management of Competitiveness of Business Organizations. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. № 5–2 (58). P. 1107–1110.
- Rodionov D.G., Kichigin O.E., Selentieva T.N. (2018) Conditions for Emergence of Clusters in the Market of Monopolistic Competition: An Institutional Approach. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskkiye nauki*. Vol. 11. № 6. P. 54–68. DOI: [10.18721/JE.11605](https://doi.org/10.18721/JE.11605)
- Rodionov D.G., Kichigin O.E., Selentieva T.N. (2019) Features of Assessing the Competitiveness of Innovative Regional Clusters: An Institutional Approach. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskkiye nauki*. Vol. 12. № 1. P. 43–58. DOI: [10.18721/JE.12104](https://doi.org/10.18721/JE.12104)
- Saklakova E.V., Meleshkin V.V. (2019) Social Risk and Social Security: Attributes of Modern Risk Society. *Kant*. № 2 (31). P. 266–271.
- Sysoeva E.V. (2019) Strategy as a Tool for Development and a Weapon against Competitors. *Yuridicheskaya nauka*. № 3. P. 20–26.
- Tullock G. (2011) *Public Goods, Redistribution and Rent Seeking*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Tereshin A.V. (2015) Integration of Partnership and Competition among Entrepreneurs. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz i praktika*. № 5. P. 127–136.
- Williamson O. (1996) *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. Saint Petersburg: Lenizdat.
- Fatkhutdinov R.A. (2002) Konkurentosposobnost' organizatsiy v usloviyakh krizisa: ekonomika, marketing, menedzhment [Competitiveness of organizations in a crisis: Economics, marketing, management]. Moscow: Dashkov i Co.
- Coase R. (1936) The Nature of the Firm. *Economica*. Vol. 4. № 16. P. 386–405. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x>
- Coleman J.S. (1994) *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.

North D. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*. Vol. 17. Is. 9. P. 1319–1332. DOI: [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(89\)90075-2](https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2).

North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Porter M.E. (1989) From Competitive Advantage to Corporate Strategy. In: Asch D., Bowman C. (eds.) *Readings in Strategic Management*. London: Palgrave. P. 234–255. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-20317-8_17

Дата поступления/Received: 07.02.2022

Перспективы развития экономики СССР предперестроечного периода в оценках зарубежных аналитиков

Назаренко Максим Борисович

Аспирант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: nazarenko_nax@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 8849-6649

ORCID ID: [0000-0001-9177-085X](https://orcid.org/0000-0001-9177-085X)

Аннотация

Работы зарубежных исследователей, относящиеся к предперестроечному периоду СССР, существенное внимание уделяют анализу перспектив дальнейшего развития экономики Союза ССР в контексте очевидного падения темпов экономического роста. Перспективы экономического развития СССР обсуждались многими известными западными аналитиками, такими как А. Ноув, М. Эллман, Г.-Г. Хеманн и другими. Работы этих авторов позволяют уточнить возможные пути развития советской экономики перед перестройкой по отношению к сложившимся в отечественной исследовательской литературе мнениям, а также дать оценку прогностическому потенциалу зарубежной советологии. При этом, несомненно, следует учитывать, что приверженность идеологическим императивам была в той или иной степени присуща не только отечественным, но и зарубежным исследователям. В работе используются общенаучные методы исследования, а также методы историко-экономического анализа. Источниками информации стали данные официальной статистики и работы зарубежных аналитиков. Анализ зарубежных работ показывает, что наибольшей поддержкой у западных исследователей пользовались точки зрения, согласно которым моделями развития советской экономики могли стать консервативная модернизация, неосталинистская модель, либеральная модернизация, а также широкая либеральная модернизация. При этом наиболее вероятным сценарием развития предполагалась консервативная модернизация. В результате анализа было установлено, что большинство авторитетных зарубежных советологов не предполагали ликвидации плановой системы в СССР в ближайшие годы и считали, что она может просуществовать еще 10–15 лет без серьезных потрясений.

Ключевые слова

Плановая экономика, экономический потенциал, экономическая политика, сценарии, советология, эффективность, экономические реформы, ретроспектива.

Prospects for Economic Development of the USSR in Pre-Perestroika Period as Assessed by Foreign Analysts

Maxim B. Nazarenko

Postgraduate student, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: nazarenko_nax@mail.ru

ORCID ID: [0000-0001-9177-085X](https://orcid.org/0000-0001-9177-085X)

Abstract

The works of foreign researchers related to the pre-perestroika period of the USSR, pay considerable attention to the analysis of the prospects of further development of the USSR economy in the context of the obvious decline in economic growth rates. The prospects of economic development of the USSR were discussed by many well-known Western analysts, such as Alec Nove, Michael Ellman, Hans-Hermann Höhmann and others. The works of these analysts allow clarifying the possible ways of development of the Soviet economy before perestroika in relation to the prevailing views in the domestic research literature, as well as assessing the prognostic potential of foreign Sovietology. At the same time, of course, it should be taken into account that adherence to ideological imperatives was to some extent inherent not only to domestic, but also to foreign researchers. The work uses general scientific methods of research, as well as methods of historical and economic analysis. The sources of information were the data of official statistics and the works of foreign analysts. Analysis of foreign works shows that Western researchers mainly supported the points of view according to which conservative modernization, the neo-Stalinist model, liberal modernization, and broad liberal modernization could be the development models for the Soviet economy. At the same time, conservative modernization was assumed to be the most likely development scenario. As a result of the analysis, it was found that most reputable foreign Sovietologists did not assume the elimination of the planned system in the USSR in the coming years and believed that it could last another 10–15 years without major upheavals.

Keywords

Planned economy, economic capacity, economic policy, scenarios, Sovietology, efficiency, economic reforms, retrospective.

Введение

Труды зарубежных советологов содержат обширные информационные и аналитические данные по советской истории и экономической политике СССР, основанные на многочисленных источниках как советского, так и западного происхождения. В отечественной литературе также имеются работы, полностью или частично посвященные истории экономики и экономической

политики СССР предперестроечного периода (см., например, [Сидоров 2021]). В этих работах, в частности, можно обнаружить конструктивные альтернативные подходы к анализу экономической политики СССР.

К середине 1980-х гг. мнения зарубежных советологов, изучавших экономику СССР, в целом схожи по ряду направлений экономического развития. Называя отрицательные последствия изменений хозяйственного механизма в аграрной сфере, авторы признают, что, хотя такое масштабное вливание денежных средств и не обеспечило решения поставленных задач, оно повысило уровень жизни в сельской местности, способствовало получению паспортов жителями села, установке для них гарантированной минимальной оплаты труда и доступа к социальным благам. Экономист М. Сухара отмечала закономерный рост заработной платы в сельском хозяйстве в реальном выражении ввиду низкой инфляции вплоть до конца 1980-х гг. [Suhara 2017a, 25]. Однако почти все советологи отмечают отсутствие роста производительности в сельском хозяйстве, в результате чего СССР стал крупнейшим импортером зерна и сельхозпродукции. Это привело к пониманию того, что Советский Союз не способен прокормить себя сам.

Рассматривая промышленный сектор экономики СССР, советологи отмечали падение темпов роста относительно предыдущих периодов. Так, М. Сухара указывала на то, что в промышленности РСФСР начиная с 1975 г. наблюдалось замедление темпов роста до 1985 г. и последующее падение до 1990 г. [Suhara 2017b, 14]. По мнению зарубежных аналитиков, несмотря на снижение темпов промышленного производства, по состоянию на 1985 г. советская промышленность оставалась высокотехнологичным сектором экономики с положительными темпами роста и демонстрировала ряд целенаправленных плановых мер по решению имевшихся проблем.

Историко-экономический анализ работ зарубежных исследователей позволяет элиминировать влияние политики на российскую историографию и уточнить наше представление о реальных возможностях социально-экономического развития СССР в рамках прежней модели (с учетом того, что зарубежные советологи, в свою очередь, не были свободны от факторов той или иной идеологической конъюнктуры, что не могло не отразиться на их анализе и выводах).

Выявление и анализ зарубежных оценок потенциала роста советской экономики накануне перестройки и выдвигавшихся советологами сценариев ее развития в ближайшее десятилетие способствует обеспечению большей сбалансированности оценок перспектив социально-экономического развития СССР в позднесоветский период.

Советская экономика в освещении западных ученых. Сценарии развития

Рассмотрение мнений зарубежных исследователей [Harrison 2017; Robinson 2017] относительно состояния советской экономики к 1985 г. позволяет выделить две наиболее распространенные оценки. Согласно одной из них, экономика СССР находилась в состоянии кризиса. В соответствии с другой, она испытывала ряд трудностей, но все еще была эффективной и жизнеспособной.

К первой точке зрения склонялся немецкий советолог Г.-Г. Хеманн, обращавший внимание на низкие экономические показатели, которые, по его мнению, свидетельствовали о глубоком экономическом кризисе, который невозможно было преодолеть без структурных реформ [Höhmann 1982, 42]. Однако, рассматривая первоначально предложенные преобразования М.С. Горбачева в 1985 г., намеченные на реформы внутри существующей системы, Г.-Г. Хеманн отмечал, что первый вариант реформ представлял возможность повышения эффективности

экономики СССР без внедрения рыночных механизмов. Указывая на снижение среднегодового экономического роста в конце 1970-х гг., Г.-Г.Хеманн писал, что одной из важных причин замедления являлось снижение эффективности планирования в решении основных задач, являвшегося при этом одним из важнейших механизмов советской экономической системы [Nöhmann 1986, 622]. Отмечая поставленные М.С.Горбачевым перед советской экономикой задачи (экономический рост, увеличение производительности и достижение «ускорения социально-экономического развития»), немецкий советолог указывал на то, что предполагавшиеся преобразования не подразумевали изменений в самой системе социалистической плановой экономики Советского Союза. Г.-Г.Хеманн также указывал на то, что бездумное внедрение рыночных отношений в социалистическую систему без учета несбалансированности экономики СССР, огромные размеры страны, возможные центробежные тенденции могут нести опасность для существования государства как такового [Ibid., 629].

Английский экономист Ф.Хенсон полагал маловероятной возможность проведения серьезных экономических преобразований в Советском Союзе. Он указывал на то, что существующая политическая и экономическая система централизованного планирования, господствующая в СССР, направлена на предотвращение децентрализации экономики и власти и демонстрирует категорическое неприятие внедрения ограниченных элементов рынка, даже под жестким контролем государства [Hanson 1983, 9–10].

Аналогичную позицию занимал и М.Эллман (Англия/Нидерланды). Он полагал, что очевидные снижения темпов роста экономики СССР начиная с 1958 г. указывают на то, что традиционная плановая экономическая модель в долгосрочной перспективе не сможет существовать в постоянно изменяющейся, динамичной международной капиталистической среде [Ellman 2014, 16]. По его мнению, действовавшая советская модель была неспособна на выживание, даже если не произошло бы перестройки, которая своими непродуманными действиями непреднамеренно ускорила крах системы: без системных изменений советская модель экономики оставалась бы обреченной на глубокий кризис.

Вторая точка зрения прослеживается в работах М.Харрисона. Он указывает на то, что, несмотря на снижение роста производительности в СССР после 1970-х гг., рост замедлился, но не упал до нуля. Советолог приходит к обоснованному выводу, что, хотя экономика СССР не имела стабильной динамики темпов роста, на протяжении многих лет она не выказывала каких-либо признаков неустойчивости [Harrison 2002, 399].

К началу 1980-х гг. многие зарубежные аналитики прямо указывали на обострение кризиса, которое затрагивало все области экономики, в связи с чем многие из них заявляли о необходимости реформ для предотвращения дальнейшего усугубления ситуации. Однако практически никто из известных и авторитетных советологов не предполагал, что советская плановая экономическая система может прекратить существование в ближайшие несколько десятилетий.

Отмечая наличие серьезных проблем в советской экономике, многие зарубежные экономисты предлагали возможные варианты ее развития. В 1982 г. Г.-Г. Хеманн, один из немногих зарубежных экономистов, детально рассмотревших гипотетические направления перемен в советской экономической системе, сформулировал четыре сценария возможного развития СССР:

- 1) трансформация существующей модели в неосталинистскую, которая подразумевает быстрое накопление капитала путем снижения уровня потребления, введения принудительного труда, направления ресурсов на решение основных задач и т.д.;

- 2) консервативная модернизация, более глубокое сотрудничество со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Данный сценарий означает усиление центризма в планировании, укрепление внешнеэкономических связей со странами СЭВ;
- 3) либеральная модернизация, налаживание устойчивых связей с Западом. Подразумевает внедрение элементов открытости по ряду направлений: экономическому, культурному и политическому. Вводятся компоненты НЭПа, и расширяется сотрудничество с Западом. Возможна в случае разрядки напряженности между СССР и Западом и смены поколений в советском руководстве;
- 4) радикальная либеральная модернизация. Преобразования, способствующие обеспечению сотрудничества с Западом в широком спектре. Наиболее радикальный путь развития, введение рыночных механизмов, политическая либерализация [Nöhmman 1982, 40–42].

От данного сценария несколько отличается сценарий, представленный американским историком-советологом Д. Кэттеллом: прежде всего тем, что в основу своих гипотетических моделей развития он ставит необходимость экстренной нормализации рынка товаров народного потребления, исходя из чего выдвигает три сценария:

- 1) неизменность существующей экономической и политической модели и постепенная трансформация Советского Союза в «полицейское государство»;
- 2) рыночная модель по венгерскому образцу;
- 3) переориентация промышленных мощностей в пользу производства товаров народного потребления [Cattell 1982, 57].

Варианты Д. Кэттелла основаны на необходимости решения конкретной экономической проблемы СССР, которая, по его мнению, в перспективе должна была привести к серьезной нестабильности в обществе.

При всей вариативности предполагавшихся сценариев наиболее вероятным из них многие зарубежные авторы считали консервативную модернизацию. Главным аргументом в ее пользу являлось понимание того, что масштабные рыночные реформы способны представлять существенную угрозу для советской экономической системы в частности и самой страны в целом. Кроме того, указывалось, что советская экономика заметно отличается от экономики восточноевропейских социалистических стран и не допускает внедрения элементов рынка прежде всего из-за того, что она не располагает пространством для подобного внедрения.

Так, известный советолог А. Ноув предлагал несколько альтернативных моделей экономического устройства СССР. По мнению А. Ноува, советская система чересчур централизована и, следовательно, не может эффективно функционировать на уровне микроэкономики. Исследователь соглашается с тем, что для принятия «стратегических» решений требуется прямое участие центра (например, создание новых производств), но необходимо провести децентрализацию принятия решений, относящихся к компетенции предприятий (объем выпуска продукции, ассортимент и т.д.), то есть необходимо развитие системы «рыночного социализма» [Nove 1986, 299]. А. Ноув считал, что внедрение элементов рынка в дальнейшем окажет благоприятное воздействие на предприятия, снизит влияние бюрократии и позволит более эффективно реагировать на потребности современного общества. Данную точку зрения

поддерживал и М. Трахтенберг, закономерно отмечая, что рыночные механизмы могут способствовать увеличению производительности труда на предприятиях [Trachtenberg 2018, 90]. А. Ноув также полагал, что сторонники модели «рыночного социализма» признают необходимость влияния государства на рынок в виде налогов, контроля цен и т.д. Считалось возможным также оставить у государства контроль над предприятиями, но только в экономическом плане, а не в административном [Ibid., 300]. По мнению А. Ноува, модель «рыночного социализма» (основанная на модели О. Ланге, предложенной в 1938 г.) сложна при ее реализации на практике, так как предложенное разделение власти между центром и руководством предприятий неизбежно приведет к несовпадению интересов и разногласиям при разграничении ответственности.

Однако, оценивая перспективы внедрения рыночных отношений в плановую экономическую систему Советского Союза и предложения как советских, так и зарубежных экономистов по типу и проведению реформ, А. Ноув справедливо предупреждает, что многие идеи реформаторов наивны: они верят в то, что внедрение рыночных механизмов позволит в кратчайшие сроки ликвидировать накопившиеся проблемы в производстве, совместить потребительские интересы общества с прибыльностью каждого предприятия, но, как бы ни были привлекательны данные лозунги, они неприменимы для крупных, сложных экономик не только социалистических государств, но и западных корпораций [Ibid., 323].

Опыт других социалистических стран в освещении западных советологов

Зарубежные советологи рассматривали и опыт ряда социалистических государств, которые до середины 1980-х гг. столкнулись с проблемой замедления экономического роста и провели ряд реформ, направленных на совершенствование экономических механизмов плановой экономики. Следует выделить следующие страны, опыт преобразований которых зарубежные советологи предлагали учесть советским экономистам: Венгрия, Югославия, ГДР.

Венгерская модель («новый экономический механизм») была утверждена в Венгрии в 1968 г. после долгих обсуждений между правительством и специалистами. Принятый вариант реформ существенно отличался от традиционной советской модели плановой экономики. А. Ноув отмечает, что данная реформа являлась рыночно-социалистическим манифестом [Ibid., 302]. Основные изменения заключались в следующем:

- предоставлялась широкая автономия предприятиям по производству и сбыту продукции;
- расширение конкуренции между предприятиями;
- основным критерием деятельности предприятия становится его рентабельность;
- корректировка обменных курсов должна была способствовать выгодному соотношению между внутренними и внешнеторговыми ценами;
- крупные инвестиции остаются в ведении государства, предприятия могут самостоятельно инвестировать в расширение производственных мощностей предоставляемые инвестиции или государственные банковские кредиты.

Уделяя особое внимание венгерским реформам в аграрном секторе, А. Ноув считает их применимыми и для СССР: коллективным хозяйствам дана возможность свободно приобретать производственные ресурсы, выбирать, что производить и продавать, частному животноводству предоставляется свободное развитие [Ibid., 308].

Венгерская модель сохранила значительную часть центральных контролирующих элементов, заключавшихся в создании законов и ведущей роли государства в инвестиционной политике, проводившейся напрямую или через государственный банк. Как отмечают экономисты, реформа не носила последовательного характера, и венгерскую модель следует рассматривать как смесь централизованного планирования и квазирыночной централизации [Ibid., 310].

Особо зарубежные аналитики отмечают опыт Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), чья экономическая модель, несмотря на плановую социалистическую основу, имела несколько существенных отличий от других стран:

- 1) важная роль элементов рыночной экономики, значительно снижающих роль центрального планирования;
- 2) национальные республики и местные власти (коммуны), находящиеся в составе Югославии, располагают обширными возможностями самоуправления, что непосредственно влияет на рост производительности труда и прибыли предприятий. Предприятия принимали во внимание, что значительная часть налогов отойдет местным органам самоуправления, и это стимулировало предприятие к увеличению прибыли или своего чистого дохода (который исключал затраты на приобретение и модернизацию средств производств, налогов, капитальных затрат и т.д.) ввиду того, что от роста чистой прибыли зависело материальное вознаграждение руководства и работников предприятия;
- 3) принцип самоуправления работников на предприятиях, практически отсутствовавший в Советском Союзе. Так, на основании данного принципа, руководителей предприятий выбирает комитет (Совет трудящихся), а также совместно с коммуной выбирается управляющий, подотчетный Совету трудящихся;
- 4) доходы рабочих и руководителей зависят от финансовых результатов предприятий в большей степени, чем в других социалистических странах, однако имеется нижний порог уровня заработной платы, которая в обязательном порядке выплачивается работникам;
- 5) большая степень либерализации торговли. По замечанию А. Ноува, она прежде всего наблюдалась в сельскохозяйственном секторе, оставшемся под контролем мелких крестьянских хозяйств, и ценообразование сельхозпродукции на рынке формировалось в зависимости от рыночных колебаний, несмотря на то что главным покупателем оставалось государство [Ibid., 310].

Существенным отличием югославской модели от советской являлось наличие безработицы, появившейся из-за заинтересованности предприятий в максимизации чистого продукта на единицу труда работника и нежелания их руководства принимать на работу дополнительных рабочих, что, как справедливо отмечает А. Ноув, привносило в югославскую модель элементы не только социалистической, но и капиталистической экономики и представляло прямую угрозу роста безработицы [Ibid., 313].

Немаловажен и опыт Германской Демократической Республики (ГДР), его особенности и недостатки, тем более что, по мнению зарубежных экономистов, восточногерманская модель оказала определенное влияние на Советский Союз в плане организации промышленного производства, при которой все отрасли группировались в промышленные ассоциации или картели, объединявшие большинство или все предприятия, производившие конкретную

продукцию. Отрасли объединялись в VVB (Vereinigung Volkseigener Betriebe — Объединение народных предприятий), которое А. Ноув кратко определил как «социалистический картель», представлявший собой диаметрально противоположность конкуренции между предприятиями и являвшийся вертикально организованной совокупностью монополистических объединений, что стало базовым отличием экономической системы и ГДР, и Советского Союза [Ibid., 314].

А. Ноув обращает внимание на то, что экономика ГДР, несмотря на централизованное планирование, демонстрировала бесперебойное функционирование, одним из объяснений которого может быть сокращение количества малых предприятий вследствие их слияния в VVB, что уменьшало количество разрабатываемых центральными органами планов и делало всю систему более управляемой. Особым пунктом советолог выделяет возможность участия восточногерманских предприятий многих отраслей во внешней торговле без необходимости согласования экспортно-импортных операций со специализированными структурами, а также особые взаимоотношения между ГДР и ФРГ, создававшие уникальный прецедент для европейских стран социалистического блока.

Неоднократно в работах исследователей [Zweynert 2019] встречается тезис о том, что Советскому Союзу следовало пойти по китайскому пути реформ, второй виток которых стартовал за год до начала перестройки и в противовес усилиям СССР привел к положительным результатам.

Американский исследователь Р.К. Миллер проводил сравнение китайских реформ и начальных этапов перестройки. Как и большинство исследователей, Р. К. Миллер тоже определяет экономическое состояние СССР накануне перестройки как стабильное, а первые инициативы М.С. Горбачева — как направленные на реструктуризацию и модернизацию существующей экономической системы.

Р.К. Миллер полагает, что советское правительство, изучив опыт КНР, целенаправленно планировало перестройку по китайскому образцу, но внутривластная борьба в руководстве СССР и неспособность М.С. Горбачева идти на жесткие меры привели к невозможности полноценной реализации задуманных преобразований и вылились в резкое ухудшение экономической ситуации в стране. По мнению исследователя, советская экономическая система была способна как к частичной модернизации, так и к более плавному переходу на путь капитализма, однако с политической точки зрения это было маловероятно [Miller 2016, 262]. Американский исследователь проводит параллели и между другими проводившимися ранее в КНР реформами и мерами, предпринимавшимися в СССР в ходе перестройки: расширение личных подсобных хозяйств, закон о государственных предприятиях, принятый в 1988 г. закон о кооперативах были аналогичны закону о расширении прав работы и торговли для городских и сельских предприятий в Китае [Ibid., 151].

Российский исследователь В.В. Дроздов, анализируя мнения зарубежных советологов относительно влияния китайского опыта, отмечал, что в зарубежных работах также распространено мнение, что использование опыта Китая в советских условиях в принципе невозможно ввиду различных исходных условий для начала реформ [Дроздов 2021, 92].

Впрочем, китайский историк Ш. Чжуан в рецензии на работу Р.К. Миллера напоминает, что некоторые из реформ, проводившихся в Китае, включая систему семейных подрядов в сельском хозяйстве и ряд мер по развитию промышленности, были подвергнуты критике со стороны М.С. Горбачева, а такие важные для КНР реформы, как расширение автономности государственных предприятий, поддержка кооперативов и личных хозяйств, не нашли отражения ни на июньском пленуме ЦК КПСС 1987 г., ни на VII и IX сессиях Верховного Совета СССР 11-го созыва, что, по мнению исследователя, ставит под сомнение предположение об ориентации перестройки на китайский опыт [Чжуан 2020, 233].

Обзор экономических преобразований в социалистических государствах с точки зрения зарубежных аналитиков показывает, что каждая страна обладала своей спецификой, и непродуманное внедрение опробованных в этих странах механизмов в экономику СССР привело бы к осложнениям и не достигло бы желаемого эффекта, особенно в долгосрочной перспективе.

Оценивая потенциал роста советской экономики и перспективы ее развития, советологи использовали доступные им статистические данные, как советские, так и западные, однако не смогли предсказать события второй половины 1980-х гг.

Изучение работ зарубежных экономистов и историков [Ellman 2014; Holzman 1982; Nöhmman 1982; Nöhmman 1986] позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на их заявления о необходимости фундаментальных реформ социально-экономической системы СССР, они склонялись к тому, что существовавшая советская система со всеми ее недостатками способна функционировать еще относительно продолжительный период времени. К аналогичному выводу приходили многие аналитики и экспертные группы, включая ЦРУ США, занимавшееся прогнозированием развития Советского Союза.

Большинство зарубежных советологов соглашались с тем, что вопрос о ликвидации советской плановой системы стоял на повестке дня, но, по их мнению, мог быть поднят только в случае острого экономического кризиса, в то время как существовавшая на 1985 г. экономическая модель работала и могла сохраниться без серьезных потрясений до начала XXI в.

Заключение

Выдвигавшиеся советологами перед перестройкой гипотетические сценарии развития Советского Союза основывались на прогнозах предыдущих годов, противоречивых статистических данных и научных методах, апробированных в условиях капиталистической экономической модели. Между тем советская плановая социалистическая модель представляла собой иной тип экономики, который ранее не пытались реализовать на практике в масштабах страны (положение остается актуальным и в рассматриваемый нами период).

Советологические прогнозы роста советской экономики и сценарии ее дальнейшего развития базировались также и на изучении опыта реформ, проводившихся в некоторых странах социалистического блока, включая инициативы по внедрению рыночных элементов, которые проецировались на экономику СССР. Однако примеры таких стран, как Венгрия, Югославия, ГДР и Китай, демонстрировали сложность внедрения рыночных элементов в плановую экономическую модель, которая не приспособлена к таким преобразованиям (особенно на крупных предприятиях). Основываясь на этом, советологи ограничивались рекомендациями введения в Советском Союзе некоторых послаблений в частном хозяйстве и разрешения мелкого предпринимательства, хотя даже такие незначительные изменения советологи полагали маловероятными для сверхцентрализованной экономики СССР.

Прогностический потенциал зарубежной советологии оказался невысоким, и комплекс фундаментальных проблем, существовавших в зарубежной советологии, ее возможная ангажированность и предвзятость привели к единственному исходу: никто из исследователей не смог предугадать наиболее вероятный сценарий дальнейшего развития экономики СССР, который в первой половине 1990-х гг. привел к развалу социалистического блока, многократному падению темпов роста как ВВП, так и отдельных отраслей народного хозяйства (и даже уничтожению ряда отраслей), натурализации товарного обмена, обнищанию большинства населения Российской Федерации и распаду Советского Союза как единого государственного образования.

В итоге из прогнозировавшихся зарубежными советологами сценариев был реализован сценарий радикальных либеральных реформ. Основные пессимистические прогнозы, связанные с проведением реформ, также оправдались. Однако это произошло в другом временном интервале и в другой ситуации, которую зарубежные аналитики не сумели спрогнозировать.

Список литературы:

Дроздов В.В. Влияние китайского опыта на экономические реформы в СССР в период перестройки: дискуссия в зарубежной литературе // Современные информационные технологии и процессы. Выпуск 2: Коллективная монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. С. 86–99.

Сидоров А.В. Нарастание кризисных явлений в экономике СССР: оценка руководством страны (осень 1989 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 87. С. 48–60. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-87-48-60](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-87-48-60)

Чжуан Ш. Рец. на: С. Miller. The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016 // Российская история. 2020. № 5. С. 229–233. DOI: [10.31857/S086956870012217-9](https://doi.org/10.31857/S086956870012217-9)

Cattell D.T. Die Probleme der Konsumgüterversorgung in der UdSSR // Modernisierungsprobleme in der Sowjetunion: ausgewählte Beiträge zum Zweiten Weltkongress für Sowjet- und Osteuropastudien / herausgegeben von G. Brunner und H. Herlemann. Berlin: Berlin Verlag, 1982. S. 38–56.

Ellman M. Socialist Planning. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139871341>

Hanson P. Success Indicators Revisited: The July 1979 Soviet Decree on Planning and Management // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. Is. 1. P. 1–13.

Harrison M. Coercion, Compliance, and the Collapse of the Soviet Command Economy // The Economic History Review. 2002. Vol. 55. Is. 3. P. 397–433. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0289.00226>

Harrison M. The Soviet Economy, 1917–1991. Its Life and Afterlife // The Independent Review. 2017. Vol. 22. Is. 2. P. 199–206.

Höhmman H.-H. «Radikale Reform»? Zum Kurs sowjetischer Wirtschaftspolitik nach dem XXVII. Parteitag der KPdSU // Osteuropa. 1986. Vol. 36. Is. 8/9. P. 620–630.

Höhmman H.-H. Sowjetische Wirtschaft 1981/82: Wirtschaftslage, Stand des 11. Fünfjahresplans, Entwicklungsperspektiven, alternative Modelle der Wirtschaftspolitik. Köln: Bundesinst. f. ostwiss. u. intern. Studien, 1982.

Holzman F.D. The Performance of the Soviet Economy: Past, Present and Future. New York: Foreign Policy Association, 1982.

Miller C.R. The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016.

Nove A. The Soviet Economic System. Winchester, MA: Unwin Hyman Inc., 1986.

Robinson N. Explaining Soviet Collapse // Contemporary Russian Politics. 2017. DOI: [10.13140/RG.2.2.29620.76167](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.29620.76167)

Suhara M. Russian Agricultural Statistics // RRC Working Paper Series. 2017a. № 67. URL: https://www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/English/pdf/RRC_WP_No67.pdf

Suhara M. Russian Industrial Statistics // RRC Working Paper Series. 2017b. № 66. URL: https://hermes-ir.lib.hit-u.ac.jp/hermes/ir/re/28396/RRC_WP_No66.pdf

Trachtenberg M. Assessing Soviet Economic Performance during the Cold War: A Failure of Intelligence? // *Texas National Security Review*. 2018. Vol. 1. Is. 2. P. 77–101.

Zweynert J. Shestidesyatniki Economics, the Idea of Convergence, and Perestroika // *History of Political Economy*. 2019. Vol. 51. Is. S1. P. 277–299. DOI: <https://doi.org/10.1215/00182702-7903336>

References:

Cattell D.T. (1982) Die Probleme der Konsumgüterversorgung in der UdSSR. In: Brunner G., Herlemann H. (hrsg.) *Modernisierungsprobleme in der Sowjetunion: ausgewählte Beiträge zum Zweiten Weltkongress für Sowjet- und Osteuropastudien*. Berlin: Berlin Verlag. S. 38–56.

Drozдов V.V. (2021) Vliyaniye kitayskogo opyta na ekonomicheskiye reformy v SSSR v period perestroyki: diskussiya v zarubezhnoy literature [The influence of the Chinese experience on economic reforms in the USSR during perestroika: A debate in foreign literature]. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i protsessy. Issue 2*. Moscow: Izd-vo «Ekon-Inform». P. 86–99.

Ellman M. (2014) *Socialist Planning*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139871341>

Hanson P. (1983) Success Indicators Revisited: The July 1979 Soviet Decree on Planning and Management. *Soviet Studies*. Vol. 35. Is. 1. P. 1–13.

Harrison M. (2002) Coercion, Compliance, and the Collapse of the Soviet Command Economy. *The Economic History Review*. Vol. 55. Is. 3. P. 397–433. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0289.00226>

Harrison M. (2017) The Soviet Economy, 1917–1991. Its Life and Afterlife. *The Independent Review*. Vol. 22. Is. 2. P. 199–206.

Höhmman H.-H. (1982) *Sowjetische Wirtschaft 1981/82: Wirtschaftslage, Stand des 11. Fünfjahresplans, Entwicklungsperspektiven, alternative Modelle der Wirtschaftspolitik*. Köln: Bundesinst. f. ostwiss. u. intern. Studien.

Höhmman H.-H. (1986) «Radikale Reform»? Zum Kurs sowjetischer Wirtschaftspolitik nach dem XXVII. Parteitag der KPdSU. *Osteuropa*. Vol. 36. Is. 8/9. P. 620–630.

Holzman F.D. (1982) *The Performance of the Soviet Economy: Past, Present and Future*. New York: Foreign Policy Association.

Miller C.R. (2016) *The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Nove A. (1986) *The Soviet Economic System*. Winchester, MA: Unwin Hyman Inc.

Robinson N. (2017) Explaining Soviet Collapse. *Contemporary Russian Politics*. DOI: [10.13140/RG.2.2.29620.76167](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.29620.76167)

Sidorov A.V. (2021) Growing Crisis in the USSR Economy: An Assessment by the Country's Leadership (Autumn 1989). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 87. P. 48–60. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-87-48-60](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-87-48-60)

Suhara M. (2017a) Russian Agricultural Statistics. *RRC Working Paper Series*. № 67. Available: https://www.ier.hit-u.ac.jp/rrc/English/pdf/RRC_WP_No67.pdf

Suhara M. (2017b) Russian Industrial Statistics. *RRC Working Paper Series*. № 66. Available: https://hermes-ir.lib.hit-u.ac.jp/hermes/ir/re/28396/RRC_WP_No66.pdf

Trachtenberg M. (2018) Assessing Soviet Economic Performance during the Cold War: A Failure of Intelligence? *Texas National Security Review*. Vol. 1. Is. 2. P. 77–101.

Zhuang Sh. (2020). C. Miller. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. *Rossiiskaya istoriya*. № 5. P. 229–233. DOI: [10.31857/S086956870012217-9](https://doi.org/10.31857/S086956870012217-9)

Zweynert J. (2019) Shestidesyatniki Economics, the Idea of Convergence, and Perestroika. *History of Political Economy*. Vol. 51. Is. S1. P. 277–299. DOI: <https://doi.org/10.1215/00182702-7903336>

Дата поступления/Received: 28.01.2022

Проблемы управления: теория и практика
Administrative problems: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-94-104

От устойчивого развития к ESG: опыт европейских компаний и правительств

Боброва Ольга Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, РФ.

E-mail: olbobrova@hotmail.com

SPIN-код РИНЦ: [4132-0185](#)

ORCID ID: [0000-0001-9059-2086](#)

Аннотация

Данная статья представляет собой обзор ESG-практик европейского бизнеса, государственного и рыночного климатического регулирования в Евросоюзе, а также опыта инвесторов и компаний различных отраслей по состоянию на середину февраля 2022 г. Этот опыт может быть полезен для отечественных компаний в методологическом и управленческом плане. Уже сейчас влияние европейской ESG-повестки на российских экспортеров очевидно многим практикам от бизнеса. В статье сделана попытка представить основные направления такого влияния на экономические и управленческие практики российского бизнеса. Проведенный анализ позволяет аргументировать необходимость адаптации европейского опыта к текущим условиям в России. Основным выводом исследования состоит в том, что «зеленый переход», европейский «Зеленый Пакт» несут с собой не только риски потерять доходы, но и уникальные возможности сделать бизнес-модель более эффективной и устойчивой, выйти на новые рынки: такие как рынок углеродных единиц и водорода, а также получить доступ к международному «зеленому» финансированию даже в условиях санкционного давления на Россию. Гипотеза исследования подтвердилась лишь частично: используя положение «догоняющего», российский бизнес изучает нефинансовые отчеты компаний Евросоюза, а также требования регуляторов и может применить методики расчета показателей по трем направлениям ESG, согласовать стратегию устойчивого развития и основную стратегию бизнеса и проч., но немногие в России будут отдавать ESG приоритетное стратегическое положение в своем развитии в ближайшем будущем.

Ключевые слова

Устойчивое развитие, ESG, европейские исследования, Европейская комиссия, нефинансовая отчетность, стратегии, углеродные выбросы.

From Sustainable Development to ESG: Experience of European Companies and Governments

Olga S. Bobrova

PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation.

E-mail: olbobrova@hotmail.com

ORCID ID: [0000-0001-9059-2086](#)

Abstract

This article presents a review of ESG practices of European business, public and market climate regulation in EU and the experience of different industries investors and companies in the middle of February 2022. This experience may be useful for domestic Russian companies methodologically and for management practice. Today the influence of the European ESG agenda on Russian exporters is obvious to many business practitioners. The article attempts to present the main areas of such influence on the management practices of Russian business. The author puts forward the argument that there is a need of adapting the European experience. The main conclusion of the study is that the Green transition, European Green Deal bring not only the risks of losing revenues, but also unique opportunities to make the business model more efficient, to enter new markets, such as a market for carbon units and hydrogen, and also to gain access to international green financing even in the face of sanctions pressure on Russia. A hypothesis of the research was verified partially: using its catch-up status Russian business studies non-financial reports of companies of the European Union, as well as the requirements of regulators, and can apply methods for calculating indicators in three areas of ESG, may embed the strategy for sustainable development in the main strategy of business, etc., but few businesses in Russia will put ESG in the leading strategic position for the own development in the nearest future.

Keywords

Sustainable development, ESG, European studies, European commission, non-financial reporting, strategies, carbon emissions.

Введение

В декабре 2019 г. было опубликовано Руководство Европейской комиссии, позволяющее понять критерии выявления лучших практик бизнеса по климатическим изменениям в связи с Парижским соглашением 2015 г. и рекомендации раскрытия ESG-показателей (Environmental, Social, and Corporate Governance — Экологическое, социальное и корпоративное управление). Полное название документа — Handbook of Climate Transition Benchmarks, Paris-aligned Benchmark

and Benchmarks' ESG Disclosures. Эти лучшие практики в европейском бизнесе, несомненно, существуют. В настоящем исследовании мы постараемся проверить гипотезу, что российские компании могут извлечь уроки из европейского опыта формирования и реализации ESG-стратегий в различных отраслях экономики. В частности, в Европе установлены требования к раскрытию информации компаний по всем трем направлениям ESG, а также предполагается, что в части экологии действия компаний в связи с изменением климата позволяют интегрировать показатели по выбросам в оценку активов, что ведет к их классификации по различным категориям («коричневые», «зеленые» и проч.). Рекомендации по минимальному раскрытию информации в отчетах варьируются в зависимости от конкретного класса активов. Как видим, два с лишним года назад в промежуточном отчете по формированию требований к раскрытию чувствительной по отношению к воздействию на климат информации¹ ничего определенного для европейского бизнеса еще не было сказано. Создавалось впечатление, что Еврокомиссия не намерена жестко регулировать раскрытие показателей в рамках ESG-повестки.

Прошло небольшое время. Каковы основные изменения в сфере устойчивого развития и реализации ESG-повестки в рассматриваемом регионе произошли за период пандемии COVID-19?

ESG и корпоративная социальная ответственность

Прежде всего обратим внимание на укорененность ESG в концепции корпоративной социальной ответственности (КСО), которая ранее включала не только социальные, но и экологические аспекты деятельности компаний, хотя они, конечно, оставались на периферии КСО. Об ответственном лидерстве и взаимовыгодном сотрудничестве со стейкхолдерами писал еще Стивен Янг в 2003 г. в книге «Нравственный капитализм: частный интерес на службе обществу», которая была переведена на русский язык только в 2022 г. [Янг 2022]. Преемственность ESG-повестки в парадигме КСО и устойчивого развития в Европе видна по высокой степени добровольности в сфере нефинансовой отчетности, включая не только ее наличие, но и выбор конкретных показателей, раскрываемых каждой компанией. В то же время сильной стороной ESG можно считать попытку предложить бизнесу новую рамку или матрицу взаимоувязанных показателей, которые совместимы с семнадцатью целями устойчивого развития, но более органично связаны друг с другом. Буквально так, что улучшение показателей по одному из трех направлений способствует росту двух остальных. Например, социальные показатели бизнеса, касающиеся исключения дискриминации и гарантирующие соблюдение прав человека на работе, входят в S-компонент, а их рост повышает качество корпоративного управления в компаниях. В научной литературе несколько лет назад вопросы социальных рисков обсуждались в связи с общими управленческими рисками, что сближает их с комплаенс-подходом. Еще недавно считалось, что риск, связанный с правами человека, концептуально несовместим с управлением социальными рисками, поскольку управление социальными рисками и должная осмотрительность в вопросах прав человека различаются на каждом этапе процесса управления рисками [Fasterling 2017]. Похоже, что именно комплаенс-функция в бизнесе может примирить управленческие действия по смягчению этих двух видов риска.

Известно, что комплаенс-система компании — само наличие такой функции в конкретном бизнесе, ее развитость, адекватность реальным рискам, укорененность в продуманной этической системе, качество реализации комплаенс-обязательств — является одним из ключевых разделов G-компонента в рамках ESG-стратегии. Таким образом, становится ясно, что риски

¹ Interim report on Climate Benchmarks and Benchmark ESG Disclosures // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/190618-sustainable-finance-teg-report-overview-climate-benchmarks-and-disclosures_en.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

социального направления, в том числе в сфере соблюдения прав человека, снижаются за счет качественного комплаенса в компаниях, что одновременно усиливает два направления ESG — социальное и управленческое.

Для целей нашего исследования в контексте европейского опыта важно понимать, что непротиворечивое сочетание управленческих действий внутри компаний с целью успешной реализации всех трех направлений (компонентов) ESG-стратегии представляет собой отдельную проблему менеджмента. ESG-тематика еще только начинает появляться на страницах научных статей авторов из ЕС, поэтому российский бизнес может учиться лучшим практикам не столько у европейских исследователей, сколько непосредственно у компаний Евросоюза.

Стимулирование ESG в Европе

Вообще, ESG-трансформация, или, как ее называют иногда в России, «зеленый переход», является для всего мирового бизнеса, в том числе европейского и российского, как беспрецедентной возможностью, так и совокупностью серьезных рисков. Boston Consulting Group (BCG) обобщила выгоды для компаний, которым удастся плотно встроить ESG в бизнес-стратегию и структуру компании²:

- привлекательность работодателя: уже сейчас почти каждый второй (40%) соискатель с большей вероятностью выберет компанию с хорошим ESG-профилем (по крайней мере, в Европе). В России также наблюдается подобный тренд³;
- перспективные рыночные сегменты: «зеленые» альтернативы традиционным продуктам в широком смысле растут до 25% быстрее своих традиционных конкурентов;
- экономия на выбросах: ввиду неизбежно приближающегося углеродного регулирования затраты на приобретение углеродных единиц/налог можно снизить на 30–50% минимальными предварительными вложениями в ESG;
- меньший регуляторный риск: прибыль EBIT (Earnings Before Interest and Taxes — прибыль до вычета процентов и налогов) тех компаний, которые подпадают под европейское регулирование, за счет реализации ESG-стратегии может вырасти на 2–12%;
- доступ к более выгодным источникам инвестиций: привлечение капитала лидерам устойчивого развития обходится, по подсчетам BCG, в среднем на 1% дешевле конкурентов;
- рост акционерной стоимости: общая доходность акционеров у компаний-лидеров устойчивого развития в среднем на 3% выше конкурентов⁴.

Конечно, перечисленные преимущества формирования и реализации ESG-стратегии бизнеса недостаточны для того, чтобы компании понесли уже сейчас серьезные затраты по достижению показателей по всем трем направлениям — экологическому, социальному и управленческому. Поэтому логично ожидать от правительств определенных фискальных стимулов для производителей и потребителей. Далее рассмотрим, как в Европейском союзе развитие

² Global Climate Action is Accelerating and Early-Mover Companies Can Seize Significant Advantage // BCG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/press/17january2022-climate-action-accelerating-early-mover-companies-seize-advantage> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Новые навыки на кадровом рынке: как ESG-ценности влияют на подход к найму // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2021/06/18/novie-naviki-na-kadrovom-rinke-kak-esg-tsennosti-vliyayut-na-podhod-k-naimu (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Boston Consulting Group (BCG) назвала ESG-трансформацию беспрецедентной возможностью // ESG World [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/esgworld/532> (дата обращения: 22.01.2022).

ESG-повестки стимулируется налоговыми льготами. Например, в Польше рост «зеленого строительства» поддерживается с помощью подоходного налога физических лиц — владельцев или совладельцев односемейных жилых домов. С 2019 г. они могут получить вычет из налоговой базы за термомодернизацию семейного жилья. Термомодернизация включает замену источников бытовой энергии на возобновляемые. Предельная сумма затрат — 12000 евро [Айрапетян и др. 2021]. Таким образом, в контексте экологии оказывается воздействие на две отрасли экономики Польши — строительство и энергетику.

А в Германии правительство с помощью того же подоходного налога поддерживает владение электромобилями или автомобилями с гибридными двигателями, если они используются в качестве служебного транспорта. Правила применяются к электромобилям, приобретенным в собственность или в лизинг в период 2019–2030 гг. При пользовании служебным транспортом благополучателю (сотруднику компании) в доход нечислится материальная выгода от таких поездок, она облагается подоходным налогом. А если сотрудник пользуется электромобилем стоимостью менее 60000 евро, то облагаемая налогом материальная выгода снижается до 25%. В случае гибридного автомобиля или электромобиля дороже 60000 евро база налогообложения составляет 50% материальной выгоды от поездок на служебном транспорте. А если компании используют автомобили с двигателями внутреннего сгорания, то ежемесячно в налоговую базу по подоходному налогу их сотрудников, использующих такой транспорт, включается 1% стоимости автомобилей [Там же]. В этой фискальной мере мы видим вовлечение как юридических, так и физических лиц, сотрудников компаний. Таким образом происходит некое «принуждение» к экологизации бизнеса через менеджеров (ведь они в основном пользуются служебным автотранспортом) и улучшению показателей ESG по направлению Е. А что касается личных электромобилей сотрудников немецких компаний, то такое владение тоже поддерживается через льготу по подоходному налогу: та материальная выгода, которую получают физические лица от зарядки своих электромобилей на станциях работодателей, полностью выводится из-под налогообложения подоходным налогом с 2017 по 2030 гг. [Там же].

В Российской Федерации региональное и федеральное законодательство также возможно пойдет европейским путем по рекомендации Министерства экономического развития⁵. Регионам России рекомендовано вводить льготы по уплате транспортного налога для владельцев электромобилей, а также зоны, недоступные для проезда самого загрязняющего транспорта. Кроме того, в нашей стране институализируется зеленое финансирование: «ВЭБ.РФ был определен в качестве методологического центра по финансовым инструментам устойчивого развития» [Николаев и др. 2021, 814].

Стимулируется в Германии и использование железнодорожного транспорта: в 2020 г. было произведено снижение ставки НДС на железнодорожные билеты с 19 до 7%. Такая ставка НДС действует на маршрутах протяженностью более 50 км [Айрапетян и др. 2021].

Но главным рыночным инструментом, продвигающим компании к углеродной нейтральности в Европе, да и в мире, должно стать углеродное регулирование. В Европе компании начали готовиться к «зеленому переходу» заранее. В частности, известно о международных планах организации торговли квотами на углеродные выбросы (парниковыми газами) и введении налога на выбросы. В 2021–2022 гг. Всемирный экономический форум совместно с PwC провел исследование: как установление дифференцированной минимальной цены на углерод повлияет

⁵ Огонь батареи // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5207742?tg> (дата обращения: 21.02.2022).

на регионы и отрасли до 2030 г. В исследовании приводится пример частного эффекта увеличения цены углеродных выбросов выше уровня, принятого в Европе, на прибыль компании Dow Benelux из Нидерландов. Вот этот кейс.

«В 2020 г. Министерство экономики Нидерландов обратилось к PwC с просьбой оценить влияние на конкурентоспособность голландской промышленности мер, направленных на увеличение цены углеродных выбросов выше уровня, принятого в Европе. В анализ были включены практические примеры компаний, на которые такие меры оказали бы особое влияние, включая Dow Benelux, производителя химической продукции с международной клиентской базой.

Оценка показала, что возможность успешного прохождения через повышение затрат у компании будет минимальной в силу высокой конкуренции на международном рынке. А достижение необходимого объема сокращения выбросов за счет новых технологий было бы экономически неоправданным.

Предлагаемые субсидии были бы недостаточными для обеспечения эффективности затрат на реально возможные технологические альтернативы.

В совокупности эти данные показали, что негативное финансовое воздействие на Dow Benelux составит от 16% до 48% от прибыли до учета процентов и налогов (ЕБИТ) в 2030 г. в зависимости от структуры цены на углерод. Следовательно, относительная привлекательность Нидерландов для размещения производства снизится. Этот пример показывает, что увеличение цен на выбросы углерода и оказание государственной поддержки при коренных изменениях в производстве должны осуществляться в тесной взаимосвязи» [Мориц, Гавел 2022, 30]. Представляется, что правительство РФ тоже обращается к аналитикам за расчетом оценки влияния углеродного регулирования на конкурентоспособность отечественной промышленности.

Использование добровольных углеродных единиц может быть зачтено и национальными, и наднациональными системами углеродного регулирования в качестве компенсации эмиссии. В настоящее время в Европейском союзе добровольные углеродные единицы в расчет не принимаются, чтобы избежать избытка предложения и сохранить работоспособность формируемого рынка квот на углеродные выбросы.

В России с целью организации такого рынка и достижения углеродной нейтральности в качестве экспериментальной площадки был выбран остров Сахалин.

Сейчас на официальном сайте Европейской комиссии уже доступен законопроект комиссии — Предложение по постановлению Европейского парламента и Совета ЕС о введении механизма трансграничного углеродного регулирования⁶, которое с большой заинтересованностью изучают российские компании.

ESG и комплаенс

Теперь от экологического направления перейдем к компоненту Governance (G) — качественное корпоративное управление. По направлению G среди показателей ESG в России пригодится опыт комплаенс-служб европейских компаний. Под комплаенсом подразумевается система управления в организации, обеспечивающая соответствие деятельности не только законодательным нормам, но и внутренним локальным нормативным актам, включая кодексы этики, и другим комплаенс-обязательствам, принятым на себя организацией. Комплаенс-система отвечает на комплаенс-риски — несоответствия или несоблюдение требований законодательства, нормативных документов, правил и стандартов надзорных органов,

⁶ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a carbon border adjustment mechanism // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/carbon_border_adjustment_mechanism_0.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

отраслевых некоммерческих объединений и, возможно, саморегулируемых организаций, кодексов корпоративной культуры и поведения сотрудников и проч. Комплаенс-функция в организациях обеспечивает соответствие деятельности принятым этическим нормам, минимизирует риски мошенничества и коррупции и другие нарушения. Выявляются и регулируются также конфликты интересов в организациях. Комплаенс-менеджеры отвечают за обучение, тренинги сотрудников в сфере этики бизнеса, выявление и профилактику нарушений, обработку обращений по горячей линии. В частности, существует санкционный комплаенс, особенно актуальный в настоящее время в России. Компании несут также риски претензий со стороны регулирующих органов, финансовых или репутационных потерь как результата скандалов, разоблачений, несоответствия законам, правилам и этическим нормам. Все это должен предотвращать комплаенс, успехи которого отражаются в ESG-отчетности в разделе Governance — качественное корпоративное управление или система менеджмента.

О качестве управления организацией в сфере комплаенса и не только говорит соответствие международному стандарту ISO Compliance Management Systems — ISO 37301:2021, который был принят в апреле 2021 г. Сертификация компаний по этому стандарту активно происходит в Европейском союзе, а в России только начала привлекать внимание бизнеса.

Тема повышения качества и, главное, прозрачности управления корпорациями актуальна для бизнеса по всему миру с 1932 г., когда А. Берли и Г. Минс опубликовали исследование «Современная корпорация и частная собственность», которое считается первым в теории корпоративного управления. Поскольку главным стимулом прозрачности и качества управления служат интересы акционеров, которые оформились задолго до появления ESG-повестки, компонент G традиционно развивается с опережением E и S. Правда, развивается он нелинейно, с периодическими провалами. В последние пандемийные годы на управленческий компонент пагубно повлияла деградация этики бизнеса, выступающая основой корпоративного управления. Прогремели несколько корпоративных скандалов, от которых, конечно, пострадали акционеры и другие стейкхолдеры компаний. Например, о финансовом крахе крупнейшего финтеха в Германии можно почитать на сайте Ассоциации этики бизнеса, комплаенса и КСО (Russian Business Ethics Network)⁷.

Противоречие между интересами двух акторов в теории принципал-агента, конечно, не могут быть сняты новыми требованиями к нефинансовой отчетности, но компонент G дает некоторые новые инструменты контроля над менеджерами. Теперь в переговорах между двумя сторонами в корпоративном управлении появился новый пункт, по которому необходимо прийти к согласию. Во Франции был случай, когда акционеры компании «перетянули на себя одеяло» при планировании «зеленых инвестиций» — предпочли вывод прибыли в виде дивидендов в ущерб социальным и «зеленым» стратегиям, предложенным менеджментом компании «Данон». Именно во Франции ESG-тематика заинтересовала пока в большей степени малые и средние предприятия, в отличие от крупного бизнеса: в 2021 г. 2/3 МСП заявили о себе как о «компаниях, имеющих миссию»⁸, в Великобритании такие компании называют business with purpose (бизнес со смыслом). Важно, что между Россией и Францией идет обмен опытом компаний в сфере ESG⁹.

⁷ Ахметшин И. Крах WireCard: в чем причина? // RBEN [Электронный ресурс]. URL: <https://rben.ru/column-2020-07-20> (дата обращения: 20.01.2022).

⁸ Интервью автора с профессором университета Гюстава Эйфеля (Université Gustave-Eiffel, Париж) PhD О. Карасевой. 11.01.2022.

⁹ ESG-повестка сближает Францию и Россию // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/pressreleases/800315> (дата обращения: 20.01.2022).

Функция комплаенса, входящая в G-аспекты, уже давно регулируется требованиями инвестиционных площадок, поэтому внимание к ней у инвесторов удовлетворяется и вне ESG-повестки. Российский «Газпром» — пока исключение из общего правила развитости направления Governance. В Европейском (RAEX-Europe) и мировом (Sustainalytics) ESG-рейтингах наша крупнейшая компания-бенефициар «зеленого энергоперехода» на данном этапе по G-аспектам имеет гораздо более слабые позиции, чем по экологическому и социальному направлениям (см. отчет по устойчивому развитию ПАО «Газпром» за 2020 г.).

Контроль за показателями ESG: опыт Европы

В 2022 г. в Европейском союзе впервые разработана обязательная ESG-отчетность для банков. Регулятор — Европейская служба банковского надзора (European Banking Authority) — опубликовал ESG-показатели для 150 ведущих банков, в том числе для Deutsche Bank и UniCredit. После утверждения этих требований по раскрытию информации Европейской комиссией банки будут отчитываться перед регулятором по определенному перечню показателей — частично уже с 2023 г., а полностью, скорее всего, с 2024 г.¹⁰ ESG-показатели должны помочь инвесторам определиться с предпочтительными направлениями финансирования активов, что делает ESG-повестку значимым фактором для принятия инвестиционных решений.

Одним из поводов введения обязательных регуляторных требований к раскрытию ESG-информации европейскими банками стало выявление недостоверности отчетов по ESG-показателям инвестиционного подразделения Deutsche Bank летом 2021 г.¹¹ Борьба с гринвошингом на финансовых рынках актуальна по всему миру.

В ситуации довольно резкого для всех перехода на отчетность по ESG-повестке, в том числе по влиянию на изменение климата, многие крупные компании лукавят с декарбонизацией. Исследовательский институт New Climate Institute в Германии опубликовал результаты проверки нефинансовой отчетности крупных компаний¹².

Хотя есть и компании, аудит приверженности которых глубокой декарбонизации показывает высокий уровень (90%) по всем охватам: Score 1, Score 2 и Score 3 (см. краткое описание сущности охватов ниже). Но таких компаний было в выборке немного, все они европейские: Maersk, Vodafone и Deutsche Telecom.

Чтобы помочь российским инвесторам разобраться, какой именно финансовый инструмент можно считать действительно «зеленым», в нашей стране появился список официальных верификаторов «зеленого» статуса финансовых инструментов: в перечень вошли пока пять агентств¹³. Если указанные верификаторы избегут коррупционных рисков, можно считать, что в России действительно учли европейский опыт в сфере устойчивого финансирования. Ведь в Евросоюзе уже приступили к созданию «полного списка правил» для борьбы с гринвошингом на финансовом рынке, то есть убедились в губительном воздействии этой практики на рынок.

Одним из факторов гринвошинга является неоднозначная трактовка в разных странах одних и тех же явлений на рынке. В контексте выработки единого понимания в Европе и России экологичности источников выработки электроэнергии рассмотрим следующий кейс.

¹⁰ Top EU banks to publish 'pioneering' climate data? // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/business/cop/top-eu-banks-publish-pioneering-climate-data-2022-01-24/> (дата обращения: 25.01.2022).

¹¹ U.S. Authorities Probing Deutsche Bank's DWS Over Sustainability Claims // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-authorities-probing-deutsche-banks-dws-over-sustainability-claims-11629923018?mod=latest_headlines (дата обращения: 20.01.2022).

¹² Corporate Climate Responsibility Monitor 2022 // New Climate Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://newclimate.org/2022/02/07/corporate-climate-responsibility-monitor-2022/> (дата обращения: 18.02.2022).

¹³ ВЭБ утвердил ответственных за оценку соответствия облигаций и кредитов зеленому статусу // НРА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ra-national.ru/ru/node/64825> (дата обращения: 21.02.2022).

Если в Европе после больших сомнений и серьезных споров атомная энергетика и газовые электростанции были признаны «зелеными», то в России в их экологичности изначально почти никто не сомневался: у нас выработка электричества из атома и газа — это драйверы не только промышленности, но и науки, общество совершенно лояльно к рискам такой энергетике. Но, по сути, принятое решение Европейской комиссии еще не нашло устойчивой общественной поддержки. ЕС изакладывает почву для «гринвошинга» ESG-отчетах как у европейских энергетических гигантов, так и у российских компаний. «Еврокомиссия, несмотря на бурю критики, признала атом и газ «зелеными» источниками энергии. Оба будут включены в «зеленую» таксономию»¹⁴.

«Мы должны ускорить поэтапный отказ от более вредных источников энергии, перейти к энергобалансу, основанному на ВИЭ [возобновляемые источники энергии]. Но у разных государств ЕС разные отправные точки. <...> При строгих условиях газ и ядерная энергия могут служить мостом к более экологичной системе в качестве переходных», — прокомментировал это решение зампред ЕК Валдис Домбровскис¹⁵. Для мирного атома срок все-таки ограничен 2030 г. для запуска новых АЭС, поэтому «зеленость» атомной энергетике в любом случае преходящая.

Заместитель руководителя направления «Климат и зеленая энергетика» Центра стратегических разработок О. Колобов прокомментировал решение Еврокомиссии по атомной и газовой электрогенерации: «ЕС по праву считается мировым лидером в сфере противодействия изменению климата, а европейское климатическое законодательство часто используется в качестве стандарта для других стран. Таким образом, поддержка атомной и газовой генерации со стороны ЕС может оказать определенное влияние на соответствующие регуляторные и инвестиционные решения других стран мира»¹⁶. Влияние решений Еврокомиссии на экономику России точно ощущается, а ряд исследователей показали основные этапы восприятия ESG-принципов российскими компаниями [Соболева, Стешенко 2020].

Декарбонизация и поведение инвесторов

Рассмотрим также реализацию ESG-повестки компаниями в рамках традиционной управленческой дихотомии принципал-агента; посмотрим, как меняются ожидания акционеров от действий Совета директоров и топ-менеджмента компаний в связи с достижением ESG-показателей.

Из доклада «Глобальный опрос инвесторов, проведенный PwC. Экономические реалии ESG»¹⁷, опубликованного в январе 2022 г., следует, что абсолютное большинство (79% и 76%) инвесторов из крупнейших экономик, в том числе европейских, считают ESG-отчетность и риски важными факторами при принятии инвестиционного решения.

Приоритетным вопросом стала, как и ожидалось, декарбонизация по двум охватам (65%): Score 1 (прямые выбросы углерода от операционной деятельности) и Score 2 (потребляемая компанией энергия). Инвесторы также уделяют внимание Score 3 (34%), в котором учитываются все косвенные выбросы потребителей товаров или услуг, продаваемых компанией. Конечно, социальные аспекты также волнуют инвесторов: охрана труда и безопасность (44%), разнообразие и инклюзия (37%), права человека в цепочке поставок (34%) и кибербезопасность (31%). «Глобальный опрос» показал также, что G-компонент почти не беспокоит инвесторов

¹⁴ Brussels controversially labels gas and nuclear energy as green despite a growing backlash // Ueroneews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2022/02/02/despite-a-big-backlash-brussels-labels-gas-and-nuclear-as-sustainable> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁵ Валдис Домбровскис // Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/VDombrovskis/status/1488841950279127051> (дата обращения: 12.02.2022)

¹⁶ Почему признание атома и газа «зелеными» источниками энергии в ЕС – это хорошая новость для России? // ESG WORLD [Электронный ресурс]. URL: <https://tgstat.ru/channel/@esgworld/576> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁷ Глобальный опрос инвесторов, проведенный PwC. Экономические реалии ESG // PwC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/global-investor-survey.pdf> (дата обращения: 28.02.2022).

в настоящий момент, но и тут есть новый тренд: участники опроса хотели бы увязать бонусы топ-менеджмента с ключевыми показателями эффективности по ESG. А 75% инвесторов согласны, что компаниям следует решать ESG-вопросы, даже если это сократит прибыль в краткосрочной перспективе. Тем более что в исследовании 2021 г. на примере европейских компаний группа авторов показала, что социальные практики компаний в формате КСО (сейчас входит в компонент S показателей ESG) коррелируют положительно с финансовыми показателями этих компаний, почти не завися от состава советов директоров [Rossi et al. 2021].

В Европе таксономия вступит в силу с 2023 г., она в том числе обязывает институциональных инвесторов раскрывать, какая доля их инвестиций соответствует «зеленым» требованиям, и таким образом подталкивает к выбору проектов ESG-спектра. Поведение инвесторов влияет на решения производственных компаний, в частности из ЕС, они пересматривают свои цепочки поставок. Российские поставщики европейских компаний уже в 2021 г. начали получать предупреждения от потребителей из Европы в B2B бизнесе, что скоро начнут запрашивать ESG-показатели, положение поставщиков в ESG-рейтингах, уже сейчас внимательно знакомятся с нефинансовой отчетностью (при ее наличии) при продлении контрактов на поставки. Европейские заказчики присылают российским предприятиям все более подробные в части ESG квалификационные анкеты для участия в тендерах на поставки, например, металлов. Некоторые потребители объединяются в рамках отрасли (в частности, автопроизводители) и проводят квалификацию поставщиков совместно. Некоторые российские компании даже никто не предупреждает, они просто получают такие анкеты и вынуждены заполнять их исходя из логики ESG, с которой знакомятся на ходу.

Учиться у Европейского Союза реализации ESG-повестки можно и на отраслевом уровне. Например, в феврале 2022 г. была принята Тулузская декларация авиационного рынка Евросоюза. Крупнейшие игроки впервые совместно поставили цель выйти на углеродную нейтральность до 2050 г.¹⁸. Подписание декларации подразумевает прежде всего широкое внедрение «устойчивого» авиакеросина (SAF), разработку электросамолетов, в том числе водородных, и декарбонизацию аэропортов.

В России авиационная отрасль тоже занимается ESG-повесткой: в сентябре 2021 г. «Газпром нефть» заключила соглашение о сотрудничестве в создании первого в России производства авиационного топлива с минимальным углеродным следом (SAF) с крупнейшим российским оператором рынка авиаперевозок «Аэрофлотом». Разработка и испытания отечественного «устойчивого» авиакеросина ведется в Технологическом центре промышленных инноваций в Санкт-Петербурге¹⁹.

В 2021–2022 гг. Ассоциация этики бизнеса, комплаенса и КСО (Russian Business Ethics Network) при поддержке Фонда президентских грантов реализует проект по [продвижению новых профессий](#) в регионах России. Автор настоящей статьи является руководителем проекта. Проект еще не закончен, но уже сейчас анализ результатов опроса благополучателей показывает стабильное опережение по популярности у российских студентов и молодежи профессии ESG-менеджера по сравнению с не менее интересными и востребованными

¹⁸ Airports across Europe sign up to the “Toulouse Declaration” in record numbers, reinforcing industry’s commitment to a net zero future // ACI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aci-europe.org/media-room/371-airports-across-europe-sign-up-to-the-toulouse-declaration-in-record-numbers-reinforcing-industry-s-commitment-to-a-net-zero-future.html> (дата обращения: 21.02.2022).

¹⁹ Декарбонизация встала на крыло // Neftegaz [Электронный ресурс]. URL: <https://neftegaz.ru/analysis/ecology/706031-dekarbonizatsiya-vstala-na-krylo/> (дата обращения: 18.01.2022).

профессиями комплаенс-менеджера (делает свой вклад в реализацию направления G) и офицера по этике (отвечает за справедливое решение этических дилемм в компаниях, что обеспечивает достижение целей организации по направлениям S и G).

Европейский опыт включения ESG-показателей в стратегии компаний, а также стимулирование ESG-повестки со стороны государства представляют собой интересный объект исследования с целью адаптации управленческих решений к российским условиям. В настоящем исследовании мы только приступили к этой задаче.

Выводы

ESG-повестка — это уже не выбор для европейских и российских компаний, это повседневность, постоянно увеличивающая свою значимость. Фундаментальные выводы об экономическом значении «зеленого перехода» для бизнеса делать еще рано. Но невозможно игнорировать необходимость измерения, учета и управления бизнес-операциями при помощи ESG-показателей, прежде всего в крупных компаниях, при этом средний и малый бизнес подтягивается за своими поставщиками и потребителями. Концепция устойчивого развития приобрела практичный инструмент для применения в бизнесе. Профессия ESG-менеджера набирает популярность.

Со стороны Еврокомиссии предъявляется немного определенных требований компаниям и организациям в части раскрытия информации в ESG-отчетах. Наша гипотеза о том, что российские компании могут извлечь уроки из европейского опыта, подтвердилась лишь частично: используя положение «догоняющего», российский бизнес изучает нефинансовые отчеты компаний Евросоюза, а также требования регуляторов и может использовать методики расчета показателей по всем трем направлениям ESG, согласовывать стратегию устойчивого развития и основную стратегию бизнеса, а также получать доступ к «зеленому» финансированию, несмотря на санкционное давление. А опыт фискального стимулирования ESG в европейских странах уже известен российскому федеральному правительству и, скорее всего, будет учтен на уровне регионов. В то же время немногие компании в России будут отдавать ESG приоритетное стратегическое положение в своем развитии в ближайшие годы в силу вступления в период экономического замедления в новой геополитической обстановке.

Из ошибок наших европейских соседей, на которых мы можем учиться, пока особенно ясна одна: те, кто затянул с формированием стратегии ESG, упустили время и потеряли конкурентное преимущество. Если под воздействием санкций российские компании будут переориентироваться с западных на восточные рынки, там будут действовать те же мировые требования к российской продукции, поскольку ESG-повестка носит глобальный характер, а «суверенный ESG», о котором заговорили в марте 2022 г., вряд ли возможен в принципе.

К бизнесу приходит осознание, что «зеленый переход» — это не только риск потерять доходы, но и уникальная возможность выйти на новые рынки: такие как рынок углеродных единиц и водорода, а также получить доступ к международному «зеленому» финансированию. С большим интересом продолжим наблюдать за распространением ESG-практик в России, где обязательно должен быть использован европейский опыт, и по возможности участвовать в нем.

Благодарность

Для мониторинга новостей о европейском опыте ESG и о событиях в этой сфере в России в 2021–2022 гг. широко использовались материалы Телеграм-канала ESG World — выражаю большую благодарность редакции канала за качественные публикации!

Список литературы:

Айрапетян Л., Поминова И., Ибрагимова Д., Суркова А. Налоговые стимулы низкоуглеродного развития. М.: Центр стратегических разработок (ЦСР), 2021.

Мориц Р., Гавел А. Повышение обязательств по климату: анализ ICPF (минимальной международной цены на выбросы углерода). Женева: World Economic Forum, 2022. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/increasing-climate-ambition.pdf>

Николаев А.А., Гордеева Е.Р., Когденко В.Г. ESG-трансформация // Угрозы и риски финансовой безопасности в контексте цифровой трансформации: Материалы VII Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ. Москва, 24 ноября 2021 года. Москва: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 2021. С. 812–820.

Соболева О.В., Стешенко А.С. «ESG-факторы» как новый механизм активизации ответственного инвестирования и достижения целей устойчивого развития // Устойчивое развитие: вызовы и возможности: Сборник научных статей. СПб: СПбГЭУ, 2020. С. 246–255.

Янг С. Нравственный капитализм: частный интерес на службе обществу. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2022.

Fasterling B. Human Rights Due Diligence as Risk Management: Social Risk Versus Human Rights Risk // Business and Human Rights Journal. Vol. 2. Is. 2. 2017. P. 225–247. DOI: <https://doi.org/10.1017/bhj.2016.26>

Rossi M, Chouaibi J, Chouaibi S, Jilani W, Chouaibi Y. Does a Board Characteristic Moderate the Relationship between CSR Practices and Financial Performance? Evidence from European ESG Firms // Journal of Risk and Financial Management. 2021. Vol. 14. Is. 8. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm14080354>

References:

Ayrapetyan L., Pominova I., Ibragimova D., Surkova A. (2021) *Nalogovyye stimuly nizkouglerodnogo razvitiya* [Fiscal stimuli of low carbon development]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok (TsSR).

Fasterling B. (2017) Human Rights Due Diligence as Risk Management: Social Risk Versus Human Rights Risk. *Business and Human Rights Journal*. Vol. 2. Is. 2. 2017. P. 225–247. DOI: <https://doi.org/10.1017/bhj.2016.26>

Morits R., Gavel A. (2022) *Povysheniye obyazatel'stv po klimatu: analiz ICPF (minimal'noy mezhdunarodnoy tseny na vybrosy ugleroda)* [Increasing climate ambition: Analysis of an international carbon price floor]. Geneva: World Economic Forum. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/increasing-climate-ambition.pdf>

Nikolayev A.A., Gordeyeva E.R., Kogdenko V.G. (2021) ESG-transformation. *Ugrozy i riski finansovoy bezopasnosti v kontekste tsifrovoy transformatsii: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Mezhdunarodnogo setevogo instituta v sfere POD/FT*. Moscow, November 24, 2021. Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy yadernyy universitet «MIFI». P. 812–820.

Rossi M, Chouaibi J, Chouaibi S, Jilani W, Chouaibi Y. (2021) Does a Board Characteristic Moderate the Relationship between CSR Practices and Financial Performance? Evidence from European ESG Firms. *Journal of Risk and Financial Management*. Vol. 14. Is. 8. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm14080354>

Soboleva O., Steshenko A. (2020) “ESG-Factors” as New Tool for Activation Actions towards Responsible Investment and Achieving Sustainable Development Goals. *Ustoychivoye razvitiye: vyzovy i vozmozhnosti: Sbornik nauchnykh statey*. Saint Petersburg: SPbG·EU. P. 246–255.

Young S. (2022) *Moral Capitalism: Reconciling Private Interest with the Public Good*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU.

Дата поступления/Received: 25.01.2022

Механизмы стимулирования инновационного развития моногородов арктических территорий

Оборин Матвей Сергеевич

Доктор экономических наук, профессор, Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»; профессор, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»; профессор, ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно-технологический университет им. ак. Д.Н. Прянишникова», Пермь, РФ.

E-mail: recreachin@rambler.ru

SPIN-код РИНЦ: [8200-9024](https://elibrary.ru/8200-9024)

Аннотация

В статье исследована проблема инновационного развития моногородов арктических территорий, поскольку их территориальные ресурсы представляют значительный стратегический ресурс страны. Ситуационные геополитические и макроэкономические тенденции существенно влияют на государственную политику пространственного и отраслевого развития, актуализируют решение социально-экономических задач на основе кластерного и проектного подходов. Научно-теоретические основы кластерной политики, адаптированные к условиям моноспециализации арктических территорий, могут существенно оптимизировать финансово-экономические результаты системообразующих предприятий. Сочетание с программами маркетингового продвижения на новые рынки повлияет на инвестиционную привлекательность государственных проектов и будет способствовать диверсификации на основе исторически сложившихся форм специализации в рассматриваемых регионах. В ходе исследования представлен анализ моногородов Российской Федерации; дано общее представление об их социально-экономическом положении, направлениях проводимой государственной политики в данных городах; рассмотрены моногорода Мурманской области на основе ситуационного подхода, определяющего стратегические направления регулирования, основные проблемы и ограничения реализации комплекса тактических мер. Инновационные технологии могут существенно изменить вектор развития моногородов России, усилить конкурентоспособность продукции и привлекательность для специалистов с цифровыми навыками и компетенциями. Современные механизмы государственного управления, дополненные рыночными технологиями регулирования и оптимизации различных форм интеграции, способны оказывать положительное влияние на спрос, стимулирование внутреннего инновационного процесса, новые способы организации трудовых и технологических процессов. Планирование кластерных и проектных механизмов должно осуществляться гибко в ситуационных геополитических и макроэкономических реалиях, предоставляющих уникальные конкурентные и ресурсные преимущества. Богатый потенциал углеводородного и минерального сырья определяет стратегическую значимость экономики региона и продолжит оказывать влияние на национальную безопасность России в длительной перспективе.

Ключевые слова

Арктические территории, промышленное производство, инновации, природные ресурсы, ресурсосберегающие технологии, повышение квалификации, моногорода, стратегия развития.

Mechanisms for Stimulating Innovative Development of Single-Industry Towns in Arctic Territories

Matvey S. Oborin

DSc (Economics), Professor, Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics; Professor, Perm State National Research University; Professor, Perm state agricultural and technological University, Perm, Russian Federation.

E-mail: recreachin@rambler.ru

Abstract

The article examines the problem of innovative development of single-industry towns of the Arctic territories, since their territorial resources represent a significant strategic resource of the country. Situational geopolitical and macroeconomic trends significantly influence the state policy of spatial and sectoral development, actualize the solution of socio-economic problems based on cluster and project approaches. The scientific and theoretical foundations of cluster policy, adapted to the conditions of mono-specialization of the Arctic territories, can significantly optimize the financial and economic results of system-forming enterprises. The combination with marketing promotion programs to new markets will affect the investment attractiveness of state projects and will contribute to diversification based on historically established forms of specialization in the regions under consideration. The article presents an analysis of single-industry towns of the Russian Federation, a general idea of their socio-economic situation, the directions of state policy in these cities. The single-industry towns of the Murmansk region are considered on the basis of a situational approach that determines the strategic directions of regulation, the main problems and limitations of implementing a set of tactical measures. Innovative technologies can significantly change the vector of development of single-industry towns in Russia, strengthen the competitiveness of products and attractiveness for specialists with digital skills and competencies. Modern mechanisms of public administration supplemented by market technologies of regulation and optimization of various forms of integration can have a positive impact on demand, stimulating the internal innovation process, new ways of organizing labor and technological processes. Planning of cluster and project mechanisms should be carried out flexibly in situational geopolitical and macroeconomic realities, which give unique competitive and resource advantages. The rich potential of hydrocarbon and mineral raw materials determines the strategic importance of the region's economy, and will continue to influence Russia's national security in the long term.

Keywords

Arctic territories, industrial production, innovations, natural resources, resource-saving technologies, professional development, single-industry towns, development strategy.

Введение. Особенности функционирования и развития Арктических территорий

В проект национального развития Российской Федерации входит активное освоение территорий Северной Арктики. Приоритетное направление данный проект приобрел благодаря тому, что арктические территории обладают богатыми природными ресурсами.

Ресурсный потенциал залежей углеводородов и минералов на северных арктических территориях уникален и неповторим, другого такого источника месторождений в мире нет. Рейтинговые позиции Арктики по запасам ключевых углеводородных ресурсов являются лидирующими (Рисунок 1). Территория располагает практически третьей частью мирового потенциала газовых ресурсов и чуть менее 15% нефтяных ресурсов мира, также Баренцево и Карское моря богаты природными залежами ресурсов (49% и 35% соответственно) [Балобанов, Воротников, 2018].

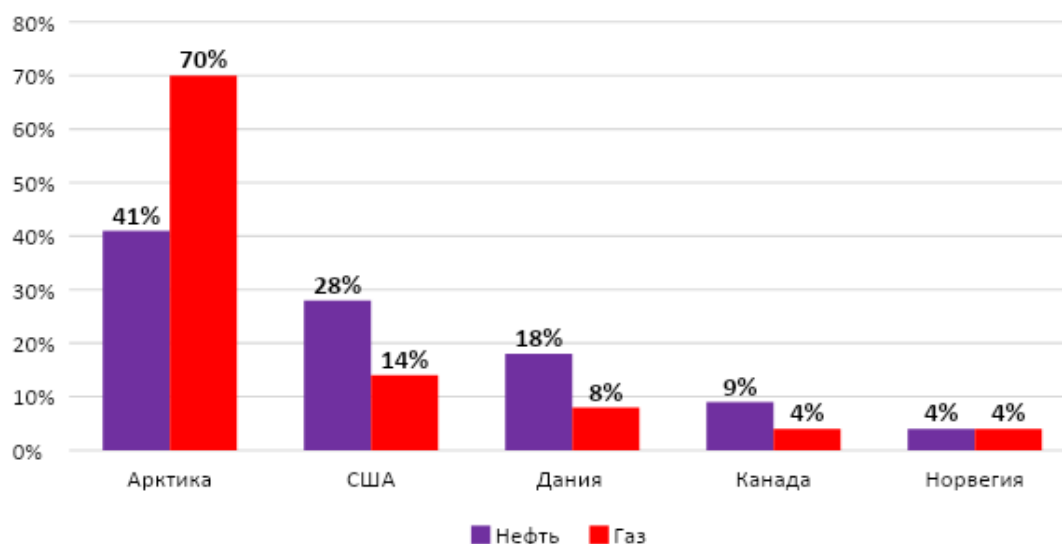

Рисунок 1. Сравнение рейтинговых позиций Арктики по мировым ресурсным запасам нефти и газа¹

В ходе проведения оценки всех полезных ископаемых на арктических территориях Российской Федерации получена предварительная стоимость, составляющая 30 трлн долларов, и около 2/3 этой суммы приходится на энергетику.

Согласно исследованиям специалистов, к 2050 г. ожидается глобальное потепление, что приведет к бесперебойной работе данного морского сообщения до трех месяцев в году. Таким образом, данное обстоятельство положительно повлияет на развитие этого транспортного узла, повысится количество грузовых перевозок между Европой и Северо-Восточной Азией, и, соответственно, упадет цена на данные услуги. По мнению специалистов, нефтяной и газовый резерв на отмели и в первую очередь на арктических территориях должны заменить углеводородные резервы в Сибири [Алиева 2017]. При этом эксплуатировать арктические залежи на арктических отмелях нужно в рамках природоохранных мер в целях сохранения окружающей среды. Таким образом, необходимо внедрение современных технологий и оборудования, при использовании которых возможна активная добыча полезных ископаемых в комплексе с соблюдением норм экологической

¹ Составлено по [Балобанов, Воротников 2018].

безопасности (Рисунок 2). Арктические территории характеризуются суровым климатом, а также ограничениями, обусловленными географическим положением, поэтому освоение территорий невозможно без использования современных технологий, иначе эффективность процесса освоения останется на нулевом уровне, что к тому же повлечет за собой стремление соседних государств расширить свои границы.

Рисунок 2. Структура проблем территорий Арктики в рамках применения современных технологий²

Без реализации дополнительных специальных мер условия жизни на арктических территориях останутся на прежнем уровне из-за отсутствия благоприятных условий проживания, что является приоритетной проблемой. Плотность населения в регионах Арктики значительно уступает плотности населения в крупных городах России [Амигарян 2016]. В сравнении с Московской областью, в которой плотность населения составляет 169,3 чел./км², с Ленинградской области (21,6 чел./км²), уровень плотности арктических территорий очень низок: Мурманская область — 5,2, Архангельская область — 2,7, Карелия — 3,45 и Республика Коми — 2,0. В среднем в центральных и южных регионах европейской части России плотность населения составляет 30–40 чел/ км², и даже с учетом бескрайних просторов Сибири в России в целом — примерно 9.

Таким образом, для решения демографической проблемы, необходимо обеспечить благоприятные условия жизнедеятельности путем консолидации местного населения, применения особой формы осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания и развитие городов на новых принципах.

В условиях, присущих северным территориям, особенно актуальным становится внедрение эффективных технологий с максимально минимальным кадровым составом. Однако сложность заключается в том, что при внедрении современных технологий повышается уровень риска и сложности. Для того чтобы минимизировать предполагаемые риски, необходимо практически полностью автоматизировать производство, а также ужесточить организационный процесс

² Составлено автором.

через принятие в кадровый состав компетентных профессиональных сотрудников, внедрять современные разработки только ключевых рынков, обозначенных в государственной программе Национальной технологической инициативы [Баишева 2017].

С 2017 г. реализуется план мероприятий, направленный на достижение целей проектов Национальной технологической инициативы, в том числе дорожные карты по основным рынкам, в которые вошли AeroNet, AutoNet, EnergyNet, FinNet, FoodNet, HealthNet, MariNet, NeuroNet, SafeNet и TechNet. Направление деятельности представленных компаний целенаправленно ориентировано на содействие развитию северных территорий.

Многосложность и интенсификация технологических операций способствует минимизации затраченного времени на мониторинг рисков и процесс принятия решений. Реализация поставленных целей в ресурсном добывающем производстве покажет положительный эффект в рамках внедрения технологий, таких как «интеллектуальное месторождение» или «цифровое месторождение».

В таких условиях технологии, производственные процессы и управленческие решения интегрируются в общее пространство экономики. Крупнейшие национальные предприятия в рамках цифровизации активно разрабатывают концепции и реальные цели для «умных месторождений», адаптированные к существующим условиям и техническим возможностям. Развитие и реализация технологий «интеллектуального месторождения» должны способствовать росту добычи нефти до 7% и результативности производства до 6%, сокращению периода времени, в течение которого объект не может выполнять требуемую функцию, до 4% и повышению эффективности управления до 25% [Анализ состояния научных исследований в Арктической зоне Российской Федерации 2017].

Следует отметить, что санкции, введенные странами Запада, включают запреты на взаимодействие отдельных стран при реализации проектов по изучению арктической прибрежной платформы и предоставлению оборудования и технологий, необходимых для этих работ. Такое положение побуждает к разработке в России инновационного оборудования, новых технологий, оборудования и материалов с улучшенными эксплуатационными характеристиками.

Одним из приоритетных стратегических направлений Российской Федерации является исследование северных территорий и сохранение минерально-сырьевых ресурсов нашей страны, поэтому Арктика представляет важнейший стратегический объект в рамках политического и экономического развития. Как мы уже успели заметить, арктическим территориям свойственен суровый климат и тяжелые условия жизнедеятельности, что приводит к использованию вахтового метода классификации процессов производства. На Рисунке 3 приведена динамика изменения численности населения территорий Северо-Западного региона Арктики.

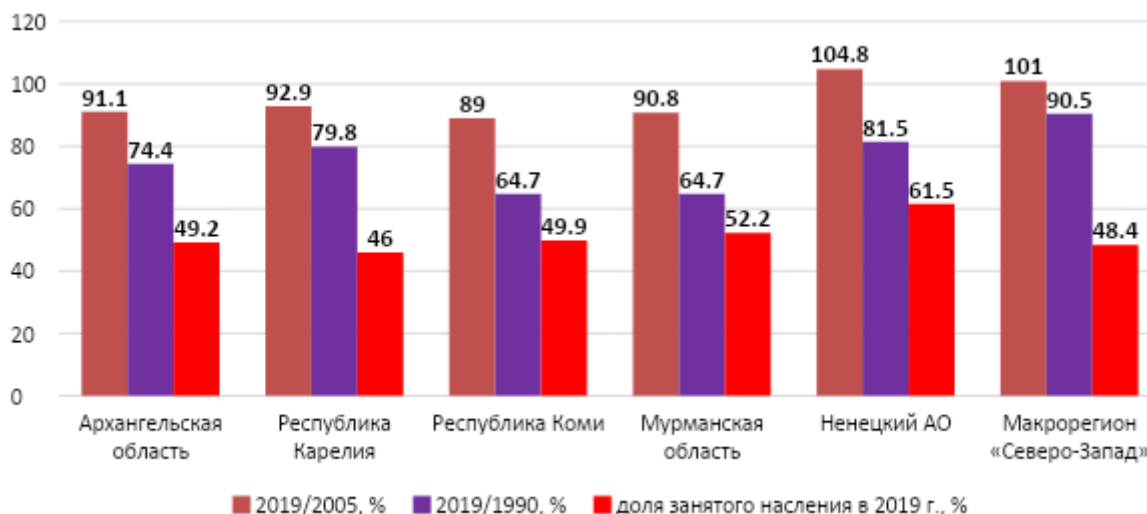

Рисунок 3. Численность населения и доля занятого населения территорий северо-западного региона Арктики³

Арктические территории отличаются подавляющим большинством городских агломераций, в которых взаимодействует небольшое количество технологических предприятий, то есть с моноиндустриальной структурой экономики — моноиндустриальными городами.

Особенности моногородов на Арктических территориях. Проекты поддержки и развития

Государственная политика и материальная поддержка, направленная на развитие моногородов России в целом и Арктики в частности, формируют условия, при которых их потенциал будет влиять на положительное социально-экономическое развитие страны [Гладышева 2017].

С учетом того факта, что совокупность городских агломераций на арктических территориях Российской Федерации составляет 71%, доля монопрофильных городов в них занимает до 25,4%, а в среднем по стране — 14,1%. Таким образом, моногородов арктических территорий вдвое больше, чем моногородов по всей России, что подтверждает повышенную необходимость разработки стратегий по решению проблем данных территорий.

Самое большое количество моногородов (8) расположено в Мурманском регионе. Следует отметить, что, помимо рисков, которые присущи всем моногородам страны, ситуация с моногородами арктических территорий усложняется негативными факторами и условиями жизни, связанными с климатом, инфраструктурой, транспортно-логистическими особенностями [Горлышева, Бердникова 2018]. Одной из ключевых проблем моногородов арктических территорий, усугубляющей влияние системных рисков, является низкий ресурсный потенциал, который может привести к разорению системообразующих головных предприятий и, как следствие, закрытию моногорода. Ключевым фактором, обостряющим негативные факторы моногородов арктических территорий, а также низкого социально-экономического развития, является высокий уровень миграции местного населения [Дмитриева 2017].

Больше всего моногородов находится в Мурманской области, наиболее низкий уровень социально-экономического развития наблюдается в г. Ковдоре и Ревде (Таблица 1).

³ Составлено по Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html (дата обращения: 02.02.2022).

Таблица 1. Моногорода Мурманской области⁴

Город	Численность населения (на 01.01.2020)	Градообразующее предприятие
г. Кировск	30484	ОАО «Апатит»
г. Ковдор	20515	ОАО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат»
г. Мончегорск	47357	ОАО «Кольская горно-металлургическая компания»
г. Полярные Зори	17506	Филиал ОАО «Концерн Росэнергоатом «Кольская АЭС»
г.п. Туманный	681	Каскад Серебрянских ГЭС филиала «Кольский» ОАО «ТГК-1»
г.п. Заполярный	15800	Структурные подразделения ОАО «Кольская горно-металлургическая компания»
г.п. Ревда	8101	ОАО «Ловозерский горно-обогатительный комбинат»
г.п. Никель	12750	ОАО «Кольская горно-металлургическая компания»

На Рисунке 4 представлена информация об объемах и структуре источников финансовых вложений, предусмотренных инвестиционным фондом для нескольких моногородов Мурманского региона. Объем вложений в развитие моногородов Мурманского региона составляет 1,6 миллиарда рублей на развитие г.п. Ревда и 37,7 млрд рублей г. Мончегорска. При этом муниципальный бюджет выделил на развитие моногородов 1,6%, а региональный — 8,6% от запланированного объема инвестиций [Горин 2017].

Таким образом, ввиду недостаточного объема государственной помощи, инвестиционная политика представленных моногородов направлена на привлечение частных инвестиций, объем которых составляет 40%, для развития г. Ковдора и г. Мончегорска (87,3%). Моногорода арктических территорий очень рассчитывали на финансовую федеральную поддержку в размере от 10% для Мончегорска и до 56,5% для Ковдора. Однако финансовая поддержка была оказана только Ковдору и Ревде на реализацию комплексных инвестиционных планов.

⁴ Составлено по Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html (дата обращения: 02.02.2022).

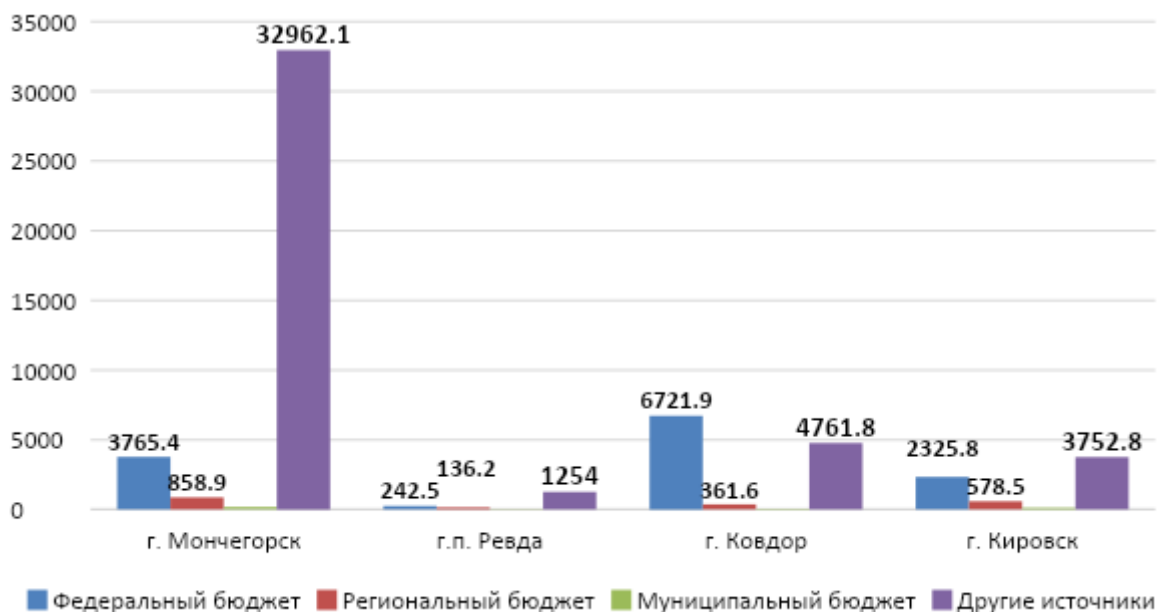

Рисунок 4. Объем и структура источников финансирования моногородов Мурманской области в 2019 г., млн руб.⁵

Следует отметить, что структура развития экономических процессов на арктических территориях в рамках моноиндустриальной экономики подвержена множественным рискам при крахе внешнего сырьевого рынка [Егорова, Митякова 2015]. Следствием такого положения становится экономический кризис для этих территорий, что, в свою очередь, отражается на нарушении равновесия в регионах и приводит к политической, социальной и фискально-финансовой напряженности [Измоденова 2018].

В течение трех лет проходила реализация проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Российская Арктика: современная парадигма развития», в котором участвовали 10 институтов Академии наук России. Благодаря данному проекту активизировалось взаимодействие научных институтов, что позволило начать изучение проблем и перспектив развития арктических территорий России. Основной целью Института региональной экономики Российской академии наук являлась разработка эффективного инструмента реформирования моногородов арктических территорий. Сегодня уровень устойчивого развития моногородов прямо пропорционально зависит от эффективности деятельности производственных предприятий, на которых задействована большая часть местного населения. Данные производственные предприятия функционируют в рамках вертикально интегрированных структур, которые на стабильной основе реагируют на экономические, финансовые и политические изменения. Таким образом, ключевые производства моногородов арктических территорий способны своевременно реагировать на факторы влияния внешней среды, процессы диверсификации территориальной экономики, то есть прогнозировать и предупреждать потенциальные риски [Калмыков и др. 2018].

Стратегические планы Министерства регионального развития моногородов не использовали в реализации проекта комплексный подход и не имели возможности использовать привилегии градообразующих предприятий. К тому же эффективному развитию в рамках данного проекта

⁵ Составлено по Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html (дата обращения: 02.02.2022).

препятствовали финансовые проблемы и низкий уровень материальных вложений. Необходимо заметить, что арктические территории находятся в границах Северного полярного круга, и непосредственно в Арктике функционирует 16 моногородов, из которых 11 расположены в Северо-западном федеральном округе (СЗФО). Численность населения в моногородах Арктики составляет около 950 тысяч человек, из которых практически половина населяет моногорода СЗФО [Кондратов 2017].

Учитывая, что в Арктической зоне РФ проживает около 2,5 млн человек, можно утверждать, что каждый пятый житель Арктической зоны РФ проживает в моногородах арктических регионов Северо-Западного федерального округа. Среди них крупными являются только Северодвинск (Архангельская область) — 184 тысячи — и Воркута (Республика Коми) — 58 тысяч, а остальные — это небольшие города с населением менее 50 тысяч человек.

По отраслевой типологии моногорода арктических территорий СЗФО подразделяются на 4 класса [Корняков 2018; Панков 2018; Проценко и др. 2018]:

- 1) горные промышленные центры экспортно-сырьевого производства включают следующие города: Воркута и Инта, которые специализируются на угольной промышленности; Мончегорск и Ковдор, которые развиваются в направлении горно-металлургической индустрии; Кировск (основная отрасль — горно-химическая промышленность);
- 2) промышленные и энергетические центры регионов: Полярные Зори (специализация — атомная энергетика);
- 3) промышленные районы, основной деятельностью которых является обрабатывающая промышленность, выпускающая продукцию для отечественного рынка: Новодвинск — деревообработка, целлюлозно-бумажная промышленность, изделия из бетона и стальной арматуры; Онежский регион специализируется на лесопромышленном производстве, также развит транспортно-рекреационный комплекс;
- 4) производственные и сервисные центры военно-промышленного профиля расположены в Северодвинске, ключевая специализация — атомное судостроение, судоремонт; ЗАТО Снежногорск — деятельность направлена на ремонт судов и утилизацию атомных подводных лодок.

Таким образом, в рамках отраслевой типологии многие моногорода арктических территорий СЗФО функционируют на экономической основе экспортных поставок сырьевых материалов, которые более всего подвержены влиянию внешних факторов. К таким городам относятся Кировск, Мончегорск, Ковдор, Воркута и Инта [Котов 2017].

Профиль остальных моногородов не отличается специфическими характеристиками, и деятельность моногородов Новодвинска, Онега, Эмва, Полярной Зори, Северодвинска и Снежногорска построена на традиционной специализации, включающей лесную промышленность, энергетику, транспорт, судостроение. Традиционные отрасли арктических территорий, как правило, реализуются больше на внутреннем рынке, спрос на котором недостаточно высок для эффективной деятельности предприятий, что связано в основном с ограниченными возможностями моногородов Арктики.

Следовательно, поддержка стабильного уровня развития моногородов арктических территорий Северо-Западного федерального округа носит двусторонний характер [Кулай 2019]:

- a) совершенствование моноиндустриальных процессов экономики, ориентированной на экспорт и основанной на конкурентных привилегиях в рамках высокого уровня развития технологий;
- b) процесс диверсификации монопрофильных процессов экономики, направленный на развитие традиционных отраслей региональной специализации, функционирующих в рамках развития альтернативных отраслей и коммерческой деятельности предприятий, с целью получения прибыли за счет внедрения современных инновационных технологий.

При этом оба процесса играют важную роль в рамках прогнозирования и предупреждения угроз внешней и внутренней среды, оказывающих значительное влияние на уровень стабильности развития региона и расширенное воспроизводство человеческого капитала, возможности которого ограничены и находятся ниже показателей российских регионов. Вместе с тем существует резон внедрять новые методы и реформировать стандарты развития арктических моногородов и расширять их экономический потенциал развитых отраслей в рамках формирования региональных кластеров в СЗФО. При таком развитии ситуации возможна минимизация миграционного уровня в связи с тем, что с образованием новых, современных направлений появится потребность в дополнительных трудовых ресурсах.

В целом конструктивным решением проблемы устойчивого развития арктических моногородов Северо-Западного федерального округа может стать рациональное стратегическое решение относительно разработки эффективной модели территориального развития в рамках следующих альтернативных направлений [Федотовских 2017; Севастьянова 2018]:

- модернизация экспортно-ориентированных производств;
- диверсификация экономики региона;
- формирование промышленных кластерных образований, деятельность которых основана на современных инновационных технологиях.

Следует заметить, что практически половина населения арктических территорий работает в отраслях промышленности, специализация которых направлена на разработку месторождений, богатых полезными ископаемыми. Таким образом, необходимо совершенствовать условия жизнедеятельности трудоспособного населения северных территорий, что, несомненно, приведет к росту интеграции квалифицированных кадров предприятия, будет способствовать развитию национальных парков и заповедников в рамках повышения уровня туристического потока.

Сегодня в зоне Арктики до 15% всего кадрового состава предприятия задействованы в рабочем процессе в режиме вахтового метода, а в Ненецком автономном округе — до 25%. Недостаток в кадровых специалистах компенсируется на 30%, покрывается сотрудниками из других регионов РФ, на какой-то срок замещающих основных работников предприятия.

На северных территориях функционирует 30 высших учебных заведений, 5 из них в арктической зоне, 17 из них специализируются на направлениях, востребованных в Арктике. В представленных вузах обучается до 60 тысяч студентов, однако уровень подготовки и образования далек от уровня необходимых компетенций для работы на северных территориях, и в связи с этим в зону Арктики было направлено около 6 тысяч сотрудников, обладающих необходимыми компетенциями [Недосека, Жигунова 2019; Кузниченков 2017].

В перспективе развития при переходе промышленных производств на инновационные технологии при добыче полезных ископаемых и переработке сырьевых материалов возникнет острая необходимость в сотрудниках, обладающих знаниями в рамках современных инновационных технологий, автоматизации производства, а также методов дистанционного контроля, который минимизирует пребывание работника вне помещения в суровых северных условиях.

В настоящее время в ситуации колеблющейся конъюнктуры рынка, экономического мирового кризиса, пандемии и других факторов, которые затрагивают многие отрасли производства в рамках экономического развития моногородов, возникает множество рисков, ограничивающих эффективность развития территорий. Критическое влияние на развитие моногородов северной территории и зон Арктики оказал мировой экономический кризис 2008–2009 гг., что привело к формированию интегрированного подхода к решению ряда проблем в данной критической ситуации [Кузнецов, Горин 2018].

В период экономического мирового кризиса 2008–2009 гг. в рамках антикризисной программы российские власти разработали следующие меры по развитию моногородов северных территорий и зон Арктики [Лаверов и др. 2016; Пилясов, Котов 2017; Кузнецов, Горин 2017]:

- создали специальную межведомственную комиссию, сформировали официальный перечень моногородов и меры, которые способствуют поддержке данных территорий;
- выделили территории, особо нуждающиеся в поддержке, и разработали особые формы содействия для этих зон.

Федеральные меры поддержки моногородов определили условия, по которым данные территории могут получить материальную помощь из федерального бюджета которые включали разработку комплексных инвестиционных планов, что, в свою очередь, активизировало реализацию направления стратегии развития и модернизации северных моногородов.

В рамках реализации данной стратегии российское правительство передало полномочия по координации развития моногородов в 2013 г. Минэкономразвития РФ. В настоящее время Минэкономразвития РФ приняло решение по изменению условий, классифицирующих отдельные территории как моногорода, которые могут быть обеспечены финансовой поддержкой. При этом в новой классификации основополагающим условием будет являться показатель уровня занятости населения, который позволит минимизировать перечень моногородов, входящий в официальную группу по обеспечению финансовой поддержки.

Сегодня общее количество городских агломераций в арктических территориях РФ составляет 71, из них доля городов с одним промышленным сектором составляет 25,4%, а в среднем по стране — 14,1%. Таким образом, получается, что процент моногородов на арктических территориях вдвое превышает процент аналогичных территорий в среднем по России. Данное положение еще раз доказывает необходимость принятия своевременных мер по разработке эффективных стратегий развития данных территорий [Гиниятов 2017; Плисецкий и др. 2018].

План стратегии развития моногородов Мурманской области, включенный в разработку комплексных инвестиционных планов, формировался исходя из форм, представленных в «Методических рекомендациях по подготовке и реализации КИП развития монопрофильных территорий». Ключевые формы данного положения включают глубокий перечень необходимых мер, которые должны учитываться при разработке стратегии развития моногородов северных территорий: детальный анализ социально-экономических условий; классификация

потенциальных рисков; альтернативные варианты развития; системы критериев с полным перечнем данных; мониторинг реализации комплексных инвестиционных планов и так далее [Мовчан 2015; Некрич 2016].

Однако на практике реализовать в точности все перечисленные меры оказалось невозможно, поскольку возник ряд технических проблем, трудности с четкой классификацией необходимых показателей, необходимые данные для расчетов оказались закрыты.

При этом меры, изложенные в представленном положении в рамках инвестиционных проектов в Мурманской области, были реализованы без ограничений, но в некоторой степени неосновательно. При этом проекты по развитию и совершенствованию моногородов Мурманского региона реализовались на должном высоком уровне в соответствии с нормами данного положения. В результате проведенного исследования стратегии развития моногородов Мурманского региона выяснилось, что моногорода имеют много общих характеристик при наличии, несомненно, у каждого моногорода определенных особенностей.

Стратегия развития моногородов России включает необходимость сведения к минимуму рисков зависимости данных территорий от экономической деятельности производственных предприятий, где задействована основная часть трудоспособного населения, путем диверсификации экономики города. Диверсификация моногородов включает развитие малого и среднего предпринимательства, наиболее выделяется туристический сектор.

Инвестиционные проекты в рамках данной стратегии включают техническое перевооружение производственных мощностей предприятий с целью повышения эффективности производства и минимизации финансовых вложений на разработку инновационных технологий и продуктов.

Заключение

Таким образом, в текущих условиях на арктических территориях требуется разработка подходов и мер по решению реальных многосложных технических и социально-экономических вопросов, непосредственно связанных с ростом научно-технического потенциала. Проблемы и ограничения, обусловленные неравномерностью пространственного развития, целесообразно решать на основе проектного и кластерного подходов, на основе системных инноваций. Актуализация внедрения цифровых технологий обусловлена уникальной специализацией кластеров моногородов и возможностью расширения рыночного присутствия. Данная работа актуальна в контексте применения результатов проведенного анализа при разработке стратегий и программ развития северных территорий Российской Федерации.

Список литературы:

Алиева Т. Модель взаимодействия власти и бизнеса в сфере природопользования в российской Арктике // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 1. С. 19–25.

Амигарян А. Нефть и газ в российской Арктике // ТЭК России. 2016. № 9. С. 34–39.

Анализ состояния научных исследований в Арктической зоне Российской Федерации / под ред. В.М. Абрамова, Г.Г. Гогоберидзе. СПб.: СпецЛит, 2017.

Баишева С.М. Трудовой потенциал и занятость молодежи Арктики: результаты полевых исследований // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 1 (18). С. 39–46.

Балобанов А.Е., Воротников А.М. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации: возможность для территориальной проекции стратегического планирования в России // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4. № 4. С. 42–49.

- Гиниятов М.Ю. Интегрированное решение для добычи нефти и газа. Интеллектуальное месторождение // Сфера. Нефть и газ. 2017. № 5 (61). С. 14–19
- Гладышева И.В. Моногорода российской Арктики // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 76–84. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2017.26.76](https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.26.76)
- Горин Е.А. Цифровые технологии в отечественном судостроении // Бюллетень науки и практики. 2017. № 11 (24). С. 236–242. DOI: [10.5281/zenodo.1048457](https://doi.org/10.5281/zenodo.1048457)
- Горлышева К.А., Бердникова В.Н. Экологические проблемы Арктического региона // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35620316>
- Дмитриева Е.О. Государственная поддержка моногородов РФ в условиях восстановления экономического роста // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf>
- Егорова Н.И., Митякова О.И. Экологические инновации и устойчивое развитие // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2015. № 3. С. 299–305.
- Измоденова Н.Н. Социальная идентичность молодежи Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. № 2–13 (9). С. 52–58. DOI: [10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.52-58](https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.52-58)
- Калмыков Н.Н., Меньщикова В.И., Меркулова Е.Ю., Константинов И.Б., Константинова Е.П., Тетенькина О.Л. Ключевые направления стабилизации социально-экономического положения российских моногородов // Развитие территорий. 2018. № 2 (12). С. 14–19. DOI: [10.32324/2412-8945-2018-2-14-19](https://doi.org/10.32324/2412-8945-2018-2-14-19)
- Кондратов Н.А. Особенности развития транспортной инфраструктуры в Арктической зоне России // Географический вестник. 2017. № 4 (43). С. 68–80. DOI: [10.17072/2079-7877-2017-4-68-80](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2017-4-68-80)
- Корняков К.А. Кадровые проблемы развития Арктики // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 4. С. 929–938. DOI: [10.24891/fc.24.4.929](https://doi.org/10.24891/fc.24.4.929)
- Котов А.В. «Полярный Рур»: структурная политика в моногородах российской Арктики // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2017. Т. 47. № 7. С. 34–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29461720>
- Кузнецов С.В., Горин Е.А. Освоение арктических территорий как фактор экономического развития макрорегиона «Северо-Запад» // Региональная экономика и развитие территорий. Вып. 1 (12). СПб: ГУАП, 2018. С. 25–30.
- Кузнецов С.В., Горин Е.А. Цифровизация экономики и трансформация промышленной политики // Инновации. 2017. № 12 (230). С. 34–39.
- Кузниченков Ю.Н. На старте арктической гонки // Газинформ. 2017. № 3 (57). С. 10–13.
- Кулай С.В. Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 73. С. 224–248. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-00038](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-00038)
- Лаверов Н.П., Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Фундаментальные аспекты рационального освоения ресурсов нефти и газа Арктики и шельфа России: стратегия, перспективы и проблемы // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 4–13.
- Мовчан В.Н. Геоэкология для рационального природопользования // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2015. № 3. С. 108–117.
- Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2019.37.118](https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.118)

Некрич А.С. Пути к рациональному природопользованию в Арктике // Север России: стратегии и перспективы развития: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 27 мая 2016 г. Т. 4. Сургут: Сургутский государственный университет, 2016. С. 256–259.

Панков С.Е. Программа научно-технологического обеспечения развития арктического региона Российской Федерации: методические и организационные аспекты формирования // Вооружение и экономика. 2018. № 2 (44). С. 45–50.

Пилясов А.Н., Котов А.В. Моногорода российской Арктики: анализ стратегий развития по комплексным инвестиционным планам // Арктические ведомости. 2017. № 1. С. 116–124.

Плисецкий Е.Л., Плисецкий Е.Е., Шедько Ю.Н. Устойчивое развитие территорий нового хозяйственного освоения: инновационные решения // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 5. С. 942–955. DOI: [10.24891/re.16.5.942](https://doi.org/10.24891/re.16.5.942)

Проценко О.Д., Глазов К.Н., Ермакова С.Э., Юрикова И.Г. Основные аспекты социально-экономического развития и системы жизнеобеспечения населения арктических территорий России // Экономика и управление. 2018. № 9 (155). С. 4–11.

Севастьянова А.Е. Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 139–145. DOI: [10.21603/2500-3372-2018-2-139-145](https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-139-145)

Федотовских А.В. Роль социального предпринимательства в развитии несырьевой экономики регионов Арктической зоны России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 1 (20). С. 3–8. DOI: [10.21777/2307-6135-2017-1-3-8](https://doi.org/10.21777/2307-6135-2017-1-3-8)

References:

Abramov V.M., Gogoberidze G.G. (eds.) (2017) *Analysis of research in the Russian Arctic*. Saint Petersburg: SpecLit.

Alieva T. (2017) Natural Resources Use in Russia's Arctic Region: Model of Interaction between State Authorities and Business. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. № 1. P. 19–25.

Amigaryan A. (2016) Oil and Gas in the Russian Arctic. *TEK Rossii*. № 9. P. 34–39.

Baisheva S.M. (2017) Labor and Employment Potential of the Youth in the Arctic: The Results of Field Studies. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. № 1 (18). P. 39–46.

Balobanov A.E., Vorotnikov A.M. (2018) Development Strategy of the Arctic Zone of the Russian Federation: An Opportunity for the Territorial Projection of Strategic Planning in Russia. *Zhurnal ekonomicheskikh issledovaniy*. Vol. 4. № 4. P. 42–49.

Dmitrieva E.O. (2017) State Support of the Russian Single-Industry Towns in Terms of Economic Growth. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"*. Vol. 9. № 1. Available: <http://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf>

Egorova N.I., Mityakova O.I. (2015) Environmental Innovation and Sustainable Development. *Trudy NGTU im. R.E. Alekseeva*. № 3. P. 299–305.

Fedotovskikh A.V. (2017) The Role of Social Entrepreneurship in the Development of the Non-Salary Economy of the Regions Arctic Zone of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.YU. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*. № 1 (20). P. 3–8. DOI: [10.21777/2307-6135-2017-1-3-8](https://doi.org/10.21777/2307-6135-2017-1-3-8)

Giniyatov M.Yu. (2017) Integrirovannoye resheniye dlya dobychi nefi i gaza. Intellektual'noye mestorozhdeniye [An integrated solution for oil and gas production. Intellectual deposit]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. № 5 (61). P. 14–19.

Gladysheva I.V. (2017) Structural Policy for Economic Development of Single-Industry Cities of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever*. № 26. P. 76–84. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2017.26.76](https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.26.76)

- Gorin E.A. (2017) Digital Technology in the National Shipbuilding. *Byulleten' nauki i praktiki*. № 11 (24). P. 236–242. DOI: [10.5281/zenodo.1048457](https://doi.org/10.5281/zenodo.1048457)
- Gorlysheva K.A., Berdnikova V.N. (2018) Ecological Problems of the Arctic Region. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*. № 5. Available: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35620316>
- Izmodenova N.N. (2018) Young People's Social Identity of Murmansk Region. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnyye issledovaniya*. № 2–13 (9). P. 52–58. DOI: [10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.52-58](https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.52-58)
- Kalmykov N.N., Menshchikova V.I., Merkulova E.Yu., Konstantinov I.B., Konstantinova E.P., Tetenkina O.L. (2018) The Key Directions for Stabilization of Socio-Economic Situation of Russian Single-Industry Towns. *Razvitiye territoriy*. № 2 (12). P. 14–19. DOI: [10.32324/2412-8945-2018-2-14-19](https://doi.org/10.32324/2412-8945-2018-2-14-19)
- Kondratov N.A. (2017) Development of Transport Infrastructure in the Arctic Zone of Russia. *Geograficheskiy vestnik*. № 4 (43). P. 68–80. DOI: [10.17072/2079-7877-2017-4-68-80](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2017-4-68-80)
- Kornyakov K.A. (2018) Personnel Problems of the Arctic Region's Development. *Finansy i kredit*. Vol. 24. № 4. P. 929–938. DOI: [10.24891/fc.24.4.929](https://doi.org/10.24891/fc.24.4.929)
- Kotov A.V. (2017) "Polar Ruhr": Structural Policy in Monotowns of the Russian Arctic. *Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal «EKO»*. Vol. 47. № 7. P. 34–52. Available: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29461720>
- Kulay S.V. (2019) Foreign Experience of Single-Industry Towns Modernization and Economic Restructuring. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 73. P. 224–248. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-00038](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-00038)
- Kuznetsov S.V., Gorin E.A. (2017) The Digitalization of the Economy and Transformation of Industrial Policy. *Innovatsii*. № 12 (230). P. 34–39.
- Kuznetsov S.V., Gorin E.A. (2018) Osvoeniye arkticheskikh territoriy kak faktor ekonomicheskogo razvitiya makroregiona «Severo-Zapad» [Development of the Arctic territories as a factor of economic development of the macro-region "North-West"]. *Regional'naya ekonomika i razvitiye territoriy*. Is. 1 (12). Saint Petersburg: GUAP. P. 25–30.
- Kuznichenkov Yu.N. (2017) Na starte arkticheskoy gonki [At the start of the Arctic race]. *Gazinform*. № 3 (57). P. 10–13.
- Laverov N.P., Bogoyavlenskiy V.I., Bogoyavlenskiy I.V. (2016) Fundamental Aspects of the Rational Development of Oil and Gas Resources of the Arctic and Russian Shelf: Strategy, Prospects and Challenges. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. № 2 (22). P. 4–13.
- Movchan V.N. (2015) Geoecology for Sustainable Natural Resource Management. *Vestnik SPbGU. Nauki o Zemle*. № 3. P. 108–117.
- Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. 2019, Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (The Case of the Murmansk Oblast). *Arktika i Sever*. № 37. P. 118–133. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2019.37.118](https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.118)
- Nekrich A.S. (2016) Ways to Rational Use of Natural Resources in the Arctic. *Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, May 27, 2016*. Vol. 4. Surgut: Surgutskiy gosudarstvennyy universitet. P. 256–259.
- Pankov S.E. (2018) Programma nauchno-tekhnologicheskogo obespecheniya razvitiya arkticheskogo regiona Rossiyskoy Federatsii: metodicheskiye i organizatsionnyye aspekty formirovaniya [The program of scientific and technological support for developing the Arctic region of the Russian Federation: Methodological and organizational aspects of the formation]. *Vooruzhenie i ekonomika*. № 2 (44). P. 45–50.
- Pilyasov A.N., Kotov A.V. (2017) Single-Industry Towns of the Russian Arctic: Analysis of Development Strategies Using Integrated Investment Plans. *Arkticheskie vedomosti*. № 1. P. 116–124.

Plisetskii E.L., Plisetskii E.E., Shed'ko Yu.N. (2018) Innovative Development Areas: Novel Approaches to Sustainability. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. Vol. 16. № 5. P. 942–955. DOI: [10.24891/re.16.5.942](https://doi.org/10.24891/re.16.5.942)

Protsenko O.D., Glazov K.N., Ermakova S.E., Yurikova I.G. (2018) Main Aspects of Social and Economic Development and Life Support System of the Population of the Arctic Territories of the Russian Federation. *Ekonomika i upravleniye*. № 9 (155). P. 4–11.

Sevastyanova A.E. (2018) Strategic Aspects of Diversification and Modernization in the Economy of Single-Industry Settlements. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*. № 2. P. 139–145. DOI: [10.21603/2500-3372-2018-2-139-145](https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-2-139-145)

Дата поступления/Received: 02.03.2022

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-120-133

Роль технологий «мягкой силы» в деятельности организации «ООН-женщины»¹

Наумов Александр Олегович

Кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 2905-0930

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Белюсова Марина Владимировна

Ассистент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва РФ.

E-mail: Belousova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 3509-2108

ORCID ID: [0000-0002-2260-8522](https://orcid.org/0000-0002-2260-8522)

Рыжкова Анастасия Геннадьевна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва РФ.

E-mail: RyzhkovaAG@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 4842-4017

ORCID ID: [0000-0002-7603-3082](https://orcid.org/0000-0002-7603-3082)

Аннотация

В статье проводится анализ основных технологий «мягкой силы» в деятельности вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «ООН-женщины». Рассматриваются основные коммуникационные стратегии, направленные на продвижение идей гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин. Детально изучается деятельность структуры в рамках образовательного, ценностного и рейтингового треков, с помощью которых реализуются мягкосиловые технологии. Внимание исследователей обращено на то, каким образом «ООН-женщины» отвечает на новые вызовы, формируя повестку по гендерной проблематике, которая затрагивает практически всех акторов международного пространства, на методы и каналы распространения ценностных ориентиров структуры. В статье проведен комплексный анализ деятельности организации за всю историю ее существования для определения основных механизмов распространения идей гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. Авторы приходят к выводу, что использование стратегий и технологий «мягкой силы» представляет собой основной элемент влияния «ООН-женщины» на мнение мирового сообщества по гендерной тематике. Использование данных технологий позволяет не только увеличивать узнаваемость структуры, но и повышать ее экспертный потенциал в вопросах гендера. За счет успешного применения стратегий и технологий «мягкой силы» организация легитимирует свою деятельность через общепризнанность и универсальность продвигаемых ценностей и косвенно оказывает давление на политическое руководство отдельных стран с целью повышения значимости вопросов гендерного неравенства в национальной повестке. Благодаря технологиям «мягкой силы» «ООН-женщины» является одним из наиболее значимых элементов международной повестки в вопросах гендерной проблематики.

Ключевые слова

«Мягкая сила», технологии «мягкой силы», публичная дипломатия, ООН, система ООН, ООН-женщины, женское политическое лидерство, женщины в политике, гендерный вопрос.

Role of Soft Power Technologies in Activities of UN Women²

Alexander O. Naumov

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Marina V. Belousova

Assistant, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Belousova@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-2260-8522](https://orcid.org/0000-0002-2260-8522)

Anastasia G. Ryzhkova

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: RyzhkovaAG@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-7603-3082](https://orcid.org/0000-0002-7603-3082)

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

² This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Abstract

The article deals with the main soft power technologies in the activities of the entity of the General Assembly of the United Nations known as UN Women. The main communication strategies aimed at promoting the ideas of gender equality and the empowerment of women are considered. The activities of the institution within the educational, value and rating tracks are studied in detail. The attention of the researchers is drawn to the way in which UN Women responds to new challenges, forming an agenda on gender issues that affects almost all actors in the international space, to the methods and channels of spreading the value orientations of the institution. The article provides a comprehensive analysis of the organization's activities over the entire history of its existence, to determine the main mechanisms for disseminating ideas of gender equality and the empowerment of women. The authors come to a conclusion that the use of soft power strategies and technologies is the main element of UN Women's influence on the opinion of the world community on gender issues. The application of these technologies allows not only increasing the recognition of the structure, but also boosting its expert potential in gender issues. Due to the successful application of soft power strategies and technologies, the organization legitimizes its activities through the universal recognition and acceptance of the promoted values and thus indirectly exerts pressure on political leaders of participating countries in order to increase the importance of gender inequality issues on the national agenda. Thanks to soft power technologies, UN Women is one of the most significant elements of the international agenda in gender issues.

Keywords

Soft power, soft power technologies, public diplomacy, UN, UN system, UN Women, women's political leadership, women in politics, gender issue.

Введение и постановка проблемы

Понятие «мягкой силы» (англ. soft power) было представлено в 1990 г. в журнале «Форин полиси» в статье, написанной выдающимся американским ученым и политическим деятелем Дж. Наем-младшим [Nye 1990]. Под «мягкой силой» Дж. Най изначально понимал «способность побудить своего партнера хотеть того же, что и вы» [Ibid., 167]. В работе «“Мягкая сила”: средства достижения успеха в мировой политике» исследователь формулирует определение «мягкой силы», которое он неоднократно применял в последующих трудах, — «способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [Nye 2004, 10]. Таким образом, «мягкая сила» — это не что иное, как способность влиять на общественное сознание широких масс путем убеждения и привлекательности тех идей, которые транслирует тот или иной субъект.

Основными ресурсами, на основе которых осуществляется формирование стратегий «мягкой силы», выступают культура, политические ценности (устойчивый набор значимых для общества установок, норм и правил, которые государство продвигает как на риторическом, так и на практическом уровне внутри страны и за ее пределами) и внешняя политика (которая является легитимной, ценностно ориентированной и соответствует нормам и правилам, которые декларирует государство-субъект) [Ibid., 11]. При этом, как утверждает Дж. Най, ключевым аспектом успешной проекции образов «мягкой силы» является легитимность этих образов, то есть их привлекательность для большего количества людей [Nye 2002]. Отсюда следует еще один императив успешного применения технологий «мягкой силы»: универсальность ценностных ориентиров, которые выступают ее источником.

Субъектами, которые продвигают многообразие идей, норм и ценностных ориентиров, берущих истоки в их культуре, политических ценностях и внешней политике, и используют для этого различные комбинации стратегий и технологий «мягкой силы», как правило, являются государства. Прочие акторы, заинтересованные в распространении тех образов и нормативных установок, носителями которых они являются, сосредоточены преимущественно на одном или нескольких феноменах, в привлекательности которых они хотят убедить своих реципиентов. Очевидно, что для негосударственных акторов аспект легитимности их ценностных ориентиров является еще более значимым, чем для государств: в то время как правительства могут риторически ссылаться на волю своих избирателей, негосударственные игроки в своей деятельности вынуждены апеллировать к общечеловеческим ценностям, сохранению мира, вопросам восстановления справедливости, рациональным соображениям и т.д., то есть к тем явлениям,

легитимность которых является общепризнанной. Более того, продвигая нормативные концепты, соотносящиеся с базовыми ценностями, и расширяя количество реципиентов, которые признают привлекательность данных концептов, негосударственные акторы обеспечивают легитимную базу собственного существования, то есть фактически они легитимируют сами себя через реализацию стратегий «мягкой силы», направленных на закрепление положительного образа тех или иных аспектов человеческого сосуществования в сознании представителей глобального сообщества. Таким образом, можно говорить о «мягкой силе» негосударственных акторов, которая направлена не только на достижение внешнеполитических целей или улучшение восприятия страны-субъекта среди целевых аудиторий, но и на расширение количества реципиентов базовых нормативных концептов, которые отражают некие общечеловеческие ценности.

Актуальность и новизна

Концепция «мягкой силы» в последнее время вызывает все больший интерес среди отечественных исследователей, которые подходят к ее изучению с различных позиций. В коллективной монографии под редакцией О.Ф. Русаковой, например, «мягкая сила» рассматривается как инструмент современных коммуникаций [Русакова и др. 2015]. П.Б. Паршин, в свою очередь, расширяет трактовку данного феномена, указывая как на возможность его интерпретации в коммуникационном ключе, так и на схожесть с категорией «страновой бренд» [Паршин 2020]. А.О. Наумов анализирует деструктивные технологии «мягкой силы», на основе которых в начале XXI в. были осуществлены «цветные революции» [Наумов 2016]. А в коллективном труде под редакцией Е.Г. Борисова подчеркивается, что изучаемая концепция на сегодняшний день является одним из наиболее эффективных инструментов политики [Борисова и др. 2020]. При этом стоит заметить, что вклад в исследование «мягкосиловых» технологий со стороны отечественных ученых все еще нельзя назвать достаточным. Так, например, в современном российском научном дискурсе практически не уделяется внимание изучению потенциала «мягкой силы» негосударственных акторов, включая международные организации.

Как известно, крупнейшей подобной структурой является Организация Объединенных Наций (ООН), в которую на сегодняшний день входят 193 государства. ООН имеет разветвленную систему, состоящую из автономных международных организаций, фондов и программ. Одной из них является структура «ООН-женщины» (официальное название — Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин) — ключевой орган, координирующий работу системы глобальной международной организации в вопросе гендерного равенства.

Целью статьи является выявление и анализ направлений деятельности данной организации, относящихся к элементам стратегии «мягкой силы». Отметим, что, несмотря на важность проблемы гендерного равенства, становящейся в современном мире все более актуальной, в отечественной историографии работа профильной и весьма влиятельной организации системы ООН редко становилась предметом серьезного исследования. Так, Н.А. Шведова в нескольких статьях рассматривает «ООН-женщины» как инструмент продвижения идей гендерного равенства [Шведова 2020; Шведова 2021], а К. Санталья Гонзалез и А.Ю. Калинина исследуют ее роль в процессе сохранения мира и безопасности [Санталья Гонзалез 2018; Калинина 2018]. Изучение же деятельности Структуры Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин через призму реализации «мягкосиловых» технологий и вовсе осуществляется впервые.

История создания и современная деятельность структуры «ООН-женщины»

Организация «ООН-женщины» является вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, деятельность которого посвящена борьбе за гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин³. Эта структура содействует государствам-членам ООН в их стремлении соответствовать мировым стандартам достижения гендерного равенства, работая совместно с правительствами стран и гражданским обществом.

Деятельность ООН в рамках поддержки прав женщин началась с момента ее основания в 1945 г. Среди целей организации, заявленных в первой статье Устава ООН, говорится о необходимости «осуществлять международное сотрудничество ... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии»⁴. Позднее данная мысль нашла свое отражение во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 г., которая подтвердила, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах»⁵.

Активная работа в рамках гендерной повестки ООН началась с 1970-х гг. В это время стало набирать популярность международное феминистское движение. Генеральная Ассамблея ООН объявила 1975 г. Международным годом женщин и организовала первую Всемирную конференцию по положению женщин, а затем обозначила период 1976–1985 гг. Десятилетием женщин. В рамках этого десятилетия была разработана и принята в 1979 г. «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»⁶, которую также нередко называют международным биллем о правах женщин. Далее, в период с 1980 по 2000 гг., были проведены еще четыре конференции под эгидой ООН в рамках гендерной повестки (1980, 1985, 1995 и 2000 гг.).

При этом до 2010 г. деятельность ООН в отношении защиты прав женщин носила разрозненный характер. Ситуация изменилась после создания в июле 2010 г. структуры «ООН-женщины», которая, как было сказано выше, на сегодняшний день координирует и поддерживает работу всей системы Организации Объединенных Наций, направленной на достижение гендерного равенства. Ее создание было частью повестки реформирования ООН. Она возникла на основе четырех отдельных структур, которые осуществляли деятельность, связанную с гендерной проблематикой: Отдела по улучшению положения женщин; Международного учебного и научно-исследовательского института по улучшению положения женщин; Канцелярии Специального советника Генерального секретаря по гендерным вопросам и улучшению положения женщин; Фонда Организации Объединенных Наций для развития в интересах женщин (ЮНИФЕМ)⁷. «Впервые в истории гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин превратились из второстепенной проблемы, обсуждаемой в контексте других целей и интересов, в самостоятельный признанный приоритет глобального характера. Создание структуры «ООН-женщины» подтвердило убеждение в том, что для подлинного и постоянного расширения географии и роли гендерных вопросов в дипломатической сфере гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин должны быть приоритетными на самых высоких дипломатических уровнях», — отметила в 2017 г. Ф. Мламбо-Нгкука, которая до августа 2021 г. занимала пост исполнительного директора «ООН-женщины» [Mlambo-Ngcuka 2017, 170].

³ About us // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/about-us> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴ Устав ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-1> (дата обращения: 25.01.2022).

⁵ Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.01.2022).

⁶ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 25.01.2022).

⁷ О структуре «ООН-женщины» // ООН-Женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/about-us/about-un-women> (дата обращения: 25.01.2022).

Сегодня основной целью структуры «ООН-женщины» является распространение нарратива о том, что достижение гендерного равенства имеет огромное социально-экономическое значение, так как расширение прав и возможностей женщин стимулирует процветание экономики и рост производства. Деятельность организации на сегодняшний день в первую очередь направлена на претворение в жизнь гендерной повестки программы Целей в области устойчивого развития ООН (ЦУР) и на содействие равноправному участию женщин во всех аспектах жизни общества. С целью реализации этой повестки в рамках структуры «ООН-женщины» был разработан ряд коммуникационных стратегий, в том числе на основе технологий «мягкой силы», включая образовательную, ценностную и рейтинговую.

Образовательная сила организации «ООН-женщины»

Образовательная сила является одной из ключевых при анализе «мягкосиловых» технологий государства. Обычно при определении степени ее влияния в расчет берется количество студентов, лауреатов научных премий, зарегистрированных патентов и др. В рамках анализа структуры «ООН-женщины» мы не можем опираться на показатели, которые характеризуют государственную деятельность, однако можем рассмотреть потенциал передачи и распространения продвигаемых международной организацией идей в рамках образовательных программ. Знания «ООН-женщины» распространяет с помощью трех коммуникационных каналов: публикаций, учебного центра и своих активистов.

Особое значение имеет первый канал коммуникации. На сайте структуры «ООН-женщины» опубликовано более 450 статей на 141 тему. Наиболее популярными из них (помимо статей, связанных с пандемией) являются такие темы, как «Расширение экономических прав и возможностей», «Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин» и «Прекращение насилия в отношении женщин и девочек»⁸. «ООН-женщины» также публикует данные исследований по гендерному вопросу в рамках годовых отчетов, представленных на официальном сайте структуры, начиная с года ее основания⁹.

Основное внимание в годовом отчете за 2020–2021 гг. уделяется гендерной повестке в условиях пандемии. Отмечается, что пандемия COVID-19 усугубила гендерное неравенство в мире¹⁰. «ООН-женщины» отреагировала принятием ряда мер, в частности разработкой 19 стратегий по расширению социальной защиты с учетом гендерных факторов и внедрением «Глобального трека мер реагирования COVID-19», анализирующего мировой опыт борьбы с последствиями пандемии. Авторы отчета указывают на то, что оценки последствий пандемии, основанные на гендерных различиях, позволили 51 стране оперативнее реагировать на негативные эффекты для здоровья и занятости женщин и девочек. Дальнейшим достижением структуры «ООН-женщины» в 2021 г. стало, согласно отчету, осуществление координации международных гуманитарных программ с точки зрения гендерного подхода. Он предполагает, что в рамках планирования международной гуманитарной деятельности будут использоваться данные с разбивкой по полу для точного определения конкретных потребностей женщин¹¹.

⁸ Digital Library // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications> (дата обращения: 25.01.2022).

⁹ Annual report // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/annual-report> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁰ UN women's highlights from 2020–2021 // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://annualreport.unwomen.org/en/2021> (дата обращения: 25.01.2021).

¹¹ Там же.

Ценностная сила организации «ООН-женщины»

Продвижение ценностей, которые лежат в основе деятельности «ООН-женщины», реализуется через закрепление основных идей организации посредством создания нормативно-правовых актов международного и национального масштаба. В соответствии со своим мандатом, «структура “ООН-женщины” оказывает поддержку государствам-членам в установлении норм»¹², а также содействует их внедрению посредством своих проектов и программ. Кроме того, организация возглавляет и координирует работу учреждений системы ООН в вопросах, касающихся гендерной тематики.

За время работы Организации Объединенных Наций в рамках гендерного направления рядом стран-участниц были разработаны и ратифицированы несколько нормативно-правовых актов. Среди основных документов, отражающих нормы и ценности структуры «ООН-женщины», можно выделить, во-первых, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин¹³. Она ратифицирована всеми государствами в Европе и Центральной Азии (за исключением Эстонии, Латвии и Узбекистана). Во многих странах, в соответствии с данной конвенцией, были внесены изменения в национальную нормативно-правовую базу. При этом часть стран до сих пор не может полностью внедрить стандарты, представленные в документе.

Во-вторых, необходимо упомянуть Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, также известную как Стамбульская конвенция, подписанную 25 странами, но ратифицированную лишь 15 из них¹⁴. Конвенция требует от государств обеспечения надлежащей правовой базы, в соответствии с которой все формы насилия в отношении женщин считаются преступлением.

В-третьих, отметим Пекинскую декларацию и Платформу действий, которые были приняты на IV Всемирной конференции по положению женщин в 1995 г., излагающие обязательства правительств по расширению прав женщин¹⁵. В 2015 г. был отмечен 20-летний обзор Пекинской платформы действий (Пекин+20), при этом до сих пор данная декларация реализована далеко не во всех государствах.

Наконец, следует упомянуть Цели в области устойчивого развития, которые ООН призывает достичь к 2030 г.¹⁶. Перечень из семнадцати целей был принят Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. в виде «Повестки дня до 2030 г.»¹⁷. Профильным пунктом для организации «ООН-женщины» является цель под номером пять, обозначенная как «Гендерное равенство», хотя идея равенства полов фигурирует и в ряде других целей, достижение которых должно способствовать гармоничному развитию человечества¹⁸. Основной задачей «ООН-женщины» в рамках данного вектора является повсеместная ликвидация всех форм дискриминации, ограничений и насилия в отношении всех женщин и девочек, а также создание условий для широкого распространения практик гендерного равенства¹⁹.

¹² Межправительственная поддержка // ООН-женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/what-we-do/intergovernmental-support> (дата обращения: 25.01.2022).

¹³ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 25.01.2022).

¹⁴ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием // Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 25.01.2022).

¹⁵ Пекинская декларация и Платформа действий // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20R.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

¹⁶ Цели в области устойчивого развития ООН // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 25.01.2022).

¹⁷ The 17 goals // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁸ Goal 5 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.un.org/goals/goal5> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁹ Цели в области устойчивого развития ООН // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения: 25.01.2021).

Нормативная сила организации выражается также через успешную деятельность по внесению изменений в законодательство отдельных государств. Так, «ООН-женщины» активно поддерживает усилия по продвижению женщин на руководящие позиции. В 2012 г. структура внесла значительный вклад в подготовку резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины и участие в политической жизни», основной целью которой является призыв к национальным правительствам усилить меры по увеличению количества женщин в процессе принятия политических решений²⁰. На уровне национальных государств эта инициатива была транслирована в ряд законодательных инициатив: к примеру, только в 2015 г. при содействии «ООН-женщины» в 8 странах были внесены изменения в конституцию и в 32 странах приняты новые законы, направленные на расширение гендерного равенства. В 15 странах на уровне законодательных органов были основаны также комитеты, занимающиеся вопросами гендерного равенства [Bloch 2019]. На конец 2021 г., по данным последнего годового отчета, с участием и при поддержке «ООН-женщины» было осуществлено 262 правовые реформы в 62 государствах в рамках обеспечения гендерного равенства²¹.

Согласно исследованию, проведенному структурой, на сегодняшний день главами государств и правительств являются 26 женщин в 24 странах мира²². Представительницы женского пола составляют всего 21% от общего количества правительственных министров. И лишь в 14 государствах доля женщин в парламенте достигла или превышает пятидесятипроцентный порог²³. Всего в трех странах в нижних палатах или однопалатных парламентах женщины составляют большинство: в Руанде (61%), на Кубе (53%) и в Никарагуа (50,6%)²⁴.

При этом, согласно прогнозам «ООН-женщины», исходя из нынешних темпов развития, гендерное равенство на руководящих постах в политической сфере не будет достигнуто еще в течение 130 лет, на министерских должностях гендерный паритет наступит, предположительно, не ранее 2077 г., а в законодательных органах — не ранее 2063²⁵.

Ценностную силу «ООН-женщины» реализует через свои международные программы, проекты и движения. Одним из ярких примеров данной деятельности является глобальное движение ООН за гендерное равенство HeForShe, которое призывает к участию в движении за гендерное равенство не только женщин, но и мужчин. HeForShe уже успело стать довольно популярным среди мужчин и женщин во многих странах. Как отмечает немецкая исследовательница Я. Блох, цель движения состоит в том, чтобы создать всемирную осведомленность о том, что обеспечение гендерного равенства не представляет собой исключительно «женскую тему». «Мужчинам предлагается задуматься о личных выгодах от общества, ориентированного на общество с более справедливыми гендерными нормами, и активно их отстаивать. — пишет Блох. — В целом “ООН-женщины” использует смелый инклюзивный гендерный подход, который впервые выходит за рамки традиционных границ классического поощрения женщин» [Bloch 2019, 102].

²⁰ Женщины и участие в политической жизни // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/66/130> (дата обращения: 25.01.2022).

²¹ UN women's highlights from 2020-2021 // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://annualreport.unwomen.org/en/2021> (дата обращения: 25.01.2021).

²² Facts and figures: Women's leadership and political participation // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures#edn1> (дата обращения: 25.01.2021).

²³ Women in politics 2020 map // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/03/women-in-politics-map-2020> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁴ Monthly ranking of women in national parliaments // Inter-Parliamentary Union [Электронный ресурс]. URL: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=11&year=2021> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁵ Там же.

Другой программой продвижения ценностей и идеалов организации является проект GenderTerm²⁶, который призван привлечь внимание к борьбе с языковой гендерной предвзятостью, основанной на гендерно чувствительной и гендерно нейтральной лексике. Вопрос о введении и закреплении новых форм гендерной инклюзивности в языке актуален в ряде стран уже не первый год. Так, в 2021 г. в Конгрессе США было инициировано рассмотрение пакета правил, касающихся гендерно нейтральных обращений в нижней палате: предлагалось заменить обращения «он»/«она» на «делегат» или «представитель», которые в английском языке являются гендерно нейтральными²⁷. Стоит заметить, что американцам уже давно предложено использовать вместо указанных выше местоимений нейтральное «themselves». Обсуждается также вопрос дальнейшей замены всех гендерно окрашенных слов, определяющих родственную принадлежность, таких как «мать», «отец», «брат», «тетя» и другие, на «родитель», «ребенок» и «родственник». Однако, как отмечает «Уолл Стрит Джорнал», продвижение гендерно нейтрального словаря широкой общественностью не приветствуется, за исключением представителей радикально левой элиты²⁸.

Швейцарская телекомпания RTS также поддержала эту тенденцию и выпустила руководство для журналистов по использованию гендерно нейтральной лексики, которое вызвало большой общественный резонанс и, по результатам опросов, массовой поддержки среди респондентов не нашло²⁹. Еще более радикально отреагировала французская общественность на попытки использования новых форм языковой инклюзивности: министерство образования Франции запретило использовать в письменной речи слова гендерно нейтрального характера³⁰. Продвижение подобной лексики во французском языке сочли нежелательным, так как ее использование усиливает влияние импортированной американской идеологии, чуждой французскому универсализму. Издание «Нью Йорк Таймс» иронизировало по поводу того, что, очевидно, с точки зрения министра образования Франции Ж.-М. Бланке, включение во французские словари гендерно нейтральных слов — не что иное, как «наступление политкорректной американской идеологии на французские ценности»³¹.

Стоит сказать, что повышенное внимание к гендерно нейтральной лексике в последнее время стали уделять и в России. В русском языке появились и используются такие понятия, как, например, «авторка» или «блогерка», хотя в целом вопрос разделения наименований профессий в соответствии с полом остается достаточно дискуссионным в российском обществе.

Следующим каналом распространения идеалов «ООН-женщины» можно назвать кампанию UNiTE, которая направлена на предотвращение и искоренение насилия в отношении женщин и девочек. Она призывает правительства, гражданское общество, частный сектор, средства массовой информации и всю систему ООН объединить усилия в борьбе с так называемой «глобальной пандемией насилия в отношении женщин»³². С 2013 г. в рамках деятельности по достижению Целей в области устойчивого развития главным ежегодным событием кампании UNiTE является акция «16 дней активных действий против гендерного насилия», которая представляет собой

²⁶ GenderTerm: UN women online resources on the use of gender-inclusive language // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/genderterm> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁷ В Палате представителей США могут перейти на гендерно нейтральные обращения // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10399635> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁸ Riley J. Gender-Neutral Language Is More Than a Word Game // The Wall Street Journal. Jan. 5, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/gender-neutral-language-is-more-than-a-word-game-11609887957?mod=opinionmajoros7> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁹ Гендерно-нейтральный язык — вопрос для референдума? // SWI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/гендерно-нейтральный-язык--вопрос-для-референдума/46677626> (дата обращения: 25.01.2021).

³⁰ Франция запретила школам использовать гендерно-нейтральные слова // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2021/05/11/genderno_neitralnye_slova/ (дата обращения: 25.01.2021).

³¹ In a Nonbinary Pronoun, France Sees a U.S. Attack on the Republic // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/28/world/europe/france-nonbinary-pronoun.html> (дата обращения: 25.01.2021).

³² UNiTE by 2030 to End Violence against Women campaign // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/ending-violence-against-women/take-action> (дата обращения: 25.01.2022).

ряд «оранжевых» (официальный цвет проекта) мероприятий, встреч, дискуссий, маршей, телевизионных программ в целях привлечения внимания общественности к проблеме гендерного насилия³³.

Наконец, нельзя не упомянуть о практике привлечения известных личностей к деятельности «ООН-женщины» в качестве послов доброй воли. Узнаваемость публичных персонажей в совокупности с фактом их участия в мероприятиях тоже является элементом «мягкой силы» организации. На сегодняшний день структура имеет пять послов доброй воли, среди которых такие известные деятели искусства, как актрисы Эмма Уотсон, Николь Кидман, Энн Хэтэуэй, Данаи Гурира и футболистка Марта Виейра да Силва. «ООН-женщины» заручилась также поддержкой ряда знаменитостей, которые выступают в роли национальных или региональных послов. К ним принадлежит принцесса Тайланда Баджраkitиябха Махидол, известный в Китае актер Тун Давэй и другие³⁴.

Рейтинговая сила организации «ООН-женщины»

Данный вид силы выражается в публикации структурой «ООН-женщины» рейтингов и сравнительных исследований, определяющих положение государств по тем или иным показателям гендерной политики. Ставшая популярной несколько десятилетий назад рейтинговая система может быть серьезным инструментом влияния, поскольку положение в ней определяет уровень развитости государства в соответствии с общечеловеческими ценностями, его престиж и имидж в международном сообществе.

Организация проводит сравнительные исследования успехов и неудач государств в рамках изучения гендерного вопроса, осуществляя, по сути, их ранжирование на лидеров и аутсайдеров. Примером является «Карта “Женщины в политике”: 2017 г.»³⁵. Карта создана совместными усилиями Межпарламентского союза и «ООН-женщины» и демонстрирует прогресс той или иной страны в достижении гендерного равенства на региональном и национальном уровнях. Согласно данным исследования, в 2021 г. темпы роста численности женщин на министерских постах снизились. Первенство по количеству министров женского пола занимают такие страны, как Никарагуа (58%), Австрия (57,1%), Бельгия (57,1%). С 2020 г. на 0,6% выросло в мире число женщин-парламентариев. Больше всего женщин в парламенте Скандинавских стран (44,5%), а меньше всего — в парламентах Средней Азии и Северной Африки (17,8%). При этом процент представительниц женского пола в должности глав государств составляет всего 5,9%³⁶.

Далее, «ООН-женщины» формирует рейтинги по каждому из направлений собственной деятельности, в рамках которых публикуются показатели отдельных государств в соответствующей сфере. Подобная статистика отображена в разделах: «Лидерство и политическое участие»³⁷, «Экономическая сфера»³⁸, «Мир и безопасность»³⁹, «Гуманитарная деятельность»⁴⁰, «Правительство

³³ 16 дней активных действий против гендерного насилия // ООН-женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/what-we-do/ending-violence-against-women/16-days-of-activism> (дата обращения: 25.01.2021).

³⁴ Goodwill Ambassadors // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/partnerships/goodwill-ambassadors> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁵ Women in politics 2017 map // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2017/4/women-in-politics-2017-map> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁶ Women in politics: 2021 // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2021/Women-in-politics-2021-en.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁷ Facts and figures: Leadership and political participation // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁸ Facts and figures: Economic empowerment // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/economic-empowerment/facts-and-figures> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁹ Facts and figures: Women, peace and security // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/peace-and-security/facts-and-figures> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴⁰ Facts and figures: Humanitarian action // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/humanitarian-action/facts-and-figures> (дата обращения: 25.01.2022).

и национальное планирование»⁴¹, «Девочки и женщины-инвалиды»⁴², «ВИЧ и СПИД»⁴³. При этом данный вид анализа призван не только указывать на неудачи некоторых государств, но и показывать успехи отдельных стран.

Таким образом, собирая статистические данные и создавая собственную рейтинговую систему, организация с помощью «мягкосиловых» технологий стимулирует страны следовать пропагандируемым ею нормам и правилам, тем самым увеличивая потенциал своего влияния как международного актора.

Организации «ООН-женщины» в эпоху пандемии

Летом 2019 г. правительства Франции и Мексики при поддержке «ООН-женщины» выступили с инициативой запустить глобальный процесс «Пекин+25» под названием «Равенство поколений». Предполагалось, что после подготовительных совещаний осенью 2019 г. и предоставления 161 доклада стран-участниц о прогрессе в области гендерного равенства в этих государствах в 2020 г. в каждом регионе мира в рамках кампании будут проведены несколько крупных международных мероприятий: очередное ежегодное заседание Комиссии ООН по положению женщин, посвященное результатам осуществления Пекинской декларации; два Форума по равенству поколений (в Мехико и Париже); наконец, Встреча на высшем уровне в рамках Генеральной Ассамблеи ООН [Sandler, Goetz 2020].

Несмотря на то, что разразившаяся в конце 2019 г. пандемия коронавирусной инфекции стала препятствием для реализации этих планов, в марте 2020 г. состоялась 64-я сессия Комиссии ООН по положению женщин — крупнейшее ежегодное мероприятие Организации Объединенных Наций, посвященное вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин⁴⁴. Кроме того, этот год стал юбилейным для структуры «ООН-женщины», которая отметила 10-летие с момента создания, а также для уже упомянутых Пекинской декларации и Платформы действий, представленных 25 лет назад. В ходе масштабного мероприятия было отмечено, что 2020 г. должен был стать рубежным для размышлений о гендерном равенстве⁴⁵. Действительно, в рамках сессии Генеральный секретарь ООН представил доклад «Обзор и оценка хода осуществления Пекинской декларации и итоговых документов 23-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи»⁴⁶. Он был основан на всеобъемлющем анализе проделанной работы в области прав женщин, который отражал вклад 171 правительства, а также многочисленных активистов гражданского общества в рамках их национальной и региональной общественной деятельности в решение этой актуальной проблемы. Взяв за основу результаты доклада, «ООН-женщины» опубликовала собственный доклад «Гендерное равенство: права женщин спустя 25 лет после принятия Пекинской декларации»⁴⁷, в котором был обзорно отражен прогресс и вызовы в области реализации гендерного равенства со времени принятия Пекинской декларации и Платформы действий в 1995 г.

⁴¹ Facts and figures: Governance and national planning // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/governance-and-national-planning/facts-and-figures> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴² Facts and figures: Women and girls with disabilities // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/women-and-girls-with-disabilities/facts-and-figures> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴³ Facts and figures: HIV and AIDS // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/hiv-and-aids/facts-and-figures> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴⁴ Пресс-релиз: По завершению 64-й сессии Комиссии по положению женщин государства-члены ООН анонсировали темы будущего года // ООН-женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2020/7/press-release-commission-on-the-status-of-women-64th-session-concludes> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴⁵ По словам Илайды Эскиташчиоглу: «2020 год – это год гендерного равенства и год размышлений» // ООН-Женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2019/12/in-the-words-of-ilayda-eskitascioglu> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴⁶ Обзор и оценка хода осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/E/CN.6/2020/3> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴⁷ Gender Equality: Women's Rights in Review 25 Years after Beijing // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2020/Gender-equality-Womens-rights-in-review-en.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

Основным итогом 64-й сессии Комиссии по правам женщин стала «Политическая декларация по случаю 25-й годовщины IV Всемирной конференции по положению женщин»⁴⁸. В данном программном документе страны-участницы приняли на себя обязательства оказать полное содействие для ускоренной всеобъемлющей реализации Пекинской декларации и Платформы действий с учетом предыдущего опыта. Кроме того, был принят еще один ключевой документ, в котором государства-члены Комиссии определили приоритетные темы для деятельности с 2021 по 2024 гг. К ним было отнесено полноценное включение женщин в общественную жизнь и в процесс принятия решений, искоренение насилия по отношению к девочкам и женщинам, соединение вопросов гендерного равенства с экологическими, технологическими и финансовыми аспектами для более эффективного многостороннего подхода при решении проблем⁴⁹. В этой связи председатель Комиссии по правам женщин М. Маргарян подчеркнул, что многолетняя программа работы «обеспечивает рамочную основу для того, чтобы Комиссия по положению женщин могла играть ведущую роль в качестве основного глобального директивного органа по вопросам гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин и девочек и осуществления их прав человека. Эти темы дают Комиссии возможность продвигать и укреплять глобальную нормативную базу и оказывать поддержку правительствам и другим заинтересованным сторонам в их работе по устранению существующих пробелов и реагированию на новые и сохраняющиеся проблемы в области гендерного равенства»⁵⁰.

Выступая на заключительном заседании 64-й сессии, исполнительный директор «ООН-женщины» Ф. Мламбо-Нгкука отметила, что чрезвычайные обстоятельства в связи с пандемией выдвинули на первый план важность многостороннего подхода к поощрению гендерного равенства и прав человека. Совместно с программой развития ООН в сентябре 2020 г. организация запустила проект «Глобальный трекер гендерных мер в условиях реагирования на COVID-19», который включал в себя более 2500 мер в 206 странах и территориях и предлагал решения для национальных правительств с учетом гендерных аспектов в трех областях: меры по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек, государственная поддержка неоплачиваемого отпуска в связи с пандемией и укрепление экономической безопасности женщин⁵¹.

Заключение

Как было показано выше, сегодня Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин активно использует технологии «мягкой силы» в области образовательного, ценностного и рейтингового треков.

Образовательная сила организации «ООН-женщины» применяется в первую очередь через многочисленные публикации и аналитические исследования, которые формируются с привлечением правительств стран-участниц ООН. В своих публикациях организация разрабатывает необходимые меры, дает оценки и рекомендации странам по вопросу достижения гендерного равенства, тем самым формируя повестку по этой проблематике, которая затрагивает практически всех акторов международного пространства.

⁴⁸ Политическая декларация по случаю 25-й годовщины IV Всемирной конференции по положению женщин // ООН-женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/CSW/59/Declaration-RU.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴⁹ Пресс-релиз: По завершению 64-й сессии Комиссии по положению женщин государства-члены ООН анонсировали темы будущего года // ООН-женщины [Электронный ресурс]. URL: <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2020/7/press-release-commission-on-the-status-of-women-64th-session-concludes> (дата обращения: 25.01.2022).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ UNDP and UN Women launch COVID-19 Global Gender Response Tracker // United Nations Development Programme [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/press-releases/undp-and-un-women-launch-covid-19-global-gender-response-tracker> (дата обращения: 25.01.2022).

Реализация ценностной силы структуры «ООН-женщины» проявляется прежде всего в принятии нормативно-правовых актов. Они не являются юридически обязательными к исполнению для всех участников мировой политики, однако осуществление закрепленных в них норм имеет для государств репутационные преимущества. В ряде случаев общественное давление, вызванное требованиями расширения прав женщин, стало причиной изменений в национальном законодательстве страны. Помимо этого, в рамках деятельности «ООН-женщины» формируются отдельные международные проекты и движения, продвигающие один или несколько ценностных аспектов гендерного равенства, такие как HeForShe, GenderTerm или UNiTE. Особая роль при этом отводится добровольцам, имеющим высокую степень узнаваемости в мире, которые, благодаря своей популярности, представляют действенный инструмент «мягкой силы» как носители продвигаемых организацией ценностей.

Рейтинговая сила «ООН-женщины» также связана с получением той или иной страной репутационных бонусов. Желание быть в числе лучших, соответствовать общепризнанным нормам и следовать мировым тенденциям представляют собой убедительные аргументы для правительств внимательно отнестись к вопросам гендерного равенства в своих странах. Более того, даже если государство не принимает непосредственное участие в деятельности структуры «ООН-женщины», оно все равно является объектом ее рейтингов. Это в определенной степени побуждает политическое руководство включаться в процесс формирования международной гендерной повестки, чтобы таким образом иметь возможность оказывать влияние на распределение позиций в рейтингах и, соответственно, на повышение собственной репутации в глазах мировой общественности.

Руководство «ООН-женщины» также сформировало адекватный ответ на вызовы, связанные с пандемией коронавируса. В рамках 64-й сессии Комиссии по правам женщин был принят ряд важных документов, определивших контуры и приоритетные темы для деятельности Комиссии на период 2021–2024 гг., которые объединили вопросы гендерного равенства с экологическими, технологическими, финансовыми и эпидемиологическими вызовами современности. Совместно с Программой развития ООН в сентябре 2020 г. структура запустила проект «Глобальный трекер гендерных мер в условиях реагирования на COVID-19», который имеет большой географический охват и оценивает правительственные меры, направленные на поддержку женщин в условиях пандемии.

В заключение следует отметить, что использование стратегий и технологий «мягкой силы», безусловно, представляет собой важный элемент влияния организации «ООН-женщины» на международной арене. Конечно, в современном мире не стоит переоценивать и идеализировать роль «мягкосиловых» инструментов, однако не вызывает сомнения, что за счет их успешного применения такие акторы, как «ООН-женщины», получают уникальные возможности для укрепления собственного авторитета в мировой политике. В начале третьего десятилетия XXI в., легитимизируя свою деятельность через общепризнанность и универсальность продвигаемых ценностей, они в состоянии косвенно оказывать давление на политическое руководство большинства стран-членов ООН, включая наиболее могущественные из них.

Список литературы:

Калинина А.Ю. Усиление участия женщин в обеспечении устойчивого мира, согласно программе ООН-Женщины «мир и безопасность» // *Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: Сборник статей по материалам XII–XIII международной научно-практической конференции.* М.: «Интернаука», 2018. С. 37–40.

Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.

Паршин П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО-Университет, 2020.

Санталья Гонзалес К. ООН-Женщины в мире и безопасности: мирные процессы // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС.* 2018. Т. 9. № 2 (34). С. 214–222.

Шведова Н.А. Гендерное равенство в меняющемся мире: «Нам нужны большие смелые шаги...» // *Женщина в российском обществе.* 2021. № 2. С. 90–106. DOI: [10.21064/WinRS.2021.2.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.7)

Шведова Н.А. Отмечая юбилей: вопросы гендерного равенства в приоритетах ООН // *Женщина в российском обществе.* 2020. № 3. С. 16–29. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.2)

Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ / сост. и ред. Е.Г. Борисова. М.: Флинта, 2020.

Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.

Bloch Y. UN Women – eine Bilanz acht Jahre nach der Gründung der UN-Frauenorganisation // Fitschen T., Brühl T., Rathgeber T., Hüfner K., Bloch Y., Volger H. (hrsg.) *Herausforderungen für die gegenwärtige deutsche UN-Politik.* 14. Potsdamer UNO-Konferenz am 30. Juni 2018. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2019. S. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.25932/publishup-43151>

Bloch Y. UN-Women. Ein neues Kapitel für Frauen in den Vereinten Nationen. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2019.

Mlambo-Ngcuka P. Becoming UN Women. A Journey in Realizing Rights and Gaining Global Recognition // *Gender and Diplomacy* / ed. by J.A. Cassidy. London and New York: Routledge, 2017. P. 170–186.

Nye J. Soft Power // *Foreign Policy.* 1990. № 80. P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>

Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics.* New York: Public Affairs, 2004.

Nye J. The Information Revolution and American Soft Power // *Asia Pacific Review.* 2002. Vol. 9. Is. 1. P. 69–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/13439000220141596>

Sandler J., Goetz A.M. Can the United Nations Deliver a Feminist Future? // *Gender & Development.* 2020. Vol. 28. Is. 2. P. 239–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/13552074.2020.1753432>

References:

Bloch Y. (2019) UN Women – eine Bilanz acht Jahre nach der Gründung der UN-Frauenorganisation. In: Fitschen T., Brühl T., Rathgeber T., Hüfner K., Bloch Y., Volger H. (hrsg.) *Herausforderungen für die gegenwärtige deutsche UN-Politik.* 14. Potsdamer UNO-Konferenz am 30. Juni 2018. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam. S. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.25932/publishup-43151>

Bloch Y. (2019) *UN-Women. Ein neues Kapitel für Frauen in den Vereinten Nationen.* Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.

Borisova E.G. (ed.) (2020) *Soft power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdistsiplinarnyy analiz [Soft power. Interdisciplinary analysis].* Moscow: Flinta

Kalinina A.Yu. (2018) Usileniye uchastiya zhenshchin v obespechenii ustoychivogo mira, согласно programme ООН-Zhenshchiny «mir i bezopasnost'» [Strengthening women's participation in ensuring sustainable peace, according to the UN Women's Peace and Security program]. *Obshchestvennyye nauki v sovremennom mire: politologiya, sotsiologiya, filosofiya, istoriya: Sbornik statey po materialam XII–XIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow: "Internauka". P. 37–40.

Mlambo-Ngcuka P. (2017) Becoming UN Women. A journey in realizing rights and gaining global recognition. In: Cassidy J.A. (ed.) *Gender and Diplomacy*. London and New York: Routledge. P. 170–186.

Naumov A.O. (2016) «Myagkaya sila», «tsvetnyye revolyutsii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka. ["Soft power", "color revolutions" and technologies of changing political regimes at the beginning of the XXI century]. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.

Nye J. (1990) Soft Power. *Foreign Policy*. № 80. P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>

Nye J. (2002) The Information Revolution and American Soft Power. *Asia Pacific Review*. Vol. 9. № 1. P. 69–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/13439000220141596>

Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Parshin P.B. (2020) *Myagkaya sila v labirinte diskussiy* [Soft Power in the maze of discussions]. Moscow: MGIMO-Universitet.

Rusakova O.F. (ed.) (2015) *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'skiy Dom «Diskurs-Pi».

Sandler J., Goetz A.M. (2020) Can the United Nations Deliver a Feminist Future? *Gender & Development*. Vol. 28. Is. 2. P. 239–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/13552074.2020.1753432>

Santalla Gonzalez C. (2018) UN Women in Peace and Security: Peace Processes. *Nauchnyye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*. Vol. 9. № 2 (34). P. 214–222.

Shvedova N.A. (2020) Celebrating the Anniversary: Gender Equality Issues among UN Priorities. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. № 3. P. 16–29. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.2)

Shvedova N.A. (2021) Gender Equality in a Changing World: "We Need Big Bold Steps...". *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. № 2. P. 90–106. DOI: [10.21064/WinRS.2021.2.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.7)

Дата поступления/Received:05.02.2022

Правительственная реформа 1993–1994 гг. в РФ: предпосылки, ход и результаты

Сальников Андрей Александрович

Аспирант, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: A2971106@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [5151-2916](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=5151-2916)

ORCID ID: [0000-0002-3108-4556](https://orcid.org/0000-0002-3108-4556)

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о формировании нового правительства РФ в январе 1994 г., анализируется его структура и персональный состав в контексте борьбы различных элитных групп в 1991–1994 гг. Подробно освещается также представительство политических сил в различных составах правительства, начиная с первого правительства И.С. Силаева и заканчивая новым составом правительства В.С. Черномырдина, сформированного в январе 1994 г.; кратко дается характеристика борьбы между законодательной и исполнительной ветвями власти в период 1991–1993 гг., а также описывается, как этот процесс повлиял на изменение кадрового состава Правительства Российской Федерации. Кроме того, подробно описывается, при помощи каких шагов Б.Н. Ельцин смог добиться консолидации элитных групп вокруг своей власти в 1993 г. и относительно легко одержать победу над Верховным Советом. Основное внимание в статье уделено периоду с декабря 1993 по январь 1994 г., когда после принятия новой Конституции России проходил процесс формирования кадрового состава и структуры органов нового правительства. Некоторые документы впервые вводятся в научный оборот. В результате анализа делается вывод, что за период с сентября 1992 г. по март 1993 г. Б.Н. Ельцин и его соратники сумели превратить правительство в важнейший механизм согласования интересов между различными элитными группами и полностью отстранить Верховный Совет от участия в этом процессе. Сделав ряд шагов навстречу различным группам интересов, Б.Н. Ельцин сумел относительно легко нейтрализовать оппозиционный парламент и добиться принятия новой конституции. Реформа правительства, проведенная в январе 1994 г., имела своей целью успокоение политического поля и обеспечение поддержки президента перед началом работы нового парламента — Государственной Думы.

Ключевые слова

Приватизация, экономическая реформа, директорат, В.С. Черномырдин, Б.Н. Ельцин, экономический кризис 1990-х гг.

The Government Reform of 1993–1994 in Russian Federation: Background, Course and Results

Andrei A. Salnikov

Postgraduate student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: A2971106@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-3108-4556](https://orcid.org/0000-0002-3108-4556)

Abstract

This article considers the question of forming new government in the Russian Federation in January 1994, analyzes its structure and staff in the context of struggle between different elite groups in 1991–1994. The main part of the article covers the period from December 1993 to January 1994, when after the acceptance of the new Russian Constitution the process of forming staff and structure of the new government was under way. Also, on the basis of foreign sources the role of the United States and personally president W.J. Clinton in internal policy of Russia is described. Several sources are introduced to the scientific circulation for the first time. As a result, it is concluded that during the period from September 1992 to March 1993 B.N. Yeltsin and his supporters turned the government into the main mechanism of coherence of different elite groups interests and completely debarred the Supreme Soviet from participation in this process. After making several steps to accommodate different groups of interests, Yeltsin rather easily liquidated the oppositional parliament and achieved acceptance of the new constitution. The reform of the government in January 1994 was aimed at pacification of the political field and support of the president before the new parliament — The State Duma — started its work.

Keywords

Privatization, economic reform, directors' corpus, V.S. Chernomyrdin, B.N. Yeltsin, economic crisis of 1990s.

Введение

Осенью 1993 г. в России разразился политический кризис, который закончился трагическими событиями расстрела Белого дома и разгоном Верховного Совета (ВС) и Съезда народных депутатов (СНД) РФ. В стране на несколько месяцев было введено практически неограниченное президентское правление; 12 декабря 1993 г. на референдуме была принята новая конституция РФ, которая наделяла президента очень широкими полномочиями, фактически позволявшими ему игнорировать законодательную власть. Исход выборов в Госдуму первого созыва хоть и оказался не очень успешным для пропрезидентской партии «Выбор России», но не сильно расстроил самого Б.Н. Ельцина. Демократические фракции получили в общей сложности

около трети мандатов в Думе, а оппозиция («Аграрная партия», ЛДПР, КПРФ и др.) продемонстрировала умеренный прагматизм и не желала обострять отношения с президентом [Шевцова 1999]. Казалось бы, в таких условиях Б.Н. Ельцин имел все возможности для проведения курса либеральных экономических реформ, а в правительстве доминирующее положение снова должна занять группа радикальных реформаторов, как это было в конце 1991–начале 1992 гг. Однако этого не произошло.

Вместо этого в январе 1994 г. были проведены структурные и кадровые изменения в составе правительства В.С. Черномырдина, которые привели к отходу либеральных политиков на второй и даже третий план. Реформа правительства 1994 г. исследована очень мало; в научной литературе этот вопрос лишь косвенно затрагивается в некоторых работах.

Большая часть научной литературы, вышедшей за последние пять лет, является учебными пособиями для школьников и студентов. Авторы сосредотачиваются на общем изложении политических и экономических событий в России в 1990-е гг. и уделяют этой реформе очень мало внимания [История России с древнейших времен до наших дней 2019; Журавлев, Соколов 2017; Моисеев 2019; Супрунова, Трифонова 2020; Чунослова 2021; Шарипов 2021]. Таким же общим изложением политических событий ограничилась и политолог Л.Ф. Шевцова [Шевцова 1999], хотя она уделяет определенное внимание вопросу о представительстве различных элитных групп в правительстве В.С. Черномырдина после политического кризиса 1993 г. Также появились некоторые статьи биографического характера посвященные В.С. Черномырдину, где эта тема затрагивается вскользь [Фролов 2018].

Иностранные авторы, затрагивавшие эту тему, тоже подробно на ней не останавливались. О России в 1990-х, как правило, пишут западные экономисты, подробно анализируя экономические преобразования в нашей стране. Некоторые из них даже служили экономическими советниками российского правительства в те годы [Leonard, Pitt-Watson 2013] или международных финансовых организаций, занимавшихся помощью России [Åslund 2007; Lieberman 2007] и в своих книгах приводят ценные свидетельства о том, как принимались те или иные экономические решения. Некоторые же критикуют подходы к методам экономических преобразований, которые применялись в РФ по инициативе этих советников [Goldman 2004]. В любом случае тема преобразований в правительстве В.С. Черномырдина в конце 1993–начале 1994 гг. упоминается вскользь. На первом плане стоят экономические события, а политической жизни уделяется внимание только в контексте влияния тех или иных событий на курс экономической реформы.

Единственная работа, которая напрямую посвящена теме нашего исследования, — это статья экономиста-аграрника М.В. Бражника [Бражник 2013] о формировании структуры управления агропромышленным комплексом России в конце 1993–начале 1994 гг., однако она касается только аграрного сектора и в основном построена на анализе нормативно-правовой базы, без анализа взаимодействия элитных групп и мотивации тех или иных решений.

В целом же данная тема, как и история России в 1990-е гг. в целом, мало привлекает историков, и научных работ, которые бы подробно освещали правительственную реформу декабря 1993–января 1994 гг., на данный момент нет. Поэтому при разработке данной темы нам приходилось в основном опираться на исторические источники (нормативно-правовые акты) и на опубликованные иностранные источники. Вспомогательную роль играет делопроизводственная документация, которая хранится в Государственном архиве Российской Федерации. К сожалению, в настоящий момент не все дела из фонда Правительства РФ (фонд № 10200) доступны для читателей, поэтому опереться на архивный материал при разработке темы на сегодняшний день нельзя. Для прояснения некоторых аспектов политической и экономической жизни,

оказавших влияние на правительственную реформу, пришлось обратиться к документам Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ (фонд № 10342) и документам Верховного Совета РФ (фонд № 10026).

Рассматриваемый период стал преддверием к проведению залоговых аукционов и выходу олигархов на политическую сцену, в связи с чем изучение преобразований в правительстве В.С. Черномырдина в январе 1994 г. следует считать актуальным. Целью данной статьи является выявление причин данной реформы, а также детальное исследование процесса формирования кадрового состава нового правительства.

Основными методами исследования являются историко-генетический метод: в первом разделе рассматриваются причины и предпосылки проведения правительственной реформы в январе 1994 г., а во втором разделе статьи рассматривается процесс формирования нового правительства и его кадровый состав. Для выявления мотивов принятия тех или иных решений используется критический анализ исторических источников, прежде всего стенограмм переговоров президентов России и США в январе 1994 г. Для выявления представительства различных элитных групп в составе правительства используется метод количественного анализа.

Долгий путь к правительственной реформе

Реорганизация правительства, проведенная в январе 1994 г., подвела итог тем изменениям, которые происходили в федеральных структурах исполнительной власти в течение 1991–1993 гг.

Осенью 1991 г. было сформировано новое правительство России — правительство Ельцина-Гайдара. Количество ведомств в составе правительства сократилось: вместо порядка 40 входивших в состав второго правительства И.С. Силаева¹ в правительстве Ельцина-Гайдара их стало всего 25 (и еще 7 органов находились под управлением правительства, но не входили в его состав)². Число отраслевых органов управления сократилось с 14 до 8. Большинство отраслей были объединены под управлением Министерства промышленности³.

Доминирующее положение в новом правительстве заняла группа «младореформаторов» — молодых экономистов, которые не имели длительного опыта работы на производстве и, как правило, были выходцами из различных НИИ. Западную модель развития экономики они считали образцом для подражания и почти всегда прислушивались к советам иностранных специалистов, работавших при российском правительстве. Именно эти люди при поддержке западных экспертов должны были обеспечить успешный ход экономической реформы.

Социальной и политической базой для реформаторов либерального направления служила демократически настроенная часть общественности. Экономическая политика этой недавно появившейся элитной группы отвечала интересам нового российского бизнеса, выросшего из кооперативов и теневой экономики. Они планировали сократить до минимума государственное финансирование экономики, прекратить государственное регулирование цен и провести приватизацию с целью смены собственников и руководства предприятий.

¹ Закон РСФСР «О республиканских министерствах и государственных комитетах РСФСР» от 14.07.1990 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6321857/> (дата обращения: 10.12.2021); Постановление ПСБ РСФСР от 30.07.1991 № 1617-1 «О внесении изменений в перечень республиканских министерств и государственных комитетов РСФСР» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221305#Lnrvk1TUtXtRcSPI> (дата обращения: 10.12.2021).

² Указ Президента РСФСР от 06.11.1991 г. № 172 «Об организации работы Правительства РСФСР в условиях экономической реформы» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/384> (дата обращения: 10.12.2021); Указ Президента РСФСР от 28.11.1991 г. № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/479> (дата обращения: 10.12.2021).

³ Указ Президента РСФСР от 28.11.1991 г. № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/479> (дата обращения: 10.12.2021).

Во главе нескольких ведомств (Министерства транспорта, связи, атомной энергии, путей сообщения) встали представители старой отраслевой элиты, которые до этого несколько лет работали в центральных аппаратах министерств СССР и РСФСР и были хорошо знакомы со своими отраслями.

Эта элитная группа была довольно слаба, у нее не было своей политической и социальной базы. В годы перестройки отраслевые министерства подвергались серьезной критике как олицетворение «командно-административной системы» и бюрократизма. Назначение людей из центральных аппаратов отраслевых ведомств на министерские должности в правительстве Ельцина-Гайдара было связано не столько с их политической силой, сколько с объективной необходимостью сохранить единую государственную политику в определенных отраслях (транспорт, атомная промышленность, связь). Сохранение такой политики возможно только при наличии контроля со стороны отраслевого ведомства, поэтому были нужны люди, хорошо знающие свои отрасли и не желающие раздробления отрасли на отдельные предприятия и ликвидации централизованного контроля (чего добивался директорат предприятий).

Представителей отраслевых министерств в целом отличает низкая политическая активность, они не участвовали в выборах народных депутатов РСФСР и СССР и не вступали ни в какие новые политические движения, появившиеся в годы перестройки. Их экономическая политика была направлена на сохранение элементов государственного регулирования в экономике, в том числе контроля цен и государственного финансирования, при этом приватизацию они желали провести через создание крупных холдинговых компаний, которые будут объединять сразу несколько предприятий.

В составе нового правительства оказался только один представитель директората — министр промышленности А.А. Титкин. Это очень серьезно ущемляло одну из самых влиятельных элитных групп России того времени. Директорат имел значительное число представителей на Съезде народных депутатов РСФСР (243 депутата, или 22,4 % от общего числа депутатов, самая большая социальная группа в составе СНД РСФСР⁴) и в составе Верховного Совета. Очень многие директора были тесно связаны с региональными элитами своих республик, краев и областей.

Социальной базой для директората служили работники предприятий, а также работники бюджетной сферы из избирательных округов, ведь многие предприятия были градообразующими и от успешной работы одного завода зачастую зависела жизнь целого города.

Директора желали стать полноценными хозяевами своих предприятий, поэтому они, так же как и радикал-реформаторы, хотели сокращения государственного регулирования экономики. Но это сокращение две элитные группы видели по-разному: директора хотели ликвидации отраслевых министерств, которым они были вынуждены подчиняться, и минимизации контрольных функций государства. Они поначалу поддерживали идею либерализации цен, но при этом хотели сохранения объемов госзаказа и кредитования экономики. Приватизацию они видели как практически бесплатную передачу предприятий в руки трудовых коллективов.

В 1991 г. своим главным врагом директорат считал руководителей отраслевых органов, которые в 1990–1991 гг. стали массово создавать холдинги, ассоциации и концерны, куда включались десятки государственных предприятий. По своей сути это была простая приватизация советских отраслевых министерств вместе с подчиненными им предприятиями.

⁴ Данные на основе расчетов автора.

Структурные изменения в новом правительстве Ельцина-Гайдара вначале устраивали директорат. Число отраслевых органов было сокращено до минимума, и почти все управление народным хозяйством было сосредоточено в министерстве промышленности. Директора видели в этом возможность освобождения от государственного контроля. Однако вскоре позиция директората относительно отраслевых министерств и их руководителей изменилась.

Большинство решений, принятых новым правительством в конце 1991–начале 1992 гг., шли вразрез с интересами директората: обвальная либерализация цен, повышение налогов, сокращение госзаказа и кредитной поддержки предприятий, минимальные льготы для трудовых коллективов, закрепленные в Основных положениях программы приватизации на 1992 г. Это привело к тому, что предприятия, оказавшись без госзаказа и доступных кредитов, остались без денег: прежние накопления быстро обесценились из-за высокой инфляции, а возможности легкой приватизации в пользу директората были сильно урезаны.

В июне 1992 г. под давлением директорского лобби Б.Н. Ельцин включил в состав правительства в качестве вице-премьеров двоих директоров — В.Ф. Шумейко и Г.С. Хижу, вице-премьером стал В.С. Черномырдин, являвшийся на тот момент руководителем всей газовой отрасли. Но эти шаги принципиально не изменили курс правительства: субсидий для предприятий по-прежнему выделялось недостаточно, а в августе 1992 г. была разработана программа по углублению экономических реформ, которая предусматривала дальнейшее сокращение госзаказа, льготного кредитования и правительственных субсидий.

В результате почти весь 1992 г. прошел для Б.Н. Ельцина в условиях жесткой политической борьбы. Начатые в январе 1992 г. радикальные экономические реформы оттолкнули от президента значительную часть сторонников. Правительственные законопроекты стали тормозиться в Верховном Совете, а к сентябрю 1992 г. риторика парламентариев стала ужесточаться вплоть до прямых требований отставки правительства под угрозой созыва СНД⁵.

То, что перемены в структуре исполнительной власти назрели, стало очевидным и для самого Б.Н. Ельцина. Такое малое количество ведомств с трудом справлялось с огромной экономикой, доставшейся от СССР, многие сферы деятельности оказались вне государственного регулирования, что только усиливало дезорганизацию хозяйственной жизни в стране. Помимо этого, на правительство оказывалось довольно мощное давление со стороны директората и отраслевой элиты с целью воссоздать отраслевые ведомства.

Все это привело к тому, что указом президента РФ № 1148 от 30 сентября 1992 г. структура центральных органов исполнительной власти в РФ была реорганизована: вместо 32 их стало 69; Министерство промышленности РФ было ликвидировано, а вместо него был образован Государственный комитет по промышленной политике; департаменты, входившие в состав министерства промышленности, стали самостоятельными комитетами (появились Комитет по машиностроению, Комитет по оборонным отраслям промышленности, Комитет по металлургии, Комитет по химической и нефтехимической промышленности)⁶; затем был образован и ряд других отраслевых органов.

Однако нельзя сказать, что это было восстановлением полноценной отраслевой структуры управления, которая существовала в советское время. Новые органы уже не столько управляли предприятиями, сколько лоббировали интересы отрасли при правительстве России. Именно так понимали их роль некоторые депутаты Верховного Совета⁷. Тот же вывод можно сделать на основе

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 1 Д. 852. Л. 130–131.

⁶ Указ Президента РФ от 30.09.1992. № 1148 «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/2106> (дата обращения: 10.12.2021).

⁷ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1 Д. 854. Л. 108.

анализа нормативных документов, регулирующих полномочия новых ведомств. Их основными функциями стали: подготовка программ развития отрасли, распределение госзаказа, согласование государственных кредитов и участие в подготовке отраслевых планов приватизации⁸.

Во главе вновь образованных отраслевых комитетов встали выходцы из директорского корпуса советских предприятий. Таким образом, представительство директората на федеральном уровне власти увеличивалось, однако все равно оставалось недостаточным. Своим указом от 30 сентября 1992 г. Б.Н. Ельцин, по сути, создал механизм, через который он собирался в обход парламента взаимодействовать с элитными группами, представлявшие разные отрасли экономики. Но этот механизм не вполне устраивал отраслевые элиты.

Согласно указу, председатели Комитетов Российской Федерации в состав правительства не входили. На ключевых постах в правительстве Е.Т. Гайдара оставались радикальные реформаторы. Это значит, что отраслевая элита и директорат не могли оказать никакого решающего влияния на утверждение правительственных программ развития экономики, на распределение государственных инвестиций и на ход приватизации. Они могли только представить свои предложения, но последнее слово оставалось за членами правительства.

Сохраняющийся дисбаланс в правительстве, а также попытки продолжить радикальные экономические преобразования привели к обострению отношений между ветвями власти осенью 1992 г. Масла в огонь подлило и откровенно хамское поведение членов правительства во время подготовки указа президента от 30 сентября 1992 г. и обсуждения закона «О Совете Министров — Правительстве РФ»⁹. В итоге депутаты решили собрать Съезд народных депутатов 1 декабря 1992 г. Первым вопросом в повестке дня Съезда значился вопрос «О ходе экономической реформы в Российской Федерации»¹⁰.

Всем было очевидно, что после «разгрома» Е.Т. Гайдара на заседании Верховного Совета, вынесение этого вопроса на СНД означает его отставку. Перед СНД Б.Н. Ельцин провел целую серию кулуарных переговоров с различными политическими силами с целью сохранить Гайдара на посту премьера, но это ему не помогло. Седьмой СНД принял решение об отставке Е.Т. Гайдара, было сформировано новое правительство во главе с В.С. Черномырдиным [Шевцова 1999].

Состав этого правительства следует назвать компромиссным. В нем практически на равных были представлены радикал-реформаторы и «опытные хозяйственники», представлявшие различные отрасли промышленности. Новое правительство было гораздо более щедрым в вопросе государственного финансирования предприятий и вызывало доверие у депутатов. На VIII СНД они без возражений согласились с просьбой В.С. Черномырдина сосредоточить в руках правительства всю экономическую политику и согласились с включением председателей Центрального Банка, Российского фонда федерального имущества, Пенсионного фонда и Госкомстата в состав правительства при сохранении подконтрольности этих органов Верховному Совету¹¹.

⁸ Постановление Правительства РФ от 01.04.1993. № 263 «Об утверждении Положения о Комитете Российской Федерации по машиностроению» // Собрание законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=106&issid=1061993014000&docid=1960> (дата обращения: 10.12.2021); Постановление Правительства РФ от 21.01.1993. № 47 «Об утверждении Положения о Комитете Российской Федерации по химической и нефтехимической промышленности» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6309548/> (дата обращения: 10.12.2021); Постановление Правительства РФ от 21.01.1993. № 46 «Об утверждении Положения о Комитете Российской Федерации по металлургии» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=224920#SQVgk1T3Lx2ouEN7> (дата обращения: 10.12.2021); Постановление Правительства РФ от 13.04.1993. № 329 «Об утверждении Положения о Государственном комитете Российской Федерации по промышленной политике» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102044759&backlink=1&&nd=102022743> (дата обращения: 10.12.2021).

⁹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1 Д. 854. Л. 104–105.

¹⁰ Постановление Верховного Совета РФ от 08.10.1992. № 3603-1 «О созыве седьмого Съезда народных депутатов Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6316769/> (дата обращения: 10.12.2021).

¹¹ Восьмой (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации, 10–13 марта 1993 г.: Стенографический отчет. М.: Республика, 1993. С. 415–417.

Из-за все большей скандальности заседаний Верховного Совета и снижения эффективности его работы он терял популярность как среди простых граждан, так и среди руководителей хозяйственных организаций¹². Тем более что Б.Н.Ельцин создавал параллельные структуры, с помощью которых он мог договариваться с различными элитными группами в обход Верховного Совета.

Правительство В.С. Черномырдина стало одним из таких механизмов. Через правительство, его многочисленные комитеты и агентства шло согласование интересов представителей различных отраслей. Через Совет Федерации, созданный в августе 1993 г., президент получил возможность взаимодействовать с региональными элитами.

Важно отметить, что в конце 1992–начале 1993 гг. стирается старый антагонизм директората и отраслевого руководства. Директорат начинает понимать выгоду от существования отраслевых органов в составе правительства, которые лоббируют получение госзаказа и льготных кредитов в рамках отрасли. Для самой отраслевой элиты огромные транши государственных кредитов становятся одним из значимых источников дохода. Таким образом, в рамках первого правительства В.С. Черномырдина развивается явление, которое называли «отраслевым лоббизмом»¹³, когда «красные директора» и старая отраслевая элита через правительственные органы пытаются добиться наиболее выгодных условий для своей отрасли.

Не стоит забывать и про своеобразную процедуру обсуждения текста новой конституции на Конституционном Собрании летом 1993 г. Состав Собрания формировался из 5 групп: представителей федеральных органов власти, представителей органов власти субъектов федерации, представителей органов местного самоуправления, представителей общественных движений, политических партий, профсоюзов и религиозных конфессий, представителей предпринимателей и товаропроизводителей¹⁴. При этом законодательная власть к работе этого Собрания официально не была привлечена.

По сути, с помощью этих параллельных структур Б.Н.Ельцин смог «отключить» Верховный Совет от процесса согласования интересов между различными элитными группами и полностью взять его в свои руки.

Помимо создания параллельных Верховному совету структур, президент летом 1993 г. предпринял ряд других весомых шагов, которые обеспечили ему поддержку или, по крайней мере, невмешательство большинства элитных групп в конфликт ветвей власти осенью 1993 г.

Указом от 26 июля 1993 г. № 1108 Б.Н.Ельцин передавал для приватизации субъектам федерации все федеральные предприятия стоимостью до 250 млн рублей (в ценах на 01.01.1992)¹⁵. Другим указом (от 19 августа 1993 г.) президент серьезно ограничивал полномочия Госкомимущества по приватизации оборонных предприятий в пользу Комитета Российской Федерации по оборонным отраслям промышленности и поручал разработать меры их финансовой поддержки¹⁶. Постановление правительства от 13.08.1993 г. снимало почти все

¹² ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 1. Д. 24. Л. 40–41.

¹³ ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 1. Д. 39. Л. 83–94.

¹⁴ Указ Президента РФ от 02.06.1993. № 840. «О порядке работы Конституционного собрания» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3734> (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁵ Указ Президента РФ от 26.07.1993. № 1108 «О дополнительных мерах по защите права граждан России на участие в приватизации» // Собрание законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=106&issid=1061993031000&docid=610> (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁶ Указ Президента РФ от 19.08.1993. № 1267 «Об особенностях приватизации и дополнительных мерах государственного регулирования деятельности предприятий оборонных отраслей промышленности» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004958> (дата обращения: 10.12.2021).

экспортные барьеры и поручало различным ведомствам разработать предложения по финансовой поддержке своих предприятий¹⁷. Другим постановлением для экспортеров нефти и газа отменялись обязательные отчисления в фонд ценового регулирования Министерства финансов¹⁸.

Летом 1993 г. началось масштабное кредитование сельского хозяйства. На 1993 г. правительством было запланировано выделить 1,14 трлн рублей для кредитования этой отрасли, но летом 1993 г. выделили еще 1,3 трлн рублей, что в итоге увеличило изначальный объем кредитования больше чем в 2 раза¹⁹. Большая их часть распределялась между производителями зерна через федеральную контрактную корпорацию «Росхлебопродукт». Еженедельно на эти цели выделялись суммы в размере 70–100 млрд рублей. Всего к концу августа было выделено 530 млрд²⁰.

Таким образом, с помощью этих шагов Б.Н. Ельцин сумел обеспечить себе лояльность региональных и отраслевых элит во время политического кризиса осени 1993 г. Никто из них не предпринял никаких активных действий в поддержку Верховного Совета и СНГ. Регионы в целом заняли выжидательную позицию, а директорат не объявил никаких политических забастовок. Никто из директоров даже не прислал своих сотрудников на митинг к Белому дому.

С помощью многочисленных отраслевых органов (комитетов, агентств, государственных корпораций), созданных указом № 1148 от 30 сентября 1992 г., Б.Н. Ельцин сумел перевести согласование отраслевых интересов из ведения законодательной власти в ведение власти исполнительной. Если до осени 1992 г. позиции директората в правительстве были крайне слабы и единственным способом донести свою позицию до власти были заседания Верховного Совета и СНГ, то после появления отраслевых комитетов и формирования нового правительства В.С. Черномырдина в декабре 1992 г. все интересующие директоров вопросы (выделение кредитов, распределение госзаказа, особые условия приватизации) стало гораздо легче провести через правительство. Верховный Совет к лету 1993 г. потерял свою роль в качестве площадки для согласования интересов. После его разгона осенью 1993 г. Б.Н. Ельцин не собирался предоставлять эту роль Государственной Думе, поэтому пошел на очередную реформу правительства.

Реформа правительства и влияние США

Старт правительственной реформе был дан 23 декабря 1993 г., когда президент опубликовал Указ № 2277, которым он поручал В.С. Черномырдину в двухнедельный срок представить предложения по изменению кадрового состава правительства, по преобразованию некоторых госкомитетов в министерства и по сокращению количества министерств и ведомств²¹.

В январе 1994 г. количество ведомств было незначительно сокращено²². Перечень ведомств почти не изменился: вместо 69 их стало 67. Однако количество членов правительства уменьшилось. Теперь, согласно новой конституции РФ, в состав правительства входили только главы министерств, премьер-министр и вице-премьеры. Вместо 45 человек его состав сократился до 29²³. Круг лиц, принимавших принципиальные решения, был сужен, и в этих условиях многое

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 13.08.1993 № 791 «О социально - экономическом положении Российской Федерации и мерах по его стабилизации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2316/ (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 23.08.1993 № 837 «О признании утратившими силу некоторых решений Совета Министров — Правительства Российской Федерации по вопросам, касающимся фонда ценового регулирования Министерства финансов Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2477/ (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁹ ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 1. Д. 24. Л. 81–93.

²⁰ ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 1. Д. 24. Л. 81–93.

²¹ Указ Президента РФ от 23.12.1993 № 2277 «О преобразовании и реорганизации Совета Министров — Правительства Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/5147> (дата обращения: 10.12.2021).

²² Указ Президента РФ от 10.01.1994 № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5266> (дата обращения: 10.12.2021).

²³ Правительство: перестройка на марше // Российская газета. 1994. № 8 (865) 14 января 1994. С. 1.

зависело от персонального состава правительства. Формировать его президент доверил премьер-министру В.С. Черномырдину. Согласно указу № 66 от 10 января 1994 г., именно он должен был представить президенту предложения по кандидатурам первых вице-премьеров, вице-премьеров и федеральных министров в течение недели²⁴.

То, что Б.Н. Ельцин, несмотря на свои конституционные полномочия, передал формирование правительства в руки В.С. Черномырдина было хорошо продуманным шагом. 11 января 1994 г. должна была начаться работа нового парламента — Государственной Думы РФ. Как отмечал посол США в Москве Т. Пикеринг, ожидалось, что Госдума будет очень критически настроена к правительству²⁵. В.С. Черномырдин не вызывал у директората такой острой неприязни, как Б.Н. Ельцин, и потому ему было гораздо проще найти тот баланс элит, который бы успокоил политическую ситуацию, сложившуюся после разгона Верховного Совета.

Стали появляться слухи относительно возможных кандидатур на правительственные посты. Т. Пикеринг приводит их в своей телеграмме, отправленной в Госдепартамент США 10 января 1994 г. Ожидалось, что Е.Т. Гайдар и О.Н. Сосковец останутся первыми вице-преьерами, возможным кандидатом на должность первого вице-преьера также считали А.Х. Заверюху. По сведениям Пикеринга, А.Б. Чубайс, которого он называл «царем приватизации» (“privatization czar”), должен был остаться в составе правительства, но потерять пост вице-преьера. Судьба министра финансов Б.Г. Федорова была для Пикеринга неясной. По одним данным, он оставался в составе правительства, по другим — у него было мало шансов для этого из-за конфликта с председателем ЦБ В.В. Геращенко, которого, в свою очередь, поддерживал В.С. Черномырдин. Помощники Б.Г. Федорова на встрече с сотрудниками посольства США выразили уверенность в том, что их шеф останется министром финансов, но потеряет пост вице-преьера. Предполагалось, что свои посты в правительстве сохранят вице-премьеры В.Ф. Шумейко, С.М. Шахрай и А.Н. Шохин²⁶.

На основе этих данных Т. Пикеринг делал вывод, что Ельцин стремиться сохранить в правительстве и таких «радикалов», как Гайдар, и «прагматиков», как Сосковец, и при этом остаться арбитром между этими двумя группами. По мнению американского дипломата, это будет означать продолжение той непоследовательной политики, которая была характерна для российских реформ в 1992–1993 гг. Но, как отмечал Пикеринг, выводы об изменениях экономического курса можно будет делать только после того, как будут сделаны все назначения в правительство²⁷.

Правда, одно назначение Ельцин все-таки решил сделать самостоятельно и раньше срока: 12 января 1994 г. он издал указ, согласно которому председатель Госкомимущества становится заместителем председателя правительства²⁸. Таким образом, А.Б. Чубайс оказался в правительстве почти за неделю до объявления его состава.

²⁴ Указ Президента РФ от 10.01.1994 № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5266> (дата обращения: 10.12.2021).

²⁵ Virtual Reading Room Documents Search Results. President Yeltsin “Reforms” His Reform Cabine Summary // U.S. Department of State FOIA Reading room [Электронный ресурс]. URL: [https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?searchText=\(\(Russia\)%20AND%20\(President%20Yeltsin%20reforms\)\)%20AND%20\(President%20Yeltsin%20reforms\)%20his%20reform%20cabine%20summary\)&beginDate=19940101&endDate=19950101](https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?searchText=((Russia)%20AND%20(President%20Yeltsin%20reforms))%20AND%20(President%20Yeltsin%20reforms)%20his%20reform%20cabine%20summary)&beginDate=19940101&endDate=19950101) (дата обращения: 10.12.2021).

²⁶ Телеграмма из посольства США в Москве в Госдепартамент США 10 января 1994 г. President Yeltsin “Reforms” His Reform Cabine Summary // U.S. Department of State FOIA Reading room [Электронный ресурс]. URL: [https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?searchText=\(\(Russia\)%20AND%20\(President%20Yeltsin%20reforms\)\)%20AND%20\(President%20Yeltsin%20reforms\)%20his%20reform%20cabine%20summary\)&beginDate=19940101&endDate=19950101](https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?searchText=((Russia)%20AND%20(President%20Yeltsin%20reforms))%20AND%20(President%20Yeltsin%20reforms)%20his%20reform%20cabine%20summary)&beginDate=19940101&endDate=19950101) (дата обращения: 10.12.2021).

²⁷ Там же.

²⁸ Указ Президента РФ от 12.01.1994 № 142 // Собрание законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=106&issid=1061994003000&docid=2845> (дата обращения: 10.12.2021).

Скорее всего, это назначение было связано с визитом в Москву президента США Билла Клинтона, который прибыл в Москву поздно вечером 12 января 1994 г. Внутренняя политика России стала одной из важнейших тем на переговорах президентов двух стран.

На первой встрече 13 января Ельцин, по сути, отчитался перед Клинтонем об открытии двух палат Федерального Собрания, рассказал ему о расстановке сил в обеих палатах и заверил, что он сможет накладывать вето на законопроекты Госдумы. Он также заявил, что он будет поддерживать более тесный контакт с лидерами думских фракций, чем раньше с предыдущим парламентом. По словам Ельцина, посол США Т. Пикеринг посоветовал ему приглашать лидеров фракций на чай и кофе и заключать с ними сделки. И, судя по контексту разговора, Ельцин собирался этому совету последовать. Клинтон посоветовал делать то же самое. Кроме того, президент США предложил Ельцину послать кого-то из реформаторского блока, например Е.Т. Гайдара или кого-то еще по выбору Ельцина, в США для консультаций с американскими экспертами. Клинтон прибавил, что речь не идет о смене позиций, а только о вопросах имиджа и манере реформаторов преподать себя публике, на что Ельцин согласился. Далее, президент России заверил президента США, что Россия привержена структурным экономическим реформам. Во время этих переговоров был затронут и ряд других тем²⁹.

Следующий день, 14 января, был очень насыщенным: в повестку дня входили переговоры в трехстороннем формате Ельцин — Клинтон — Кравчук, переговоры российской и американской сторон по вопросам разоружения и внешней политики, после чего президент США Клинтон отправился в резиденцию американского посла (Особняк Н.А. Второва, или Spaso-House), где встретился с лидерами думских фракций и представителями Совета Федерации. Затем лидеры России и США встретились в Ново-Огарево, где был устроен деловой обед. На этом обеде речь снова зашла о внутренней политике России³⁰.

Клинтон заявил, что он впечатлен улучшением экономических показателей, сокращением инфляции в России с 20 до 9% и стабилизацией рубля, на что Ельцин ответил, что с января 1993 г., когда он и премьер-министр впервые активно включились в эти проблемы, было много сложностей и изменений. По словам Ельцина, особенно хорошо об этом осведомлен первый вице-премьер О.Н. Сосковец, так как он представляет промышленный сектор. И, если все пойдет не так, именно О.Н. Сосковец будет нести за это ответственность³¹.

Затем, после переговоров на ряд других тем, Ельцин заявил, что он очень хочет избрания В.Ф. Шумейко на пост председателя Совета Федерации, что вопрос с председателем Госдумы еще не решен, но В.В. Жириновский уже выбыл из этой гонки. Возможно, председателем станет И.П. Рыбкин, но Ельцину бы этого не хотелось. Он желал бы видеть на этом посту В.П. Лукина, посла России в США, или бывшего вице-преьера С.М. Шахрая. Ельцин также заявил, что у него большие надежды на влияние Е.Т. Гайдара в нижней палате, при этом Е.Т. Гайдар покинет правительство³².

На следующий день после этого, 15 января, президент США Б. Клинтон специально попросил о встрече из-за перестановок в правительстве. Особенно его волновал экономический блок и уход Е.Т. Гайдара из правительства³³.

²⁹ Memorandum of Conversation — President Boris Yeltsin of Russia (January 13, 1994) // Clinton Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101363> (дата обращения: 10.12.2021).

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

Клинтон заявил, что он понимает, с каким давлением столкнулся президент России, и предложил Ельцину внимательно его выслушать. Он заявил, что решения президента Ельцина могут повлиять на людей, которые работают над тем, чтобы Россия достигла желаемых целей. Доверие к президенту Клинтону зависит от приверженности президента Ельцина к продолжению экономических реформ. «В свою очередь, реформы связаны с определенной командой людей. Возможно, она сменится, но есть ощущение, что Ельцин продолжит реформы»³⁴. По словам Клинтона, не должно быть никакого сигнала о том, что Россия отказывается от реформ и финансовой ответственности. Если это случится, президент Клинтон потеряет доверие Большой семерки и международных финансовых институтов³⁵.

Клинтон заверил, что он не пытается вмешиваться в дела президента Ельцина, что он понимает его политические трудности, но тем, кто пытается помочь России, нужно показать, что есть кто-то, кто отстаивает правильный курс на долгосрочные экономические реформы. Президент Клинтон попросил Ельцина подумать об этом, когда он будет принимать свои сложные решения³⁶. На это Ельцин ответил, что Клинтон сам видит ситуацию и эти сложности существуют. Клинтон в ответ порассуждал о поддержке Ельцина народом России и о телевидении, после чего заявил, что, если у президента Ельцина будут проблемы в первые дни работы Думы, он может обратиться прямо к народу по национальному телевидению³⁷.

Клинтон заявил, что россияне хотят быть с президентом Ельциным и, возможно, ему следует сделать телепрограмму, где он сможет напрямую общаться с народом. Тогда члены Думы услышат своих избирателей и захотят работать с президентом³⁸. В конце беседы Клинтон снова заявил, что россияне с Ельциным, что это борьба и что США останутся вовлеченными и будут помогать настолько, насколько это возможно (“The United States will stay engaged and help as much as possible”)³⁹.

Указ о назначениях в правительство был опубликован 20 января 1994 г.: вице-премьерами становились О.Н. Сосковец, А.Х. Заверюха, А.Б. Чубайс и Ю.Ф. Яров. А.Н. Шохин стал министром экономики, остальные министры сохраняли свои посты (за исключением С.Ю. Глазьева, который подал в отставку с поста министра внешних экономических связей еще 21 сентября 1993 г. в связи с несогласием с указом президента № 1400. Вместо него эту должность занял О.Д. Давыдов)⁴⁰. Правда, министр финансов Б.Г. Федоров уже 26 января был смещен с поста, вместо него и.о. министра финансов стал С.К. Дубинин. Недолгим оказалось пребывание в правительстве

³⁴ Memorandum of Conversation — President Boris Yeltsin of Russia (January 15, 1994 г.) // Clinton Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101364> (дата обращения: 10.12.2021).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Меморандум о переговорах 15 января 1994 г. // Clinton Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101364> (дата обращения: 10.12.2021).

³⁸ Любопытно отметить, что идея «Прямой линии» президента с россиянами была впервые предложена именно президентом Клинтонем во время этой встречи 15 января 1994 г. Но главная задача «Прямой линии», по мысли Клинтона, заключалась в противодействии думской оппозиции, а не в решении социальных проблем населения России, как это пытаются представить в настоящий момент.

³⁹ Меморандум о переговорах 15 января 1994 г. // Clinton Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101364> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴⁰ Указ Президента РФ от 20.01.1994 № 171 «О первоочередных изменениях в составе Правительства Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5361/print> (дата обращения: 10.12.2021).

и министра социальной защиты населения Э.А. Памфиловой (до 2 марта 1994 г.), и министра по делам национальностей и региональной политике С.М. Шахрая (до 16 мая)⁴¹. Правда С.М. Шахрай, лишившись поста министра стал вице-премьером, отвечавшим за межнациональные отношения.⁴²

Таким образом, в новом составе правительства из 29 членов только троих (А.Б. Чубайса, А.Н. Шохина и В.М. Машица) можно отнести к радикал-реформаторам. Если не брать в расчет силовой блок и социальную сферу, где министрами стали выходцы из этих сфер, то остальных членов правительства можно назвать прагматиками или технократами. Из них пятеро (министр атомной энергии В.Н. Михайлов, министр топлива и энергетики Ю.К. Шафраник, министр связи В.Б. Булгак, министр транспорта В.Б. Ефимов, министр путей сообщения Г.М. Фадеев) были представителями отраслей, которые до этого либо длительное время занимали директорские посты, либо работали в центральных аппаратах советских отраслевых министерств. К ним можно отнести и министра по делам национальностей Н.Д. Егорова, сменившего С.М. Шахрая на этом посту 16 мая 1994 г.: он длительное время работал в сельскохозяйственном секторе Краснодарского края, а в 1992 г. был назначен его губернатором. Многие годы отдал своей сфере и министр внешних экономических связей О.Д. Давыдов.

Остальные члены экономического блока (министр охраны окружающей среды и природных ресурсов В.И. Данилов-Данильян, министр сельского хозяйства В.Н. Хлыстун, министр труда Г.Г. Меликьян, министр финансов С.К. Дубинин) не были так жестко связаны со своими отраслями. Они, как правило, были из числа преподавателей вузов или сотрудников НИИ и до этого успели хорошо сработаться в команде В.С. Черномырдина в 1992–1993 гг. Их позиции либо не совпадали с позициями радикал-реформаторов (В.И. Данилов-Данильян, В.Н. Хлыстун), либо они быстро переориентировались и стали следовать в русле политики В.С. Черномырдина.

Заключение

Таким образом, после января 1994 г. правительство становится гораздо более однородным, доминирующее положение в нем занимают отраслевые. Помимо В.С. Черномырдина, ключевой фигурой в его составе становится первый вице-премьер О.Н. Сосковец, отвечавший за промышленную политику [Металлургия — главное дело моей жизни 2019]. Не случайно на встрече с Клинтон Ельцин заявил, что именно Сосковец будет отвечать за все, если что-то пойдет не так. Видимо, он был ответственным за взаимодействие с отраслевыми элитами.

Анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что январская реформа правительства в 1994 г. была проведена с целью разрядки внутривластной обстановки. Перечень федеральных органов исполнительной власти практически не изменился, ведомства продолжили выполнять роль лоббистов своих отраслей при президенте.

Президенту было необходимо сохранить лояльность отраслевых элит, поэтому формирование персонального правительства было поручено В.С. Черномырдину, человеку, представлявшему топливно-энергетический комплекс. Он сформировал правительство «под себя», убрал из его состава главных раздражителей — реформаторов либерального толка, связанных

⁴¹ Указ Президента РФ от 26.01.1994 г. № 220 «О Федорове Б.Г.» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5395/print> (дата обращения: 10.12.2021); Указ Президента РФ от 26.01.1994 № 221 «Об исполняющем обязанности Министра финансов Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5394/print> (дата обращения: 10.12.2021); Указ Президента РФ от 02.03.1994 № 443 «О Памфиловой Э.А.» // Собрание законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=106&issid=1061994010000&docid=3699> (дата обращения: 10.12.2021); Указ Президента РФ от 16.05.1994 № 941 « О Министре Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике» // Собрание законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1001994004000&docid=4793> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴² Указ Президента РФ от 07.04.1994. № 671 «О Заместителе Председателя Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=106&issid=1061994015000&docid=496> (дата обращения: 10.12.2021).

с командой Е.Т. Гайдара, выступавших за сокращение кредитования российских предприятий. Остальные члены правительства либо были такими же «отраслевиками» как В.С. Черномырдин, либо подстраивались под линию премьера. Некоторые «младореформаторы» сохранили свои посты лишь благодаря вмешательству президента США Б. Клинтона.

Новый состав правительства, в котором было сильное отраслевое представительство, требовал все большего выделения средств и льгот для предприятий, это было ключевым условием его лояльности. Однако к тому моменту, помимо директората и представителей отраслевых министерств, существенную роль в экономике страны уже стали играть представители нового российского бизнеса. У них не было жесткой привязки к отрасли или региону, их основные активы были в банковском секторе. К 1994 г. они собрали внушительные капиталы, на которые стали стремиться приобрести активы реального сектора экономики. Таким образом, у Б.Н. Ельцина появилась возможность выбирать, на кого он будет опираться: на директоров предприятий и старую отраслевую элиту, которые постоянно требуют субсидии и льготы через правительство, или на новых бизнесменов, которые стремятся скупить как можно больше предприятий с целью извлечения из них максимальной прибыли при минимальных вложениях и издержках и при этом не выдвигают практически никаких политических требований. В результате сложной внутриэлитной борьбы в 1994–1996 гг. выбор был сделан в пользу последних, и от модели отраслевого представительства в нашей стране решено было отказаться, что произошло уже в 1997 г. при втором правительстве В.С. Черномырдина.

Список литературы:

Бражник М.В. Формирование структуры государственных органов управления агропромышленным комплексом России в соответствии с конституцией РФ (вторая половина декабря 1993 г.–январь, февраль 1994 г.) // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 423–428.

Журавлев С.В., Соколов А.К. История России. XX–начало XXI века. 10 класс. Часть 2. 1945–2014. М.: Русское слово, 2017.

История России с древнейших времен до наших дней / под ред. А.Х. Даудова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019.

Металлургия — главное дело моей жизни. Интервью с Олегом Николаевичем Сосковцом, вице-президентом Академии горных наук // Горная промышленность. 2019. № 2 (144). С. 92–95.

Моисеев В.В. История России. С древнейших времен до наших дней. М.: Директ-Медиа, 2019.

Супрунова Е.П., Трифонова Г.А. История Отечества. Саратов: Вузовское образование, 2020.

Фролов А.В. Виктор Черномырдин: Человек, политик, дипломат // Международная жизнь. 2018. № 5. С. 137–149.

Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: Московский Центр Карнеги, 1999.

Åslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.

Goldman M.I. The Privatization of Russia. London, NY: Routledge, 2004.

Leonard C.S., Pitt-Watson D. Privatization and Transition in Russia in the Early 1990s. NY: Routledge, 2013.

Lieberman I.W. The Rise and Fall of Russian Privatization // Privatization in Transition Economies. Volume 90: The Ongoing Story / ed. by I.W. Lieberman, D.J. Kopf. Amsterdam — Boston — Heidelberg: Elsevier, 2007. P. 261–343.

References:

Åslund A. (2007) *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.

Brazhnik M.V. (2013) Formation of the System and Construction of the Structure of State Management Organs in the Agro-Industrial Complex of Russia in Accordance with the Constitution of the Russian Federation (Second Half of December, 1993–January and February of 1994). *Problemy sovremennoy ekonomiki*. № 4 (48). P. 423–428.

Daudov A.H. (ed.) (2019) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Russia from ancient times to nowadays]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Frolov A.V. (2018) Viktor Chernomyrdin: Chelovek, politik, diplomat [Viktor Chernomyrdin: Person, politician, diplomat]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. № 5. P. 137–149.

Goldman M.I. (2004) *The Privatization of Russia*. London, NY: Routledge.

Leonard C.S., Pitt-Watson D. (2013) *Privatization and Transition in Russia in the Early 1990s*. NY: Routledge.

Lieberman W.I. (2007) The Rise and Fall of Russian Privatization. In: Lieberman W.I., Kopf D.J. (eds.) *Privatization in Transition Economies. Volume 90: The Ongoing Story*. Amsterdam — Boston — Heidelberg: Elsevier. P. 261–343.

Malyshev Yu.N. (ed.) (2019) Metallurgiya — glavnoye delo moyey zhizni. Interv'yū s Olegom Nikolayevichem Soskovtsom, vitse-prezidentom Akademii gornykh nauk [Metallurgy — the deal of my life. Interview with Oleg Nikolaevich Soskovets, the vice president of Academy of mining science]. *Gornaya promyshlennost'*. № 2 (144). P. 92–95.

Moiseev V.V. (2019) *Istoriya Rossii. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Russia from ancient times to nowadays]. Moscow: Direkt-Media.

Shevtsova L.F. (1999) *Rezhim Borisa El'tsina* [Boris Yeltsin's regime]. Moscow: Moskovskiy Tsentr Karnegi.

Suprunova E.P., Trifonova G.A. (2020) *Istoriya Otechestva* [History of Motherland]. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie.

Zhuravlev S.V., Sokolov A.K. (2017) *Istoriya Rossii. XX-nachalo XXI veka. 10 klass. Chast' 2. 1945–2014* [History of Russia. XX–beginning of XXI. 10 grade. Part 2. 1945–2014]. Moscow: Russkoye slovo.

Дата поступления/Received: 18.01.2022

Социологические исследования
Sociological researches

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-148-161

Семантический анализ структуры ценностей группы с помощью Тезауруса Роже:
автоматизированный алгоритм

Андреюк Денис Сергеевич¹

Кандидат биологических наук, доцент, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения г. Москвы»; исполнительный директор Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация содействия науке», Москва, РФ.

E-mail: denis.s.andreyuk@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [8083-4058](#)

ORCID ID: [0000-0002-3349-5391](#)

Ливитина Арина Сергеевна

Аналитик, ООО «РА «ИНДЕКС 20», Москва, РФ.

E-mail: arina.livitina@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-1060-7688](#)

Сушко Никита Сергеевич

Программист-разработчик ПО, АО «Медицинские Технологии Лтд», Москва, РФ.

E-mail: gorakievskaya@gmail.com

ORCID ID: [0000-0003-2245-7354](#)

Аннотация

В работе предложен подход для векторизации и количественного анализа ценностей группы. Для демонстрации возможностей метода проведен анализ структуры ценностей группы молодых людей на предмет различий между женщинами и мужчинами и различий при использовании разных частей речи. Ценности группы были вербализованы в виде свободных ассоциаций «с чем-то самым важным в жизни». Полученный массив слов преобразовали в массив семантических групп с помощью Тезауруса Роже. Попарное сравнение векторов с частотами отдельных семантических групп показало высокий уровень косинусной близости (0,9664) между подгруппами, разделенными по гендерному признаку. Расчет статистически значимых различий в частотах отдельных семантических групп методом Хи-квадрат позволил выделить отдельные семантические группы, по которым гендерные подгруппы достоверно различаются. Векторы частот, полученные от преобразования массивов разных частей речи, имели низкий уровень косинусной близости во всех попарных сравнениях. Существительные наиболее часто использовали для выражения жизненных ценностей, имеющих отношение к причинно-следственным связям (14% семантических групп); прилагательными чаще всего выражали ценности, имеющие смысл личных пристрастий (18% семантических групп); глаголы чаще всего использовали для выражения ценностей, связанных с симпатиями (14% семантических групп). Разработанный автоматический алгоритм может быть полезен для количественного сопоставления ценностей между разными группами, а также расчета степени соответствия ценностей целевой группы заявляемым ценностям коммерческих брендов.

Ключевые слова

Семантический анализ, тезаурус Роже, программа на языке Python, векторизация ценностей, ценности молодежи.

Semantic Analysis of Group Values Structure Using Roget Thesaurus:
Automated Algorithm

Denis S. Andreyuk²

PhD, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Mental Health Clinic № 1 named after N.A. Alexeev; Executive Director of the Russian Association for the Advancement of Science, Moscow, Russian Federation.

E-mail: denis.s.andreyuk@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-3349-5391](#)

Arina S. Livitina

Data Analyst, LLC "RA "INDEX 20", Moscow, Russian Federation.

E-mail: arina.livitina@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-1060-7688](#)

Nikita S. Sushko

IT Specialist, Program Developer, JSC "Medical Technology Ltd", Moscow, Russian Federation.

E-mail: gorakievskaya@gmail.com

ORCID ID: [0000-0003-2245-7354](#)

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Abstract

The article proposes an approach for vectorization and quantitative analysis of group values. To demonstrate the possibilities of the method, the value structure of a group of young people was analyzed for differences between women and men, and for differences in the use of different parts of speech. The values of the group were verbalized in the form of free associations "with something most important in life". The resulting array of words was converted into an array of semantic groups using Roget Thesaurus. Pairwise comparison of vectors with frequencies of individual semantic groups showed a high level of cosine similarity (0,9664) between subgroups separated by gender. Calculation of statistically significant differences in frequencies of separate semantic groups by chi-square test allowed us to single out separate semantic groups, for which gender subgroups differed significantly. Frequency vectors obtained from the transformation of arrays of different parts of speech had a low level of cosine similarity in all pairwise comparisons. Nouns were most frequently used to express life values related to cause-and-effect relationships (14% of semantic groups). Adjectives were most often used to express values having a sense of personal predilections (18% of semantic groups). Verbs were most often used to express values related to liking (14% of semantic groups). The developed automatic algorithm will be useful for quantitative comparison of values between different groups, as well as calculating the degree of consistency of the target group values with the declared values of commercial brands.

Keywords

Semantic analysis, thesaurus Roget, Python script, vectorization of values, youth values.

Введение

Структура ценностей вызывает интерес исследователей на протяжении многих десятилетий и даже веков, поскольку представляет собой основу мотивации в целенаправленном поведении социальных групп и актуальна для любых культур и для любого времени [TenHouten 1997]. Если мы знаем соотношение важности целей для данного человека в данный момент времени, мы можем предсказывать приоритетность его поступков. Например, если для человека удовольствие от познания стоит выше в системе ценностей, чем удовольствие от еды, то для такого человека покупка на последние деньги книги вместо еды не кажется удивительной. При этом статистически такая структура ценностей относительно редка, а значит, в случае среднестатистического человека выбор «книга вместо еды» парадоксален и маловероятен.

Индивидуальная структура приоритетов/целей сложна для изучения в силу своей динамичности — соотношение ценностей у конкретного человека постоянно меняется (см., например, [Баева 2004; Человек в условиях глобальных рисков 2020]). Особенно сильно это обстоятельство ограничивает практическую применимость знаний о ценностях. Мы вынуждены затратить много сил, времени и денег для того, чтобы определить соотношение приоритетов в выборе для данного человека, но эти приоритеты изменились уже в процессе измерения, и наши выводы даже относительно поведения данного индивида оказываются под сомнением. Еще больше сомнений возникает при необходимости экстраполяции выводов на «других таких же».

Из описанных выше ограничений следует очевидная схема: измерения структуры ценностей должны быть дешевыми, быстрыми, массовыми. Таким критериям удовлетворяют современные подходы семантического анализа цифровых следов. В частности, для задач маркетинга, когда интересна не сама глубинная структура ценностей, а только ее локальное следствие — те предпочтения, которыми группа «похожих друг на друга» людей руководствуется, когда типичному представителю группы необходимо принять решение о покупке или в более широком смысле обмене одних ценностей на другие. Для этой задачи достаточно знать соотношение ценности денег у представителей данной группы с ценностью товаров или услуг, имеющих в ассортименте и подлежащих обмену. И тогда можно предложить к обмену те позиции, которые для данной целевой группы в данный момент времени представляют максимальную ценность. Такой обмен повысит одновременно и маржинальность сделки для продавца и удовлетворенность от сделки для покупателя.

В настоящее время целый ряд подобных задач решается с помощью методов дистрибутивной семантики. Принципиальная логика данного подхода базируется на гипотезе, что если какие-то слова часто встречаются в похожем контексте, то они близки по смыслу

[Sahlgren 2008]. На основе собранных корпусов текстов в сотни миллионов слов строятся многомерные векторы, характеризующие контекст данного слова. После этого формальные операции по определению векторных расстояний позволяют судить о семантической близости любых двух данных слов [Митрофанова 2007]. В рамках данного подхода словесный цифровой след может быть представлен векторами, а поиск человека, похожего по интересам данному, сводится к задаче определения векторных расстояний по массивам слов в следах одного и другого и поиска людей-следов с наименьшими отличиями.

У данного подхода есть ряд существенных ограничений:

- все люди из целевой группы должны иметь максимально похожий цифровой след, а собственно ценности при этом вторичны (например, два человека в равной степени обеспокоены проблемой изменения климата на планете; один, движимый этим беспокойством, предпочитает веганские рестораны мясным, а другой посещает научные конгрессы по океанологии; с точки зрения цифрового следа это будут абсолютно разные люди, хотя глубинная мотивация у обоих очень похожая);
- частота употребления слов в текстах только косвенно связана со смыслом этих слов, то есть с тем, какие ассоциации слово рождает в голове у говорящего и у слушающего. Во многих случаях могут существовать значительные расхождения между статистически наиболее распространенными и реальными ассоциациями в ответ на слово — эти случаи некорректно исследовать с помощью дистрибутивной семантики;
- в некоторых нишевых традициях считается дурным тоном использовать одно и то же слово слишком часто; например, у литераторов (довольно массовая профессиональная группа) показателем высокого уровня культуры и искусства считается умение передать одну и ту же мысль с помощью разных слов; используемые синонимы имеют заведомо разные частоты в стандартных корпусах и при этом призваны передавать заведомо одинаковый смысл.

В более общей формулировке подходы дистрибутивной семантики не очень подходят в тех случаях, когда исследователю важно иметь возможность непосредственно обращаться к смыслу слов. Для таких задач перспективным представляется использование идеографических тезаурусов — словарей, построенных по принципу каталогизации смысла. Одним из наиболее известных словарей этой группы является Тезаурус Роже [Roget 1991]. Его первоначальная версия была составлена Питером Марком Роже в 1805 г. и опубликована в 1852 г. Позже версия, изданная в 1911 г., была компьютеризирована Л. Джоном Олдом и Д. Левенштейном и выложена в свободный доступ на сайте Project Gutenberg³. Словарь разбивает все слова английского языка на 1044 семантических групп⁴, входящих в 40 смысловых категорий. Они, в свою очередь, принадлежат 6 семантическим классам:

- 1) Words Expressing Abstract Relations (слова, выражающие абстрактные отношения);
- 2) Words Relating to Space (слова, относящиеся к пространству);
- 3) Words Relating to the Intellectual Faculties (слова, относящиеся к интеллектуальным способностям);

³ Roget's Thesaurus by Peter Mark Roget // Project Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/22> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Изначально Тезаурус Роже включал ровно 1000 смысловых групп, однако в более поздних версиях стали добавляться разделения групп, в итоге используемое здесь 8-е издание содержит уже 1044 конечных категорий — семантических групп.

- 4) Words Relating to the Sentient and Moral Powers (слова, относящиеся к чувствам и морали);
- 5) Words Relating to the Voluntary Powers (слова, относящиеся к добровольным полномочиям);
- 6) Words Relating to Matter (слова, относящиеся к материи).

Фактически каждая конечная семантическая группа в Тезаурусе Роже — это группа синонимов, передающих один и тот же смысл.

В данной работе мы разработали методический подход для анализа структуры ценностей группы людей с использованием Тезауруса Роже. Для демонстрации возможностей был создан автоматизированный алгоритм и опробован для анализа жизненных ценностей в группе российской молодежи. В частности, были проверены две гипотезы:

- 1) женщины и мужчины на уровне смыслов имеют очень похожую структуру ценностей;
- 2) ценности группы, выражаемые разными частями речи, в значительной мере отличаются между собой по смыслу.

Методика

Источник данных: ассоциации молодых людей с «чем-то самым важным в жизни».

Исходные данные для анализа ценностей были получены путем опроса школьников, студентов и молодых ученых (очно, данные собирались до пандемии). Респондентов просили написать «три слова — существительное, прилагательное и глагол, которые ассоциируются с чем-то самым важным в жизни». Такой опрос проводили в 27 разных группах, в 4 городах в период 2018–2019 гг. Более подробно технология проведения опросов описана в [Андреюк и др. 2020]. Для целей данной работы использовали 639 анкет (все, которые удовлетворяли по качеству записей). 367 участников указали свой пол как женский, 263 указали пол как мужской, 9 человек отказались указывать пол. Возраст составил 19,04 года +/-3.33 (стандартное отклонение), разброс 13–38.

Массив слов переводился с русского на английский с помощью автоматического сервиса Deerp.com, и полученный массив английских слов преобразовывался в массив кодов Роже.

Преобразование массива слов в массив кодов семантических групп Тезауруса Роже.

Авторами был написан скрипт на языке Python. Программа выложена в открытый доступ и может быть использована для широкого круга исследований. Для этого необходимо скачать файловый архив .zip, который находится по ссылке <https://github.com/chameleon-lizard/Roget>, с последующей его распаковкой. Сама программа запускается через файл gui.exe в папке gui, после чего открывается окно с четырьмя квадрантами (Рисунок 1). Окно Input отображает исходные данные, которые нужно ввести в файл input.txt, находящийся в папке Roget-main. После нажатия на кнопку Vectorize результаты отображаются в двух квадрантах Output. И верхний, и нижний квадранты показывают код, название принадлежащей ему семантической группы, встречаемость данного кода в тестируемом массиве слов. Верхний квадрант показывает, сколько раз данная семантическая группа встретилась в массиве в абсолютных значениях, нижний квадрант показывает частоту кода/семантической группы в процентах от общего числа кодов. Экспорт данных автоматически осуществляется в файлы, создаваемые в каждой сессии в папке Roget-main, после работы программы данные

в них автоматически обновляются. Коды с абсолютным количеством находятся в файле vector.json, с процентной частотой — в frequencies.json. Кроме этого, в файл non-recognized.txt выгружаются все слова, которым не было найдено соответствий в тезаурусе.

Наиболее удобный для дальнейшей работы формат данных — вектор, состоящий из 1044 значений. Номер позиции — это номер кода семантической группы (коды выстроены по возрастанию), значение — частота встречаемости данного кода в виде десятичной дроби (без процентов). Именно такие векторы использовались во всех последующих операциях (Рисунок 2).

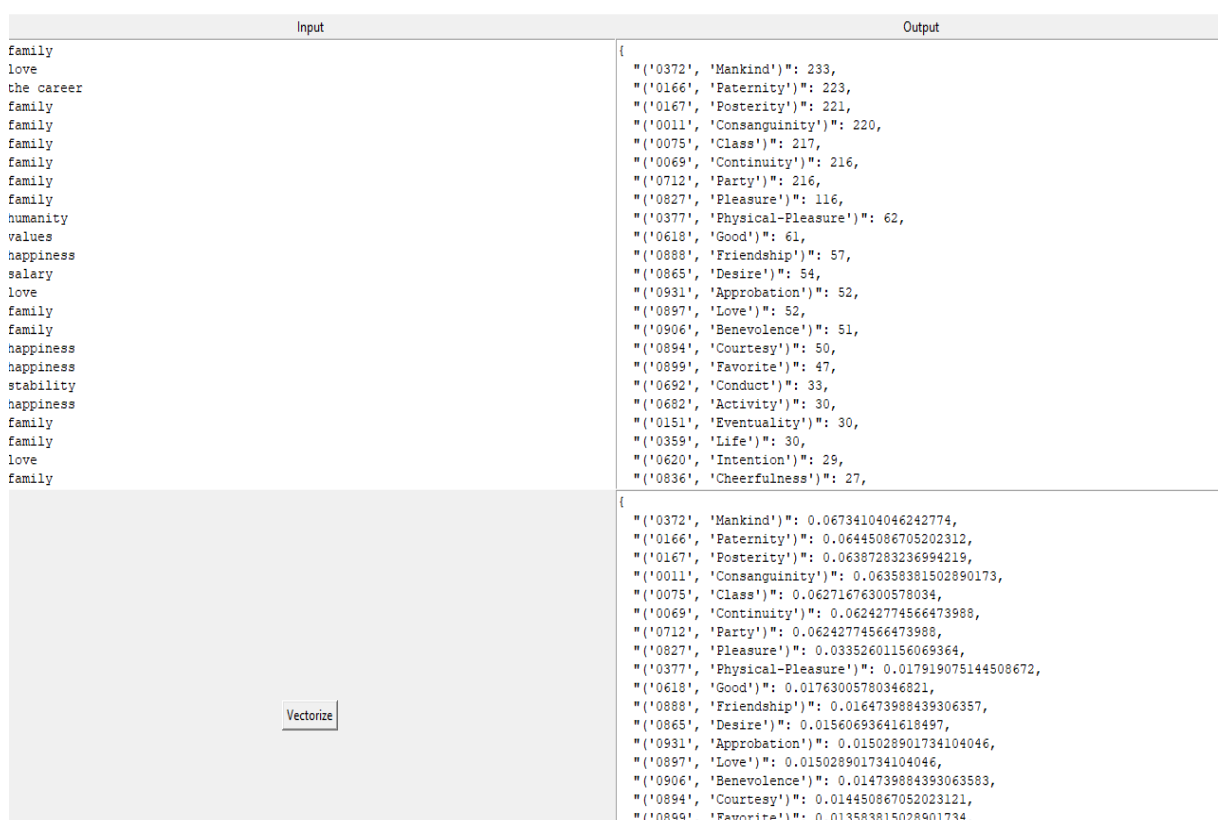

Рисунок 1. Интерфейс программы: пример вывода результатов анализа массива слов⁵

Операции сравнения смысловых векторов

Измерение векторного расстояния — косинусная близость. В данной работе применялась наиболее распространенная формула для определения косинусной близости (коэффициент Отиаи [Ochiai 1957]):

$$\text{similarity} = \cos(\theta) = \frac{A \cdot B}{\|A\| \|B\|} = \frac{\sum_{i=1}^n A_i \times B_i}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (A_i)^2} \times \sqrt{\sum_{i=1}^n (B_i)^2}}$$

Оценка различий в частотах семантических групп для двух векторов. Для определения достоверности различий частот в двух массивах для данной семантической группы использовался метод парного сравнения по критерию Хи-квадрат. Поскольку анализу подлежат частоты кодов из

⁵ Изображение получено авторами при работе программного продукта; сам программный продукт свободно открыт для некоммерческого использования и доступен для скачивания по ссылке <https://github.com/chameleon-lizard/Roget>.

одного массива, тестируемые события не являются независимыми. В этом случае может возникнуть проблема ошибок при множественных сравнениях.

Было проверено влияние трех распространенных поправок. Поправка Бонферрони, подход к коррекции FWER — Family-Wise Error Rate, позволяет контролировать групповую вероятность ошибки первого рода [Hochberg 1988]. В нашем случае алгоритм учета поправки сводится к уменьшению уровня α в m раз ($P_i \leq \frac{\alpha}{m}$; общепринятый уровень значимости для Хи-квадрат $\alpha = 0.05$), где m — количество позиций вектора, в нашем случае $m = 1044$.

Более сложный вариант такого подхода к коррекции представляет поправка Холма-Бонферрони [Holm 1979]. Алгоритм коррекции предлагает сортировать все гипотезы по возрастанию их p -value, затем для каждой гипотезы проверить неравенство:

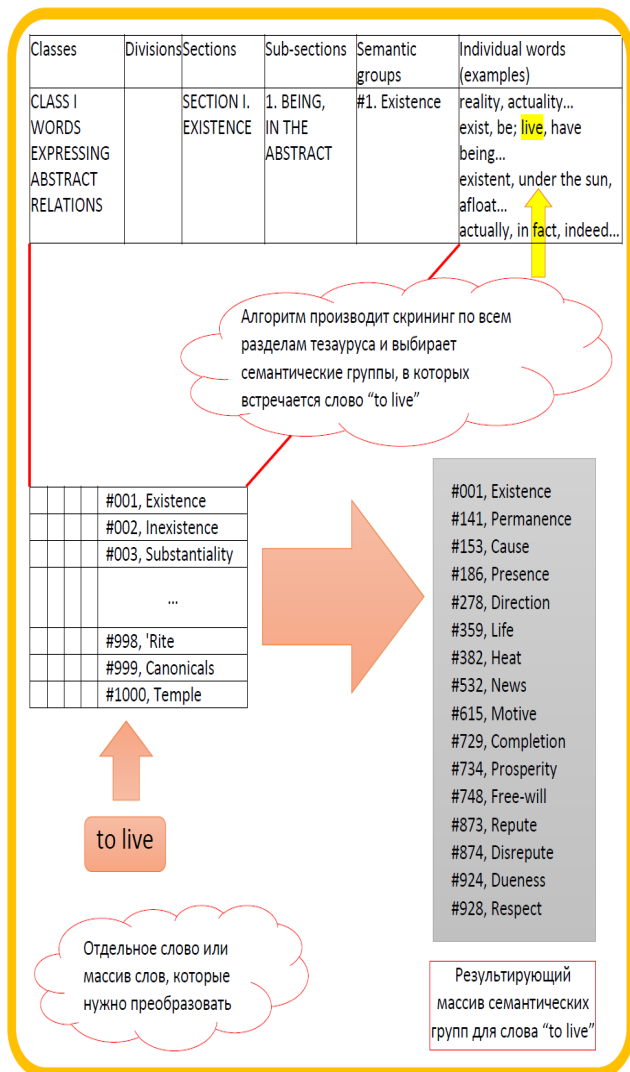
$$P_i < \frac{\alpha}{m - i}.$$

Кроме этого, существует подход FDP — False Discovery Proportion, который предписывает контролировать долю ложных отклонений гипотез. Представителем этого подхода была выбрана поправка Бенъямини-Хохберга [Benjamini, Hochberg 1995]. Ее алгоритм предлагает пошагово увеличивать в i раз уровень значимости, скорректированный на число множественных сравнений, где i — порядковый номер сравнения, после сортировки сравнений по возрастанию значения p :

$$\alpha_1 = \frac{\alpha}{m}, \dots, \alpha_i = \frac{i\alpha}{m}, \dots, \alpha_m = \alpha.$$

Важно отметить, что справедливость и эффективность поправок на множественное сравнение неоднократно оспаривалась в отношении анализа экспериментальных данных. Диапазон мнений расходится от полного отрицания целесообразности поправок [Rothman 1990] до аккуратной рекомендации использовать FWER-поправки для надежного отсека в автоматических обработках больших массивов (как самый строгий фильтр), а поправки FDP и полное отсутствие поправок — как диапазон для поиска возможных событий-кандидатов для дальнейших исследований [Noble 2009].

Часть I Преобразование слов в массив семантических групп с помощью тезауруса Роже

Часть II Сравнение семантических векторов групповых ценностей

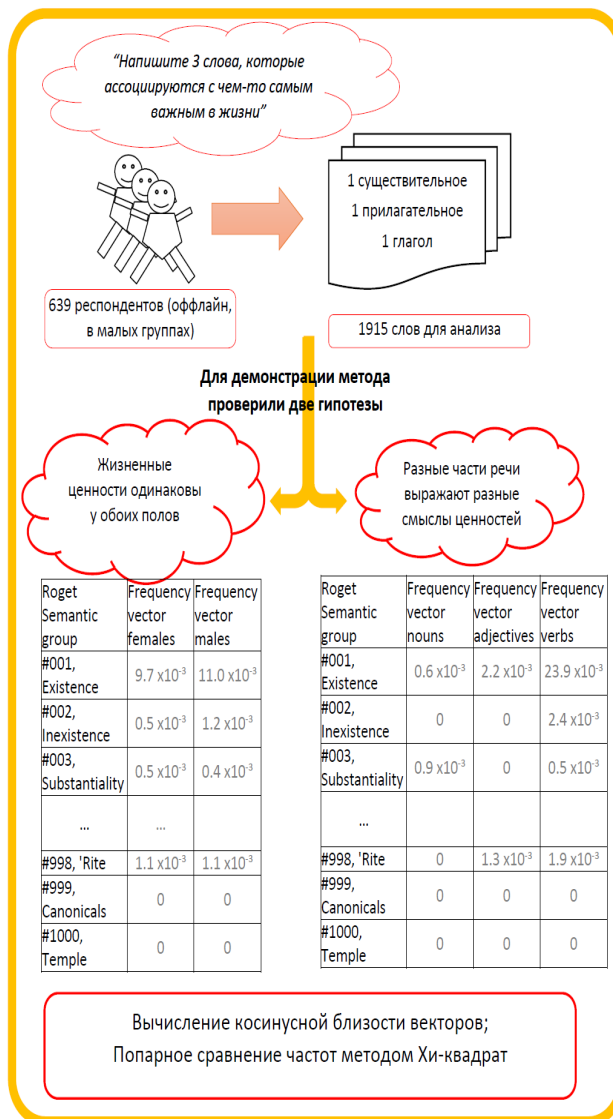

Рисунок 2. Принцип работы программного продукта для автоматического преобразования слов в массивы семантических групп по Роже (Часть I) и общая схема эксперимента, показывающего возможности метода (Часть II)⁶

Результаты

Количественный анализ ценностных смыслов в гендерно-однородных подгруппах.

Если сравнить семантическое ядро у представителей двух полов, окажется, что рейтинг наиболее частотных слов у них практически совпадает (Таблица 1).

⁶ Составлено авторами.

Таблица 1. Топ-10 наиболее частых слов, используемых мужчинами и женщинами для выражения ассоциаций «с чем-то самым важным в жизни»⁷

	Мужчины	Женщины
1	семья (10.0%)	семья (13.6%)
2	любить (5.3%)	любить (9.9%)
3	счастливый (3.1%)	счастливый (6.3%)
4	жить (2.5%)	жить (3.8%)
5	работа (2.2%)	счастье (3.5%)
6	счастье (2.1%)	работа (2.1%)
7	радоваться (1.7%)	любимый (1.9%)
8	красивый (1.6%)	развиваться (1.3%)
9	интересный (1.6%)	радоваться (1.3%)
10	жизнь (1.6%)	интересный (1.3%)

Первые 4 слова в рейтинге одинаковые (в общей выборке слов на эти 4 слова приходится 28% частот), в остальных словах заметна значительная доля совпадений, интуитивно чувствуется, что по смыслу эти слова также близки. Эту близость можно измерить количественно.

Сравнение векторов частот ценностных смыслов по формуле косинусной близости позволяет оценить степень общего совпадения смыслов в двух массивах слов. В частности, для представителей двух полов косинусная близость оказывается исключительно высокой: 0,9664. Это означает, что, хотя слова часто используются разные, смысловое содержание жизненных ценностей у женской и мужской половин почти идентичное. Тем самым подтверждается гипотеза о равенстве полов в отношении жизненных ценностей.

Однако векторизация позволяет проанализировать также и различия в смыслах, даже если они ничтожно малы, как в случае с гендерными подгруппами. В Таблице 2 приведены те смысловые группы Тезауруса Роже, частота встречаемости в которых максимально различается у представителей двух полов (парное сравнение Хи-квадрат).

Таблица 2. Частоты семантических групп Роже, по которым наиболее сильно выражено различие между мужчинами и женщинами в отношении жизненных ценностей⁸

	Мужчины, %	Женщины, %	значение p *
#023 Agreement	0.81	1.43	0.0038
#134 Occasion	0.65	1.20	0.0045
#242 Symmetry	0.32	0.05	0.0059
#578 Elegance	0.67	1.20	0.0074
#655 Decease	0	0.16	0.0027
#827 Pleasure	3.02	4.48	0.0002
#845 Beauty	0.65	0.19	0.0017
#888 Friendship	1.48	2.25	0.0062
#897 Love	1.75	2.60	0.0049
#899 Favorite	1.27	2.14	0.0010

⁷ Составлено авторами. В скобках указаны частоты данного слова в процентах от всех слов в данной группе анкет.

⁸ Составлено авторами. Примечание: * — различия достоверны при $p < 0,05$, однако достоверность отсутствует во всех приведенных здесь парах, если применить поправку на множественное сравнение (любую из трех, описанных в разделе Методы). В случае кода #827 Pleasure абсолютное количество в подгруппе мужчин составило 112 раз, а в подгруппе женщин — 253 раза. Если бы соотношение было хотя бы 110 к 253, различия были бы достоверны с учетом поправки Беньямини-Хохберга.

В целом весь спектр различий между представителями разных полов можно показать на диаграмме Манхэттен, когда по горизонтальной оси отложены все категории, а по вертикальной оси указан отрицательный логарифм p с указанием отсекающего барьера на уровне $p < 0,05$ (см. Рисунок 3, где отсекающая линия показана красным; все точки, которые выше, показывают достоверную разницу в смысловых частотах без учета поправки на множественные сравнения; зеленая линия отсекает уровень значимости с учетом поправки Бонферрони — самой жесткой из трех примененных здесь поправок на множественные сравнения). На рисунке наглядно видно, что ни одно из различий нельзя признать достоверным с учетом поправки на множественные сравнения. Тем не менее для наиболее отличающихся смысловых групп можно говорить о четко выраженной тенденции.

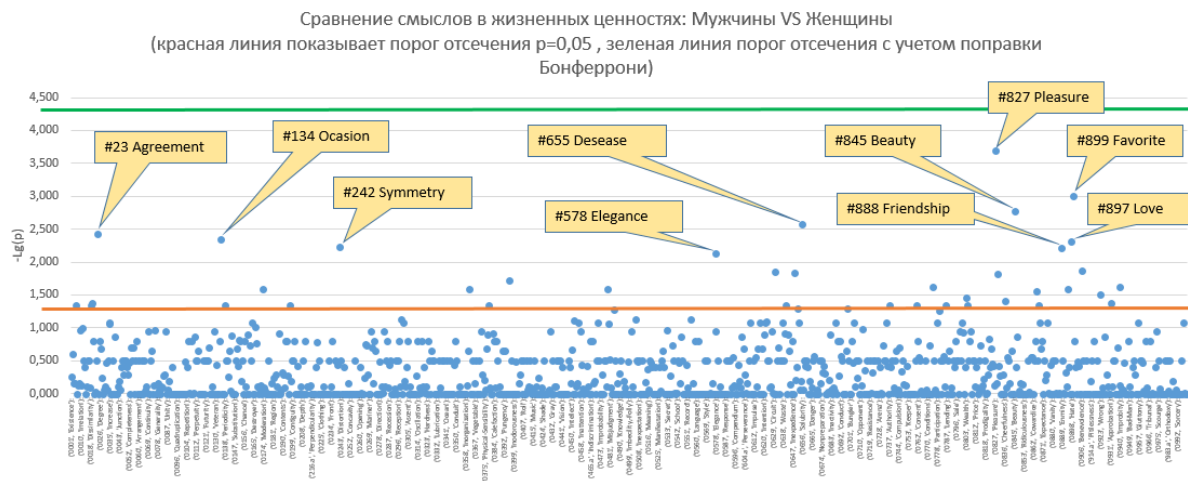

Рисунок 3. Визуализация отличий в частотах отдельных смысловых групп с распределением по длине вектора⁹

Сравнение ценностей, передаваемых в разных частях речи. В ходе преобразования массивов отдельных частей речи, в которых представители целевой группы выражали «самое важное в жизни», в частоты встречаемости семантических групп Роже были получены три вектора. Их попарное сравнение дает возможность количественно сопоставить степень близости смыслов, выражаемых разными частями речи (Таблица 3). Видно, что, в отличие от гендерных подгрупп, подгруппы, сформированные из разных частей речи, различаются между собой значительно, что подтверждает и вторую гипотезу.

Таблица 3. Косинусная близость между векторами частот встречаемости семантических групп Роже в ценностях, выражаемых разными частями речи¹⁰

Сравниваемые части речи	Косинусная близость семантических векторов
Существительные vs Прилагательные	0.3135
Существительные vs Глаголы	0.2646
Прилагательные vs Глаголы	0.3757

⁹ Составлено авторами. По горизонтальной оси в порядке возрастания отложены номера семантических групп Роже, и для каждой указано значение r в виде отрицательного логарифма. Группы с наименьшим значением r (лежащие максимально высоко на графике) отмечены метками. Красная линия отсекает уровень достоверности различий между подгруппами без учета поправки Бонферрони ($p=0.05$), зеленая — с учетом поправки. Точные значения p для семантических групп, по которым отмечены наиболее выраженные различия между полами, а также точные значения частот для них, перечислены в Таблице 2.

¹⁰ Составлено авторами.

Если посмотреть, как часто разные части речи встречаются в каждом из 6 классов (категории высшего уровня в Тезаурусе Роже), то можно отметить различия на уровне крупных блоков смысловых категорий (Таблица 4): абстрактные категории почти вдвое чаще выражаются с помощью существительных, в то время как глаголы безусловно доминируют при выражении ценностей в пространственных категориях, а глаголы и прилагательные значительно превосходят существительные в частоте использования при выражении чувственных и моральных категорий.

Таблица 4. Распределение семантических групп, связанных с разными частями речи, при выражении свободных ассоциаций «с чем-то самым важным в жизни», по классам Тезауруса Роже¹¹

Класс Тезауруса Роже	Существительные	Прилагательные	Глаголы
Words Expressing Abstract Relations	38%	21%	17%
Words Relating to Space	3%	5%	10%
Words Relating to the Intellectual Faculties	6%	13%	12%
Words Relating to the Sentient and Moral Powers	20%	33%	33%
Words Relating to the Voluntary Powers	21%	21%	21%
Words Relating to Matter	12%	7%	8%

Более детальный анализ смысловых различий между ценностями, выражаемыми с помощью разных частей речи, можно провести на уровне представленности отдельных секций тезауруса. Так, в отношении существительных на первом месте по сумме частот находится секция «Причинно-следственная связь» (Causation). В нее входят 14% от всех семантических групп, полученных после преобразования существительных. Для прилагательных секция-лидер — это «Личные пристрастия» (Personal Affections) с суммой частот 18%. Глаголами, как оказалось, наиболее часто выражают ценности, связанные с симпатией (Sympathetic Affections). Списки топ-10 наиболее часто представленных секций в каждой из трех частей речи собраны в Таблице 5.

Таблица 5. Топ-10 наиболее представленных секций Тезауруса Роже, полученных после преобразования массивов слов из трех разных частей речи¹²

Рейтинг	Существительные		Прилагательные		Глаголы	
	Секция	Частота	Секция	Частота	Секция	Частота
1	Causation	14%	Personal Affections	18%	Sympathetic Affections	14%
2	Order	13%	Prospective Volition	7%	Personal Affections	12%
3	Organic Matter	11%	Organic Matter	6%	Organic Matter	7%
4	Sympathetic Affections	8%	Sympathetic Affections	6%	Motion	6%
5	Personal Affections	8%	Relation	6%	Prospective Volition	6%
6	Relation	7%	Means of Communicating Ideas	5%	Causation	5%
7	Antagonism	7%	Time	5%	Voluntary Action	5%
8	Prospective Volition	4%	Moral Affections	5%	Change	4%
9	Moral Affections	3%	Possessive Relations	4%	Modes of Communication	4%
10	Voluntary Action	3%	Quantity	3%	Moral Affections	4%

¹¹ Составлено авторами.

¹² Составлено авторами.

Обсуждение

Выше были показаны два примера количественного анализа смыслов, лежащих в структуре ценностей представителей некоторой группы молодых людей. Первый подход, описанный в первом разделе *Результатов*, показывает, как можно искать и находить минорные, точечные оттенки смыслов, по которым различаются две группы, которые в целом очень похожи. Молодые женщины и молодые мужчины имеют различия в частотной диаграмме слов, которые ассоциируются «с чем-то самым важным для жизни» (Таблица 1), однако перевод слов в наборы семантических групп приводит к тому, что косинусная близость двух векторов с частотами оказывается близка к 1, то есть на уровне смыслов можно утверждать, что мужчины и женщины ценят практически одно и то же. Вместе с тем у мужчин есть более частые отсылки к ценностям в области абстрактных понятий (симметрия), а женщины чаще называют ценности в области отношений — дружба, любовь, согласие — и удовольствий (Таблица 2).

Второй подход, который был применен для анализа массивов слов, сильно отличающихся по частотам отдельных семантических групп, описан во втором разделе *Результатов*. Он позволяет посмотреть крупными блоками, в каких зонах смыслового спектра преимущественно сосредоточены смыслы в одной и в другой выборке.

Предлагаемый здесь автоматизированный метод анализа является развитием двух других работ, выполненных на данных опросов групп молодых людей в отношении их ценностей. В работе [Андреюк и др. 2020] слова-ассоциации «с чем-то самым важным для профессионального развития человека» вручную, методом согласования экспертных оценок распределялись по 6 смысловым пакетам, связанным с получением знаний, деятельностью, упорством, креативностью, коммуникациями и морально-этическими категориями. Такая смысловая разметка позволила разделить 27 групп на 4 кластера, в которых было разное соотношение представленности каждого из 6 смысловых пакетов. Существенным недостатком работы следует считать ручной алгоритм распределения слов: из-за высокой трудоемкости такой анализ невозможно проводить массово, кроме этого, субъективный принцип экспертных суждений практически не поддается автоматизации.

В работе [Gerasimenko et al. 2021] массив ассоциаций в отношении жизненных ценностей (тот же, что использовался в данной работе) был выстроен по убыванию частот встречаемости. При этом верхние 26 слов составили примерно 80% от всех частот. Набор из этих 26 слов с учетом их индивидуальных частот использовали в качестве эталона для анализа семантического ядра текстов с описанием миссии и ценностей 6 люксовых брендов. Каждое слово из семантического ядра текста сопоставляли с «эталонном»: если слово встречалось в эталонном наборе, его частота перемножалась с частотой эталонного слова и полученная величина учитывалась с коэффициентом 1. Если слово не встречалось буквально, но имело очень близкий смысловой аналог в эталонном наборе слов, произведение частот учитывалось с коэффициентом 0.2. Все остальные слова из семантического ядра, которые не имели соответствий в эталонном списке, не учитывались вовсе. Таким образом, для каждого бренда формировался вектор из 26 позиций (по количеству слов в эталонном списке). Расчет косинусной близости между векторами позволил вычислить степень соответствия идеологии конкретного бренда ценностям данной конкретной целевой группы, сравнить бренды попарно между собой, а также построить нечто вроде штрих-кода идей бренда — степень выраженности каждой из 26 позиций вектора.

Этот подход гораздо в большей степени приближает к возможности автоматического количественного сравнения ценностей группы и отдельных наборов идей, благодаря векторизации и последующей работе с типовыми векторами. Единственным ограничением оказывается определение смысловой близости для конкретного слова (которая учитывается с коэффициентом 0.2) — ее наличие или отсутствие по-прежнему субъективно.

В данной статье было преодолено последнее препятствие на пути к автоматизации смыслового анализа ценностей благодаря использованию Тезауруса Роже. Предложенный здесь алгоритм, реализованный в программе на языке Python, полностью автоматически учитывает все оттенки смысловых отношений для каждого из слов в массиве. На выходе получается вектор с размерностью 1044, представляющий собой частоты встречаемости каждой из 1044 семантических групп Роже в исследуемом массиве слов.

Разумеется, предлагаемый подход содержит и ограничения. Прежде всего они связаны с языковыми переходами. Здесь использовался автоматический переводчик с русского на английский для того, чтобы полностью исключить субъективность в передаче смыслов. Однако сам переводчик может вносить (и наверняка вносит) определенные смысловые искажения.

Еще один источник возможных ошибок связан с тем, что используемой здесь программе удастся идентифицировать в тезаурусе не все слова. Алгоритм сохраняет в отдельном файле все «непосчитанные» слова, поэтому исследователь может осознано принять решение, как с ними поступить. В данной работе мы игнорировали неразмеченные слова из соображений максимальной автоматизации, однако констатировали, что их количество ни разу не превышало 10% от исследуемого массива.

Заключение

Человечество уже довольно давно умеет делать семантический анализ на уровне слов методами дистрибутивной семантики. Здесь мы вплотную подошли к тому, чтобы автоматизированный количественный анализ можно было выполнять на уровне смыслов. Мы не первые, кто использовал Тезаурус Роже для задач семантического анализа (см., например, [Jarmasz, Szpakowicz 2012]). Среди прочего, количественный анализ кодов Роже применялся для выявления смысловых изменений в больших социальных группах [TenHouten 2016; Klingenstein et al. 2014]. Однако, насколько нам известно, до сих пор никто не использовал векторный подход к анализу частот семантических групп Роже в отношении ценностей. А сочетание автоматизации, использования типовых векторов для сравнений смыслов и вербализация ценностей группы методом свободных ассоциаций с оцениваемым предметом, на наш взгляд, откроют дорогу для поточных исследований структуры групповых ценностей. Результаты таких исследований, в свою очередь, могут существенно изменить наши представления о взаимодействии потребителей и брендов, студентов и разработчиков учебных курсов, участников больших мультикультурных проектов друг с другом и во многих других сферах контактов людей с идеями.

Список литературы:

Андреюк Д.С., Петрунин Ю.Ю., Храбровская В.Д. Метод кластеризации групп молодежи на основании ценностных смыслов в отношении профессионального развития и жизни в целом // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 221–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10117](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10117)

Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Изд-во АГУ, 2004.

Митрофанова О.А. Измерение семантических расстояний как проблема прикладной лингвистики // Структурная и прикладная лингвистика. 2007. № 7. С. 92–101.

Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / под ред. Т.А. Нестика, А.Л. Журавлева. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Benjamini Y., Hochberg Y. Controlling the False Discovery Rate: A Practical and Powerful Approach to Multiple Testing // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological). 1995. Vol. 57. № 1. P. 289–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1995.tb02031.x>

Gerasimenko V., Andreyuk D., Kurkova D. Approach for Management of Brand Positioning: Quantification of Value Matching between Brand and Target Audience // Polish Journal of Management Studies. 2021. Vol. 24. P.96–111. DOI: [10.17512/pjms.2021.24.1.06](https://doi.org/10.17512/pjms.2021.24.1.06)

Hochberg Y. A Sharper Bonferroni Procedure for Multiple Tests of Significance // Biometrika. 1988. Vol. 75. Is. 4. P. 800–802. DOI: <https://doi.org/10.2307/2336325>

Holm S. A Simple Sequentially Rejective Multiple Test Procedure // Scandinavian Journal of Statistics. 1979. Vol. 6. Is. 2. P. 65–70.

Jarmasz M., Szpakowicz S. Roget's Thesaurus and Semantic Similarity // Cornell University arXiv. 2012. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1204.0245>

Klingenstein S., Hitchcock T., DeDeo S. The Civilizing Process in London's Old Bailey // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. Is. 26. P. 9419–9424. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1405984111>

Noble W.S. How Does Multiple Testing Correction Work? // Nature Biotechnology. 2009. Vol. 27. P. 1135–1137. DOI: <https://doi.org/10.1038/nbt1209-1135>

Ochiai A. Zoogeographical Studies on the Soleoid Fishes Found Japan and Its Neighboring Regions // Bulletin of the Japanese Society of Scientific Fisheries. 1957. Vol. 22. Is. 9. P. 526–530.

Roget P.M. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. Austin: MICRA, Inc., 1991.

Rothman K.J. No Adjustments Are Needed for Multiple Comparisons // Epidemiology. 1990. Vol. 1. Is. 1. P. 43–46. DOI: [10.1097/00001648-199001000-00010](https://doi.org/10.1097/00001648-199001000-00010)

Sahlgren M. The Distributional Hypothesis. From Context to Meaning // Rivista di Linguistica. 2008. Vol. 20. Is. 1. P. 33–53.

TenHouten W.D. Neurosociology // Journal of Social and Evolutionary Systems. 1997. Vol. 20. Is. 1. P. 7–37. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1061-7361\(97\)90027-8](https://doi.org/10.1016/S1061-7361(97)90027-8)

TenHouten W.D. The Emotions of Powerlessness // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9. Is. 1. P. 83–121. DOI: [http://dx.doi.org/10.1080/2158379X.2016.1149308](https://dx.doi.org/10.1080/2158379X.2016.1149308)

References:

Andreyuk D.S., Petrunin Yu.Yu., Khrabrovskaya V.D. (2020) [Youth Groups Clustering Method Based on the Meanings of Value in Relation to Professional Development and Life in General. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 83. P. 221–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10117](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10117)

Bayeva L.V. (2004) *Tsennosti izmenyayushchegosya mira: Ekzistentsial'naya aksiologiya istorii* [Values of the changing world: Existence axiology of the history]. Astrakhan': Izd-vo AGU.

Mitrofanova O.A. (2007) Estimating Semantic Distance as a Problem of Applied Linguistics. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*. № 7. P. 92–101.

Nestik T.A., Zhuravlev A.L. (eds.) (2020) *Chelovek v usloviyakh global'nykh riskov: sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [Human under global risks: Social and psychological analysis]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».

Benjamini Y., Hochberg Y. (1995) Controlling the False Discovery Rate: A Practical and Powerful Approach to Multiple Testing. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological)*. Vol. 57. № 1. P. 289–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1995.tb02031.x>

Gerasimenko V., Andreyuk D., Kurkova D. (2021) Approach for Management of Brand Positioning: Quantification of Value Matching between Brand and Target Audience. *Polish Journal of Management Studies*. Vol. 24. P. 96–111. DOI: [10.17512/pjms.2021.24.1.06](https://doi.org/10.17512/pjms.2021.24.1.06)

Hochberg Y. (1988) A Sharper Bonferroni Procedure for Multiple Tests of Significance. *Biometrika*. Vol. 75. Is. 4. P. 800–802. DOI: <https://doi.org/10.2307/2336325>

Holm S. (1979) A Simple Sequentially Rejective Multiple Test Procedure. *Scandinavian Journal of Statistics*. Vol. 6. Is. 2. P. 65–70.

Jarmasz M., Szpakowicz S. (2012) Roget's Thesaurus and Semantic Similarity. *Cornell University arXiv*. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1204.0245>

Klingenstein S., Hitchcock T., DeDeo S. (2014) The Civilizing Process in London's Old Bailey. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 111. Is. 26. P. 9419–9424. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1405984111>

Noble W.S. (2009) How Does Multiple Testing Correction Work? *Nature Biotechnology*. Vol. 27. P. 1135–1137. DOI: <https://doi.org/10.1038/nbt1209-1135>

Sahlgren M. (2008) The Distributional Hypothesis. From Context to Meaning. *Rivista di Linguistica*. Vol. 20. Is. 1. P. 33–53.

Roget P.M. (1991) *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*. Austin: MICRA, Inc.

Ochiai A. (1957) Zoogeographical Studies on the Soleoid Fishes Found Japan and Its Neighboring Regions. *Bulletin of the Japanese Society of Scientific Fisheries*. Vol. 22. Is. 9. P. 526–530.

Rothman K.J. (1990) No Adjustments Are Needed for Multiple Comparisons. *Epidemiology*. Vol. 1. Is. 1. P. 43–46. DOI: [10.1097/00001648-199001000-00010](https://doi.org/10.1097/00001648-199001000-00010)

TenHouten W.D. (1997) Neurosociology. *Journal of Social and Evolutionary Systems*. Vol. 20. Is. 1. P. 7–37. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1061-7361\(97\)90027-8](https://doi.org/10.1016/S1061-7361(97)90027-8)

TenHouten W.D. (2016) The Emotions of Powerlessness. *Journal of Political Power*. Vol. 9. Is. 1. P. 83–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/2158379X.2016.1149308>

Дата поступления/Received: 24.01.2022

Сюжетно-идеологический подход к изучению ценностей: модель и результаты¹

Скипин Николай Сергеевич

Аспирант, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: phobosophy@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [3019-6197](https://elibrary.ru/3019-6197)

Аннотация

В статье предлагается к рассмотрению концептуальная модель сюжетно-идеологического подхода к изучению культурного кода, ценностей и морально-этических установок у современной российской молодежи, продолжающая и развивающая исследовательскую традицию Ш.Шварца, М.Рокича, Г.Триандиса, Г.Хофстеде и Р.Инглхарта, их политико-философские и социокультурные подходы в гуманитарных исследованиях. Кроме того, представлены к обсуждению некоторые результаты, полученные в ходе применения этой модели. В основе модели лежит фокус-групповое исследование, где респондентам, разделенным на группы с конкретными предзаданными идеологическими установками, было необходимо предложить решение проблемы, совершить самоопределение или выбрать одну из позиций в этической задаче, заключенной в сюжет. Для исследования использовались адаптированные и завуалированные сюжеты мировой литературы и кинематографа. Все сюжеты делятся на 4 условные группы, которые затрагивают культурную, социальную, морально-этическую сферы жизни, а также вопросы, связанные с мировоззренческой позицией по отношению к природе в целом и природе человека в частности. В статье приводится анализ ответов респондентов на сюжеты из группы «сфера культуры» и «сфера социальных отношений». Анализ результатов исследования показывает, что в основании культурного кода современной российской молодежи лежат такие категории, как справедливость, коллективизм, мир, безопасность, духовное развитие и неравенство. При этом не все категории понимаются однозначно и непротиворечиво. Некоторые категории, например справедливость, не несут однозначный и конкретный характер. Данный комплекс категорий дает основание полагать, что у современной российской молодежи происходит трансформация от материалистических ценностей к постматериалистическим.

Ключевые слова

Ценности, культурный код, молодежь, идеология, сюжет, постматериализм, Инглхарт, Хофстеде.

Plot-Ideological Approach to Values Study: Model and Results²

Nikolai S. Skipin

Postgraduate student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State, Moscow, Russian Federation.

E-mail: phobosophy@gmail.com

Abstract

The article proposes for consideration a conceptual model of the plot-ideological approach to studying cultural code, values and moral and ethical attitudes of modern Russian youth, which continues and develops the research tradition of S. Schwartz, M. Rokeach, G. Triandis, G. Hofstede and R. Inglehart, their political-philosophical and socio-cultural approaches in humanitarian research. Also, the article presents for discussion some of the results obtained in the course of applying this model. The model is based on a focus group study, where the respondents, divided into groups with specific predetermined ideological attitudes, had to offer a solution to the problem, make self-determination or choose one of the positions in the ethical task enclosed in the plot. For the study, adapted and veiled plots of world literature and cinema were used. All plots are divided into 4 conditional groups that affect the cultural, social, moral and ethical spheres of life, as well as issues related to the ideological position in relation to nature in general and human nature in particular. This article provides an analysis of respondents' answers to stories from the "sphere of culture" and "sphere of social relations" groups. An analysis of the study results shows that the cultural code of modern Russian youth is based on such categories as justice, collectivism, peace, security, spiritual development and inequality. However, not all categories are understood unambiguously and consistently. Some categories such as fairness are not unambiguous and specific. This set of categories gives reason to believe that today's Russian youth is undergoing a transformation from materialistic to post-materialistic values.

Keywords

Values, cultural code, youth, ideology, plot, postmaterialism, Inglehart, Hofstede.

Введение

Культурно-исторический субъект — цивилизация (культура) — является системой, построенной на основании культурного кода, который можно определить как набор ценностей и морально-этических установок, зафиксированных в теле языка в ходе исторического процесса.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Учёного совета факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Образно-символические репрезентации политической идеологии и инвайронментализма в кинематографе США, Франции и Японии (1982–1991 гг.)»

² The research is performed under the financial support of Scientific Council of Faculty of Political Science (Lomonosov Moscow State) as a part of scientific project "Visual and symbolic representation of environmentalism ideology in films in USA, France and Japan (1982–1991)".

По Ю.М. Лотману, «язык — это код плюс его история» [Лотман 2000, 16], а значит, анализ языка как системы, фиксирующей понятия, связанные с процессом становления рассматриваемого культурно-исторического субъекта, позволяет выявить культурный код. Культурный код реализуется в культурно-историческом субъекте в виде идеологии (не политической, а комплекса артикулируемых и воспроизводимых идей о целях развития культурно-исторического субъекта, способах достижения этих целей, представлений об истории и будущем), и, следовательно, в основании этой идеологии должны лежать ценности [Селезнева 2017].

Сюжеты (художественные, исторические), входящие в тело культуры, содержат в себе идеи о целях развития и способах достижения этих целей, свойственные тому или иному культурно-историческому субъекту. Сами сюжеты являются образцом ответа на определенную ситуацию, которая моделируется для того, чтобы служить морально-этической основой для поступков. Следовательно, если вычленив из тела культуры и проанализировать основные сюжеты и выявить «образцовое поведение» героев этих сюжетов, можно усмотреть культурный код — морально-этические и ценностные установки, которые есть в рассматриваемом культурно-историческом субъекте. Таким образом, этот культурный код задает пределы возможных решений (политических, экономических, экзистенциальных и пр.), основаниями которых становятся ценности: «Национальные культурные традиции... задают контекст (фрейм) для принятия индивидуальных решений и тем самым определяют (сужают) спектр доступных для исполнения подпрограмм» [Петрунин, Андреюк 2008, 47].

Особый интерес вызывает процесс трансформации ценностей, который возникает в процессе их воспроизводства. В формировании системы ценностей личности можно выделить два механизма:

- принятие извне нравственных, эстетических, социально-политических идеалов, которые характеризуют определенную социальную структуру (культура, идеология, общество, семья);
- осмысление внутренних потребностей, формирующих индивидуальные представления о нравственных, эстетических, социально-политических идеалах, которые характеризуют личность.

В первом случае формирование происходит в процессе усвоения и воспроизводства социального опыта, что особенно характерно на ранних этапах развития личности: в детстве под влиянием родителей, школы и в юности под влиянием школы и учебных заведений следующих уровней, а также иными социальными институтами и факторами. Этот процесс называется воспроизводством культуры, и он имеет направленность скорее в сторону преемственности ценностей.

Во втором случае формирование случается в процессе рефлексии над собственными потребностями личности и социальной оценке результатов этой рефлексии. Такой механизм менее характерен на ранних этапах развития, так как связан с интеллектуальной деятельностью, требующей как определенного психофизического развития, так и наличия методов самоанализа и рефлексии. Этот процесс относится к самоидентификации, и он имеет направленность скорее в сторону изменчивости ценностей.

Молодежь (в данном исследовании это молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет) является той социальной группой, которая уже способна к осмыслению внутренних потребностей, но все еще подвержена высокому уровню влияния извне, поэтому изучение ее системы ценностей, а главное,

понимание причин трансформации этих ценностей и морально-нравственных приоритетов могут пролить свет на уровень преемственности и степень влияния процесса воспроизводства культуры на молодежь; потребности и уровень их изменчивости молодежи; ближайшие трансформации в ценностном слое исследуемой культуры и идеологии.

Методы

Теоретическую основу исследования составил политико-философский подход, в котором заключены фундаментальные основания осмысления системы принципов, норм и ценностей, лежащих в основе формирования этических представлений молодежи и определяющих критерии оценки ею политических процессов, а также социокультурного подхода, обладающего достаточным эвристическим потенциалом для интерпретации ценностных ориентаций и этических представлений российской молодежи в контексте национальных политико-культурных традиций и современных глобальных социокультурных тенденций.

Важно отметить также связь ценностей и культуры, а точнее ценностей и идеологии, которая раскрывается в политико-идеологическом подходе [Селезнева 2017]. Этот подход позволяет увидеть, что ценности выполняют функцию культурного идеала, высшей идеи, которая лежит в основе регулирования социального поведения. Сам подход зарождается во второй половине XIX–середина XX вв. в трудах М. Вебера [Вебер 2016], Э. Дюркгейма [Дюркгейм 1991] и А. Шюца [Шюц 2003].

Важным этапом развития политико-идеологического подхода в конце XX–начале XXI вв. стали работы психологического характера М. Рокича и Ш. Шварца. Так, М. Рокич связывал различие между ценностями людей с различием идеологий, которые из них произрастают [Rokeach 1973], а также определил эти ценности: «...Неравное распределение власти в любом обществе приводит к возникновению конкурирующих между собой планов по решению социальных и экономических проблем. Эти конфликты будут возникать на основе разных уровней свободы общества и неравенства в нем. Таким образом, главные отличия между идеологиями определяются приоритетностью ключевых ценностей — свободы и равенства» [Цит. по: Селезнева 2007, 111]. Продолжая развитие этих идей, Ш. Шварц уточнил определение ценностей: «Ценности — это понятия или убеждения, которые относятся к желаемым конечным целям или поступкам, выходят за пределы конкретных ситуаций, управляют выбором или оценкой поведения и событий и упорядочены относительной важностью» [Schwartz 1992, 4]. Исследователь выделил типы ценностей, которые в основе имеют целью удовлетворение трех групп потребностей, существующих во всех человеческих обществах: «потребности индивидов как биологических организмов, потребности в координированном социальном взаимодействии, потребности в благосостоянии групп» [Ibid., 4].

Совершенно иную линию политико-идеологического подхода составляли социологи, политологи и психологи исследовательских групп Г. Триандиса, Г. Хофстеде и Р. Инглхарта. Если М. Рокич и Ш. Шварц занимались исследованием систем ценностей личности, то Г. Триандис, Г. Хофстеде и Р. Инглхарт сопоставляли ценности различных культур; их исследования включали данные, собранные во многих странах, а современные исследования включали выборку почти из сотни стран [Hofstede et al. 2010]. В своей работе Г. Триандис показывает влияние контекстуальной коммуникации на склонность к коллективизму, тогда как представители культур с выраженной индивидуалистической направленностью менее подвержены влиянию контекста [Triandis 1995]. На основании дихотомии коллективизм — индивидуализм Г. Триандис сравнивает ценностные ориентации разных культур, используя обширную базу исследований своих коллег. В частности, он связывает ценность действия с индивидуалистической направленностью культуры

на примере культуры США 1970-х гг.) в противовес ценности существования (переживания бытия) у культур с коллективистской доминантой (на примере культуры Мексики того же времени) или связывает патриотизм как ценность и общую гомогенность культуры с коллективизмом (на примере культуры Китая) [Триандис 2007]. Несмотря на то, что Г.Триандис был одним из первых, кто разработал свою методологию поликультурных исследований, тем самым сделал кросс-культурную психологию отдельной дисциплиной на стыке психологии и социологии, он не смог предложить свою типологию культур.

С этой задачей справился Г.Хофстеде, который смог разработать теорию, позволяющую объяснить различия культур и представить их типологию. В основе типологии культур Г.Хофстеде лежит 6 универсальных параметров (изначально ученый выявил первые четыре из списка [Hofstede 1980], но с увеличением накопленных результатов через 11 лет добавил еще один [Hofstede 1991], и еще через 20 лет — другой [Hofstede 2011]): индексы дистанции власти, индивидуализма, мужественности, избегания неопределенностей, долгосрочной ориентации и допущения. Типология Г.Хофстеде и сегодня имеет большое практическое значение в области международного маркетинга, так как позволяет «войти в культурный контекст» и приспособить конечный продукт под потребности и ценности среднестатистического представителя исследуемой культуры.

Нельзя не сказать также об исследованиях Р.Инглхарта — разработчика социологической теории постматериализма, автора термина «тихая революция», гипотезы «ценностной значимости недостающего» и диаграммы ценностей, известной как диаграмма Инглхарта. В своей работе Р.Инглхарт показывает ценностный сдвиг между поколениями в развитых индустриальных обществах, который является частью гораздо более глобального и всеобъемлющего процесса культурных трансформаций, приводящего к плавным метаморфозам политической, экономической и социальной жизни в различных обществах [Inglehart 1977]. Предположение Р.Инглхарта заключалось в том, что процесс индустриализации приводит к вполне определенным и связанным между собой (системным) изменениям, таким как мобилизация масс или нивелирование различий гендерных ролей. Эти изменения приводили к трансформациям в мировоззрении, которые сами приводили к метаморфозам в экономической и политической среде исследуемой культуры. Но эти изменения, по его мнению, должны происходить с временным лагом (не революционно, а эволюционно, постепенно) между поколениями. Подобный ценностный сдвиг происходит тогда, когда увеличивается социальная роль нового поколения, чье воспитание происходило в других условиях. Следовательно, это поколение является носителем несколько иной системы ценностей, чем предыдущее, воспитанное в условиях более ранней индустриализации. Так, последовательно, без «рывков» и «разрывов» происходит смена системы ценностей внутри одного культурно-исторического субъекта. Несмотря на это, Р.Инглхарт признает факт воспроизводства культуры, следовательно, не отрицает влияния преемственности на формирование системы ценностей у следующих поколений: «Исторические факторы сохраняют значение, и преобладающие в обществе ценностные ориентации являются продуктом взаимодействия движущих сил модернизации и сдерживающего влияния традиций» [Инглхарт, Вельцель 2011, 16].

Модель исследования

Используя наработки описанных выше авторов, для данного исследования мы разработали иную концептуальную модель в силу того, что ценности вычленились не из прямых вопросов, а из сюжетов — коротких историй, содержащих в себе ситуацию-вызов, решение которой возможно в нескольких сценариях. Выбор той или иной стратегии решения-действия зависел от ценностей и морально-этических рамок респондентов. Все сюжеты были разделены условно на 4 группы: затрагивающие вопросы культуры, этики, социальной коммуникации и природы. Каждый сюжет содержал в себе открытый вопрос (требование предложить ответное на внешние вызовы действие), затрагивающий ту или иную часть социальной практики, имеющую историческую или художественную подоплеку. Ответ на вопрос являлся позицией с аргументацией, дешифровка ответа позволяла выявить ценностные основания ответа. Всего было разработано 20 сюжетов, по 5 на каждую группу. Основные категории и проблемы, заложенные в сюжеты представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Основные категории и проблемы, выбранные для исследования³

Сфера культуры	Сфера социальных коммуникаций	Сфера природы	Сфера этики
массовость или элитарность	толерантность или нетерпимость	бессмертие или возможность умирать	возможно ли лишение жизни из милосердия (эвтаназия)
главная ценность	коллективизм или индивидуализм	конкуренция или кооперация	возможно ли лишение жизни во благо (аборт)
сциентизм или антисциентизм	нативизм или эмпиризм	вегетарианство или мясоедство	возможно ли лишение жизни из справедливости (смертная казнь)
гедонизм или аскетизм	отношение к «другому» и «чужому»	изменение природы или изменение человека	оправдание средств целью
фатализм или волюнтаризм	справедливость или совесть или долг	идеализм или материализм	равенство или неравенство

Были использованы также инструменты социологии. В период с февраля по май 2021 г. было проведено 12 фокус-групп, состоящих из школьников и студентов (возрастом от 16 до 25 лет) из нескольких городов России (Москва, Челябинск, Омск, Иркутск, Чита, Владивосток). Для проведения фокус-групп была использована концептуальная модель, описанная выше, алгоритм которой выглядел таким образом:

- респонденты делились на 4 группы с определенными предзаданными идеологическими установками: консервативными, либеральными, социалистическими и инвайронменталистскими (эколого-ориентированными);
- у респондентов были справочные материалы, опираясь на которые, нужно было не выходить за рамки своей идеологической установки;
- респондентам предлагалось предложить решение кейса-сюжета, в основании которого лежала морально-этическая дилемма или ценностные вопросы, которые требовали принятия определенного решения, следующего за ситуацией действия в рамках предложенного сюжета;
- респонденты после озвучивания своих предложений и обсуждения принимали из получившегося спектра наиболее подходящее для большинства решение кейса.

³ Составлено автором.

Результаты

По результатам расшифровки полученных ответов была сформирована таблица ценностей и морально-этических установок (Таблица 2), которая, на наш взгляд, может отражать особенности культурного кода российской молодежи.

Таблица 2. Результаты проведенного исследования⁴

Сфера культуры	Сфера социальных коммуникаций	Сфера природы	Сфера этики
элитарность культуры	нетерпимость	возможность умирать	невозможно лишение жизни из милосердия (эвтаназия)
духовное развитие	коллективизм	кооперация	возможно лишение жизни во благо (аборт)
антисциентизм	нативизм	мясоедство	возможно лишение жизни из справедливости (смертная казнь)
аскетизм	конфедерализм	изменение природы	цель оправдывает средства
фатализм	справедливость, или совесть, или долг	идеализм	неравенство

Обсуждение результатов

Результаты исследования позволяют сделать выводы о ценностных и моральных ориентациях современной российской молодежи.

Сюжеты, посвященные взаимодействию с представителями различных культур, а также сюжеты, где эти культуры находились в экономической, политической или иной зависимости от других культур или в роли рецессивной культуры были в конфликте с доминантной, в подавляющем большинстве (83%) решались одинаково: решением было установление «конфедеративных правил», то есть всем культурам предлагалась определенная автономия, отмечалась важность сохранения культурных особенностей, но фундаментальные основания — политические, экономические, в некоторых случаях религиозные и иные духовные — должны быть доминантной культуры. «Вопрос языка» решался в пользу титульной культуры во всех случаях выбора «конфедеративных правил». Этот результат можно интерпретировать как стремление к кооперации, но не на равных основаниях. Логика отвечающих согласовывалась с такими морально-этическими установками, как «кто сильнее, тот и главный», «мы ответственны за тех, кого приручили». Лишь 17% респондентов выбрали установку на суверенитет и паритет, то есть равенство культур независимо от их стадии развития, иерархии, доминантности и т.д.

Отвечая на вопрос о том, какой характер должна носить культура: элитарный или массовый, респонденты чаще всего выбирали первый вариант (67%). Аргументацию выбора решения можно свести к тезисам: разные общественные группы обладают различным духовным потенциалом, массовый характер культуры стремится усреднить, уравнивать группы, что обычно связано с искусственным и низкокачественным результатом. Однако 33% интервьюируемых выступали как раз за такое усреднение.

⁴ Составлено автором.

Говоря о сюжете «конкуренция или кооперация», можно отметить, что коллективизм и дружелюбие по отношению к другому, особенно слабому, являются мотивами к кооперации. Кооперативный характер решения ситуаций, где можно было выбрать альтернативой конкуренцию, был основным для 83% фокус-групп. При этом почти всегда негативной характеристикой конкуренции отмечалось снижение культурного разнообразия.

Сюжеты, посвященные развитию техники, доминированию науки над другими сферами и новым открытиям, выявили антисциентические ориентации в 58% фокус-групп. Антисциентизм был мотивирован страхом уничтожения человечества, недоверием к морали ученых, нежеланием оказаться испытуемым в научном эксперименте. Техника и наука для интервьюируемых повышали уровень риска и в целом вселяли ощущение небезопасности. Тем не менее в 42% фокус-групп развитие науки и техники было принято в позитивном ключе, и как раз обеспечение безопасности было основной мотивацией при выборе сциентизма. Сюжеты, связанные с выбором «наука, или творчество, или вера», решались в пользу творчества (75%) и науки (25%). Вера упоминалась респондентами на первичном этапе работы группами, но как общим императивом участники фокус-групп ее не делали. При этом вера упоминалась в связке с духовным, самодисциплинирующим и ограничивающим контекстом, а наука — с прогрессом и безопасностью.

Сюжеты выбора «аскетизм или гедонизм» стали самыми противоречивыми. Аскетизм и гедонизм были доминирующими в 50% фокус-групп каждый. Но стоит сказать, что гедонизм зачастую трактовался участниками априори как нечто, имеющее негативные коннотации, иногда даже как что-то девиантное. При этом артикулируемые установки идентифицировали как гедонистические. Основной мотивацией выбора аскетизма было то, что гедонизм противопоставлялся духовному развитию. Возможно, такое отношение к гедонизму связано с советским прошлым и воспроизводством тех ценностей, и если это действительно так, то установка на гедонизм в дальнейшем может стать доминирующей.

Отвечая на сюжеты, связанные с главной ценностью человека, респонденты предлагали множество различных ответов. Методология исследования не подразумевает учет всех предложенных вариантов, а предлагает рассмотреть конвенционально выбранные путем голосования большинством респондентов в фокус-группе. И такой стала ценность духовного развития (58% фокус-групп). Кроме духовного развития, были выбраны ценности справедливости (17%), творчества (8%), безопасности будущего (8%) и свободы (8%).

Вопросы, связанные с терпимостью к таким социальным явлениям, как нетрадиционная семья, чайлдфри и небинарная гендерная идентификация, во всех случаях решались в пользу нетерпимости или нетолерантного отношения к подобному. Но если рассматривать этап работы группами, до общего решения, то были группы, в которых толерантное отношение доминировало. Нетерпимость проявлялась в предложениях правового ограничения лиц или групп лиц, которые относили себя к нетрадиционным по отношению к семье и полу. Вероятно, это результат присутствия императива на неравенство.

Сюжеты, связанные с выбором «индивидуализма или коллективизма» как модели общего поведения, дали такой результат: коллективизм — 67%, индивидуализм — 33%. Установка на коллективизм проявлялась чаще и в сюжетах, не связанных конкретно с этой дилеммой.

Ситуации, в которых респондентам предлагалось выбрать решение проблемы по справедливости, по совести или как велит долг, решались в пользу справедливости (58%), совести (25%), а затем долга (17%). Но прежде стоит объяснить, что понималось под этими концептами. Ядром справедливости являлись такие значения, как правда, правильность, по заслугам. Справедливость зачастую противопоставлялась долгу, ядром которого являлись

такие значения, как законность, обязанность, ответственность. Совесть состояла из таких значений, как честность и порядочность. Совесть также зачастую противопоставлялась долгу в силу того, что долгу приписывались манипулятивные характеристики, которые делали долг нечестным. Кроме того, было противопоставление справедливости и совести, которое было связано с бенефициаром ответного действия. Группы, апеллирующие к совести, делали бенефициаром себя, поступая так, чтобы сохранить честь перед самим собой, в то время как группы, апеллирующие к справедливости, делали бенефициаром того, кто являлся объектом для действия, чтобы воздать по заслугам. Превалирование справедливости и совести над долгом демонстрирует главенство морального сознания над правовым.

Заключение

Концептуальная модель исследования оказалась эффективной при проведении исследования по причине того, что полученные результаты согласуются с результатами других исследователей ценностей и морально-этических установок современной российской молодежи, но дополняют уже имеющиеся данные.

Анализ ответов на сюжеты сферы культуры и сферы социальных коммуникаций позволяет выделить культурный код представителей современной отечественной молодежи, в основе которого находится ценностное и нравственное ядро. В это ядро входят такие категории, как справедливость, коллективизм, мир, безопасность, духовное развитие и неравенство.

При этом справедливость понимается неоднозначно в разных ситуациях, что отмечают в своих работах и другие исследователи [Новая политическая этика российской молодежи 2021]. Но интуитивно каждая группа трактовала неравенство как один из атрибутов справедливости, будь то вопросы, связанные с сохранением чужой культуры или с применением правовых норм, всегда респонденты пренебрегали принципом равенства возможностей, условий, распределения результатов. Как следствие, для молодежи правда стоит выше права в иерархии ценностей, а моральное право — выше юридического.

Можно отметить доминирование духовного развития над материальными условиями существования, что, вероятно, говорит о превалировании у отечественной молодежи постматериалистических ценностей, что также отмечается некоторыми коллегами [Андреюк и др. 2020; Рязанцев и др. 2021; Щекотуров 2021]. Но однозначно сказать, что современная российская молодежь является постматериалистическим поколением нельзя, так как одной из важных ценностей для нее все еще остается безопасность, а не комфорт. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что современное молодежное поколение является переходным от материалистического к постматериалистическому.

Коллективизм, традиционно свойственный отечественной культуре, продолжает оставаться важной морально-нравственной установкой и у современной молодежи. Молодежь дружелюбна к «другим», готова к кооперации, но при ряде условий: если «другие» не являются девиантными в контексте ценностей молодежи и если кооперация будет на справедливых на ее взгляд основаниях.

Список литературы:

Андреюк Д.С., Петрунин Ю.Ю., Храбровская В.Д. Метод кластеризации групп молодежи на основании ценностных смыслов в отношении профессионального развития и жизни в целом // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 221–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10117](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10117)

- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Дюркгейм Э. Ценности и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
- Инглхарт Р, Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
- Новая политическая этика российской молодежи / под ред. А.В. Селезневой. М.: Аквилон, 2021.
- Петрунин Ю.Ю., Андреюк Д.С. Программы поведения как основа управления современными экономическими системами // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2008. № 3. С. 38–53.
- Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 97–109. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109)
- Селезнева А.В. Основные подходы к исследованию политических ценностей // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 3. С. 110–117.
- Селезнева А.В. Ценностные основания политических идеологий: Политикопсихологический анализ // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 365–384.
- Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М.: ФОРУМ, 2007.
- Шюц А. Символ, реальность и общество // Вестник культурологии. 2003. № 1. С. 25–86.
- Щекотуров А.В. Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 570–583. DOI: [10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583)
- Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. London; Beverly Hills: Sage Publications, 1980.
- Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London; New York: McGraw-Hill, 1991.
- Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2. Is. 1. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill USA, 2010.
- Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.
- Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Triandis H.C. Cross-Cultural Studies of Individualism and Collectivism // Nebraska Symposium on Motivation / ed. by J. Berman. Lincoln: University of Nebraska Press. 1995. P. 41–133.

References:

- Andreyuk D.S., Petrunin Yu.Yu., Khrabrovskaya V.D. (2020) Youth Groups Clustering Method Based on the Meanings of Value in Relation to Professional Development and Life in General. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. № 83. P. 221–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10117](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10117)
- Durkheim E. (1991) Jugements de valeur et jugements de réalité. Sotsiologicheskiye issledovaniya. № 2. P. 106–114.
- Hofstede G. (1980) Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. London; Beverly Hills: Sage Publications.
- Hofstede G. (1991) Cultures and Organizations: Software of the Mind. London; New York: McGraw-Hill.
- Hofstede G. (2011) Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 2. Is. 1. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill USA.
- Inglehart R. (1977) The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R. (1997) Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
- Lotman Yu.M. (2000) Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petresburg: Iskusstvo-SPB.
- Petrunin Yu.Yu., Andreyuk D.S. (2008) Behavior Programs as the Basis for Managing Modern Economic Systems. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo). № 3. P. 38–53.
- Rokeach M. (1973) The Nature of Human Values. New York: Free Press.
- Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Bogdan I.V. (2021) The Student Youth's Universal Values and the Russian Society Development. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. Vol. 21. № 1. P. 97–109. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109)
- Schutz A. (2003) Symbol, Reality and Society. Vestnik kul'turologii. № 1. P. 25–86.
- Schwartz S.H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values. Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 25. P. 1–65. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Selezneva A.V. (2007) Osnovnyye podkhody k issledovaniyu politicheskikh tsennostey [Basic approaches to the study of political values]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. № 3. P. 110–117.
- Selezneva A.V. (2017) Value Foundations of Political Ideologies: Political-Psychological Analysis. Politicheskaya nauka. Special Issue. P. 365–384.
- Selezneva A.V. (ed.) (2021) Novaya politicheskaya etika rossiyskoy molodezhi [New political ethics of Russian youth]. Moscow: Akvilon.
- Shchekoturov A.V. (2021) Political Trust and Values of Loyal and Oppositional Youth in the Exclave Region of Russia. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. Vol. 23. № 4. P. 570–583. DOI: [10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583)
- Triandis H.C. (1995) Cross-Cultural Studies of Individualism and Collectivism. In: Berman J. (ed.) Nebraska Symposium on Motivation. Lincoln: University of Nebraska Press. P. 41–133.

Triandis H.C. (2007) Culture and Social Behavior. Moscow: FORUM.

Weber M. (2016) Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Дата поступления/Received: 12.01.2022

Социология управления
Management sociology

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-173-192

Общественные потери от пандемии коронавируса
через призму стоимости человеческой жизни

Зубова Екатерина Андреевна

Аспирант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ; Fox Fellow (2021–2022), Yale University, New Haven, USA.

E-mail: ekaterina.zubova@yale.edu

SPIN-код РИНЦ: 4096-9785

ORCID ID: [0000-0003-3589-4772](https://orcid.org/0000-0003-3589-4772)

Аннотация

Исследование посвящено оценке общественных потерь от смертности по причине заболевания коронавирусной инфекцией (COVID-19) в 2020 г. с использованием показателя стоимости человеческой жизни. По данным официальной статистики, больше всего смертельных случаев из-за коронавируса наблюдается среди людей в старших возрастах. Так как в современной научной литературе отсутствует консенсус относительно того, нужно ли для целей анализа выгод и затрат корректировать оценки стоимости жизни с учетом возраста, для сравнения приведены как скорректированные, так и не скорректированные оценки. В статье представлены три подхода к определению общественных потерь: с использованием среднего значения стоимости жизни для всего населения, с применением понижающего коэффициента (senior discount) для старших возрастов и с учетом дифференцированных по возрасту оценок стоимости жизни, зависящих от ожидаемой продолжительности жизни в каждом возрасте. По результатам расчетов общественный ущерб от смертности из-за COVID-19 в 2020 г. составил 41,721, 32,956–34,522 и 15,5 трлн рублей при использовании каждого из этих подходов соответственно. Все эти значения существенно выше чисто экономического ущерба, который, по оценке Роспотребнадзора, составил чуть менее 1 трлн рублей. Данный пример демонстрирует потенциал использования показателя стоимости жизни для анализа изменений общественного благосостояния и наглядно иллюстрирует, как недоучет таких изменений искажает общие оценки ущерба. Результаты работы могут быть использованы в практике государственного управления и в научных целях для комплексного анализа последствий пандемии коронавируса для российского общества.

Ключевые слова

Стоимость жизни, причины смерти, пандемия коронавируса (COVID-19), общественные потери, экономические последствия пандемии.

**Societal Cost of Coronavirus Disease (COVID-19) Mortality Using
Value of Statistical Life**

Ekaterina A. Zubova

PhD student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Fox Fellow (2021–2022), Yale University, New Haven, USA.

E-mail: ekaterina.zubova@yale.edu

ORCID ID: [0000-0003-3589-4772](https://orcid.org/0000-0003-3589-4772)

Abstract

The study is devoted to estimating the societal cost of coronavirus disease (COVID-19) mortality in 2020 using the value of statistical life. According to official statistics, most deaths due to coronavirus are observed among older people. Since there is no consensus in the current scientific literature on whether value of life estimates need to be age-adjusted for purposes of cost-benefit analysis, both age-adjusted and age-invariant estimates are provided for comparison. The article presents three approaches to determining societal costs of the pandemic: using the average value of statistical life for the entire population, using a decreasing coefficient (senior discount) for older ages, and considering age-adjusted estimates of the value of statistical life, depending on life expectancy within age cohorts. According to the calculation results, the social damage from mortality due to COVID-19 in 2020 amounted to 41,721, 32,956–34,522, and 15,5 trillion rubles using the approaches mentioned above, respectively. All these values are significantly higher than the economic damage, amounting to just under 1 trillion rubles, according to Rosпотребнадзор. This example demonstrates the potential of using the value of statistical life estimates to analyze changes in social welfare and clearly illustrates how underestimating such changes distort overall damage estimates. The research results can be used in public administration and for scientific purposes for a comprehensive analysis of the coronavirus pandemic consequences for Russian society.

Keywords

Value of statistical life, causes of death, coronavirus (COVID-19) pandemic, societal costs, economic impact of the pandemic.

Введение

Пандемия коронавируса стала беспрецедентным глобальным вызовом не только для систем здравоохранения, но и для большинства сфер жизни мирового сообщества. Распространение коронавируса и связанные с ним эпидемиологические ограничения существенно изменили привычный образ жизни населения и практику ведения бизнеса. Хотя люди и предприятия уже частично адаптировались и продолжают адаптироваться к новой реальности, сложно отрицать, что события пандемии повлекли за собой серьезные негативные последствия во многих областях жизни. В силу того, что моральные и психологические издержки едва ли поддаются измерению, на данный момент мы можем оценить только некоторые потери, понесенные обществом в связи с пандемией.

Принципиальное отличие экономического кризиса, вызванного пандемией, от предшествующих экономических кризисов заключается в том, что ущерб для общества в первую очередь касается жизни и здоровья людей. Безусловно, данные события сопровождалась и чисто экономическими потерями, однако без учета утраченных человеческих жизней, как будет показано далее, сумма ущерба существенно занижена. Поэтому в данном исследовании имеющиеся оценки экономических потерь дополняются оценками потерь общественных, связанных со смертностью населения из-за распространения новой болезни. Хотя экономические потери также должны включать ущерб от смертности в связи со снижением трудового потенциала¹, общественные потери представляют собой более широкое понятие, учитывающее субъективную ценность собственной жизни со стороны людей.

Целью исследования является оценка потерь от смертности по причине заболеваемости коронавирусом в России. Основная идея заключается в использовании в расчетах показателя стоимости жизни, что позволяет оценить не просто объем недопроизведенного ВВП, но именно потери общества, отражающие предпочтения людей с точки зрения восприятия ими ценности собственной жизни.

Хотя использование показателей стоимости жизни давно применяется в практике государственного управления во многих развитых странах [Aldy, Viscusi 2007; Aldy et al. 2021; Banzhaf 2021], в период пандемии оно приобрело еще большее распространение, так как это событие, с одной стороны, непосредственно связано с жизнями и здоровьем населения, а с другой стороны, требует введения определенных мер государственного регулирования [Robinson et al. 2021]. Так, например, политика локдауна может способствовать снижению роста заболеваемости и смертности, но в то же время сопровождаться замедлением экономического роста. В такой ситуации люди, принимающие государственные решения, явно или неявно, но неизбежно сталкиваются с необходимостью оценки человеческой жизни для сопоставления выгод и затрат от выбранной политики эпидемиологических ограничений.

Концептуально данное исследование строится на двух основных постулатах анализа выгод и затрат для целей государственной политики [Robinsin et al. 2021]. Первый из них предполагает, что каждый человек обладает наиболее полным и точным представлением о своем собственном благосостоянии, из чего следует, что оценки стоимости жизни, полученные на основании выявленных предпочтений, наиболее релевантны для определения общественных потерь. В соответствии со вторым постулатом общее изменение общественного благосостояния может быть рассчитано как сумма изменений благосостояния отдельных индивидов, что позволяет нам рассматривать общие общественные потери от смертности из-за пандемии как сумму стоимости утраченных человеческих жизней вследствие заболевания коронавирусом.

¹ Официальных данных по этому показателю в настоящий момент в открытом доступе нет.

По данным Роспотребнадзора, экономические потери от коронавируса в России даже по минимальной оценке составили около 1 трлн рублей². Однако реальные общественные потери, связанные со смертностью в результате заболевания вирусом COVID-19, во много раз превышают это значение. С учетом стоимости жизни, рассчитанной на основании выявленных предпочтений российских работников в отношении выбора между безопасностью для жизни и деньгами, понесенный обществом ущерб из-за избыточной смертности в результате пандемии только за 2020 г., по расчетам автора, составил от 15,5 до 41,721 трлн рублей. Причем эти значения также являются минимальной оценкой, так как в ней не учитываются потери от заболеваемости, а также смертности людей, не попавших в официальную статистику смертельных случаев из-за заболевания коронавирусной инфекцией.

Данная статья организована следующим образом. В первом разделе основной части рассматриваются различные источники общественных и экономических потерь, связанных с пандемией. Во втором разделе кратко описывается методология оценки стоимости жизни и приводятся значения этого показателя для России. В третьем разделе проводится обзор официальных данных по причинам смертности в России. В четвертом разделе обсуждается специфика использования показателя стоимости человеческой жизни для оценки последствий пандемии в России. В пятом разделе приводятся результаты расчетов потерь от смертности населения России вследствие заболеваемости коронавирусом. В заключительном разделе отражены основные выводы и предложены направления дальнейших исследований.

Пандемия коронавируса в России: человеческие и экономические потери

Экономические потери, связанные с событиями пандемии коронавируса, можно разделить на несколько групп. Во-первых, к потерям можно отнести расходы бюджета, направленные непосредственно на борьбу с коронавирусом и на смягчение последствий пандемии, в том числе на поддержку населения и бизнеса. По данным Роспотребнадзора, только за 2020 г. экономический ущерб от коронавируса в России составил более 997,06 млрд рублей в стоимостных показателях. При этом, как отмечает само ведомство, это минимальное значение, тогда как фактические потери еще больше. Приведенная оценка состоит из нескольких частей: 515,95 млрд составляет величина (причем только некоторых) выплат из федерального бюджета на поддержку населения и предприятий, 189,452 млрд — (опять же некоторые) расходы на организацию и оказание медицинской помощи, 183,06 млрд — затраты на лечение в стационаре людей, состояние которых потребовало госпитализации, 108,6 млрд — расходы на тестирование. Как отмечается в докладе ведомства, даже при минимальных оценках потери, связанные с пандемией, в 1,4 раза превысили суммарный ущерб от всех других инфекционных заболеваний³.

Во-вторых, нужно учитывать также потери российских предприятий в части недополученных доходов из-за действия ограничительных мер, в том числе режима нерабочих дней. По данным Росстата, ВВП России в текущих ценах в 2020 г. составил 107 315 млрд рублей, что на 2 293 млрд меньше, чем соответствующий показатель для 2019 г. Очевидно, что сравнение с предыдущим годом в текущих ценах отражает далеко не все потери в ВВП от пандемии, так как для их расчета необходимо было бы учесть также разницу между возможным ВВП в ситуации «без пандемии» и фактическим значением. Кроме того, и эти оценки были бы сильно искажены в результате действия других факторов, влияющих на ВВП, но не связанных с коронавирусом,

² О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021. С. 125.

³ Там же.

например изменений цены на нефть. К тому же такие оценки не очищены от пересечений с двумя другими группами потерь, так как в ВВП учитываются и расходы из первого пункта, и недополученные доходы в связи с выбытием населения (следующий пункт). Получение более точных оценок потерь такого рода, безусловно, должно служить направлением дальнейших исследований, но не является предметом данной статьи.

К третьей группе относятся потери от заболеваемости и смертности населения. На данный момент в России существует официальная методология их оценки, основанная на упущенной выгоде в ВВП из-за выбытия человека из сферы производства⁴. Однако для оценки общественных потерь, связанных с пандемией коронавируса, данная методология имеет ряд существенных недостатков. В первую очередь ее ограниченность связана с тем, что наиболее уязвимыми к смертности от коронавируса являются люди в старших возрастах, но, в соответствии с официальной методологией, в расчет принимаются только люди до 72 лет. Кроме того, данный подход по определению предполагает приравнивание потерь от смертности недопроизведенному продукту, тогда как, с точки зрения общества, стоимость жизни может сильно отличаться. В частности, очевидно, что для родственников пожилого человека и для него самого стоимость его жизни не равна нулю, даже если он не участвует в производстве. Как следствие, из-за возрастной специфики смертности от коронавируса официальная методология оценки экономических потерь существенно занижает фактические потери общества.

Альтернативой такому подходу является широко применяемая в зарубежных странах, в первую очередь в США и Великобритании, методология оценки стоимости человеческой жизни на основании выявленных предпочтений людей в отношении выбора между безопасностью для жизни и деньгами, описанию которой посвящен следующий раздел статьи.

Концепция оценки стоимости жизни

Стоимость жизни определяется как предельная норма замещения между безопасностью для жизни и деньгами [Hammit 2000]. Как следует из определения, эта концепция подразумевает оценку для малых изменений в уровне риска, а не для конкретной жизни в целом [Viscusi 2020]. В отличие от идеи расчета экономического ущерба с учетом недопроизведенного ВВП, показатель стоимости жизни учитывает субъектность людей, а именно их предпочтения, что более точно отражает не просто экономические потери, но потери общественного состояния в целом.

В мировой научной литературе существуют разные подходы к определению стоимости жизни, но наиболее методологически обоснованными на данный момент признаны расчеты на основании выявленных предпочтений работников в отношении готовности соглашаться на риск для жизни за соответствующую компенсацию в заработной плате (см., например, [Viscusi, Masterman 2017; Viscusi 2020; Aldy et al. 2021; Banzhaf 2021]). Целью данного подхода является определение компенсационного дифференциала посредством оценки регрессионного уравнения гедонистической заработной платы, где в качестве переменной интереса выступает риск смертельной травмы на производстве.

В классическом варианте данная модель математически определяется следующим образом [Viscusi 2003]:

$$\ln(w_i) = \beta X_i + \gamma_1 \text{FatalRisk}_i + \gamma_2 \text{NonfatalRisk}_i + \varepsilon_i, \quad (1)$$

⁴ Методология расчета экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения // Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/pril/73/43/77/23983_metodologija.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

где w_i — ставка почасовой заработной платы работника с индексом i , X_i — вектор контрольных переменных, связанных с профессиональными и персональными качествами работника, $FatalRisk_i$ и $NonfatalRisk_i$ — соответственно риск смертельной и несмертельной производственной травмы в зависимости от рода занятий данного работника.

На основании полученных оценок коэффициентов регрессионного уравнения 1 непосредственно стоимость жизни рассчитывается по формуле:

$$\text{Стоимость жизни} = \bar{w} \times \hat{\gamma}_1 \times 100000 \times 2000, \quad (2)$$

где \bar{w} — средняя ставка почасовой заработной платы, $\hat{\gamma}_1$ — оцененный коэффициент при смертельном риске на производстве, 100 000 — количество работников, в расчете на которое берется величина производственного риска, 2000 — количество рабочих часов в календарном году.

Данная методология закреплена на государственном уровне в практике государственного управления США⁵. Полученные таким образом оценки используются в официальных расчетах государственных ведомств, в том числе U.S. Department of Health and Human Services⁶, U.S. Department of Transportation⁷, U.S. Environmental Protection Agency⁸.

Первые и единственные на данный момент оценки стоимости жизни с использованием данного подхода для России были получены в работе [Зубова 2022а] на основании панельного анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ и данных по производственным рискам из официальной статистики Росстата за 2010–2020 гг. В данном исследовании предлагались четыре варианта оценки стоимости жизни в зависимости от используемого метода оценивания регрессии гедонистической заработной платы: сквозная регрессия, межгрупповая оценка, модели с двусторонними эффектами — случайными и фиксированными. Полученные оценки находятся в интервале от 231,7 до 420,6 млн рублей. При этом наиболее обоснованные оценки получаются в моделях с учетом индивидуальных и временных эффектов, так как они позволяют скорректировать результаты на ненаблюдаемые факторы вариации зависимой переменной. Из двух моделей со случайными и фиксированными эффектами выбор базовой оценки для исследования, приведенного в данной статье, совершается в пользу первой, так как она фактически учитывает большее количество наблюдений из-за отсутствия требования к вариации переменной риска в течение времени. В итоге базовая оценка стоимости жизни для дальнейших расчетов принимается на уровне 288 348 870 рублей (в ценах 2020 г.).

Данное значение сопоставимо по величине с официальными оценками стоимости жизни в США, средние значения которых находятся в интервале от 11,4⁹ до 11,6¹⁰ млн долларов (в ценах 2020 г.). По среднему курсу за 2020 г. (1 рубль = 0,0139 USD) это составляет примерно

⁵ Circular A-4 // U.S. Office of Management and Budget [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/omb/circulars_a004_a-4/ (дата обращения: 22.12.2021).

⁶ Guidelines for Regulatory Impact Analysis // ASPE [Электронный ресурс]. URL: <https://aspe.hhs.gov/pdf-report/guidelines-regulatory-impact-analysis> (дата обращения: 22.01.2022); Updating Value per Statistical Life (VSL) Estimates for Inflation and Changes in Real Income // ASPE [Электронный ресурс]. URL: <https://aspe.hhs.gov/sites/default/files/2021-07/hhs-guidelines-appendix-d-vsl-update.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).

⁷ Valuation of a Statistical Life Guidance // United States Department of Transportation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transportation.gov/resources/value-of-a-statistical-life-guidance> (дата обращения: 22.01.2022).

⁸ Valuing Mortality Risk Reductions for Environmental Policy: A White Paper. 2010 // U.S. Environmental Protection Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epa.gov/environmental-economics/valuing-mortality-risk-reductions-environmental-policy-white-paper-2010> (дата обращения: 22.01.2022).

⁹ Updating Value per Statistical Life (VSL) Estimates for Inflation and Changes in Real Income // ASPE [Электронный ресурс]. URL: <https://aspe.hhs.gov/sites/default/files/2021-07/hhs-guidelines-appendix-d-vsl-update.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).

¹⁰ Valuation of a Statistical Life Guidance // United States Department of Transportation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transportation.gov/resources/value-of-a-statistical-life-guidance> (дата обращения: 22.01.2022).

820,1–834,5 млн рублей. При этом, по данным Всемирного банка, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в США и России в 2020 г. составило 63 544 и 28 213 долларов соответственно. Таким образом, соотношение стоимости жизни между США и Россией равно примерно 2,85, соотношение ВВП на душу населения по ППС — 2,25. С учетом того, что стоимость жизни учитывает не только доходы, но и другие характеристики, в том числе величину рисков и структуру населения, данные различия выглядят правдоподобными.

Смертность от коронавируса в России

По оперативным данным на 16 января 2022 г., за весь период пандемии в России от коронавируса умерло 321 320 человек¹¹. Официальные данные Росстата по причинам смерти населения пока доступны только по 2020 г. В соответствии с ними, в 2020 г. по этой причине умерло 144 691 человек. Распределение числа смертельных случаев по возрасту представлено на Рисунке 1.

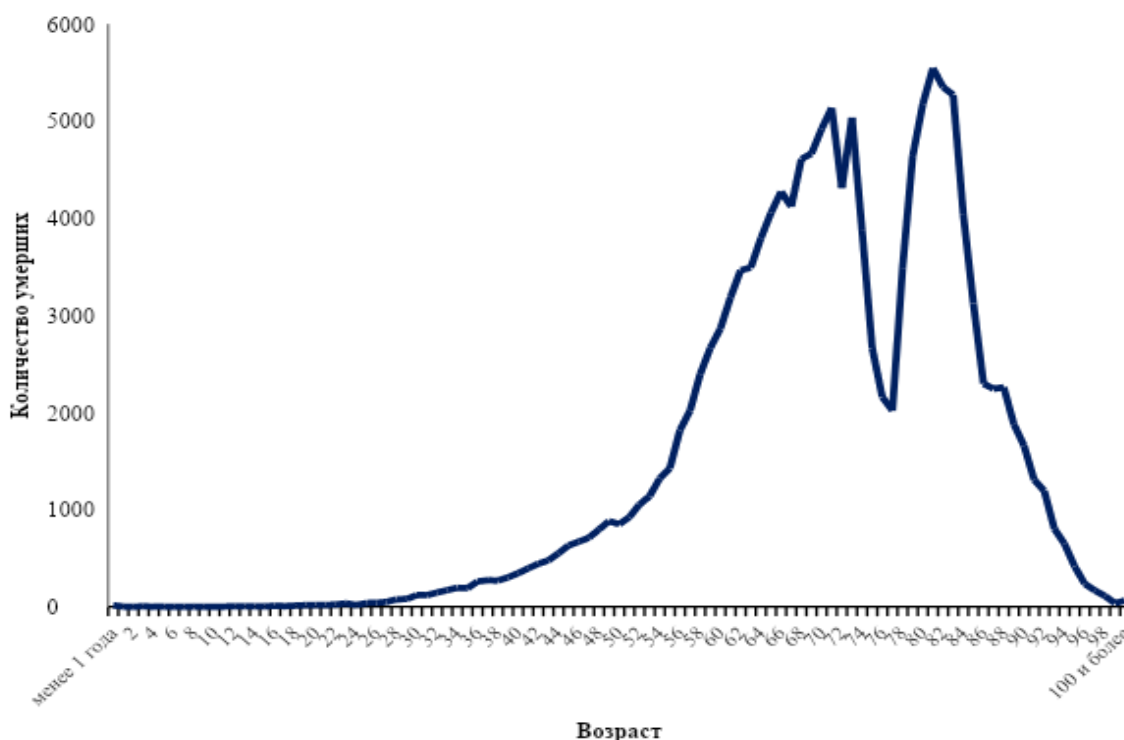

Рисунок 1. Количество умерших по причине заболевания коронавирусной инфекцией (COVID-2019) в 2020 г. в абсолютных значениях¹²

Однако число смертей в абсолютных значениях дает искаженное представление о том, насколько велика опасность коронавируса в зависимости от возраста, так как не учитывает численность населения по возрастам. Чтобы прояснить это момент, на Рисунке 2 представлены возрастные коэффициенты смертности от коронавируса в разрезе возрастной структуры, где риск рассчитывается как число смертей на 10 тысяч человек в каждом возрасте с учетом среднегодовой численности населения в этой группе за 2020 г.

¹¹ Оперативные данные о распространении коронавирусной инфекции // Стопкоронавирус.рф [Электронный ресурс]. URL: <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 16.01.2022).

¹² Составлено автором по данным Росстата о распределении умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти за 2020 год (статистическая форма С51, предоставляется Росстатом по запросу).

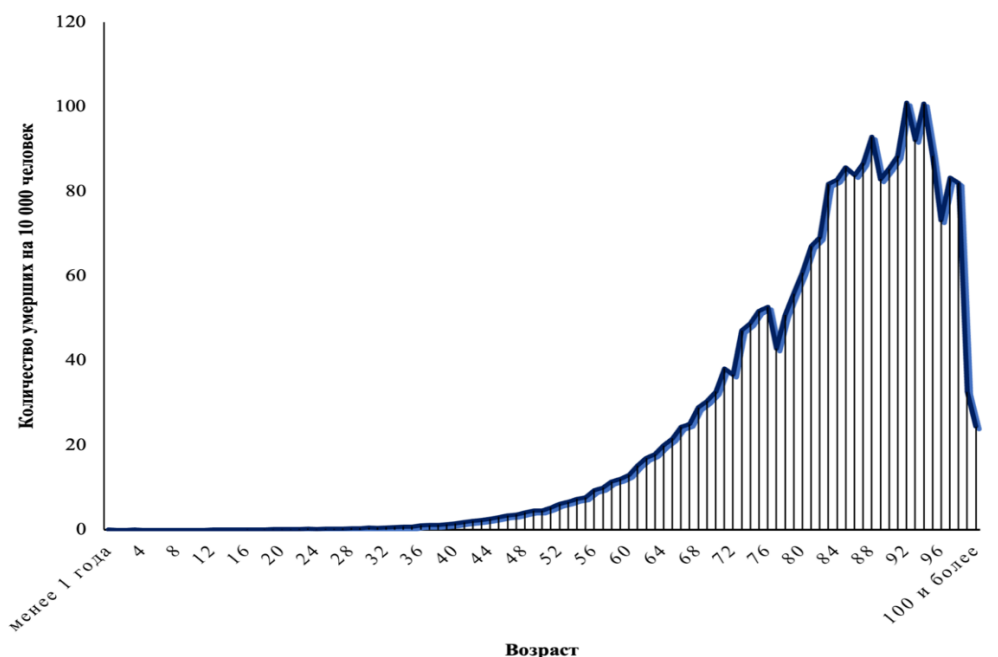

Рисунок 2. Среднее число умерших по причине заболевания коронавирусной инфекцией (COVID-2019) в 2020 г. на 10 000 человек в каждом возрасте¹³

На Рисунке 2 продемонстрировано, что коэффициенты смертности в результате заболевания коронавирусной инфекцией резко увеличиваются в старших возрастах, начиная примерно с 40 лет. Особенно эти риски высоки для людей в возрасте 80 лет и старше: для них они составляют в среднем 85/10000.

Учет смертности от коронавируса осложняется тем, что не всегда смерть происходит непосредственно из-за самого вируса. Возможны следующие варианты развития событий:

- коронавирус являлся основной причиной смерти;
- коронавирус был сопутствующим заболеванием и повлиял на наступление смерти;
- коронавирус был сопутствующим заболеванием, но смерть произошла по другой причине.

Так как в России не группируют смерти по нескольким причинам, указанным в медицинском свидетельстве, официальные данные по смертности от коронавируса могут недоучитывать смерти, связанные с коронавирусом, но зарегистрированные по другой причине. Если эта гипотеза верна, то в 2020 г. можно наблюдать рост смертности и от других причин, помимо коронавируса. В подтверждение этого тезиса на Рисунке 3 приведены данные Росстата по смертности из-за заболеваний пневмонией, в частности вирусной, а также органов дыхания в целом. Сплошными линиями обозначено количество смертей в 2020 г., пунктирными — в 2019.

¹³ Составлено автором по данным Росстата о распределении умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти (статистическая форма С51, предоставляется Росстатом по запросу) и о среднегодовой численности населения за 2020 год.

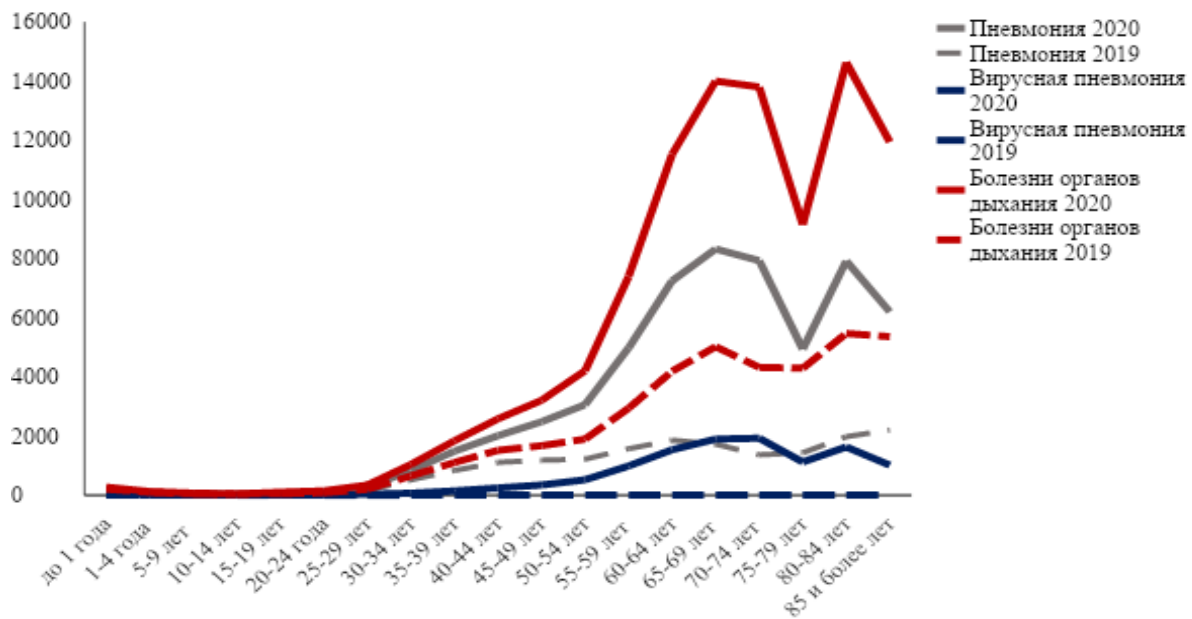

Рисунок 3. Количество смертей, связанных с болезнями органов дыхания, в разрезе возрастных групп (2019-2020)¹⁴

Как видно по Рисунку 3, количество смертей от всех трех групп причин действительно существенно увеличилось, особенно в старших возрастах (сплошные линии расположены выше пунктирных). Так, например, общее количество смертей из-за болезней органов дыхания увеличилось почти в 2,5 раза, из-за пневмонии — более чем в 3,3 раза, из-за вирусной пневмонии — в 165 раз.

Не исключено, что и в других причинах в 2020 г. мы также могли бы наблюдать рост числа смертей, объяснением которому может быть пандемия, однако однозначно установить причинно-следственную связь в данном случае не представляется возможным. В связи с этим в дальнейших расчетах будут использоваться только официальные данные по смертности из-за заболевания коронавирусом, но с большой вероятностью реальный ущерб еще выше из-за недоучтенных в этом исследовании смертей по другим причинам.

Специфика использования показателя стоимости жизни для оценки эффектов пандемии

Ключевым спорным вопросом в отношении использования показателя стоимости жизни для оценки последствий пандемии является учет фактора возраста [Viscusi 2020; Robinson 2021]. Как мы убедились выше на данных по России и как показывает статистика по миру в целом, наибольшее количество умерших из-за заболевания коронавирусом наблюдается в старших возрастах. При этом стоимость жизни может также зависеть от возраста, но нельзя сказать точно, как именно.

Так, по результатам ряда исследований зависимость стоимости жизни от возраста имеет вид перевернутой параболы, так что у людей в старших возрастах стоимость жизни ниже, чем у людей в среднем экономически активном возрасте от 35 до 55 лет (см., например, [Aldy, Viscusi 2007; Kniesner, Viscusi 2009]). В основе данной идеи лежит представление о следовании стоимости жизни общему паттерну потребления в течение жизненного цикла [Murphy, Topel 2006]. Вследствие этого оценки ущерба от пандемии, в которых используется средняя стоимость жизни,

¹⁴ Составлено автором по данным Росстата о распределении умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти за 2019 и 2020 годы (статистическая форма С51, предоставляется Росстатом по запросу).

могут быть выше, чем при использовании скорректированных по возрасту значений. Однако, как отмечают другие исследователи, связь стоимости жизни и возраста до сих пор считается неоднозначной, возможно, значимой зависимости совсем нет, поэтому использование средних оценок может быть как и более социально приемлемым, так и более точным [Robinson et al. 2021; Krupnick 2007; Baker et al. 2009].

Одно из первых исследований эффектов пандемии с использованием показателя стоимости жизни было представлено в работе [Viscusi 2020]. Автор приводит подробное обоснование и обсуждает специфику применения данной методологии к анализу потерь от пандемии для глобальной экономики. По расчетам, представленным в указанной работе, на 3 июля 2020 г. в мировом масштабе ущерб от пандемии составил 3,5 трлн долларов. Как отмечает сам автор, эти потери недооценены в части ущерба от заболеваемости, что привело бы к увеличению оценок на 10–40%. Если учитывать стоимость года жизни, которая в США составляет 414 и 496 тысяч долларов для женщин и мужчин соответственно (в ценах 2019 г.), оценки ущерба будут ниже за счет снижения стоимости жизни людей в старших возрастах, однако сам автор исследования склоняется к тому, что лучше использовать одну среднюю оценку для населения в целом.

Другие авторы [Robinson et al. 2021] также отмечают, что оценки потерь от пандемии сильно зависят от используемой методологии расчета стоимости жизни. Для сравнения они приводят значения стоимости жизни для США в 2020 г., полученные в рамках трех подходов. Среднее значение стоимости жизни для всего населения равно 10,63 млн долларов, оценка с использованием постоянной (единой для всего населения) стоимости года жизни — 4,47 млн долларов, оценка при корректировке стоимости жизни в соответствии с U-образной зависимостью данного показателя от возраста — 8,31 млн долларов (в ценах 2019 г.). На основании полученных значений авторы рассчитали общие потери от смертности из-за коронавируса в США за период с начала февраля по конец марта 2020 г., которые получились равными 937,6, 394,8 и 773,4 млрд долларов для каждого из трех подходов соответственно.

Применение различных значений стоимости жизни для разных возрастов также закономерно поднимает вопрос о необходимости учета и других факторов, потенциально способных оказывать влияние на дифференциацию оценок стоимости жизни, в том числе пола, дохода, уровня достигнутого образования и так далее. Так, например, в исследовании [Зубова 2022b] показано, что стоимость жизни в России может варьироваться не только в зависимости от возраста, но и от уровня образования. Могут быть и другие, не исследованные до сих пор факторы, однако введение частных оценок стоимости жизни для различных групп общества существенно усложняет методологию расчетов и идет вразрез с соображениями равенства и социальной справедливости.

Еще одним возможным ограничением использования стоимости жизни в целях оценки последствий пандемии является то, что восприятие риска и готовность людей платить за его снижение могут различаться в зависимости от контекста. Так, в рамках исследований выявленных предпочтений в отношении производственного риска на рынке труда мы можем наблюдать эффект самоотбора, когда в более опасные отрасли идут работать люди с большей склонностью к риску. Итоговая стоимость жизни, применяемая к обществу в целом, зависит от решений, принимаемых такими людьми, так же, как и теми, кто, наоборот, готов выбирать менее оплачиваемую, но более безопасную работу. В результате средние оценки стоимости жизни зависят от распределения степени неприятия риска в обществе. В то же время, когда мы рассматриваем риски смерти в результате заражения коронавирусом, едва ли можно с уверенностью говорить о том, что люди принимают осознанные решения, принимать на себя такой риск или нет. Безусловно, разные люди с разной степенью серьезности восприняли угрозу заражения: кто-то старался максимально

обезопасить себя, четко соблюдая правила социального дистанцирования и ношения масок, тогда как другие эти правила осознанно нарушали. Тем не менее мы не можем сказать точно, насколько различались реальные риски инфицирования между этими категориями и как они повлияли на фактическое распространение инфекции.

Так как риски пандемии коснулись большей части населения, можно предположить, что средняя степень неприятия риска среди этих людей была существенно выше, чем среди работников, выбирающих занятость во вредных и опасных для жизни производствах. В таком случае значения стоимости жизни, представленные в работах по рынку труда, можно рассматривать как нижнюю границу значений стоимости жизни для использования в оценке общественных потерь, связанных с пандемией.

Оценка общественных потерь от смертности в связи с коронавирусом

В данном исследовании с учетом применения показателя стоимости жизни для оценки эффектов пандемии мы рассмотрим несколько альтернативных подходов к оценке общественных потерь от смертности в результате заболевания коронавирусом:

- 1) с использованием среднего (инвариантного по возрасту) значения стоимости жизни;
- 2) с применением понижающего коэффициента (senior discount) для стоимости жизни после определенного возраста;
- 3) с учетом средней стоимости года жизни и ожидаемой продолжительности жизни по возрастам.

Оценка общественных потерь на основании среднего значения стоимости жизни.

Как уже было сказано выше, на основании результатов расчетов из работы [Зубова 2022a] в качестве базового значения была выбрана средняя стоимость жизни, равная 288 348 870 рублей в ценах 2020 г. Число умерших из-за коронавируса, по данным Росстата, в том же году составило 144 691 человек. Таким образом, потери от смертности за 2020 г. составили:

$$288\,348\,870 \times 144\,691 \approx 41,721 \text{ трлн рублей.}$$

Дополнительно можно приблизительно оценить и общие потери за весь период пандемии по настоящий момент. В связи с тем, что данные РМЭЗ за 2021 г. пока не доступны, значения стоимости жизни за 2021 г. также неизвестно. Однако для того, чтобы получить примерное представление об общественных потерях, можно аппроксимировать данный показатель как значение стоимости жизни за 2020 г., скорректированное на величину инфляции¹⁵. По данным Росстата, по итогам 2021 г. инфляция в России составила 8,39%. С поправкой на инфляцию стоимость жизни в 2021 г. будет равна 312 541 340 рублей.

Официальных данных Росстата по смертности от коронавируса на данный момент за 2021 г. тоже нет, но, по оперативным данным, на 16 января 2022 г. за весь период пандемии в России от коронавируса умерло 321 320 человек¹⁶. При этом, как было показано выше, оперативные

¹⁵ Такой же подход применяется для официальных оценок стоимости жизни в США по методологическим руководствам U.S. Department of Health and Human Services и U.S. Environmental Protection Agency.

¹⁶ Оперативные данные о распространении коронавирусной инфекции // Стопкоронавирус.рф [Электронный ресурс]. URL: <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 16.01.2022).

данные могут недоучитывать смертность людей, которые умерли по другим причинам, возможно связанным с заболеванием COVID-19. Тем не менее, опираясь только на официальные данные по смертности от коронавируса, можно посчитать экономические потери¹⁷:

$$288\,348\,870 \times 144\,691 + 312\,541\,340 \times (321\,320 - 144\,691) \approx 96,925 \text{ трлн рублей.}$$

Оценка общественных потерь с применением понижающего коэффициента для людей в старших возрастах (senior discount). Как обсуждалось выше, одним из основных спорных моментов при подобных расчетах является использование единого значения стоимости жизни для всех возрастов. Приведенная в данном исследовании статистика смертности, связанной с заболеванием коронавирусной инфекцией, подтверждает, что смертельные риски для людей в старших возрастах существенно выше. Аргументы в пользу корректировки стоимости жизни с учетом возраста умерших, как правило, как раз апеллируют к тому, что вероятность смерти от коронавируса растет с возрастом, тогда как по результатам исследований в области стоимости жизни она с возрастом может снижаться. Кроме того, с возрастом растет и вероятность смерти в целом, а значит, некоторые люди, умершие из-за коронавируса, умерли бы в любом случае, возможно, в том же году (но из-за других причин) или несколькими годами позже.

Для учета разницы в стоимости жизни по возрастам при оценке эффектов политики 2002 г. в рамках Clear Skies Initiative в США пытались использовать концепцию senior discount, в соответствии с которой стоимость жизни людей в старших возрастах рассчитывается с понижающим коэффициентом. В соответствии с «американским» подходом стоимость жизни людей в возрасте 70 лет и старше оценивалась в 63% от стоимости жизни людей моложе 70, однако этот подход вызвал широкий общественный резонанс и был отвергнут в пользу инвариантного по возрасту значения стоимости жизни [Viscusi 2020; Aldy et al. 2021]. Подобный подход применялся в практике государственного управления в Канаде в 2000 г., но точкой перелома был выбран возраст 65 лет, так что для людей старше стоимость жизни снижалась на 25% [Aldy, Viscusi 2007].

В Таблице 1 в Приложении к данной статье приведены расчеты потерь от коронавируса с применением описанных выше «американского» и «канадского» подходов к российским данным. Суммарные общественные потери по данным расчетам составляют 34,522 и 32,956 трлн рублей соответственно.

Оценка общественных потерь с учетом стоимости года жизни. Как показала попытка имплементации этой идеи в США, использование понижающего коэффициента для старших возрастов идет в разрез с идеями равенства и вызывает недовольство со стороны общества. Альтернативный подход¹⁸, позволяющий учесть зависимость стоимости жизни от возраста без явного объявления понижающего коэффициента, применяется в Великобритании, где вместо показателя стоимости жизни используют стоимость года жизни, так что суммарное значение стоимости жизни по годам естественным образом зависит от возраста [Aldy et al. 2021].

¹⁷ Первое слагаемое предоставляет собой потери за 2020 год, второе – потери за 2021 и начало 2022 с учетом разницы в общем количестве умерших и умерших в 2020 году. Стоимость жизни на начало 2022 года для упрощения приближенных расчетов принимается на уровне 2021 года.

¹⁸ В США этот подход также применялся в качестве одной из возможных опций, однако в Великобритании он получил большее распространение [Aldy, Viscusi 2007; Aldy et al. 2021].

В исследовании [Зубова 2022a] средний возраст по выборке, для которой рассчитывалась стоимость жизни, составил 40,81 лет (медианный возраст — 40 лет). Для расчета стоимости года жизни среднее значение стоимости жизни нужно разделить на ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ) людей в среднем по выборке возрасте, которая, по данным Росстата за 2020 г, для 40 лет составила 34 года. Таким образом, значение года жизни составляет¹⁹:

$$\begin{aligned} \text{Стоимость года жизни} &= \text{средняя стоимость жизни} \div \\ \text{ОПЖ в среднем по выборке возрасте} &= 288\,348\,870 \div 34 = 8\,480\,850 \text{ рублей.} \end{aligned}$$

В соответствии с данным подходом стоимость жизни в каждом возрасте определяется как произведение стоимости одного года и ожидаемой продолжительности жизни в этом возрасте. Чтобы оценить суммарные потери от смертности по причине коронавируса, полученную стоимость жизни, скорректированную по возрасту, нужно умножить на количество смертельных случаев в каждом из возрастов. Таблица 2 с данными и полученными оценками стоимости жизни и потерь смертности от коронавируса в каждом возрасте приведена в Приложении. Расчеты с учетом ожидаемой продолжительности жизни за 2020 г. по данным Росстата проводились по следующей формуле:

$$\begin{aligned} \text{Суммарная стоимость потерь} &= \\ &= \sum_{i=0}^{100} \text{стоимость года жизни} \times \text{ОПЖ в возрасте } i \times \\ &\times \text{количество умерших от COVID – 19 в возрасте } i = 15,5 \text{ трлн рублей.} \end{aligned}$$

При таком подходе к расчету общественных потерь их суммарная стоимость составила 15,5 трлн рублей.

Заключение

В данном исследовании получены оценки общественных потерь от смертности по причине заболеваемости коронавирусом в 2020 г. в соответствии с тремя различными подходами к определению зависимости стоимости жизни от возраста. В рамках первого подхода используется единое среднее значение стоимости жизни для всех возрастов. Второй подход основывается на использовании понижающего фактора к стоимости жизни, начиная с определенного возраста. Третий подход предполагает различия в стоимости жизни с учетом ожидаемой продолжительности жизни в различных возрастах и единой для всех (средней) стоимости года жизни. Результаты расчетов представлены в Таблице 3.

¹⁹ Стоимость года жизни в расчетах по России получилась существенно ниже, чем официальные значения для США. По расчетам, представленным в работе [Viscusi 2020], на основании данных U.S. Department of Health and Human Services (2016) стоимость года с поправкой на качество жизни (QALY) составляет 536 тысяч долларов в ценах 2019 года.

Таблица 3. Оценки общественных потерь от смертности по причине заболевания
коронавирусной инфекцией в 2020 г.²⁰

Используемый подход	Единое (среднее) значение стоимости жизни	Понижающий фактор (25%) для стоимости жизни после 65 лет — «канадский» подход	Понижающий фактор (37%) для стоимости жизни после 70 лет — «американский» подход	Стоимость жизни с учетом стоимости года жизни и ожидаемой продолжительности жизни
Величина общественных потерь, трлн рублей	41,721	34,522	32,956	15,5

Как и в зарубежных исследованиях по данной теме [Viscusi 2020; Robinson et al. 2021], наибольшая оценка потерь получилась при использовании единой стоимости жизни, наименьшая — с учетом дифференциации стоимости жизни по возрасту с учетом стоимости года жизни и ожидаемой продолжительности жизни. Такой результат является интуитивным, так как ожидаемая продолжительность жизни снижается с возрастом, что ведет и к снижению стоимости жизни, учитывающий данный параметр.

В то же время все полученные оценки общественных потерь от пандемии существенно выше официальной оценки экономического ущерба на уровне чуть меньше 1 трлн рублей, по данным Роспотребнадзора²¹. Данный результат также является закономерным с учетом того, что именно смертность в результате коронавируса, как ни парадоксально, и была основной проблемой и поводом для общественного беспокойства в период пандемии, тогда как ограничительные меры и медицинские расходы были лишь ее побочным следствием.

Практический интерес полученных в данной работе результатов определяется, как минимум, необходимостью более точного представления о масштабах ущерба, нанесенного пандемией. Как мы видим, учет только экономических потерь эти масштабы существенно недооценивает, поэтому включение в анализ оценок общественного ущерба от смертности принципиально важно для определения изменения общественного благосостояния.

Помимо непосредственно оценок ущерба от пандемии, данное исследование представляет собой пример использования показателя стоимости жизни для анализа изменения общественного благосостояния. Как было показано выше, данная методология имеет широкое применение в развитых странах и несет значительный потенциал для использования в практике государственного управления в России.

Так как на момент написания статьи пандемия еще не закончилась и не все данные были доступны, более точные оценки эффектов пандемии остаются направлением дальнейших исследований. Особый интерес в этом ключе представляют уточнение оценок экономического ущерба и их сопоставление с общественным ущербом в целом.

Список литературы:

Зубова Е.А. Стоимость жизни в России: оценка на панельных микроданных за 2010–2020 гг. // Прикладная эконометрика. 2022а. № 1 (65). С. 45–64.

Зубова Е.А. Растет ли стоимость жизни человека в России с возрастом и повышением уровня образования? // Population and Economics. 2022b. № 6 (1). С. 62–79. DOI: [10.3897/popcon.5.e79796](https://doi.org/10.3897/popcon.5.e79796)

²⁰ Составлено автором.

²¹ О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021. С. 125.

- Aldy J., Atkinson G., Kotchen M.J. Environmental Benefit-Cost Analysis: A Comparative Analysis Between the United States and the United Kingdom // *Annual Review of Resource Economics*. 2021. Vol. 13. P. 267–288. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-040821-045913>
- Aldy J.E., Viscusi W.K. Age Differences in the Value of Statistical Life: Revealed Preference Evidence // *Review of Environmental Economics and Policy*. 2007. Vol. 1. Is. 2. P. 241–260.
- Baker R., Chilton S., Jones-Lee M., Metcalf H. Valuing Lives Equally in a Benefit-Coast Analysis of Safety Projects: A Method to Reconcile Theory and Practice // *Safety Science*. 2009. Vol. 47. Is. 6. P. 813–816. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2008.10.009>
- Banzhaf H.S. The Value of Statistical Life: A Meta-Analysis of Meta-Analyses // *National Bureau of Economic Research Working Paper Series*. 2021. № 29185. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w29185/w29185.pdf
- Hammit J. Valuing Mortality Risk: Theory and Practice // *Environmental Science and Technology*. 2000. Vol. 34. Is. 8. P. 1396–1400. DOI: <https://doi.org/10.1021/es990733n>
- Krupnick A. Mortality-Risk Valuation and Age: Stated Preference Evidence // *Review of Environmental Economics and Policy*. 2007. Vol. 1. Is. 2. P. 261–282.
- Murphy K.M., Topel R.H. The Value of Health and Longevity // *Journal of Political Economy*. 2006. Vol. 114. Is. 5. P. 871–904.
- Robinson L.A., Sullivan R., Shogren J.F. Do the Benefits of COVID-19 Policies Exceed the Costs? Exploring Uncertainties in the Age-VSL Relationship // *Risk Analysis: An Official Publication of the Society for Risk Analysis*. 2021. Vol. 41. Is. 5. P. 761–770. DOI: <https://doi.org/10.1111/risa.13561>
- Viscusi W.K. Pricing the Global Health Risks of the COVID-19 Pandemic // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2020. Vol. 61. P. 101–128. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11166-020-09337-2>
- Viscusi W.K. The Value of Life: Estimates with Risks by Occupation and Industry // *Economic Inquiry, Western Economic Association International*. 2004. Vol. 42. Is. 1. P. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.1093/ei/cbh042>
- Viscusi W.K., Masterman C. Income Elasticities and Global Values of a Statistical Life // *Journal of Benefit-Cost Analysis*. 2017. Vol. 8. Is. 2. P. 226–250. DOI: <https://doi.org/10.1017/bca.2017.12>

References:

- Aldy J.E., Viscusi W.K. (2007) Age Differences in the Value of Statistical Life: Revealed Preference Evidence. *Review of Environmental Economics and Policy*. Vol. 1. Is. 2. P. 241–260.
- Aldy J., Atkinson G., Kotchen M.J. (2021) Environmental Benefit-Cost Analysis: A Comparative Analysis Between the United States and the United Kingdom. *Annual Review of Resource Economics*. Vol. 13. P. 267–288. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-resource-040821-045913>
- Baker R., Chilton S., Jones-Lee M., Metcalf H. (2009) Valuing Lives Equally in a Benefit-Coast Analysis of Safety Projects: A Method to Reconcile Theory and Practice. *Safety Science*. Vol. 47. Is. 6. P. 813–816. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2008.10.009>
- Banzhaf H.S. (2021) The Value of Statistical Life: A Meta-Analysis of Meta-Analyses. *National Bureau of Economic Research Working Paper Series*. № 29185. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w29185/w29185.pdf
- Hammit J. (2000) Valuing Mortality Risk: Theory and Practice. *Environmental Science and Technology*. Vol. 34. Is. 8. P. 1396–1400. DOI: <https://doi.org/10.1021/es990733n>
- Krupnick A. (2007) Mortality-Risk Valuation and Age: Stated Preference Evidence. *Review of Environmental Economics and Policy*. Vol. 1. Is. 2. P. 261–282.

Murphy K.M., Topel R.H. (2006) The Value of Health and Longevity. *Journal of Political Economy*. Vol. 114. Is. 5. P. 871–904.

Robinson L.A., Sullivan R., Shogren J.F. (2021) Do the Benefits of COVID-19 Policies Exceed the Costs? Exploring Uncertainties in the Age-VSL Relationship. *Risk Analysis: An Official Publication of the Society for Risk Analysis*. Vol. 41. Is. 5. P. 761–770. DOI: <https://doi.org/10.1111/risa.13561>

Viscusi W.K., Masterman C. (2017) Income Elasticities and Global Values of a Statistical Life. *Journal of Benefit-Cost Analysis*. Vol. 8. Is. 2. P. 226–250. DOI: <https://doi.org/10.1017/bca.2017.12>

Viscusi W.K. (2004) The Value of Life: Estimates with Risks by Occupation and Industry. *Economic Inquiry, Western Economic Association International*. Vol. 42. Is. 1. P. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.1093/ei/cbh042>

Viscusi W.K. (2020) Pricing the Global Health Risks of the COVID-19 Pandemic. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 61. P. 101–128. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11166-020-09337-2>

Zubova E.A. (2022a) Value of Statistical Life in Russia: Evidence from Panel Data (2010–2020). *Applied Econometrics*. № 1 (65). P. 45–64.

Zubova E.A. (2022b) Does the value of human life in Russia increase with age and higher levels of education? *Population and Economics*. Vol. 6. Is. 1. P. 62–79. DOI: [10.3897/popecon.5.e79796](https://doi.org/10.3897/popecon.5.e79796)

Дата поступления/Received: 02.02.2022

Приложение:

Таблица 1. Расчеты общественных потерь от смертности по причине заболевания коронавирусом с учетом понижающего фактора для стоимости жизни в старших возрастах²²

Возраст	Количество умерших из-за коронавируса в 2020 году	Стоимость жизни в данном возрасте с учетом понижающего фактора («канадский» подход)	Суммарная стоимость потерянных жизней (в соответствии с «канадским» подходом)	Стоимость жизни в данном возрасте с учетом понижающего фактора («американский» подход)	Суммарная стоимость потерянных жизней (в соответствии с «американским» подходом)
Менее года	16	288348870	4613581920	288348870	4613581920
1	1	288348870	288348870	288348870	288348870
2	2	288348870	576697740	288348870	576697740
3	3	288348870	865046610	288348870	865046610
4	2	288348870	576697740	288348870	576697740
5	2	288348870	576697740	288348870	576697740
6	1	288348870	288348870	288348870	288348870
7	2	288348870	576697740	288348870	576697740
8	0	288348870	0	288348870	0
9	2	288348870	576697740	288348870	576697740
10	1	288348870	288348870	288348870	288348870
11	2	288348870	576697740	288348870	576697740
12	5	288348870	1441744350	288348870	1441744350
13	3	288348870	865046610	288348870	865046610
14	4	288348870	1153395480	288348870	1153395480
15	4	288348870	1153395480	288348870	1153395480
16	10	288348870	2883488700	288348870	2883488700
17	6	288348870	1730093220	288348870	1730093220
18	12	288348870	3460186440	288348870	3460186440
19	17	288348870	4901930790	288348870	4901930790
20	17	288348870	4901930790	288348870	4901930790
21	18	288348870	5190279660	288348870	5190279660
22	23	288348870	6632024010	288348870	6632024010
23	36	288348870	10380559320	288348870	10380559320
24	17	288348870	4901930790	288348870	4901930790
25	38	288348870	10957257060	288348870	10957257060
26	40	288348870	11533954800	288348870	11533954800
27	50	288348870	14417443500	288348870	14417443500
28	77	288348870	22202862990	288348870	22202862990
29	80	288348870	23067909600	288348870	23067909600
30	120	288348870	34601864400	288348870	34601864400

²² Составлено по данным Росстата о распределении умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти за 2020 год. Расчеты автора.

31	119	288348870	34313515530	288348870	34313515530
32	147	288348870	42387283890	288348870	42387283890
33	171	288348870	49307656770	288348870	49307656770
34	196	288348870	56516378520	288348870	56516378520
35	190	288348870	54786285300	288348870	54786285300
36	261	288348870	75259055070	288348870	75259055070
37	273	288348870	78719241510	288348870	78719241510
38	270	288348870	77854194900	288348870	77854194900
39	302	288348870	87081358740	288348870	87081358740
40	345	288348870	99480360150	288348870	99480360150
41	395	288348870	113897803650	288348870	113897803650
42	443	288348870	127738549410	288348870	127738549410
43	477	288348870	137542410990	288348870	137542410990
44	551	288348870	158880227370	288348870	158880227370
45	632	288348870	182236485840	288348870	182236485840
46	670	288348870	193193742900	288348870	193193742900
47	710	288348870	204727697700	288348870	204727697700
48	796	288348870	229525700520	288348870	229525700520
49	882	288348870	254323703340	288348870	254323703340
50	850	288348870	245096539500	288348870	245096539500
51	923	288348870	266146007010	288348870	266146007010
52	1053	288348870	303631360110	288348870	303631360110
53	1139	288348870	328429362930	288348870	328429362930
54	1322	288348870	381197206140	288348870	381197206140
55	1426	288348870	411185488620	288348870	411185488620
56	1818	288348870	524218245660	288348870	524218245660
57	2020	288348870	582464717400	288348870	582464717400
58	2395	288348870	690595543650	288348870	690595543650
59	2665	288348870	768449738550	288348870	768449738550
60	2864	288348870	825831163680	288348870	825831163680
61	3187	288348870	918967848690	288348870	918967848690
62	3464	288348870	998840485680	288348870	998840485680
63	3492	288348870	1006914254040	288348870	1006914254040
64	3795	288348870	1094283961650	288348870	1094283961650
65	4057	288348870	1169831365590	288348870	1169831365590
66	4274	216261653	924302302785	288348870	1232403070380
67	4119	216261653	890781746648	288348870	1187708995530
68	4610	216261653	996966218025	288348870	1329288290700
69	4665	216261653	1008860608913	288348870	1345147478550
70	4920	216261653	1064007330300	181659788	893766157452
71	5136	216261653	1110719847240	181659788	933004671682
72	4311	216261653	932303983928	181659788	783135346499
73	5035	216261653	1088877420338	181659788	914657033084
74	3870	216261653	836932595175	181659788	703023379947
75	2664	216261653	576121042260	181659788	483941675498
76	2158	216261653	466692646095	181659788	392021822720

77	2020	216261653	436848538050	181659788	366952771962
78	3491	216261653	754969428878	181659788	634174320257
79	4640	216261653	1003454067600	181659788	842901416784
80	5176	216261653	1119370313340	181659788	940271063206
81	5545	216261653	1199170863113	181659788	1007303525015
82	5350	216261653	1156999840875	181659788	971879866335
83	5271	216261653	1139915170328	181659788	957528743075
84	4045	216261653	874778384363	181659788	734813842865
85	3125	216261653	675817664063	181659788	567686837813
86	2296	216261653	496536754140	181659788	417090873478
87	2244	216261653	485291148210	181659788	407644564496
88	2260	216261653	488751334650	181659788	410551121106
89	1880	216261653	406571906700	181659788	341520401628
90	1659	216261653	358778081498	181659788	301373588458
91	1308	216261653	282870241470	181659788	237611002835
92	1193	216261653	258000151433	181659788	216720127203
93	803	216261653	173658106958	181659788	145872809844
94	649	216261653	140353812473	181659788	117897202477
95	416	216261653	89964847440	181659788	75570471850
96	237	216261653	51254011643	181659788	43053369780
97	168	216261653	36331957620	181659788	30518844401
98	111	216261653	24005043428	181659788	20164236479
99	36	216261653	7785419490	181659788	6539752372
100 лет и более	65	216261653	14057007413	181659788	11807886227
Сумма			34 522 135 937 445		32 955 582 662 554

Таблица 2. Расчеты общественных потерь от смертности по причине заболевания коронавирусом с учетом стоимости года жизни и ожидаемой продолжительности жизни по возрастам²³

Возраст	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в 2020 году	Количество умерших из-за коронавируса в 2020 году	Стоимость жизни в данном возрасте с учетом стоимости года жизни	Суммарная стоимость потерянных жизней в данном возрасте
Менее года	71.54	16	606720009	9707520144
1	70.86	1	600953031	600953031
2	69.89	2	592726607	1185453213
3	68.90	3	584330565	1752991695
4	67.92	2	576019332	1152038664
5	66.93	2	567623291	1135246581
6	65.94	1	559227249	559227249
7	64.95	2	550831208	1101662415
8	63.96	0	542435166	0
9	62.97	2	534039125	1068078249
10	61.98	1	525643083	525643083

²³ Составлено по данным Росстата о распределение умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти и ожидаемой продолжительности предстоящей жизни за 2020 год. Расчеты автора.

11	60.99	2	517247042	1034494083
12	60.00	5	508851000	2544255000
13	59.01	3	500454959	1501364876
14	58.03	4	492143726	1968574902
15	57.05	4	483832493	1935329970
16	56.07	10	475521260	4755212595
17	55.09	6	467210027	2803260159
18	54.12	12	458983602	5507803224
19	53.16	17	450841986	7664313762
20	52.20	17	442700370	7525906290
21	51.25	18	434643563	7823584125
22	50.29	23	426501947	9809544770
23	49.34	36	418445139	15064025004
24	48.40	17	410473140	6978043380
25	47.45	38	402416333	15291820635
26	46.50	40	394359525	15774381000
27	45.56	50	386387526	19319376300
28	44.62	77	378415527	29137995579
29	43.69	80	370528337	29642266920
30	42.76	120	362641146	43516937520
31	41.84	119	354838764	42225812916
32	40.93	147	347121191	51026815004
33	40.04	171	339573234	58067023014
34	39.15	196	332025278	65076954390
35	38.26	190	324477321	61650690990
36	37.38	261	317014173	82740699153
37	36.52	273	309720642	84553735266
38	35.66	270	302427111	81655319970
39	34.82	302	295303197	89181565494
40	33.98	345	288179283	99421852635
41	33.15	395	281140178	111050370113
42	32.33	443	274185881	121464345062
43	31.51	477	267231584	127469465330
44	30.70	551	260362095	143459514345
45	29.89	632	253492607	160207327308
46	29.08	670	246623118	165237489060
47	28.28	710	239838438	170285290980
48	27.48	796	233053758	185510791368
49	26.69	882	226353887	199644127893
50	25.90	850	219654015	186705912750
51	25.12	923	213038952	196634952696
52	24.34	1053	206423889	217364355117
53	23.57	1139	199893635	227678849696
54	22.82	1322	193532997	255850622034
55	22.06	1426	187087551	266786847726
56	21.31	1818	180726914	328561528743

57	20.58	2020	174535893	352562503860
58	19.87	2395	168514490	403592202353
59	19.16	2665	162493086	433044074190
60	18.46	2864	156556491	448377790224
61	17.77	3187	150704705	480295893242
62	17.11	3464	145107344	502651837884
63	16.46	3492	139594791	487465010172
64	15.81	3795	134082239	508842095108
65	15.18	4057	128739303	522295352271
66	14.56	4274	123481176	527758546224
67	13.95	4119	118307858	487310065043
68	13.35	4610	113219348	521941191975
69	12.78	4665	108385263	505617251895
70	12.20	4920	103466370	509054540400
71	11.64	5136	98717094	507010994784
72	11.12	4311	94307052	406557701172
73	10.56	5035	89557776	450923402160
74	10.08	3870	85486968	330834566160
75	9.55	2664	80992118	215763001020
76	9.03	2158	76582076	165264118929
77	8.54	2020	72426459	146301447180
78	7.99	3491	67761992	236557112327
79	7.55	4640	64030418	297101137200
80	7.08	5176	60044418	310789907568
81	6.65	5545	56397653	312724983113
82	6.27	5350	53174930	284485872825
83	5.87	5271	49782590	262404029255
84	5.52	4045	46814292	189363811140
85	5.19	3125	44015612	137548785938
86	4.89	2296	41471357	95218234524
87	4.59	2244	38927102	87352415766
88	4.31	2260	36552464	82608567510
89	4.09	1880	34686677	65210951820
90	3.85	1659	32651273	54168461078
91	3.64	1308	30870294	40378344552
92	3.50	1193	29682975	35411789175
93	3.41	803	28919699	23222517896
94	3.34	649	28326039	18383599311
95	3.27	416	27732380	11536669872
96	3.14	237	26629869	6311278953
97	2.96	168	25103316	4217357088
98	2.71	111	22983104	2551124489
99	2.33	36	19760381	711373698
100 лет и более	1.65	65	13993403	909571163
Сумма				15 500 531 045 969

Современные пенсионные системы на новом этапе трансформации

Шестакова Елена Евгеньевна

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономки РАН, Москва, РФ.

E-mail: EEShestakowa@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [8503-3161](https://elibrary.ru/8503-3161)

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления реформирования пенсионных систем в зарубежных государствах, которые объединяются в несколько крупных блоков. Во-первых, это меры по повышению занятости и продлению трудовой жизни лиц старших возрастных групп, в том числе и на основе «мягких» мер стимулирования. В этой области достигнут заметный прогресс: существенно увеличился средний эффективный возраст ухода с рынка труда и занятость лиц в возрасте 55 лет и старше, но по-прежнему не теряет своей актуальности задача сохранения разумного соотношения между продолжительностью периода зарабатывания прав на пенсию и продолжительностью периода ее получения. Во-вторых, действия по использованию широкого арсенала инструментов для улучшения соотношения размеров пенсий и ранее получаемых работниками доходов от занятости, в том числе совершенствованию механизмов расчета и индексации пенсий, использованию накопительных и условно накопительных программ, включению в страховые схемы особых категорий работников, поддержке развития дополнительного профессионального страхования. Солидарные распределительные и индивидуальные накопительные системы достраиваются альтернативными структурами: нестраховыми и страховыми элементами с обязательным, квазиобязательным и добровольным участием работников и работодателей. Третье направление касается решения традиционной задачи пенсионного обеспечения — сокращения уровня доходной бедности и материальных лишений среди пожилых граждан. И, наконец, четвертый блок — вопросы расширения источников финансирования пенсионного обеспечения и поддержание финансовой устойчивости действующих систем. Особое внимание в статье уделяется вопросам автоматической корректировки параметров пенсионных систем и используемых для этого индикаторов. Разработка механизмов автоматической корректировки явилась ответом на стремление сократить политические риски и уровень неопределенности в отношении изменений пенсионных систем в результате будущих демографических и экономических трансформаций. Данные механизмы рассматриваются как важнейшие современные инновации, нацеленные на повышение справедливости с точки зрения межпоколенной перспективы, но, как и отдельные дискретные реформы, данные корректировки в основном направлены на улучшение финансовой стабильности за счет снижения гарантий доходов действующих и будущих пенсионеров и, как показывает практика, при резком или постоянном сокращении реальных размеров пенсий или изменения социально-экономической ситуации приостанавливаются или отменяются.

Ключевые слова

Социальная политика, пенсионные реформы, человеческий потенциал, занятость лиц старших возрастов, финансовая стабильность пенсионных систем, дополнительное коллективное пенсионное страхование, автоматическая корректировка.

Modern Pension Systems at the Stage of Transformation

Elena E. Shestakova

PhD, Leading researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

E-mail: EEShestakowa@gmail.com

Abstract

The article discusses the main directions of reforming pension systems in foreign countries, which will be combined into several blocks. Firstly, these are measures which increase employment and prolong the working life of older age groups, including soft incentive measures. Noticeable progress has been made in this area: the average effective age of retirement of persons aged 55 and older has significantly increased, but the task of maintaining a reasonable ratio between the duration of the period of earnings rights to a pension and the duration of the period of its receipt still does not lose its relevance. Secondly, the use of a wide arsenal of tools to improve the ratio of pensions and previously received employee income from employment, including improving the mechanisms for calculating and indexing pensions, the use of funded defined contributions and notionally defined contributions programs, inclusion in insurance systems of special categories of workers, support for the development of additional professional insurance. Solidary pay-as-you-go systems and funded systems are being complemented by alternative structures: non-insurance and insurance elements with mandatory, quasi-mandatory and voluntary participation of employees and employers. The third direction concerns solving the traditional task of pension provision — reducing the level of income poverty and material excess among older citizens. And finally, the fourth block includes the issues of expanding sources of pension funding and maintaining the financial stability of existing systems. Special attention is paid to the issues of automatic adjustment of pension systems parameters and indicators used for this. These mechanisms are considered as the most important modern innovations aimed at increasing equity from an intergenerational perspective, but like discrete reforms, these adjustments are mainly aimed at improving financial stability by reducing income guarantees for current and future pensioners and, as practice shows, with a sharp or permanent reduction in the real size of pensions or changes in the social-economic situation, they are suspended or canceled.

Keywords

Social policy, pension reforms, human potential, employment of older workers, financial stability of pension system, additional collective pension insurance, automatic adjustment.

Введение

В кругу задач социальной защиты населения важное место занимают вопросы совершенствования институтов поддержки, в том числе выбора распределительных или накопительных методов финансирования пенсионного обеспечения, солидарного или индивидуального учета пенсионных прав. Международные институты, прежде всего Всемирный Банк и Международный валютный фонд, перестали пропагандировать радикальные неолиберальные проекты трансформации пенсионных систем и стали склоняться к национально ориентированным параметрическим реформам. Многочисленные общие проблемы пенсионного обеспечения, связанные с сохранением высоких, хотя и несколько замедленных пандемией темпов старения населения и изменениями на рынке труда, необходимостью обеспечения адекватного уровня жизни взрослой нетрудоспособной части общества и достижения финансовой устойчивости пенсионных систем, по-разному интерпретируются и решаются в различных государствах. Тем не менее можно выделить ряд общих или во всяком случае характерных для определенных групп стран тенденций. Сохраняется тренд на увеличение занятости лиц старших возрастных групп и стимулирование с помощью не только жестких административных, но и «мягких» экономических мер более позднего выхода на пенсию. Ряд стран взяли курс на более медленные и постепенные изменения в этой области. Расширяется арсенал мер для достижения предполагаемой долгосрочной финансовой стабильности пенсионных систем: 2/3 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) используют или планируют использовать в ближайшей перспективе какую-либо форму автоматической корректировки пенсионных схем.

Сохранение баланса между периодом зарабатывания пенсии и периодом ее получения

Пандемия повлияла на ряд вопросов, связанных с пенсионной системой, но принципиально не изменила подходы к решению вопросов в сфере пенсионного обеспечения. Избыточная смертность в период пандемии COVID-19 в среднем в странах ОЭСР за период с января 2020 г. по август 2021 г. составила 12%. В большинстве государств данной группы снизилась продолжительность жизни при рождении, но существенное превышение избыточной смертности для лиц старшей возрастной группы было характерно только для отдельных стран, в основном эта разница не была заметна или составляла 1–2%. В силу повышения смертности лиц в возрасте 65 лет и старше за первые полтора года пандемии их численность в среднем в странах ОЭСР снизилась на 0,8%¹. Ожидаемая продолжительность жизни для лиц в возрасте 65 лет в 2020 г. в ОЭСР составила для женщин 23,8, для мужчин — 19,5 года, поднимаясь в ряде стран до 26 и 22 лет соответственно. За последние два десятилетия работники старших возрастных групп 55–59 лет и 60–64 года существенно увеличили свое присутствие на рынке труда, снизив, согласно расчетам западных экспертов, на половину давление пенсионных расходов из-за старения населения. Хотя кризис, связанный с пандемией, оказал сильное негативное влияние и прервал позитивный тренд, тем не менее за период с 2000 по 2020 гг. общая занятость этих двух групп увеличилась с 44% до 62%².

Среди факторов, повлиявших на увеличение занятости и повышение возраста ухода с рынка труда, одни эксперты называют реформы системы пенсионного страхования [Borsch-Supan 2018], другие отдают приоритет изменениям на рынке труда и улучшению состояния здоровья населения [Coile et al. 2018]. Соотношение количества лет, проведенных на пенсии, по отношению к активной занятости по странам варьируется в пределах от 40% до 60%

¹ Pension at a Glance 2021. OECD and G20 Indicators. P. 24–26 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/ca401ebd-en.pdf?expires=1649160294&id=id&accname=guest&checksum=4A88BD810417B1A78A849E6DFDCA3F0> (дата обращения: 10.01.2022).

² Там же. С. 30.

(в среднем, например, в ЕС более 50%, длительность получения пенсии у женщин — 20–25 лет, у мужчин — 15–20 лет). В 2020 г. средний нормальный пенсионный возраст³ для мужчин составлял 64,2 года; для лиц, которые вышли на рынок труда в 2020 г., он, по расчетам, увеличится на два года. Согласно действующим законодательным нормам, через 30–45 лет нормальный пенсионный возраст для мужчин должен возрасти в 20 из 38 стран ОЭСР, наиболее значительно (до 71–74) при условии сохранения действующих законодательных норм в Дании, Эстонии и Италии. Гендерная разница в пенсионном возрасте в настоящее время сохраняется в 9 странах ОЭСР, но для будущих поколений она за редким исключением (Швейцария, Польша, Венгрия) исчезнет (Таблица 1).

Таблица 1. Эффективный возраст ухода на пенсию и остаточная продолжительность жизни после ухода с рынка труда⁴

Продолжительность жизни (мужчины)	Эффективный возраст (мужчины)	Страна	Продолжительность жизни (женщины)	Эффективный возраст (женщины)
23,5	60,4	Франция	27,1	60,9
23,0	61,0	Испания	27,7	60,4
22,1	62,3	Италия	26,2	61,3
20,2	63,9	Нидерланды	23,5	62,9
19,5	62,6	ЕС-27	24,0	61,9
20,1	63,1	Германия	23,1	63,2
17,8	65,4	ОЭСР	22,5	63,7
20,2	63,7	Великобритания	22,7	63,2
19,0	65,8	Швеция	22,1	64,9
19,4	64,9	Норвегия	23,7	63,1
18,6	64,9	США	21,3	64,7
17,8	68,2	Япония	23,5	66,7

В реформах последних лет основной акцент делается на позитивных стимулах для балансировки длительности занятости и нахождения на пенсии [Gerpert et al. 2019, 9]. Кроме официального в практике ряда стран используются и другие возрастные критерии, составляющие понятие гибкого пенсионного возраста. В Швеции и Финляндии, государствах с относительно высокими показателями занятости населения старших возрастных групп, используются параметры минимального и целевого пенсионного возраста. В Швеции в 2020 г. наиболее ранний возраст выхода на пенсию увеличивается с 61 до 62 лет, и планируется его дальнейшее увеличение до 63 лет в 2023 г. и 64 в 2026 г. Одновременно корректируется и возраст приобретения права на получение гарантированной (базовой) пенсии: с действующей нормы в 65 лет до 66 в 2024 г. и 67 в 2027 г. Так называемый целевой пенсионный возраст, то есть возраст, до которого соответствующие когорты должны работать, чтобы отвечать параметрам продолжительности жизни и действующего процента замещения пенсией трудовых доходов, введенный изначально в Финляндии, в Швеции на период 2021–2027 гг. установлен на уровне 67 лет, далее целевой возраст должен корректироваться к изменениям продолжительности жизни после 65 лет. В Норвегии можно выйти на полную или частичную пенсию с актуарной корректировкой в период с 62 до 75 лет.

³ Возраст ухода с рынка труда с получением полной пенсии, который предполагает выполнение всех требований в отношении длительности занятости и страхования, начиная с 22 лет и до выхода на пенсию.

⁴ Источник: Pension at a Glance 2021. OECD and G20 Indicators. P.179–181 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/ca401ebd-en.pdf?expires=1649160294&id=id&accname=guest&checksum=4A88BD810417B1A78A849E6DFDCFA3F0> (дата обращения: 10.01.2022).

В то же время Ирландия, Дания и Нидерланды отложили запланированное на 2020–2021 г. повышение пенсионного возраста до 67 лет, а Польша отменила такое решение и возвратилась к ранее действующим нормативам: 65 лет для мужчин и 60 для женщин. Несколько скорректировался ранее используемый жесткий подход в отношении раннего ухода с рынка труда. В целом ряде стран (Австрия, Германия, Франция, Испания и др.) был разрешен досрочный выход на пенсию без финансовых потерь и наказаний для лиц с длительным трудовым стажем и ранним началом трудовой деятельности. В Италии, несмотря на действующий пенсионный возраст 67 лет, можно выйти на пенсию со стажем 30 лет для безработных, инвалидов, лиц, ухаживающих за больными родственниками, или после 36 лет работы в опасных условиях; все эти исключения входят в так называемую «квоту 100», разрешающую наемным работникам выходить на пенсию без финансовых потерь в 62 года при стаже 38 лет. Но с 2022 г. вводится новая «квота 102» с увеличением минимального возраста с 62 до 64 лет.

Согласно принятым расчетам, чтобы обеспечить соответствие стоимости ожидаемых пенсионных выплат и объема уплаченных взносов при досрочном выходе на пенсию, размер пенсионных пособий должен снижаться на 0,3%–0,6% в месяц или в среднем на 3,6–7,2% за каждый год досрочного выхода. Данное положение действует, но далеко не во всех странах, и, кроме того, обычно предусматриваются исключения для определенных категорий работников.

Адекватность пенсий и дизайн пенсионных систем

В условиях роста монетарного неравенства и диспропорций в качестве жизни, расширения новых нестандартных форм занятости и повышения численности прекариата усиливается внимание к вопросам распределения рисков и ресурсов между поколениями плательщиков взносов и пенсионерами и между различными группами населения: с различным уровнем доходов, разным возрастом входа на рынок труда и выхода с рынка труда; мужской и женской рабочей силой; между занятыми в разных видах деятельности. Дизайн пенсионных систем, их связь с бюджетом и налоговой системой существенно влияют на перераспределение между поколениями и положение внутри группы пенсионеров.

При всем многообразии структурных элементов их основные виды традиционно объединяются в несколько групп. В первый уровень, который теоретически выполняет функции защиты от бедности, объединены базовые пенсии, финансируемые из бюджета или из средств страховой системы. Размер безвзносовых базовых пенсий, действующих на основании резидентства, например, в Дании, Канаде, Исландии, Нидерландах находится в пределах 12–33% от средней национальной заработной платы. Базовые пенсии, финансируемые за счет страховых взносов, существуют в Прибалтийских государствах, Японии, Ирландии, Чехии, полный размер такой пенсии может составлять от 6% до 28% средней заработной платы. Кроме этого, в половине стран, входящих в ОЭСР, установлен минимальный уровень пенсий для лиц, участвовавших определенное время в пенсионном страховании, как правило, он выше размера базовых пенсий, но колеблется в очень широком диапазоне по отношению к средней национальной заработной плате. В среднем для получения права на минимальную пенсию требуется страховой стаж около 19 лет, а на полную — 29 лет. Не предусмотрено ни базовой, ни минимальной пенсии только в 4 странах — США, Германии, Финляндии, Австралии. Но в Германии для лиц с большим рабочим стажем (более 33 лет) предусмотрены специальные бонусные программы. И практически во всех странах действует система обеспечения населения адресными пособиями после оценки нуждаемости. Но в одних системах выплата полной базовой пенсии не влияет на объем получаемой социальной помощи, например в Канаде или Дании, а в других сокращает ее объем,

это практика Греции и Нидерландов. Важным параметром, характеризующим уровень социальной защиты базовых или минимальных пенсий, является не только их уровень, но и правила их индексации. Если индексация осуществляется в соответствии с изменением заработной платы, то они (базовые и минимальные пенсии) сохраняют свою реальную стоимость по отношению к трудовым доходам в течение периода нахождения на пенсии, сокращая будущие риски бедности и поддерживая относительный стандарт достойной жизни пенсионера. Но такой вид индексации используется редко (в Дании, Чехии, Словакии, Ирландии, в Нидерландах базовые пенсии индексируются к минимальной заработной плате). Более распространенным вариантом является индексация по ценам, что означает относительное снижение стоимости пенсий с течением времени. В среднем за 2000–2020 гг. реальный годовой рост пенсий в ОЭСР составил 0,8%, или половину от годового роста заработной платы — 1,6%⁵.

Основная теоретическая задача второго уровня пенсионной системы — предоставление гарантий обеспечения уровня жизни, сопоставимого с периодом активной занятости, перераспределение доходов застрахованных лиц в течение жизненного цикла. В рамках данного уровня выделяются 4 основных типа пенсионных схем:

- 1) традиционные распределительные с установленными выплатами (DB);
- 2) балльные;
- 3) условно накопительные (NDC);
- 4) накопительные схемы, как правило, с установленными взносами (FDC) (Таблица 2).

Коренными недостатками традиционных солидарных распределительных систем, действующих на условиях установленных выплат, считается их зависимость от снижающегося соотношения работающих по отношению к получающим пенсионные выплаты и восприятие взносов не как финансовых активов, находящихся в фазе накопления, а как налогов, которые невозможно контролировать. В схемах с установленными выплатами размер пенсий зависит от стажа, процента учета (величины пенсионного коэффициента) и размеров индивидуальной заработной платы. Эти схемы остаются наиболее распространенными, но в 8 странах ОЭСР они используются для действующих участников, но закрыты для вновь выходящих на рынок труда. Процент годового учета колеблется в пределах 0,5–2% от заработной платы работника в течение всей или большей части трудовой жизни. В половине данных национальных схем он постоянный, в другой — меняется в зависимости от размеров заработной платы (в Чехии, Португалии, США более высокий процент предусмотрен для более низких зарплат) или стажа (при этом в одних случаях более высокий процент учета в первые года работы (Венгрия, Испания), а в других — наоборот (Греция)). Балльные схемы как более динамичные и комплексные модификации распределительных систем используются в ряде стран, в том числе в Германии, ряде Прибалтийских стран, и в профессиональных планах, управляемых социальными партнерами (Франция). В этом случае при расчете пенсий учитываются накопленные работниками в течение трудовой жизни баллы и стоимость данных баллов при выходе на пенсию [Boulhol 2019].

Пенсионные модели с установленными выплатами (DB), в которых обязательства менее тесно связаны с активами и доходами фондов, более финансово уязвимы, чем модели с установленными взносами (DC), в которых обязательства по определению равны стоимости активов. В последних схемах риск нехватки средств на счетах будущих пенсионеров несут сами

⁵ Pension at a Glance 2021. OECD and G20 Indicators. P. 37 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/ca401ebd-en.pdf?expires=1649160294&id=id&accname=guest&checksum=4A88BD810417B1A78A849E6DFDCFA3F0> (дата обращения: 10.01.2022).

участники фондов. Для укрепления страхового характера пенсионного обеспечения, усиления связи между степенью участия в финансировании системы и размерами получаемых пенсий, помимо изменений отдельных параметров самих распределительных систем, в ряде стран разрабатывались различные модели реального и условного накопления.

Таблица 2. Структура национальных страховых пенсионных систем⁶

Страна	Базовая	Минимальная	Государственная	Частная
Австралия				FDC
Австрия		+	DB	
Бельгия		+	DB	
Великобритания	+		DB*	FDC(q)
Венгрия		+	DB	
Германия			Баллы	
Греция			DB+NDC	
Дания			FDC	FDC(q)
Италия			NDC	
Канада			DB	
Латвия		+	NDC+FDC	
Литва	+		Баллы	
Нидерланды			DB	DB
Норвегия			NDC	FDC
Польша		+	NDC	
Португалия		+	DB	
Словакия		+	Баллы	
Словения		+	DB	
США			DB	
Финляндия			DB	
Франция		+	DB+баллы	
Чехия	+	+	DB	
Швейцария		+	DB	DB
Швеция			NDC+FDC	FDC(q)
Япония	+		DB	

Надежды на успешное кардинальное переформатирование распределительных пенсионных систем с введением обязательных накопительных элементов, которое проводилось в 90-е гг. прошлого века в ряде европейских стран, главным образом Центральной и Восточной Европы, и государствах Латинской Америки, в полной мере не оправдались по ряду как внутренних, так и внешних причин. В условиях кризисной ситуации в мировой экономике в конце 2000-х годов двойная нагрузка, связанная с одновременным финансированием распределительной и накопительной систем, оказалась чрезмерной, что привело в одних государствах к сокращению размеров взносов в накопительные схемы или предоставлению возможности

⁶ Составлено автором. Примечание: DB — схемы с установленными выплатами, NDC — условно накопительные схемы, FDC — накопительные схемы с установленными взносами, (q) — квазиобязательные схемы, * — для выходящих на пенсию в 2020 г.

участникам выйти из них (Румыния, Словакия), в других — к возврату к традиционным солидарным принципам в системе обязательного пенсионного обеспечения (Венгрия, Польша) [Polakowski, Hagemejer 2018; Szikra 2018; Ortiz et al. 2018]. Одним из последних примеров в этом ряду стала Эстония, где обязательная схема индивидуального пенсионного накопления с 2021 г. стала добровольной. Участники получили возможность выйти из системы и забрать накопления, чем в первый же год воспользовалось 20% участников.

Но это не свидетельствует об утрате интереса к развитию накопительного пенсионного страхования. Несмотря на экономические проблемы, связанные с COVID-кризисом, активы пенсионных планов в конце 2020 г. увеличились на 11% по сравнению с 2019 г. и составили 56 трлн долл.⁷ Определенной альтернативой обязательным индивидуальным накопительным схемам, которые продолжают действовать с некоторыми корректировками в ряде латиноамериканских и восточноевропейских стран, можно считать обязательные или квазиобязательные профессиональные схемы и системы автоподключения к коллективным накопительным программам. Накопительные корпоративные пенсионные планы могут как составлять важную часть общей пенсионной программы страны, так и выполнять роль дополнительного пенсионного обеспечения, отличаться от норм государственного пенсионного обеспечения по правилам управления, параметрам пенсионного возраста, методам расчета пенсий и взносов. Наиболее высокий уровень охвата (до 80–90% занятого населения) коллективным профессиональным страхованием отмечается в государствах Северной и Центральной Европы, где обязанность формировать такие планы лежит на работодателях в соответствии с законодательными требованиями (Финляндия, Норвегия, Швейцария) или условиями отраслевых коллективных соглашений социальных партнеров (Дания, Нидерланды, Швеция).

Относительно новым способом вовлечения работников в добровольное коллективное накопительное страхование стало применение схем их автоматического присоединения к пенсионным программам работодателей главным образом в странах, где нет обязательных или квазиобязательных пенсионных программ в силу существенно меньшего объема и влияния коллективных соглашений. Процессы автоподключения с правом работников отказаться от участия в программах идут с большим или меньшим успехом в целом ряде стран, включая Италию, Великобританию, Турцию; с 2019 г. в Литве и Польше⁸. Внедрение схемы автоподключения к профессиональным пенсионным планам запланировано в 2023 г. в Ирландии.

Первые результаты реформ «мягкого принуждения» к страхованию оказались далеко не однозначными: если в Великобритании и ранее в Новой Зеландии автоподключение оказалось достаточно эффективным инструментом в плане расширения привлечения работников к участию в программах (соответственно 50% и 75% работников), то в Италии, где данный процесс идет давно, и Турции фиксируется низкий процент участия (до 11–12%)⁹.

В период активных академических и политических дискуссий сторонников и противников распределительных и накопительных систем и рискованных экспериментов с новыми дизайнами в 1990-е гг. сначала в Швеции, Италии и Латвии, позднее в Польше и Норвегии появилась опция условно накопительных счетов (NDC). Основными характеристиками новой схемы стали наличие прямой связи между величиной уплаченных премий и будущими пенсиями, отсутствие

⁷ Pension markets in focus 2021. P. 7 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/daf/fin/private-pensions/Pension-Markets-in-Focus-2021.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ Peksevim S., Akgiray V. Reforming The Pension System in Turkey. Comparison of Mandatory and Auto-Enrolment Pension Systems in Selected OECD Countries // OECD [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/pensions/Reforming-the-Pension-System-in-Turkey-2019.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

⁹ Pension markets in focus 2021. P. 15 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/daf/fin/private-pensions/Pension-Markets-in-Focus-2021.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

реального накопления (так как поступающие взносы идут на выплаты уже назначенных пенсий, а не накапливаются), использование установленного процента доходности для индексации накапливаемых обязательств. Швеция индексирует условные накопления в соответствии с ростом средней национальной заработной платы, Латвия — с ростом фонда оплаты труда, Италия — в зависимости от ВВП. В Польше после отмены в 2011 г. части схемы, касающейся обязательного накопления, у работников стало формироваться 2 условно накопительных счета: один, как и ранее действовавший, индексируется в соответствии с ростом заработной платы за предыдущий год, а второй, сформированный из накопленных ранее средств, — в соответствии с номинальным ростом ВВП за 5 лет до расчета [Buchholtz et al. 2020, 94]. Очень по-разному индексируются и уже назначенные по системе условно накопительных счетов пенсии: в Италии это происходит в соответствии с ростом индекса цен, в Норвегии и Швеции — с учетом роста средней заработной платы, но в Норвегии полученный показатель снижается на 0,75%, а в Швеции — на 1,6%; в Латвии и Польше применяется смешанная схема индексации действующих пенсий, в первом случае учитывается рост цен и 75% от роста фонда заработной платы, во втором — рост индекса розничных цен и 20% от увеличения средней заработной платы в стране.

Основными целями введения новой схемы были предполагаемое повышение заинтересованности работников в участии в страховании за счет повышения прозрачности процесса накопления пенсионных прав и снижение финансовой нагрузки на менее многочисленные молодые поколения. Преимуществом данной схемы считалось и отсутствие серьезных издержек перехода, которые возникают при реализации модели реального накопления. Система условно накопительных счетов меньше зависит от рынков капитала, чем реальное накопление, но для усиления ее финансовой устойчивости и противостояния разного рода критическим ситуациям, например массовому выходу на пенсию многочисленных поколений, родившихся в 50–60-е гг. XX в., требуется формирование резервных фондов. Еще необходимыми условиями для нормального функционирования модели являются включение в общую схему уровня базовых нестраховых пенсий и решение вопроса об использовании этих счетов для определенных групп трудящихся (с нестандартной занятостью, женщин после длительных перерывов в работе). Данные схемы успешно проявили себя в плане сглаживания потребления в течение жизненного цикла для работников, занятых полное рабочее время, которые одновременно включены в схемы страхования по болезни, инвалидности и безработице, но не стали панацеей при решении проблем пенсионных систем, связанных с неполным охватом и низким уровнем страховых взносов, и в перспективе способны существенно повысить риск бедности среди пенсионеров, особенно в условиях роста неполной и эпизодической занятости.

Разная конфигурация и структура пенсионных систем проявляются в больших различиях в расходах на их финансирование, варьирующихся от 3% ВВП (Исландия, Мексика) до 15,5% ВВП (Италия, Греция) [Fonejien et al. 2021, 65]. В среднем в 2018 г. в ЕС на пенсии по старости расходовалось 10,8% ВВП, еще 1,8% ВВП уходило на пенсии по потере кормильца. Основной источник финансирования пенсий по старости — страховые взносы социальных партнеров (65,5% от суммарных расходов), 25% финансируется за счет общих налогов, и 9,5% составляют так называемые другие счета. Но есть и существенные отступления от общей схемы: в ряде государств Центральной и Восточной Европы за счет страхования покрывается более 85% расходов, а в Дании из бюджета финансируется около 60% расходов. В Нидерландах и Словакии почти 30% поступает по линии других счетов, в Нидерландах финансирование происходит главным образом за счет процентных доходов от инвестирования средств профессиональных

фондов, а в Словакии — за счет трансфертов из других схем¹⁰. В системах страхования, как правило, хотя есть и исключения, более весомую роль играют взносы работодателей, составляющие в среднем 40% от общего объема финансирования пенсий, что в два раза больше, чем доля наемных работников. От самозанятых в ЕС в среднем поступает 4,2% социальных взносов, выше только в Италии (9,6%) и Испании (7,2%), что отражает более высокую численность самозанятых в этих странах. Общей тенденцией последнего десятилетия (в период 2008–2018 гг.) было снижение доли страховых взносов, прежде всего работодателей, и повышение доли налогов в финансировании пенсионного обеспечения. Необходимость финансирования растущих минимальных пенсий и пенсионных кредитов, введение дополнительных выплат для пенсионеров с низкими доходами, рост нестандартных форм занятости вместе с задачами повышения конкурентоспособности и экономической активности в странах усиливают дискуссии о необходимости переноса налогообложения с трудовых на другие формы доходов, диверсификации налоговой базы для финансирования пенсий, включая НДС, налоги на собственность и капитал, экологические налоги.

Критическим вопросом для современных пенсионных систем является обеспечение адекватного уровня пенсионных выплат, под которым понимается и ликвидация риска бедности для пожилого населения, и гарантии определенного уровня замещения пенсионными выплатами доходов, получаемых в период трудовой деятельности. Новым направлением обеспечения адекватного уровня пенсионного обеспечения становится учет разной продолжительности жизни и получения пенсионных выплат у разных когорт и социальных групп внутри одной когорты, поддержание стандартов жизни при длительном нахождении на пенсии. В одних странах приоритет отдается защите пожилых от бедности, в других — поиску наиболее тесной связи между пенсией и ранее получаемыми доходами или выработке новых механизмов достижения межпоколенного равенства в сфере пенсионного обеспечения.

За последние несколько десятилетий был достигнут безусловный прогресс в области снижения монетарной бедности пожилого населения. В условиях относительной бедности, то есть на доходы ниже 50% от медианных в достаточно разнородной группе стран, входящих в ОЭСР, живет 14% граждан в возрасте 65 лет и старше, на 2,5% больше, чем для всего населения. В Северной и частично Центральной Европе относительная бедность среди пожилых ниже общих показателей бедности и не достигает 5%, а в Прибалтийских и Латиноамериканских государствах превышает 20–30%.

Благодаря увеличению размеров базовых и минимальных пенсий, введению постоянных 13 выплат (ряд государств Центральной и Восточной Европы), использованию более благоприятных правил расчетов и индексации низких пенсий (Италия, Португалия, Австрия, Испания, Болгария), расширению системы пенсионных кредитов при социально оправданных перерывах в занятости и поддержке дополнительного профессионального пенсионного страхования, агрегированный процент замещения¹¹ в нижней квинтильной группе за период 2007–2018 гг. в целом вырос более значительно (на 8%), чем в других группах доходных групп, и составил 63% (во второй и третьей группах около 58%), но главным образом за счет стран с высоким уровнем перераспределения (Дания, Финляндия, Нидерланды, Бельгия и Германия). В ряде стран Восточной Европы,

¹⁰ 2021 Pension Adequacy Report. Current and Future Income Adequacy in Old Age in the EU. Vol. 1. P. 129 // Publications Office of the European Union [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4ee6cadd-cd83-11eb-ac72-01aa75ed71a1> (дата обращения: 10.01.2022).

¹¹ Пенсия лиц в возрасте 65–74 лет из нижней квинтильной группы по доходам по отношению к доходам занятых лиц в возрасте 50–59 лет в том же квинтиле.

Прибалтийских государствах, Австрии уровень замещения для лиц с низкими доходами был ниже, чем в других доходных группах¹², что свидетельствует о низком уровне перераспределения и солидарности данных систем.

Механизм автоматической корректировки пенсионных параметров: сильные и слабые стороны различных схем

Кроме растянувшегося на долгие годы процесса постепенного повышения официального пенсионного возраста и основных параметров назначения пенсий, ряд государств на этапе активного реформирования пенсионных систем приняли законы о введении автоматической корректировки пенсий (в одних случаях только вновь назначаемых, в других — в том числе действующих) или пенсионного возраста в соответствии с изменением продолжительности жизни или иными экономико-демографическими параметрами. Возможной альтернативой автоматической корректировке теоретически является комбинирование постоянного мониторинга функционирования пенсионных систем, долгосрочного планирования и проведения отдельных параметрических реформ. Пенсии могут периодически корректироваться с использованием резервных фондов и трансфертов из государственных бюджетов. Все эти инструменты, в том числе буферные фонды для сглаживания влияния краткосрочных экономических колебаний или специальные фонды для накопления средств для противостояния ожидаемым демографическим изменениям, широко применяются, но достаточно уязвимы в плане политических решений. Так, ряд резервных фондов, например Резервный пенсионный фонд Ирландии, были использованы раньше планируемого срока или для других целей. В Ирландии средства резервного фонда сначала были направлены на поддержку банковского сектора в период экономического кризиса 2008–2009 гг., а позднее фонд был ликвидирован, а оставшиеся активы переведены в Ирландский фонд стратегического инвестирования, так как экономический рост и занятость стали рассматриваться как более приоритетные цели, чем долговременная стабильность пенсионной системы.

В настоящее время автоматическая корректировка тех или иных элементов пенсионных систем, наряду с введением различных механизмов привлечения работников к участию в накопительном страховании, рассматривается как наиболее важная инновация в пенсионной системе. Эти механизмы призваны снизить уровень неопределенности в отношении изменений пенсионной системы в результате грядущих демографических и экономических трансформаций, будущий размер которых остается неясным. И главным образом они нацелены на решение финансовых проблем пенсионных систем. Но, чтобы быть успешным в долгосрочной перспективе, дизайн механизма автоматической корректировки должен отвечать определенным целям, для разных типов нарушения баланса должны использоваться разные инструменты и корректироваться разные параметры пенсионной системы (возраст, уровень страховых взносов, размеры назначаемых или выплачиваемых пенсий и др.) с учетом их действующего уровня и принятых в том или ином обществе социальных преференций.

Среди различных типов автоматической корректировки можно выделить изменение условий назначения пенсий в зависимости от изменения продолжительности жизни; корректировку уже действующих пенсий в зависимости от выбранных демографических или экономических параметров и использование механизмов балансировки финансовых показателей пенсионных систем (Таблица 3). Автоматическое изменение пенсионного возраста в соответствии

¹² Ageing Europe — Looking at the lives of older people in the EU — 2020 edition. P. 125 // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11478057/KS-02-20-655-EN-N.pdf/9b09606c-d4e8-4c33-63d2-3b20d5c19c91?t=1604055531000> (дата обращения: 10.01.2022).

с изменением продолжительности жизни законодательно утверждено в 7 странах (в Словакии ранее принятое решение в 2020 г. было отменено). В Греции, Италии и Эстонии повышение на 1–3 месяца продолжительности жизни после 65 лет должно сопровождаться аналогичным повышением пенсионного возраста, в Дании — после 60 лет. Кроме этого, в Дании нормативно зафиксирован период среднего нахождения на пенсии — 14,5 лет, а изменения пенсионного возраста должны быть утверждены Парламентом страны и вступают в силу через 15 лет (в других странах через 1–3 года). В Финляндии, Нидерландах и Португалии предусмотрена более лояльная корректировка: на 2/3 от увеличения продолжительности жизни после 65 лет. Страны установили и национальные нормативы времени между корректировками возраста (от 1 года до 5 лет) и величину минимального и максимального роста пенсионного возраста при изменении продолжительности жизни лиц старших возрастных групп. В случае снижения продолжительности жизни в одних странах предусмотрено снижение пенсионного возраста (Финляндия, Греция, Португалия), в других нет, но дальнейшее повышение возможно при достижении необходимой величины продолжительности жизни. Данная схема корректировки представляется нейтральной с точки зрения распределения, но если учитывать разную продолжительность жизни у отдельных социально-экономических групп, то она ведет к снижению длительности и объема полученных пенсий у лиц с более низкими доходами, как имеющих худшие перспективы увеличения продолжительности жизни. Кроме того, повышение официального пенсионного возраста считается недостаточной мерой для обеспечения финансовой стабильности традиционных распределительных схем с установленными выплатами, основанных на постоянном проценте учета размеров заработной платы при начислении пенсии, требуются дополнительные меры стабилизации. Таким стабилизирующим фактором, который призван способствовать повышению финансовой стабильности пенсионной системы и достижению большей межпоколенной справедливости, можно считать корректировку изменения пенсий в зависимости от продолжительности жизни когорт. В Финляндии в качестве такого механизма стабилизации выступает коэффициент изменения смертности 62-летних лиц для разных возрастных когорт при назначении пенсии¹³. Португалия использует в качестве фактора стабилизации, но при назначении только ранних пенсий, соотношение продолжительности жизни лиц в возрасте 65 лет в 2000 г. и за год до возможного выхода на пенсию.

¹³ Так, для лиц, родившихся в 1947 г., в 2009 г. в период определения данного коэффициента он составил 1, для родившихся в 1957 г. в 2021 г. данный коэффициент составил 0,957, или 4,3% снижения расчетной пенсии.

Таблица 3. Схемы автоматической корректировки пенсий и пенсионного возраста¹⁴

Страна	Накопительные DC-схемы	Условно накопительные	Пенсии связаны с продолжительностью жизни в схемах DB или баллов	Пенсии связаны с финансовыми или демографическими показателями	Пенсионный возраст связан с продолжительностью жизни
Австралия	+				
Германия				+	
Дания	+				+
Италия		+			+
Нидерланды	+	+			
Польша		+			
Португалия					+
Финляндия			+		+
Швеция	+	+		+	
Чили	+				
Эстония	+			+	+
Япония			+	+	

Для стабилизации финансовых показателей пенсионных систем механизм корректировки как вновь назначаемых, так и уже действующих пенсий может основываться на динамике численности занятого населения, изменении фонда оплаты труда или динамики ВВП. Так, например, в Португалии индексация действующих пенсий зависит от роста реального ВВП за последние 2 года и самого уровня пенсий¹⁵.

Варсенал механизмов автоматической балансировки финансовых показателей пенсионных систем могут входить различные инструменты для корректировки как самих пенсий, так и страховых взносов, и практика стран, их использующих, весьма разнообразна. Канада является единственной страной, где этот механизм начинает действовать полуавтоматически в случае, если власти не могут принять политического решения об увеличении страховых взносов. Минимальный размер страховых взносов, необходимый для сохранения финансовой стабильности в течение будущих 75 лет, рассчитывается каждые три года Главным национальным актуарием. Если данный расчетный минимум превышает законодательно утвержденные нормы, а федеральные и региональные власти не могут договориться о путях восстановления долгосрочной финансовой стабильности, то включается механизм автоматической корректировки: индексация пенсий замораживается, а размер взносов повышается на 50% от разницы между расчетным минимальным и действующим уровнем взносов на трехлетний период до следующего доклада Главного актуария.

¹⁴ Составлено автором.

¹⁵ Самый низкий уровень индексации для относительно более высоких пенсий при росте ВВП ниже 2%, в этом случае пенсии индексируются на уровень коэффициента роста цен минус 0,75%, а наиболее высокие показатели для низких пенсий при повышении ВВП более чем на 3%, в этом случае пенсии увеличиваются на уровень инфляции плюс 20% от роста ВВП.

Условием корректировки страховых взносов в Финляндии является снижение размеров резервного фонда распределительной схемы пенсионного страхования работников частного сектора ниже уровня 20% от предполагаемых расходов на выплату пенсий в следующем году. В этом случае размер страховых взносов должен быть увеличен до уровня, обеспечивающего повышение размеров резервов до требуемой величины, но в ближайшей перспективе не планируется его применение, так как объем резервов в 3 раза превышает установленный минимальный норматив.

Швеция комбинирует свою схему условно накопительных счетов с автоматическим механизмом балансировки текущих и уже принятых будущих обязательств и предполагаемых объемов полученных взносов и накопленных резервов. В случае дефицита сокращаются размеры начислений на условно накопительные счета и снижается размер выплачиваемых пенсий. В Германии балансировка включает и изменение стоимости пенсионных пунктов (баллов), и размеров взносов, но, в отличие от моделей Канады и Швеции, учитываются только текущие доходы и расходы. Стоимость баллов в Германии должна корректироваться в соответствии с изменением средней заработной платы и соотношением числа плательщиков взносов и пенсионеров, при этом не допускается снижение пенсий в абсолютных размерах и вводится нижняя граница стоимости пенсионного пункта¹⁶. Другой элемент немецкого механизма — изменение взносов: если в начале года общие пенсионные резервы снижаются ниже 20% или увеличиваются до 1,5 раз величины расходов в конце года, то взносы должны скорректироваться, чтобы обеспечить пополнения резервов до установленного уровня, но до 2025 г. действует установленный верхний лимит на взносы — 20% от заработной платы.

Как показывает практика, выбор инструментов автоматической корректировки может определяться начальными параметрами пенсионной системы и предпочтениями населения. При относительно высоком уровне пенсий или относительно низком уровне взносов временная корректировка пенсий или взносов в связи с ростом продолжительности жизни может быть более предпочтительной, чем корректировка пенсионного возраста. Даже если страны сталкиваются с одинаковыми вызовами, политические предпочтения и степень противодействия введению этих механизмов могут сильно отличаться. Большинство балансировочных механизмов в ОЭСР корректируют и новые, и старые пенсии, и это является эффективным способом восстановления баланса. Но с учетом того, что пенсии в большинстве случаев индексируются в соответствии с изменением цен, возможности снижения их индексации для роста накоплений весьма ограничены. Резкое или постоянное снижение реальных пенсий неизбежно ведет к росту недовольства механизмом и возникновению давления на правительство. В качестве примера активного противодействия автоматической корректировке можно привести опыт использования коэффициента пенсионной ревалоризации в Испании, предусматривавший индексацию пенсий и пенсионных счетов в зависимости от соотношения объемов собранных взносов и пенсионных расходов, но с минимальной индексацией 0,25% в год. В период 2014–2017 гг. индексация осуществлялась с использованием минимального уровня, снижающего реальные размеры пенсий, и предполагалось сохранить данный порядок и в дальнейшем в силу ожидаемых сложностей с финансированием пенсионного обеспечения. После серьезных массовых протестов и смены правительства в 2019 г. использование коэффициента ревалоризации было отменено, а введение фактора стабилизации отложено до 2023 г. [Ermolieva, Shestakova 2020]. Недовольство схемой валоризации при назначении пенсий и индексации действующих выплат при изменении

¹⁶ В период с 2019 г. по 2025 г. корректировка приостановлена, предполагается, что с 2026 г., когда, по прогнозам, резко возрастет число лиц, выходящих на пенсию, и ухудшится соотношение плательщиков и получателей пенсий, формула корректировки опять начнет действовать.

соотношения стоимости активов пенсионных фондов и объема принятых обязательств привело к заключению нового пенсионного соглашения между социальными партнерами и приостановлению процесса автоматической балансировки и в Нидерландах.

Автоматическая корректировка может в определенных случаях снижать политическую цену сохранения финансовой стабильности, но полностью не заменяет дискретные меры в этой области. В настоящий момент такого рода механизмы не используются, например, в Австрии, Бельгии, Венгрии, Франции, Словакии, Чехии, Швейцарии и др.

Заключение

Современный этап совершенствования пенсионных систем характеризуется определенным снижением интенсивности трансформаций. Сохраняется общий тренд на повышение занятости лиц старших возрастных групп и пропорции между периодом зарабатывания пенсии и периодом ее получения. В то же время ряд государств пересмотрели ранее одобренные решения в отношении повышения возраста выхода на пенсию и возможности ухода с рынка труда до достижения пенсионного возраста. Пандемия коронавируса, несмотря на усилия государств по поддержке бизнеса и сохранению рабочих мест [Myant 2021], негативно отразилась на уровне занятости работников старших возрастов, более уязвимых в плане заболеваемости, менее вовлеченных в процессы использования современных технологий и в меньшей степени готовых возвращаться на работу после длительных перерывов, особенно со слабыми перспективами трудоустройства. Но непосредственные результаты можно будет оценить только по результатам 2022 г., когда прекратится действие поддерживающих и стимулирующих мер правительств. Как необходимые корректировки пенсионных систем рассматриваются достройки солидарных распределительных и индивидуальных накопительных систем альтернативными блоками, нестраховыми и страховыми элементами, обязательными, условно добровольными и добровольными. Использование в большой группе стран механизмов автоматической корректировки параметров пенсионных систем является ответом на запрос повышения долгосрочной финансовой стабильности различных пенсионных систем и более справедливого распределения риска между когортами, но не решает многих сложных проблем пенсионного обеспечения и в отдельных случаях приостанавливается или даже отменяется.

Список литературы:

- Borsch-Supan A., Coile C. Social Security Programs and Retirement around the World: Reforms and Retirement Incentives — Introduction and Summary // NBER Working Paper № 25280. 2018. URL: <https://www.nber.org/papers/w25280.pdf>
- Boulhol H. Objectives and Challenges in the Implementation of a Universal Pension System in France // OECD Economics Department Working Papers № 1553. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1787/5a476f15-en>
- Buchholtz S., Chłoń-Domińczak A., Gora M. The Polish NDC Scheme: Success in the Face of Adversity // Progress and Challenges of Nonfinancial Defined Contribution Pension Schemes: Volume 1. Addressing Marginalization, Polarization, and the Labor Market / ed. by R. Holzmann, E. Palmer, R. Palacios, S. Sacchi. Washington: World Bank, 2020. P. 91–117.
- Coile C., Milligan K.S., Wise D.A. Social Security Programs and Retirement around the World: Working Longer — Introduction and Summary // NBER Working Paper № 24584. 2018. URL: <https://www.nber.org/papers/w24584.pdf>
- Ermolieva E., Shestakova E. En búsqueda de un modelo adecuado de pensiones: el caso de España // Iberoamerica. 2020. № 2. P. 140–160. DOI: [10.37656/s20768400-2020-2-07](https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-2-07)

Fonejien A., Kangur A., Martinez S.-R. Pension Reforms in Europa. How Far Have We Come and Gone? // IMF Department Paper № 2021/016. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2021/09/10/Pension-Reforms-in-Europe-464651>

Geppert Ch., Guillemette Y., Morgavi H., Turnes D. Labour Supply of Older People in Advanced Economies: The Impact of Changes to Statutory Retirement Ages // OECD Economic Department Working Paper. № 1554. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1787/18151973>

Myant M. The Economic and Social Consequences of COVID-19. // Social Policy in the European Union: State of Play 2020. Facing Pandemic / ed. by B. Vanhercke, S. Spasova, B. Fronteddes. Brussels: Etui, 2021. P. 53–69.

Ortiz I., Duran-Valverde F., Urban S., Wodsak V., Yu Z. Reversing Pension Privatization: Rebuilding Public Pension Systems in Eastern European and Latin American Countries (2000–2018) // ESS Working Paper № 63. 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648574.pdf

Polakowski M., Hagemeyer K. Reversing Pension Privatization: The Case of Polish Pension Reform and Re-Reforms // ESS Working Paper № 68. 2018. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648632.pdf

Szikra D. Reversing Privatization and Re-Nationalizing Pensions in Hungary // ESS Working Paper № 66. 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648634.pdf

References:

Borsch-Supan A., Coile C. (2018) Social Security Programs and Retirement around the World: Reforms and Retirement Incentives — Introduction and Summary. *NBER Working paper*. No. 25280. Available: <https://www.nber.org/papers/w25280.pdf>

Boulhol H. (2019) Objectives and Challenges in the Implementation of a Universal Pension System in France. *OECD Economics Department Working Papers* № 1553. DOI: <https://doi.org/10.1787/5a476f15-en>

Buchholtz S., Chlon -Dominczak A., Gora M. (2020) The Polish NDC Scheme: Success in the Face of Adversity. In: Holzmann R., Palmer E., Palacios R., Sacchi S. (eds.) *Progress and Challenges of Nonfinancial Defined Contribution Pension Schemes: Volume 1. Addressing Marginalization, Polarization, and the Labor Market*. Washington: World Bank. P. 91–117.

Coile C., Milligan K.S., Wise D.A. (2018) Social Security Programs and Retirement around the World: Working Longer — Introduction and Summary. *NBER Working Paper* № 24584. URL: <https://www.nber.org/papers/w24584.pdf>

Ermolieva E., Shestakova E. (2020) En búsqueda de un modelo adecuado de pensiones: el caso de España. *Iberoamerica*. № 2. P. 140–160. DOI: [10.37656/s20768400-2020-2-07](https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-2-07)

Fonejien A., Kangur A., Martinez S.-R. (2021) Pension Reforms in Europa. How Far Have We Come and Gone? *IMF Department Paper* № 2021/016. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2021/09/10/Pension-Reforms-in-Europe-464651>

Geppert Ch., Guillemette Y., Morgavi H., Turnes D. (2019) Labour Supply of Older People in Advanced Economies: The Impact of Changes to Statutory Retirement Ages. *OECD Economic Department Working Paper*. № 1554. DOI: <https://doi.org/10.1787/18151973>

Myant M. (2021) The Economic and Social Consequences of COVID-19. In: Vanhercke B., Spasova S., Fronteddes B. (eds.) *Social Policy in the European Union: State of Play 2020. Facing Pandemic*. Brussels: Etui. P. 53–69.

Ortiz I., Duran-Valverde F., Urban S., Wodsak V., Yu Z. (2018) Reversing Pension Privatization: Rebuilding Public Pension Systems in Eastern European and Latin American Countries (2000–2018). *ESS working paper* № 63. Available: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648574.pdf

Polakowski M., Hagemeyer K. (2018) Reversing Pension Privatization: The Case of Polish Pension Reform and Re-Reforms. *ESS Working Paper* № 68. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648632.pdf

Szikra D. (2018) Reversing Privatization and Re-Nationalizing Pensions in Hungary. *ESS Working Paper* № 66. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_648634.pdf

Дата поступления/Received: 01.02.2022

Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies

DOI: 10.24412/2070-1381-2022-91-209-225

Цифровая платформа как одна из доминантных бизнес-моделей
цифровой экономики

Исаева Айгуль Эрнстовна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: isaeva115@mail.ru

SPIN-код: [2275-8207](https://orcid.org/0000-0002-2275-8207)

Аннотация

В статье представлен теоретический обзор нового феномена современной экономики — цифровых платформ, представляющих новые возможности для развития бизнеса и обеспечивающих с помощью цифровых технологий совершенно новое качество жизни их пользователям. Выявлены ключевые ограничения привязки компаний к физическому месту и роль цифровых технологий в их снятии; определены основные проблемы, наиболее характерные для стадии создания платформ, а также возникающие различия между платформами и традиционными рынками; кроме того, приведены примеры существования платформ еще задолго до цифровой эпохи, когда произошла институционализация двухсторонних рынков. Показано, что намного более быстрые темпы роста платформенного бизнеса (по сравнению с традиционным бизнесом) объясняются тем, что платформы используют новые источники роста — ресурсы, которые им не принадлежат. В результате подтверждено, что ключевой ценностью в платформенном бизнесе являются данные. В статье также рассмотрены изменения в методах управления бизнесом в результате смещения фокуса бизнеса с внутренней ориентации на внешнюю; дана интерпретация типов платформ и осуществляемых ими функций. В ходе исследования выяснено, что совместное использование базовой транзакции и функций платформы создает вокруг нее сети, рынки и сообщества. Установлено, что крупнейшие по капитализации мировые компании, являющиеся двухсторонними платформами, достигли своих успехов за счет экономии на росте спроса, достигаемой за счет технологических усовершенствований на стороне спроса и проявляющейся в сетевых эффектах.

Ключевые слова

Цифровая платформа, бизнес-модель, цифровые технологии, типы цифровых платформ, функции цифровых платформ, сетевые эффекты (эффекты платформенных сетей).

Digital Platform as One of the Dominant Business Models of Digital Economy

Aigul E. Isaeva

PhD student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: isaeva115@mail.ru

Abstract

The article presents a theoretical overview of a new phenomenon of digital platforms in the modern economy that represent new opportunities for business development and a completely new quality of life for their users within digital technologies. The key limits of linking to a physical place and the role of technologies in overcoming these limits are revealed. The main problems that are specific for creating the platform, as well as differences between platforms and traditional markets are described; moreover, the examples of applying platforms before the digital era, when bilateral markets were institutionalized. It is shown that the excessively high growth rate of the platform business (compared to traditional business) is explained by the fact that the platform uses new sources — resources that don't belong to them. As a result, it is confirmed that business data is the key value on the platform. The article also analyzes changes in business management practices as a result of business focus changes from internal to external orientation; interpretation of typical platforms and their functions are given. It has been found that the use of basic transactions and functions creates networks, markets and communities around it. It has been stated that the worlds' top capitalization companies, which are two-way platforms, achieve their goals by saving on consumption growth, achieved through technological advances on consumption needs and manifest themselves in real effects.

Keywords

Digital platform, business model, digital technologies, types of digital platforms, functions of digital platforms, network effects (effects of platform networks).

Введение в платформенный бизнес

Ключевую роль в трансформации бизнеса, государства и общества играют цифровые платформы, являющиеся одной из доминантных бизнес-моделей цифровой экономики. Среди цифровых платформ лидирующие позиции занимают двухсторонние платформы. Крупнейшие по рыночной капитализации мировые компании (Apple, Alphabet (Google), Microsoft, Meta (Facebook) и Amazon) являются двусторонними платформами [Тироль 2020, 524], а также экосистемами. С помощью двухсторонних платформ обеспечивается взаимосвязь между экономическими

агентами, находящимися на стороне спроса и на стороне предложения. Традиционные компании также стремятся перейти на платформенную бизнес-модель и все больше ориентируются на цифровое платформенное мышление [Мошелла 2020, 73–86]. «В результате развития платформ почти все традиционные методы управления бизнесом, включая стратегию, маркетинг, производство, исследования, развитие кадров, переживают переворот» [Паркер и др. 2017, 28].

Долгое время, до появления интернета, компании были привязаны к физическому месту [Вайл, Ворнер 2019, 87–91]. Соответственно, и возможности привлечения клиентов ограничивались физическим местом (магазином, студенческой аудиторией, медицинской клиникой, отделением банка, спортивным клубом и т.д.) и соответствующим персоналом. Существование газет, книг, справочников, музыкальных альбомов, каталогов товаров и услуг и прочей информации лишь на физических носителях ограничивало доступ к ним пользователей. Переход компаний в цифровое пространство снимает перечисленные выше ограничения. И с помощью цифровых технологий появилась возможность передавать цифровой контент практически с нулевыми издержками по всему миру.

Однако слишком большой выбор товаров, партнеров, поставщиков, посредников при ограниченности времени, которым мы располагаем, чересчур усложняет сам выбор. В связи с этим появляется потребность в цифровых платформах, которые сообщали бы нам сведения о качестве и иных характеристиках товара, репутации поставщика, надежности партнера и прочую нужную информацию для облегчения выбора. «Платформа — это бизнес-модель, которая ускоряет обмен ценностью между двумя и более группами пользователей, потребителей и производителей... Чтобы этот обмен произошел, платформы собирают вокруг себя крупные, растущие и легкодоступные сети пользователей и ресурсов. Платформы создают сообщества и рынки, в рамках которых пользователи взаимодействуют и осуществляют транзакции» [Моазед, Джонсон 2019, 37]. «Бизнес-модель — это своего рода способ визуализации и понимания того, как ваша компания создает ценность для клиентов и как после этого деньги возвращаются к вам. Кроме того, в ней должна быть отражена структура издержек вашей компании; а также то, в каких областях вам потребуется сотрудничать с другими компаниями и партнерами. Говоря...

о платформенной бизнес-модели, мы подразумеваем не просто какие-то технологии, но целостное описание того, как компания создает, предоставляет и сохраняет ценность» [Там же, 40]. Платформа является не только новой бизнес-моделью, но и революционной концепцией, «которая радикально изменяет бизнес, экономику и общество в целом... Практически любая отрасль, в которой важной составляющей бизнеса является информация, сегодня — кандидат на платформенную революцию. Сюда входят и отрасли, производящие информацию... и те, в которых ценится информация о потребностях клиентов, колебаниях цен, предложениях, спросе и рыночных трендах. А это практически любой бизнес» [Паркер и др. 2017, 19].

Главным активом платформ, за который идет постоянная конкуренция, являются сети пользователей, а не количество физических активов. Пользователи привязаны к создаваемой ценности (а не к физическим активам) и могут быстро перемещаться с одной платформы на другую. Доминирование платформы в конкретной отрасли может быть быстро подорвано другой платформой, если создаваемая ею ценность окажется более предпочтительной для пользователей (и об этом надо постоянно помнить). Самых больших успехов в современном мире добиваются те платформенные компании (цифровые платформы), которым удается сформировать вокруг своего основного бизнеса внешние быстрорастущие и легко доступные для потребителей и производителей сети. Именно платформенные бизнес-модели, пришедшие на смену линейным

моделям, могут привести (и в отдельных случаях приводят) к масштабируемости бизнеса с беспрецедентной скоростью [Хоффман, Йе 2019]. Именно в этом отличие цифровой платформы как новой бизнес-модели от традиционной бизнес-модели.

В связи с тем, что платформы имеют два сообщества пользователей, необходимо подобрать такую бизнес-модель, которая бы обеспечила действенное участие каждой из сторон. При этом для каждой двухсторонней платформы характерна «проблема курицы и яйца». Чтобы привлечь много покупателей, необходимо много поставщиков. А чтобы заинтересовать поставщиков присоединиться к платформе, на ней должно быть много покупателей. Но при запуске платформенного бизнеса у него еще нет ни спроса, ни предложения. И необходимо одну из сторон платформы заинтересовать присоединиться к платформе раньше, чем выйдет на нее другая сторона. Производитель игровых приставок заинтересован как в игроках, так и в разработчиках видеоигр. При этом сами игроки мечтают о максимально широком выборе игр, а разработчики игр хотят получить доступ к максимально широкому рынку. С такой же проблемой сталкиваются и СМИ (телевидение, газеты, веб-сайты). Для создания жизнеспособной бизнес-модели они должны сделать привлекательными свои продукты для аудитории и предложить выгодные условия для рекламодателей.

Иногда одна из сторон платформы может пользоваться ей бесплатно. Это означает, что в этих случаях другая сторона (это может быть, например, рекламная компания) платит за обе стороны. В частности, Google имеет много бесплатных сервисов (поисковую систему, электронную почту, YouTube, карты и т.д.), приносящих несомненную пользу многочисленным пользователям. Информация (большие данные), получаемая Google о пользователях, представляет особый интерес для рекламодателей, которые платят большие деньги за размещение рекламы, адаптированной под потребности реальных покупателей. Очевидно, что в определенных ситуациях одна из сторон рынка может даже субсидироваться. Это значит, что и в таких ситуациях другая сторона платит за обе стороны.

Может также возникнуть ситуация, при которой одна сторона платформы получает большую пользу от сотрудничества с другой стороной. Тогда платформа может устанавливать различную плату с разных сторон, чтобы выровнять условия своей привлекательности для обеих сторон. Все это свидетельствует о том, что провайдер платформы должен иметь представление об уровне заинтересованности в услуге каждой из сторон и о том, какая из них приносит большую выгоду другой стороне.

Нередко рост платформ достигается с помощью очень низких цен, которые устанавливаются на одной стороне рынка. Это позволяет привлекать пользователей на эту сторону и косвенно способствует получению платформой выгоды с другой стороны. Эту выгоду можно монетизировать.

Как мы уже отметили выше, существует разрыв во времени присоединения к платформе одной и другой стороны. В этой ситуации одна из сторон платформы должна осуществить вложения (и взять на себя риск) до выхода на рынок другой стороны. Это порождает еще одну проблему двухсторонних платформ. Например, разработчики видеоигр приступают к работе и принимают на себя риск, точно не зная, удастся ли платформе привлечь необходимое количество клиентов для того, чтобы осуществить не только возврат инвестиций, но и обеспечить необходимый уровень их доходности. Для обеспечения доходности своих инвестиций производитель игровых консолей взимает с каждой проданной игры небольшой роялти, чтобы платформе было легче привлечь более многочисленную аудиторию. Очевидно, что если бы платформа получала доход только от продажи игровых консолей (иными словами, если бы это был ее единственный источник дохода), то их продажа осуществлялась бы по ценам, намного превышающим затраты

на производство и реализацию (практика показывает, что на видеоплатформах продажа своих консолей часто осуществляется с убытком). Это как раз и свидетельствует о том, что продажа консолей не является единственным источником дохода платформы.

Понять различие между платформами и традиционными рынками можно, ознакомившись с вертикальной бизнес-моделью фармацевтической отрасли [Тироль 2020, 539–540]. В развитых странах все чаще внедрением инновационных препаратов в данной отрасли занимаются небольшие предпринимательские биотехнологические компании. Биотехнологический стартап открывает и патентует молекулу. Затем патенты биотехнологических компаний приобретают, как правило, крупные фармацевтические компании (это могут быть Pfizer, Aventis, Novartis и другие). Фармацевтическая компания занимается разработкой, клиническими испытаниями нового препарата и получением разрешения на продажу у соответствующих органов. Продажей препарата на рынке занимается только одна фармацевтическая компания, потому что при наличии лицензий у нескольких компаний это приведет к конкуренции между ними и снизит цену продажи препарата и стоимость патента, уменьшив тем самым доход от лицензирования препарата.

Биологический стартап в вертикальной бизнес-модели работает исключительно с фармацевтической компанией, которая является продавцом, и у него отсутствует связь с конечным потребителем. Фармацевтическая компания взаимодействует как со стартапом, так и с клиентами, но роль платформы она не играет. Это объясняется тем, что нет взаимодействия между стартапом и клиентами. Именно в этом и состоит различие между вертикальной моделью и моделью платформы. Колхозный рынок, на котором продаются овощи и фрукты, является платформой, потому что у продавцов и покупателей есть возможность напрямую взаимодействовать на рынке друг с другом. Супермаркет, которому поставщики непосредственно продают свою продукцию, платформой не является. В данной ситуации с клиентами взаимодействует супермаркет, продавая продукцию в розницу, а у поставщиков и клиентов между собой прямой связи нет. На колхозном рынке продавцы не только заинтересованы в получении выгодного места для продажи (для размещения прилавка) и небольшой плате рынку за него, но и в количестве покупателей, которое может привлечь рынок. Что касается поставщика супермаркета, то он осуществляет поставку товаров в соответствии с контрактом определенного количества, по фиксированной цене и в оговоренные сроки. Его вообще не волнует, какое количество клиентов посещает супермаркет.

Приведенные выше примеры показывают, что платформы как феномен присущи не только цифровой экономике, хотя цифровые технологии сделали их одной из доминирующих бизнес-моделей именно в цифровой экономике. Да и организационный выбор между классической (вертикальной) и двухсторонней моделью не является простым. В частности, Amazon в начале 1994 г. не являлась реальной двухсторонней платформой. Она была вертикальным ритейлом (но цифровым) и занималась покупкой книг у издателей и перепродажей их покупателям через интернет.

Целью статьи является выявление (на основе анализа теории и практики) наиболее эффективных подходов к созданию и развитию цифровых платформ, прежде всего двухсторонних. В рамках сформулированной цели необходимо получить ответ на следующие ключевые вопросы: почему платформенная бизнес-модель является более результативной по сравнению с традиционной бизнес-моделью, основанной на вертикальной цепочке создания ценности? При каком условии отрасль готова на платформенную революцию? За счет чего цифровые платформенные компании получают конкурентное преимущество по сравнению с фирмами традиционной экономики?

Радикальные изменения в бизнесе, основанном на цифровых платформах

Исключительность цифровых технологий как технологических инноваций заключается прежде всего в том, что они позволяют компаниям вести бизнес иначе. Цифровая платформа — это новая цифровая бизнес-модель, появившаяся благодаря цифровым технологиям. В настоящее время все большее количество компаний переходит с традиционной модели бизнеса на платформенные и экосистемные бизнес-модели.

Проанализируем лишь основные изменения в бизнесе, порождаемые переходом компаний на цифровые платформы.

Увеличение скорости масштабируемости бизнеса за счет использования новых источников роста. В традиционном бизнесе формирование компаний осуществляется вокруг продуктов. Под продуктами мы понимаем товары и услуги. Основное различие между ними заключается в том, что товары представляют собой материальные (физические) объекты, а услуги имеют нематериальную сущность и проявляются в действиях. Продукты в линейной цепи создания ценности разрабатываются и создаются на одном конце цепи и поставляются потребителям на другой конец.

В XX в. компании достигали монопольного положения благодаря экономии за счет роста производства. Операционная эффективность являлась одним из способов достижения превосходства над прямыми конкурентами [Пурлик 2020, 66–92]. По мере того, как объем производства увеличивался, сокращались издержки на единицу продукта. Именно экономия за счет роста производства обеспечивала лидеру рынка (крупнейшей компании) ценовое преимущество, которое другим игрокам рынка чрезвычайно сложно было преодолеть. То есть чем крупнее становилась компания, тем по более низкой цене мог приобрести продукт потребитель. И эта положительная спираль роста раскручивается до тех пор, пока на смену старым технологиям не приходят новые прорывные технологии, которые низвергают лидера с пьедестала.

Многие компании до сих пор продолжают работать по такой модели и чувствуют себя хорошо. Но ровно до тех пор, пока на их рынке не появится платформенная компания. И тогда шансов у традиционного бизнеса победить платформенный бизнес практически нет. Платформы побеждают традиционный бизнес за счет того, что им удается выявлять новые источники создания и передачи ценности [Орловский, Коровкин 2019, 35–83].

Традиционной гостиничной сети для того, чтобы расти, нужно постоянно инвестировать в строительство новых гостиниц или приобретать существующие и тратить значительные суммы денег на их содержание и обновление. Airbnb конкурирует с глобальными гостиничными сетями, но, в отличие от них, она использует платформенную модель бизнеса, не имея в собственности ни одной комнаты. Airbnb разработала простую и удобную платформу, благодаря которой владельцы жилья имеют возможность напрямую сдавать квартиры непосредственно потребителям. Платформа осуществляет также автоматическое оформление страховки и разработала систему оценки репутации съемщиков квартир, поощряющих их добросовестное поведение. За свои услуги Airbnb снимает определенный процент с каждой сделки, осуществленной с ее помощью. Другими словами, основной доход платформы получают от созданного ими сообщества.

В связи с тем, что Airbnb избавилась от отягощающих бизнес-активов, это позволяет ей, как и любой другой платформе, занимающейся аналогичной деятельностью, расти намного быстрее, чем любой традиционной гостиничной сети. Ее развитие не сдерживается факторами, влияющими на традиционные гостиничные сети: возможностями нового строительства и управлением физическими активами. Гостиничной сети могут понадобиться годы, чтобы найти и оформить подходящий участок земли, спроектировать и построить новую гостиницу, подготовить

квалифицированный персонал. Airbnb способно расширять свою сеть настолько быстро, насколько быстро будут присоединяться к ее платформе новые участники: те, кто располагает свободными комнатами для сдачи их в аренду, и те, кто хочет в них поселиться. Поэтому платформенная гостиничная сеть за несколько лет способна достичь результата, который обычная гостиничная сеть может достичь тяжелым трудом только через несколько десятилетий (и то не всегда).

Платформенный гостиничный бизнес изменяет природу предложения, привлекая на платформу пользователей, являющихся, как правило, источником спроса, и используя их активы. Вывод платформами на рынок нового предложения приводит к разрушению существующего конкурентного ландшафта. Традиционные гостиницы, несущие расходы на содержание недвижимости, обнаруживают, что им приходится конкурировать с компаниями, у которых такие затраты вообще отсутствуют. У новых компаний также есть шанс, если им удастся выявить еще не реализованные возможности и воспользоваться ими (выведя на рынок) с помощью платформы.

Таким образом, увеличение скорости масштабируемости бизнеса происходит за счет того, что платформы устраняют «неэффективных» посредников (если быть более точным, функция посредника переходит к самой платформе; то есть посредник остается, но наиболее затратные функции бывшего посредника передаются поставщику). За счет того, что платформы при создании ценности используют и ресурсы, которые им не принадлежат, это как раз и позволяет им расти намного быстрее, чем традиционным компаниям. Например, Airbnb через десять лет с момента своего основания опередила группу Marriot, в распоряжении которой имелось 1,3 миллиона гостиничных номеров. Netflix всего за семь лет открыла свой бизнес почти в 200 странах, если бы использовался традиционный подход распространения видеоконтента, то на это ушли бы десятилетия [Бхаттачарья и др. 2021, 91]. Компании, которые занимаются продажей физических продуктов, также имеют возможность выйти на новые рынки быстрее и без масштабных инвестиций в инфраструктуру, если будут привлекать к сотрудничеству надежных местных игроков и использовать платформы интернет-торговли для установления прямых контактов с потребителями.

Следовательно, цифровая платформа как бизнес-модель [Исаева и др. 2020, 3–21] представляет собой не что иное, как не отягощенную активами стратегию глобального роста компаний.

Более широкое использование информации (больших данных) для создания циклов обратной связи с сообществом. Информационные товары состоят из битов (а не атомов) и обладают двумя важнейшими свойствами: они бесплатные и совершенные. Перевод документооборота в цифровую форму приводит к тому, что возможно фактически бесплатное его копирование. Несмотря на то, что каждая дополнительная копия занимает место на носителе информации (жесткий диск или другой носитель), да и память тоже нельзя назвать совершенно бесплатной, все равно она обходится пользователю очень дешево, и со временем гигабайт памяти только дешевеет. Совершенство тоже является важным свойством информационных товаров, потому что копии фактически идентичны цифровому оригиналу. И сколько бы копий ни делалось, биты при этом не теряются и не портятся. Наличие платформенных сетей (платформ) увеличивает экономическую мощь информационных товаров за счет того, что сети могут мгновенно и бесплатно пересылать копии информационных товаров из одного места в другое или во множество других мест. В этом контексте можно привести еще одно определение цифровых платформ: «Платформы — это сетевые среды, которые пользуются преимуществами бесплатной, совершенной и мгновенной

экономики. Более точно платформу можно определить так: это цифровая среда, обеспечивающая доступ, воспроизведение и распространение с предельными издержками¹, близкими к нулю» [Макафи, Бриньолфсон 2019, 124].

Платформы имеют возможность быстро и точно отслеживать реакцию участников и определять, какие продукты пользуются повышенным спросом, а какие нет. Причем для платформ всех типов циклы обратной связи схожи. Именно информация (большие данные) [Петрунин и др. 2019, 45–57], которую используют платформы для создания циклов обратной связи, позволяет им побеждать компании традиционного бизнеса. В частности, Airbnb использует циклы обратной связи в конкуренции с традиционными гостиничными сетями. По мере того, как Airbnb накапливает отзывы сообщества о репутации поставщиков услуг (например, арендодателей квартир), все более повышается эффективность рыночных взаимоотношений. Иными словами, отзывы, полученные от других потребителей, облегчают поиск вариантов аренды жилья. Продукты, отзывы по которым в основном отрицательные, выводятся с платформы навсегда (как правило).

Amazon использует большие данные (один миллиард гигабайт данных о товарах и пользователях) для повышения эффективности деятельности. Если представить, что эти данные перенесены на жесткие диски с памятью 500 ГБ и уложены в стопку, то ее высота в восемь раз превысит Эверест. Именно анализ больших данных (наличие товаров, схема покупок, цены конкурентов, размер прибыли) позволяет Amazon менять цены на товары каждые 10 минут и добиваться увеличения прибыли на 25%: стратегия компании заключается в том, чтобы предложить цены на товары, пользующиеся спросом, ниже, чем у конкурентов, а на непопулярные товары — выше. Дело в том, что большинство людей, убедившись в результате поиска в том, что наиболее распространенные товары дешевле на Amazon, автоматически решают, что компания в целом придерживается более низких цен, и поэтому в итоге переплатят за товары, пользующиеся меньшей популярностью. Использование больших данных позволяет также создавать таргетированную рекламу [Мехта и др. 2020, 119–129] и строить достоверные прогнозные модели, предсказывающие поведение людей в будущем [Блуммарт, Брук 2019, 84–90].

В традиционном бизнесе (в отличие от платформ) акцент делается на механизмы контроля, которые призваны обеспечить качество и формирование рыночных взаимодействий. Однако по мере увеличения масштаба и сложности бизнеса цена контроля резко возрастает, а его эффективность снижается.

Смещение фокуса бизнеса с внутренней ориентации на внешнюю. В платформенном бизнесе фокус смещается с внутренней среды на внешнюю [Мошелла 2020, 87–102; Остервальдер и др. 2021, 258–269]. Компания привлекает людей и активы, которые находятся снаружи, для выполнения бизнес-процессов во внешней среде (переместив их с внутренней среды, что характерно для традиционной фирмы). Изменилось и оперативное управление, задачей которого в традиционной компании является оптимизация ассортимента и цепочки поставок. В платформенном бизнесе оперативное управление смещается к управлению (точнее контролю) внешними капиталами, которыми компания напрямую не управляет и которые ей не принадлежат. Все эти ресурсы предоставляются платформенной компании сообществом.

Изменилась и стратегия компании. В традиционном бизнесе одной из ключевых задач стратегии является контроль над уникальными внутренними активами и возведение барьеров входа. В платформенном бизнесе эта задача трансформируется в управление активами,

¹ Предельные издержки — это стоимость производства (или распространения) одной дополнительной единицы продукции. В большей части тарифных планов доступа к интернету предельные издержки, связанные с получением или отправкой бита информации, равняются нулю.

находящимися вне компании, и создание многочисленного активного сообщества. Понятно, что внутренние ресурсы полностью не вытесняются внешними (как правило, они их дополняют). Но основное внимание платформенная компания все же уделяет развитию экосистемы, а значит, и независимым внешним партнерам.

Становление и развитие платформ привело к изменению практически всех традиционных методов управления бизнесом. Изменяется и роль инноваторов. Все больше прорывов осуществляется с помощью идей, которые добровольно предлагают независимые участники платформы. Иными словами, сообщество активно участвует в улучшении существующих продуктов и создании новых.

Несмотря на разнообразие мира платформ, все они существуют для одной цели — объединить пользователей и сделать максимально удобной взаимосвязь между производителями и потребителями.

Типы цифровых платформ

В зависимости от уровня публичности, который используется при допуске участников к платформе, они подразделяются на закрытые и открытые².

На закрытой платформе публично не объявляются правила, по которым осуществляется допуск на нее участников. В этой ситуации сама платформа является поставщиком товаров и услуг. В качестве поставщиков товаров привлекаются также аффилированные с платформой лица и узкий круг компаний, являющихся партнерами платформы. Когда бизнес начинает расширяться в сторону экосистемы, то закрытая платформа стремится увеличить количество разных товаров и услуг, которые на ней представлены, не увеличивая при этом число разных поставщиков одной и той же услуги. Это приводит к тому, что внутренней конкуренции между поставщиками практически нет. Но это соответствует логике развития закрытой экосистемы, в которой полнота вариантов одного и того же продукта и широта выбора внутри разных продуктовых категорий не принимается во внимание.

Если используется открытая модель платформы, то к ней получают доступ поставщики товаров и услуг, конкурирующие между собой. В этом случае платформа публично раскрывает критерии допуска участников на нее. Причем эти критерии не формулируются с учетом характеристик каких-то конкретных пользователей платформы. Иными словами, критерии не носят дискриминационного характера по отношению к любому участнику. Владельцы платформы и аффилированные с ними лица могут сами не являться поставщиками товаров и услуг на свою платформу. Если же они осуществляют поставки товаров и услуг на платформу, то в таком случае играют по общим для всех участников правилам.

Таким образом, выбор между открытой и закрытой платформой не является выбором между черным и белым. В диапазоне между этими крайними вариантами есть определенный набор версий.

Открытость платформы определяется следующим образом: «Платформа является «открытой» в том случае, если нет никаких ограничений на участие в ее развитии, коммерциализации или использовании либо любые ограничения — например, требование следовать техническим стандартам или оплатить лицензионный взнос — разумные и недискриминирующие, применяются одинаково ко всем потенциальным участникам платформы» [Паркер и др. 2017, 132].

² Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. С. 16 // Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

Решение о степени открытости платформы бесспорно является одним из наиболее сложных и важных, которое должны принять владельцы платформенного бизнеса [Nagiu, Lee 2011, 679–708]. Это объясняется тем, что оно определяет правила участия пользователей и монетизацию платформы.

Возникает также вопрос: насколько платформы совместимы между собой? Обычно у потребителей есть возможность воспользоваться услугами различных платформ. Например, в сфере телекоммуникаций абоненты различных сетей могут звонить друг другу (причем такая практика регламентирована). Отдельные платформы придерживаются политики несовместимости. В частности, приложение, которое написано только под операционную систему Windows, нельзя использовать в операционной системе Linux. Если пользователи одной несовместимой платформы подключаются к другим несовместимым платформам, то они увеличивают количество пользователей на их стороне. Так, клиенты для покупки (или продажи) квартиры могут сразу воспользоваться услугами нескольких агентств недвижимости (в том случае, если те не обмениваются между собой информацией о квартирном фонде, которой владеют).

Порой платформа сама может являться одной из двух сторон рынка. В этом случае она работает по стандартной бизнес-модели фирмы. В качестве примера можно привести компанию Apple, которая первоначально была квазизамкнутой системой. Она сама производила компьютеры, ограничив доступ приложений и оборудования сторонних организаций, работающих в ее операционной системе. Затем постепенно компания открывалась. Apple является разработчиком программного и аппаратного обеспечения и создала такие платформы, как iOS, App Store и iTunes, объединяющие покупателей и продавцов различных цифровых товаров. Но до сих пор Apple продолжает сохранять контроль над производством компьютеров Mac и оборудования для мобильных телефонов iPhone, над своими операционными системами macOS и iOS.

Ключевые функции цифровых платформ

Сети появляются вокруг платформ. Сеть превращается в ценность с помощью базовой транзакции. Без правильного понимания базовой транзакции, которая есть у любой платформы, платформу создать нельзя. «Базовая транзакция — это набор действий, которые для обмена ценностями должны совершить потребители и производители». Иными словами, предназначением базовой транзакции является создание набора «простых, воспроизводимых действий, которые могут совершить производители и потребители для создания и потребления ценности через платформу» [Моazed, Джонсон 2019, 127]. Базовая транзакция (на высшем уровне) каждой платформы состоит из следующих четырех действий:

- 1) создание: производитель осуществляет создание ценности или предоставляет возможность доступа к ней через платформу;
- 2) взаимосвязь: пользователь в процессе каждой транзакции совершает действие, приводящее к обмену, который осуществляется через третью сторону;
- 3) потребление: отыскав подходящее для себя предложение, созданное производителем, потребитель может потребить созданную ценность;
- 4) компенсация: осуществив потребление, потребитель создает тем самым ценность для производителя.

Платформа создает сеть в том случае, если она, помимо базовой транзакции, будет выполнять еще четыре вида деятельности (четыре функции). И только при совместном использовании всех четырех видов деятельности и базовой транзакции спустя какое-то время вокруг платформы образуются сети, рынки и сообщества. Без платформы они существовать просто не могут.

Дадим интерпретацию двум из четырех базовых (ключевых) функций, которые должны выполняться платформой: привлечение аудитории, координация, предоставление инструментов и сервисов, определение правил и стандартов [Моазед, Джонсон 2019, 141–147].

Привлечение пользователей. Осуществление данной функции направлено на создание рынка благодаря привлечению критической величины потребителей и поставщиков (производителей). Платформы не осуществляют напрямую контроль за предлагаемыми товарами. Для этой цели они привлекают сторонних производителей, в обязанности которых и входит формирование перечня товаров и услуг, предлагаемых платформой. Но платформа должна еще заниматься и привлечением потребителей, готовых осуществлять сделки. Привлечение новой аудитории ведет к расширению сети и превращению связей в транзакции. Без наличия критической массы производителей и покупателей платформа существовать не может. Практика показывает, что разные платформы по-разному подходят к решению вопроса привлечения аудитории. Например, аудиторией Uber являются две разные группы пользователей — водители и пассажиры, которых она должна привлекать к себе и при этом сохранять баланс между спросом и предложением. Задачей Uber при появлении в Сан-Франциско в 2009 г. было создание ликвидного рынка. Для этого платформе необходимо было решить задачу поддержания баланса между обеими группами пользователей. И эта задача стала для Uber одной из важнейших. Регистрация на платформе слишком большого числа водителей приводит к тому, что они очень долго будут ожидать пассажиров. Их машины будут простаивать, водители будут терять деньги и, естественно, уходить с платформы. В том случае, если не будет хватать водителей, уже пассажиры будут долго ожидать приезда машины или даже получать отказ. Как только у пассажиров появится неуверенность в том, что на Uber можно рассчитывать, они в будущем постараются воспользоваться услугами другой компании.

Для решения этой задачи (управление балансом спроса и предложения) Uber применила динамическое ценообразование, отойдя от фиксированной стоимости поездки. Она ввела «пиковый коэффициент», в соответствии с которым увеличение цены на поездку коррелировало с ростом спроса. Иными словами, Uber перешла к прямому управлению балансом спроса и предложения. «Пиковый коэффициент» одновременно должен был воздействовать на две группы пользователей. Он должен был увеличить количество свободных водителей за счет снижения количества пассажиров, которые отказывались пользоваться услугой при повышенной стоимости поездки. Если бы компания придерживалась фиксированной стоимости поездки, то пользователи платформы проводили бы в ожидании машины больше времени, некоторые вообще могли ее не дожидаться. Иными словами, когда нужно достичь баланса между доступными водителями и желающими ехать пассажирами, цены поднимаются. Несмотря на то, что динамическое ценообразование вызвало отрицательную реакцию пассажиров, именно благодаря ему платформе удалось сохранить нужные темпы роста. У Uber в этот период не было проблем с увеличением спроса на предлагаемые услуги. А вот проблемы с привлечением новых водителей на платформу были. Поэтому Uber воспользовалась агрессивным маркетингом, разработав операцию SLOG, представляющую собой тайную, этически неоднозначную и не совсем законную программу

переманивания водителей у конкурента [Моазед, Джонсон 2019, 143-144]. Соотношение водителей и пассажиров (как показывает практика на примере крупных городов) составляет примерно от 1 к 3 до 1 к 10.

Обычно такое соотношение между поставщиками и потребителями характерно для рынка услуг. Поэтому для того, чтобы поддерживать рост потребителей, использующих сервис Uber, компания должна привлекать достаточное количество водителей, в том числе и переманивая водителей у конкурентов.

Координация пользователей. При большом количестве пользователей на платформе необходим механизм координации, позволяющий соединять нужных (подходящих) производителей с нужными (подходящими) потребителями, стимулируя таким образом обмен. Быстрое масштабирование сети приводит к экспоненциальному усложнению решения этой задачи. Для успешного решения у платформы должна быть масштабируемая координационная система. И чем эффективнее эта система будет работать, тем быстрее и больше будет совершаться транзакций, тем выше будут сетевые эффекты и тем большую ценность и прибыль будет создавать платформа.

Для создания системы координации необходимо наличие данных, отражающих ключевые характеристики продукта с учетом мнения каждой группы пользователей. Только при таком условии возможно создание правильной координационной системы, способной осуществлять сбор нужных данных для того, чтобы выстраивать максимально эффективные связи между пользователями. Решение платформой задачи координации пользователей возможно с помощью различных средств.

Несмотря на то, что маркетинговая тактика Uber и ее «пиковый коэффициент» получили широкое освещение, ключевой фактор успеха платформы — алгоритм координации — остался практически незамеченным. Это объясняется тем, что он не находится в поле зрения водителей и пассажиров. Для обеих групп пользователей вообще не важно, как осуществляется координация (что происходит «за кадром»). Одним словом, водители и пассажиры не желают знать, как работает алгоритм, а это признак того, что он прописан правильно. Именно это свидетельствует о том, что координация осуществляется успешно.

Так что же представляет собой алгоритм координации Uber? Для понимания его работы изучим еще один вопрос. Предположим, что имеется лист бумаги, на который нанесены в случайном порядке 5000 точек. Необходимо определить самую короткую линию, которая объединит все эти точки. Эта типичная задача коммивояжера, решаемая с помощью математической (точнее комбинаторной) оптимизации, имеющей широкое практическое применение. Это сразу понял Тревис Каланик, основатель Uber. Есть определенное количество машин и пассажиров, находящихся в разных точках города, и необходимо решить задачу коммивояжера для каждой конкретной машины. При выборе наиболее эффективного маршрута используется также технология отслеживания местоположения.

В службе такси диспетчеры отвечают за выбор оптимального маршрута, что не всегда возможно. Очевидно, что Uber должна решать эту задачу не только быстрее, но и выбирать наиболее оптимальный маршрут. Иными словами, координация водителей с пассажирами должна быть эффективной, в противном случае компания начнет терять пользователей (и прежде всего водителей), которые перейдут к конкурентам.

С ростом масштабов бизнеса проблема только обостряется. Потому что даже небольшое снижение эффективности координации между водителями и пассажирами (при управлении миллионами транзакций в сотне городов) может обернуться для компании не только потерей позиции на рынке, но и самого бизнеса.

Аналогичная проблема координации возникала и у Amazon. Компании нужно было помочь пользователям быстро находить продукты, которые их интересуют, среди огромного количества размещенных товаров. В связи с тем, что на Amazon Marketplace могли продаваться также товары сторонних продавцов (создающих собственные списки товаров), это только усложняло ситуацию, потому что Amazon трудно было понять, к какой именно категории следует относить те или иные товары. Для решения этой задачи Amazon использовала процесс, называемый «совместной фильтрацией», позволяющий на основе анализа индивидуального поведения большого числа людей выявить общие схемы. В результате была внедрена известная функция «Покупатели, купившие этот товар, также интересовались...». В основе этой функции лежит алгоритм, использующий данные о товарах, наиболее часто заказываемых пользователями одновременно (книги одного автора, часы и батарейки и т.п.). Это позволило составить список связанных товаров.

Проведенный анализ показывает, что и Uber, и Amazon использовали данные пользователей для того, чтобы ускорить и повысить эффективность процесса координации между потребителями и производителями. Задачей цифровой платформы как раз и является создание системы координации, максимально упрощающей пользователям поиск. С ростом масштаба платформы значимость рационального использования данных для создания эффективной системы координации только возрастает.

Сетевые эффекты (эффекты платформенных сетей)

Ценность продукта становится тем выше для каждого человека, чем большее количество людей его использует. Экономисты называют это явление сетевым эффектом, или экономией на масштабе спроса (экономией за счет роста спроса). Этот термин ввели в оборот Карл Вэриан (ведущий экономист Google) и профессор предпринимательства Карл Шапиро [Shapiro, Varian 1999]. Экономия за счет роста спроса достигается благодаря преимуществам, которые получает компания за счет технологических усовершенствований, внедренных на стороне спроса. Величина экономии за счет роста спроса зависит от следующих факторов: эффективности социальных сетей, агрегирования спроса, развития приложений и пр. Все это приводит к тому, что крупные сети приобретают все большую ценность для пользователей. Крупнейшая платформенная компания может обладать на рынке преимуществом сетевого эффекта, которое подорвать конкурентам очень трудно.

Необходимо подчеркнуть, что именно экономия за счет роста спроса является сегодня основным источником положительного эффекта и доминирующим фактором получения экономической выгоды. Конечно, это не означает, что экономия за счет роста масштаба производства, основанная на росте производства, утратила свое значение. Это не так. Просто экономия за счет роста спроса, которая проявляется в форме сетевого эффекта, превращается в наиболее заметный фактор в цифровой экономике.

Именно платформы создают сетевые эффекты [Паркер и др. 2017, 31–37]. И от числа пользователей платформы зависит получаемая ими ценность. Сетевые эффекты часто объясняются «законом Меткалфа», который был сформулирован при анализе телефонной сети. В соответствии с этим законом, «ценность сети увеличивается пропорционально квадрату числа ее пользователей» [Лаукс и др. 2018, 64; Gilder 2000] (причем ценность сети возрастает как для

участников сети, так и для ее владельцев). Например, если телефон имеется только у одного человека, то этот телефон сам по себе практически бесполезен. Но как только число пользователей начинает расти, увеличивается и ценность каждого телефона. Для характеристики этого явления используется выражение «нелинейный (или выпуклый) рост». Примерами проявления такого явления можно считать рост в отдельные годы компаний Microsoft, Apple, Facebook.

При этом надо иметь в виду, что если телефонная сеть обычно связывает двух пользователей, то современные сети позволяют подключиться к разговору двух пользователей большому количеству других участников. Этим во многом объясняется роль платформ в изменении конъюнктуры рынка, в обеспечении быстрого отрыва от конкурентов. Проявление простого сетевого эффекта можно наблюдать в том случае, если соединение отдельных участников сети (или «узлов») приводит к тому, что целое становится больше, чем сумма составляющих его частей.

При уходе пользователей с платформы уменьшается число узлов сети. Это приводит к падению ценности такой сети и росту числа тех людей, которые хотят перейти на другую платформу (сменить сеть).

Выявленная закономерность позволяет сделать некоторые экономические выводы. Если источником роста является сетевой эффект, то это оборачивается захватом рынка. Одним своим присутствием в сети пользователи привлекают новых участников, являющихся их друзьями. Новые участники, став членами сети, тоже одним своим присутствием начинают привлекать уже своих друзей, еще не ставших членами сети, и т.д. Одновременно с этим могут падать цены на продукты (что часто и происходит) в связи с увеличением объемов выпуска продуктов и совершенствованием технологий. Это приводит к тому, что сетевые эффекты начинают работать в связке с более привлекательным ценообразованием, что сопровождается очень быстрым захватом рынка.

В платформенных бизнесах росту компаний способствует двусторонний сетевой эффект, поскольку принимают участие две стороны рынка [Eisenmann et al. 2006, 92–101]. В случае с Uber пассажиры привлекают водителей, а водители — пассажиров. На платформе Android Google разработчики приложений привлекают покупателей, а покупатели — разработчиков приложений. В ситуации с Airbnb хозяева квартир привлекают гостей, а те — хозяев. Во всех перечисленных выше случаях имеет место использование компаниями двустороннего сетевого эффекта с обратной положительной связью.

В связи со значительным влиянием сетевого эффекта на рост бизнеса платформы часто разрабатывают программы и тратят немалые деньги для того, чтобы привлечь одну из сторон рынка. Они хорошо понимают, что если им удастся убедить одну из сторон прикрепиться к платформе, то другая присоединится сама. Именно благодаря двустороннему положительному эффекту с положительной обратной связью у Uber появляется возможность расходовать значительные суммы инвесторов на финансирование купонов на бесплатные поездки. Uber тем самым расширяет свою сеть и увеличивает долю рынка, а пассажиры и водители за участие в сети заплатят полную цену потом. Иными словами, на двустороннем рынке порой бывает экономически целесообразно нести финансовые потери на одном из рынков, если при росте сети в целом за счет доходов, получаемых на другом рынке, перекрываются потери на первом.

Ключевым фактором быстрой масштабируемости бизнеса (а значит, и сетевого эффекта) является наличие у пользователей возможности беспрепятственного доступа к платформе и участия в создании ценности. Однако, осуществляя масштабирование сети, необходимо добиваться пропорционального роста обеих сторон рынка. В частности, если один водитель Uber в среднем обслуживает трех пассажиров, то это соотношение надо учитывать при привлечении водителей

и пассажиров. Если изменение количества участников на одной стороне рынка приведет к существенному изменению данного соотношения, то другой стороне экономически целесообразнее предложить купоны или скидки для привлечения нужных пользователей.

Таким образом, если компании удастся построить масштабируемую бизнес-модель, обеспечить свободный доступ к платформе и смену сторон, то все это вместе способствует получению большего сетевого эффекта. Получается, что сетевой эффект определяется масштабом (размером) сети. И чем эффективнее бизнес-модель платформы, тем быстрее она может масштабироваться и увеличивать тем самым величину сетевого эффекта.

Однако необходимо иметь в виду, что те же самые факторы, которые обеспечивают быстрый рост платформенных сетей, могут привести к их стремительному сокращению. Быстрое масштабирование сети может повлечь за собой формирование негативных сетевых эффектов, способных не только оттолкнуть пользователей от платформы, но даже и завершиться ее гибелью.

В частности, появление одного из таких негативных сетевых эффектов связано с тем, что рост числа участников сети, увеличивающий количество связей между ними, может одновременно сопровождаться повышением сложности или невозможности заключить выгодную сделку. Для устранения этого недостатка свободный вход на платформу следует уравновесить эффективным курированием. Под эффективным курированием понимаются действия платформы, связанные с контролем и ограничением допуска участников на платформу, их деятельности и связей с другими участниками. При качественном курировании платформы ее пользователям легче и проще найти наиболее ценные для себя связи. В том случае, если курирование платформой организовано плохо, пользователи попадают в ситуацию, когда им необходимо в потоке бесполезных связей выявить наиболее ценные для них. Это сделать очень сложно. Одним словом, необходимо осуществлять грамотное управление платформой, которое приводит к ослаблению действия негативных сетевых эффектов и усилению положительных сетевых эффектов.

Рост числа участников сети приводит к увеличению объема информации о них. И чем больший объем информации удастся накопить о пользователях, тем точнее выводы, полученные на ее основе. Тем самым повышается и качество курирования сети. Этот эффект иногда называют сетевым эффектом, полученным на основе данных. Однако необходимо принимать в расчет, что все зависит от качества используемых инструментов курирования, которые должны систематически тестироваться и совершенствоваться.

В процессе своего развития все успешные цифровые платформы сталкиваются с проблемой масштабирования контента и связей между участниками, которую они должны решить, создав систему эффективного курирования.

Заключение

Цифровые платформы как новый феномен современной экономики являются следствием «революции платформ». Если в отрасли информация и данные выступают в качестве важной составляющей бизнеса (а это значит, что они имеют высокую долю в добавленной стоимости), то данную отрасль ждет платформенная революция. Иными словами, именно с помощью платформ осуществляется трансформация и развитие многих сфер и направлений деятельности. Именно платформы позволили компаниям перейти на совершенно иную модель работы (платформенную бизнес-модель) и обеспечили капитализацию потенциала сети Интернет. Открыть бизнес онлайн может любой, но доминируют в интернете платформы. Несмотря на то, что условия игры

в интернете для всех в основном равны, выражение «открытый интернет» (с практической точки зрения) является не более чем мифом. Потому что сегодня ведущие позиции практически в любых коммерческих отраслях занимают платформы.

Эффективность классической (вертикальной или линейной) бизнес-модели крупнейших компаний XX в. достигалась через цепочку поставок: продукты двигались вниз от производителей к дистрибьюторам, а от них — к потребителям. Ценность в такой цепочке также росла линейно: от поставщика к производителю продукта и в конечном итоге — его потребителю. Причем каждый этап цепочки поставок добавлял ценность продукту или услуге. Затем добавленная ценность на предыдущем этапе переносилась на следующий этап цепочки поставок. Движение информации в таком процессе тоже осуществлялось линейно. От эффективности цепочек поставок зависел успех бизнеса в XX веке, поэтому многие инновации были связаны с улучшением качества их работы. Однако за эффективность линейного бизнеса, в основе которого лежит цепочка поставок, приходилось платить большую цену. Необходимы были значительные инвестиции в создание новых крупных производственных предприятий, а также в человеческий капитал и построение каналов поставок для того, чтобы создавать продукты и выводить их на рынок.

Успешно созданная платформа является серьезной конкурентной силой благодаря своей сетевой природе. Однако на первом этапе существования новых платформ они обычно убыточны. Это, как правило, объясняется осознанной стратегией, которую используют владельцы платформы для того, чтобы быстрее привлечь клиентов (поставщиков и потребителей). В последующие годы, если бизнес развивается успешно, возникают сетевые эффекты и эффекты масштаба. Это приводит к включению механизмов монетизации, и платформенный бизнес начинает получать прибыль, что и находит соответствующее отражение в цене акций. Высокая оценка перспектив развития компании инвесторами побуждает конкурентов оценивать потенциал возможного использования платформенных решений в своем бизнесе. Конкурентам очень сложно с помощью лишь отдельных инноваций выдвинуть успешную платформу с рынка. Это приводит к ситуации, когда собственники (владельцы) доминирующей платформы получают завышенные доходы («победитель получает все»).

Список литературы:

Бхаттачарья А., Ланг Н., Хемерлинг Д. Больше чем великие. Девять стратегий, которые помогут добиться процветания в эру социальной напряженности, экономического национализма и технологических революций. М.: Просвещение, 2021.

Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса.: изменение бизнес-модели для организации нового поколения. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Исаева А.Э., Петрунин Ю.Ю., Пурлик В.М. Критическое осмысление концептуальных подходов к анализу бизнес-моделей // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 3–21.

Лаукс Дж., Маколей Дж., Норонха Э., Уэйд М. Цифровой вихрь: как побеждать диджитал-новаторов их же оружием. Москва: Эксмо, 2018.

Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

Мехта Н., Детройя П., Агаше А. В одно касание. Бизнес-стратегии Google, Facebook, Amazon и других корпораций. Спб.: Питер, 2020.

- Моазед А., Джонсон Н. Платформа: Практическое применение революционной бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер, 2019.
- Мошелла Д. Путеводитель по цифровому будущему. Отрасли, организации и профессии. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Орловский В., Коровкин В. От носорога к единорогу. Как управлять корпорациями в эпоху цифровой трансформации. Москва: Эксмо, 2020.
- Остервальдер А., Пинье И., Этьембль Ф., Смит А. Непобедимая компания: как непрерывно обновлять бизнес-модель вашей организации, вдохновляясь опытом лучших. М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Паркер Д., Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- Петрунин Ю.Ю., Силюянова Ю.А., Мягков М.Г., Козицин И.В., Осипов С.Д. BIG DATA и нейросетевые технологии в изучении электорального поведения // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2019. Т. 21. № 4. С. 45–57.
- Пурлик В.М. Управление операционной и стратегической эффективностью бизнеса: монография. Москва: Издательство Юрайт, 2020.
- Тироль Ж. Экономика для общего блага. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.
- Хоффман Р., Йе К. Блиц-масштабирование: как создать крупный бизнес со скоростью света. М.: Альпина Паблишер, 2019.
- Eisenmann T., Parker G., Alstyne M. Strategies for Two-Sided Markets // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84. № 10. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/1704705/mod_resource/content/1/Eisenmann%20-%20Estrat%20E2%80%9Agias%20para%20mercados%20multilaterais.pdf
- Gilder G. *Telecosm: The World after Bandwidth Abundance*. New York: Touchstone, 2000.
- Hagiu A., Lee R.S. Exclusivity and Contro // Journal of Economics and Management Strategy. 2011. Vol. 20. № 3. P. 679–708. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1530-9134.2011.00302.x>
- Shapiro C., Varian H.R. *Information Rules*. Cambridge, MA: Harvard Business School Press, 1999.

References:

- Bhattacharya A., Lang N., Hemerling J. (2021) *Beyond Great: Nine Strategies for Thriving in an Era of Social Tension, Economic Nationalism, and Technological Revolution*. Moscow: Prosveshcheniye.
- Eisenmann T., Parker G., Alstyne M. (2006) Strategies for Two-Sided Markets. *Harvard Business Review*. Vol. 84. № 10. Available: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/1704705/mod_resource/content/1/Eisenmann%20-%20Estrat%20E2%80%9Agias%20para%20mercados%20multilaterais.pdf
- Gilder G. (2000) *Telecosm: The World after Bandwidth Abundance*. New York: Touchstone.
- Hagiu A., Lee R.S. (2011) Exclusivity and Contro. *Journal of Economics and Management Strategy*. Vol. 20. № 3. P. 679–708.
- Hoffman R., Yeh K. (2019) *Blitzscaling: The Lightning-Fast Path to Building Massively Valuable Companies*. Moscow: Al'pina Pablisher.
- Isaeva A.E., Petrunin Yu.Yu., Purlik V.M. (2020) Critical Understanding of Conceptual Approaches to Business Model Analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. № 1. P. 3–21.
- Loucks J., Macaulay J., Noronha A., Wade M. (2018) *Digital Vortex. How Today's Market Leaders Can Beat Disruptive Competitors at Their Own Game*. Moscow: Eksmo.

- McAfee E., Brynjolfsson E. (2019) *Machine, Platform, Crowd. Harnessing Our Digital Future*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Mehta N., Detroja P., Agashe A. (2020) *Swipe to Unlock: The Primer on Technology and Business Strategy*. Saint Petersburg: Peter.
- Moazed A., Johnson N. (2019) *Modern Monopolies: What It Takes to Dominate the 21st Century Economy*. Moscow: Al'pina Pablisher.
- Moschella D. (2020) *A Seeing Digital: A Visual Guide to the Industries, Organizations, and Careers of the 2020s*. Moscow: Al'pina Pablisher.
- Orlovskiy V., Korovkin V. (2020) *Ot nosoroga k edinorogu. Kak upravlyat' korporatsiyami v epokhu tsifrovoy transformatsii* [From rhinoceros to unicorn. How to manage corporations in the era of digital transformation]. Moscow: Eksmo.
- Osterwalder A., Pigneur I., Etienne F., Smith A. (2021) *The Invincible Company: How to Constantly Reinvent Your Organization with Inspiration from the World's Best Business Models*. Moscow: Al'pina Pablisher.
- Parker D., Alstyne M., Choudary S. (2017) *Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy — And How to Make Them Work for You*. Moscow: Mann, Ivanov I Ferber.
- Petrinin Yu.Yu., Siluyanov Yu.A., Myagkov M.G., Kozitsin I.V., Osipov S.D. (2019) Big Data and Neural Network Technologies in the Study of Electoral Behavior. *Neyrokompyutery: razrabotka, primeneniye*. Vol. 21. № 4. P. 45–57.
- Purlik V.M. (2020) *Upravleniye operatsionnoy i strategicheskoy effektivnost'yu biznesa: monografiya* [Management of operational and strategic business performance]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
- Shapiro C., Varian H.R. (1999) *Information Rules*. Cambridge, MA: Harvard Business School Press.
- Tirole J. (2020) *Economie du bien commun*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Weill P., Woerner S. (2019) *What's Your Digital Business Model?: Six Questions to Help You Build the Next-Generation Enterprise*. Moscow: Al'pina Pablisher.

Дата поступления/Received: 19.01.2022

Утечки конфиденциальных данных: главный враг внутри

Швыряев Павел Сергеевич

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ShvyryaevPS@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6531-8970](https://elibrary.ru/6531-8970)

Аннотация

Статья посвящена исследованию трендов в области утечек конфиденциальных данных в мире и России и социальных оснований данной проблемы. На базе анализа общемировых и российских аналитических отчетов выделяются наиболее важные тренды и проблемы: сохраняющийся высокий уровень количества утечек по всему миру; значительный рост доли внешних нарушителей, активизировавшихся во время вынужденной удаленной работы; главную угрозу с точки зрения объемов и ценности компрометируемых данных представляют сами сотрудники организаций, а не внешние нарушители; с точки зрения потенциальной угрозы компрометации данных особую опасность представляют увольняющиеся сотрудники. Отдельно проанализированы проблемы, ярко выраженные именно в России: замалчивание фактов утечек конфиденциальных данных от СМИ и общественности; нежелание или неготовность инвестировать ресурсы в развитие у сотрудников компетенций в области цифровой грамотности; непонимание необходимости или неготовность наращивать инвестиции в профилактику киберугроз, ликвидация последствий инцидентов уже по факту их свершения; высокий уровень уязвимости населения к утечкам персональных данных; несовершенство российской нормативно-правовой базы. В результате делается вывод о том, что все эти проблемы свидетельствуют о глобальной неподготовленности, непонимании глубинных основ происходящих цифровых трансформационных процессов, их рисков и потенциальных угроз; об отсутствии системного, стратегического подхода к реализации технологических преобразований. Поворот к иному пониманию происходящих сегодня цифровых процессов означает изменения не только в технологической, но и прежде всего в социальной сфере. Сложившаяся ситуация, системная по своей природе, требует системного подхода к своему разрешению для перехода к устойчивому цифровому развитию всего социума.

Ключевые слова

Конфиденциальная информация, персональные данные, утечка данных, киберпреступность, концепция нулевого доверия, устойчивое цифровое развитие.

Data Breaches: The Main Enemy Within

Pavel S. Shvyriaev

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ShvyryaevPS@spa.msu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of trends in the field of data breaches in the world and in Russia and the social foundation for this problem. Based on the analysis of global and Russian analytical reports, the most important trends and problems are identified: the continued high level of the number of breaches around the world; a significant increase in the share of external security violators during remote work; the main threat in terms of the volume and value of compromised data is posed by the employees of the organizations themselves, and not by external violators; from the point of view of the potential threat of data compromise, leaving employees are especially dangerous. The problems that are clearly expressed in Russia are analyzed separately: suppression of the facts of data breaches from the media and the public; misunderstanding or unwillingness to invest resources in the development of digital literacy competencies in employees; lack of understanding or unwillingness to increase investments in the prevention of cyber threats, elimination of the consequences of incidents already after their occurrence; high level of vulnerability of the population to data breaches; imperfection of the Russian regulatory framework. As a result, it is concluded that all these problems indicate global unpreparedness, misunderstanding and lack of awareness of the deep foundations for the ongoing digital transformation processes, their risks and potential threats; lack of a systematic, strategic approach to the implementation of technological transformations. A turn to a different understanding of the digital processes means changes not only in the technological, but above all in the social sphere. The current situation, systemic in nature, requires a systematic approach to its resolution, as a turn towards sustainable digital development of the entire society.

Keywords

Confidential information, personal data, data breach, cybercrime, zero trust security model, sustainable digital development.

Введение

В 2017 г. журнал The Economist назвал данные самым ценным ресурсом в мире¹. За последние годы резко возросло количество данных о действиях пользователей в сети, которые называют цифровым следом [Stier et al. 2020, 503]. Современный человек ежедневно

¹The world's most valuable resource is no longer oil, but data // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/06/the-worlds-most-valuable-resource-is-no-longer-oil-but-data> (дата обращения: 26.10.2021).

оставляет большое количество информации о себе: деятельность в соцсетях, оплата покупок и заказ товаров, данные своих документов, поиск информации в Интернете, различный контент в виде текста, фото или видео, конфиденциальные данные по рабочей и учебной деятельности. Большие данные повсюду, и они не имеют определенного происхождения [Bayan et al. 2018, 1], однако представляют огромную ценность, поскольку содержат важную информацию о поведении людей или корпоративную тайну. Сегодня вокруг конфиденциальных данных возникает большое количество вопросов и проблем: использование в политических² и государственных³ интересах, в качестве нечестного конкурентного преимущества⁴; проблемы в законодательстве в области защиты и использования персональных данных⁵; постоянные утечки в открытый доступ. Данная проблема становится все более актуальной частью жизни потребителей, а от возможной кибератаки не застраховано ни одно учреждение [Marcus 2018, 555]. Глобальный анализ утечек конфиденциальных данных организаций с 2005 по 2018 гг. показал, что наиболее подверженными инцидентам являются медицинские и бизнес-учреждения [Hamouchi et al. 2019, 1007].

Проблема утечек конфиденциальных данных организаций актуальна и для России. За последние годы произошли утечки данных клиентов «Сбера», «Альфа-банка», «Совкомбанка», «Вымпелкома»⁶. Серия громких событий с утечками данных в банковской сфере легко объяснима: в секторе финансовых услуг концентрируется большое количество конфиденциальной личной информации, что создает угрозы утечек данных [Сергеева, Али 2021, 25]. Проблема утечек также характерна и для государственной цифровой среды [Перекрестова, Фурсова 2021, 174]. Например, в сети оказывались данные российских автомобилистов, чиновников или москвичей, переболевших COVID-19⁷. На проблему защиты и пресечения незаконной деятельности в области конфиденциальных данных в последнее время регулярно обращает внимание и президент России Владимир Путин⁸.

Одна из наиболее серьезных проблем, связанных с утечками данных, — это их использование в преступной деятельности. В России особую эффективность показывают мошеннические действия с использованием методов социальной инженерии на основании данных потенциальной жертвы⁹.

² Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Что мы знаем // BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43475612> (дата обращения: 24.10.2021).

³ Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 26.10.2021).

⁴ Каждый второй случай кражи корпоративной информации сотрудником при увольнении из организации связан с передачей этих данных конкурентам // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/20590> (дата обращения: 30.11.2021).

⁵ «Утечки неизбежны»: кто ответственен за персональные данные // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2019/08/09_a_12567469.shtml (дата обращения: 26.10.2021); Приоткрытая информация: российские компании скрывают 57% утечек данных // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1121170/roman-kildiushkin/priotkrytaia-informatsia-rossiiskie-kompanii-skrывают-57-utechek-dannykh> (дата обращения: 30.11.2021).

⁶ Клиенты Сбербанка попали на черный рынок // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4111863?from=main_1 (дата обращения: 24.10.2021); Данные клиентов Альфа-банка утекли в Сеть // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/05/11/2019/5dbc07929a7947c6597cf70f2?from=main> (дата обращения: 24.10.2021); В Сеть попали данные желающих взять кредит в Совкомбанке // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/24/09/2021/614db7e99a7947bd14dc2eb9> (дата обращения: 24.10.2021); Абонентов загрузили на сервер // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4986542> (дата обращения: 24.10.2021).

⁷ В открытом доступе оказалась база данных российских автолюбителей // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/05/14/830287-baza-avtovladelctsev> (дата обращения: 24.10.2021); Паспортные данные российских чиновников попали в открытый доступ // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2019/05/15/pass_open/ (дата обращения: 24.10.2021); «Ситуация критическая»: чем грозит крупнейшая утечка данных заболевших коронавирусом // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/415857-situaciya-vesma-kritichna-chem-grozit-krupneyshaya-utechka-dannyh-zabolevshih> (дата обращения: 30.11.2021).

⁸ Путин призвал исключить утечки персональных данных при внедрении ИИ // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1095913/2020-12-04/putin-prizval-iskluchit-utechki-personalnykh-dannykh-pri-vnedrenii-ii> (дата обращения: 26.10.2021); Путин в 10 раз увеличил штрафы за разглашение персональных данных // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/60c386559a7947633c35d10d> (дата обращения: 26.10.2021).

⁹ Зампред Банка России Герман Зубарев: как победить телефонных мошенников // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/10/26/zampred-banka-rossii-german-zubarev-kak-pobedit-telefonnyh-moshennikov.html> (дата обращения: 27.10.2021).

Мошенник, представляясь сотрудником банка или правоохранительного органа, сообщает личную информацию о собеседнике, тем самым вызывая доверие и психологически программируя на совершение определенных действий.

Таким образом, утечки конфиденциальных данных сегодня — это массовая, комплексная и важная проблема в мире и особенно в России. Она оказывает прямое влияние на важные аспекты жизнедеятельности социума: состояние делового климата, уровень доверия населения к цифровым продуктам, состояние киберпреступности, характер развития научно-технического прогресса, экономическое благополучие граждан. Цель данной статьи заключается в анализе трендов в области утечек конфиденциальных данных и социальных оснований данной проблемы.

Утечки конфиденциальных данных: тенденции, ключевые проблемы, социальные основания

Регулярные утечки конфиденциальных данных сегодня становятся нормой. По данным разработчика средств для информационной безопасности SearchInform, в первом полугодии 2020 г. данные в том или ином виде утекали из 91% российских компаний¹⁰.

Неудивительно, что в этой связи рынок черных данных постоянно растет¹¹. Сегодня этот рост обеспечивается далеко не только за счет профессиональных хакеров и взломщиков, но и благодаря действиям или бездействиям персонала организаций. Но каковы масштабы утечек по вине внутренних и внешних нарушителей? И какие цели они при этом преследуют? Каковы тренды в области утечек конфиденциальных данных в мире и в России? Специалисты группы компаний InfoWatch¹² в ежегодном отчете о количестве утечек данных ограниченного доступа предоставляют подробную информацию, в том числе относительно количества утечек (Рисунок 1).

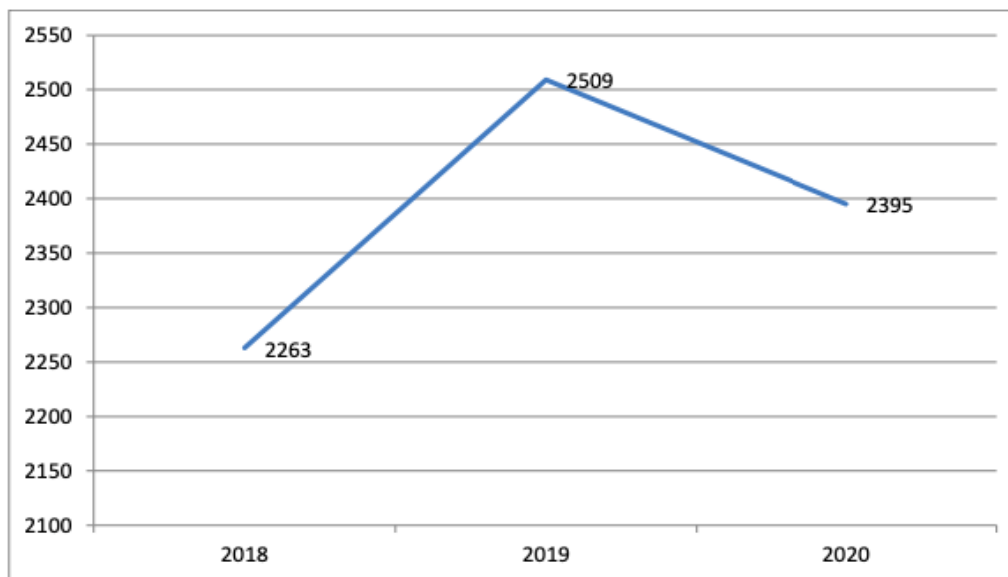

Рисунок 1. Число утечек информации, 2018–2020 гг.¹³

¹⁰ «Большинство сотрудников не задумываются о том, что их мессенджеры контролируют»: как в России сливают конфиденциальную информацию и что за это бывает // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/411175-bolshinstvo-sotrudnikov-ne-zadumyvayutsya-o-tom-chto-ih-messendzhery-kontroliruyut> (дата обращения: 30.11.2021).

¹¹ Клиенты Сбербанка попали на черный рынок // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4111863?from=main_1 (дата обращения: 24.10.2021).

¹² Группа компаний InfoWatch — российская компания, специализирующаяся на информационной безопасности в корпоративном секторе: защите корпораций от утечек информации и целевых атак извне.

¹³ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

Несмотря на снижение количества зафиксированных в 2020 г. инцидентов с утечками данных ограниченного доступа, составители отчета отмечают сохраняющуюся напряженность по данной проблеме. Спад, по мнению аналитиков, связан скорее не с фактическим снижением количества инцидентов, а с повышенным уровнем их латентности в период пандемии¹⁴, а также со склонностью организаций скрывать от общественности факты инцидентов. Результаты исследования¹⁵ компании SearchInform показывают, что в 2020 г. 57% опрошенных предпочитают полностью скрывать факты утечек данных¹⁶. Несмотря на положительную динамику (86% в 2017 г. и 63% в 2019 г.), процент желающих замолчать проблему остается достаточно высоким. Данная картинка кажется нам крайне показательной и в определенной степени отражает реальное отношение к проблемам информационной безопасности и безопасности данных клиентов в России и странах СНГ. Вместе с тем нельзя не отметить положительные тенденции в данном вопросе: с каждым годом компании все охотнее сами делятся фактами утечек из-за страха общественного порицания: есть риск столкнуться с более серьезной волной «народного гнева» и получить значительный удар по бренду¹⁷.

Еще одна особенность утечек, которая занижает официальную статистику, заключается в том, что между фактом утечки и обнаружения этого инцидента может пройти значительный промежуток времени. Нередки случаи, когда система мониторинга информационной безопасности компании может быть настолько несовершенна, что проблемы обнаруживаются только после факта утечки данных [Иванова 2020, 102]. Как отмечают эксперты¹⁸, массовый и быстрый переход сотрудников на удаленную работу в 2020 г. и неподготовленность системы информационной безопасности в некоторых организациях создали хорошие условия для компрометации конфиденциальных данных, и далеко не о всех фактах утечек во время локдауна известно общественности на текущий момент. Это подтверждает и статистика: наибольшая частота событий информационной безопасности случайного характера проявляется у новых сотрудников при модернизации рабочего окружения или при переходе на новую информационную систему [Беззатеев и др. 2021, 559].

Приведенные выше два тезиса говорят о том, что реальное количество произошедших в последние годы утечек значительно выше. Проблема в том, что не о всех из них известно на текущий момент или вообще станет известно общественности. Рассмотрим динамику распределения утечек по вектору воздействия (Рисунок 2).

¹⁴ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

¹⁵ Исследование уровня информационной безопасности в компаниях России и СНГ за 2020 год. В исследовании приняло участие 1346 человек: начальники и сотрудники ИБ-подразделений, эксперты отрасли и руководители организаций из коммерческой, государственной и некоммерческой сфер.

¹⁶ Исследование уровня информационной безопасности в компаниях России и СНГ за 2020 год // SearchInform [Электронный ресурс]. URL: <https://searchinform.ru/uploads/sites/1/2021/03/issledovanie-urovnnya-ib-v-rf-i-sng-za-2020-god.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

¹⁷ Приоткрытая информация: российские компании скрывают 57% утечек данных // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1121170/roman-kildiushkin/priotkrytaia-informatcia-rossiiskie-kompanii-skrывaiut-57-utechek-dannykh> (дата обращения: 30.11.2021).

¹⁸ Там же.

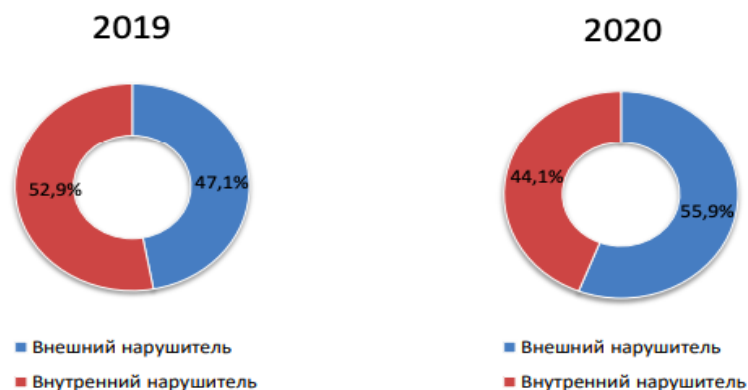

Рисунок 2. Распределение утечек по вектору воздействия, 2019–2020 гг.¹⁹

В 2020 г. отмечается существенный рост доли внешних нарушителей. Данные изменения динамики свидетельствуют о тех самых узких местах в системе информационной безопасности организаций, которые образовались вследствие стихийного перевода сотрудников на удаленную работу во время локдауна. В подтверждение данного тезиса свидетельствует факт нежелания или неготовности большей доли руководства организаций инвестировать средства, во-первых, в повышение информационной грамотности сотрудников, во-вторых, в защиту инфраструктуры организации.

Первый тезис ярко подтверждают результаты исследования²⁰, проведенного порталом Superjob²¹. Большинство опрошенных (68%) заявили о том, что никаких дополнительных требований по информационной безопасности и защите информации со стороны компании при переходе на удаленную работу выдвинуто не было. С нововведениями в политике информационной безопасности столкнулись только 16% респондентов, то есть примерно каждый 6 опрошенный. Среди внедренных новшеств участники опроса называли следующие: подписание дополнительного соглашения в сфере защиты информации (4%), обязательное использование VPN-каналов (2%), выдача корпоративного ноутбука со специальным ПО и установка компанией своего защитного ПО на личное устройство сотрудника (по 2%), использование защищенного соединения и двухфакторной аутентификации (по 1%), нахождение одному в комнате при работе с документами и копирование рабочих файлов на резервные устройства (по 1%). Еще 3% опрошенных отметили иные новшества: использование скрытых паролей, электронной подписи, неразглашение проблемы, использование только корпоративной почты и другие защитные методы. Данные «Лаборатории Касперского» показывают еще более тревожную картину: 79% россиян, перешедших на удаленную работу, не получали никаких конкретных рекомендаций по повышению цифровой грамотности и не прошли специальное обучение, призванное защитить сотрудников от киберрисков²². Данная неподготовленность сотрудников к удаленной работе как членов организаций наложилась

¹⁹ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Mup_Uteчки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

²⁰ В социологическом опросе приняли участие представители 1000 компаний и 1600 россиян с опытом работы в удаленном формате во время пандемии COVID-19. Исследование проходило 10–16 ноября 2021 года в 241 населенном пункте РФ.

²¹ Большинство россиян не получало дополнительных требований по информационной безопасности при переходе на удаленку // Superjob [Электронный ресурс]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113185/bolshinstvo-rossiyan-ne-poluchalo-dopolnitelnyh-trebovanij-po-informacionnoj-bezopasnosti-pri-perehode-na-udalenuku/> (дата обращения: 30.11.2021).

²² «Да кому мы нужны»: удаленка грозит бизнесу утечками и кибератаками // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1251988/ekaterina-korinenko/da-komu-my-nuzhny-udalenska-grozit-biznesu-utechkami-i-kiberatakami/> (дата обращения: 30.11.2021).

в целом на низкую цифровую грамотность россиян. Согласно мониторингу НАФИ²³, в 2021 г. только 27% населения обладает продвинутым уровнем цифровой компетенции. В условиях удаленной работы, когда уровень контроля снижается, а персонал чувствует себя более расслабленным, грань между рабочим и личным стирается, риск совершения ошибочных действий повышается, что ведет к росту утечек²⁴.

Ярким проявлением невысокого уровня цифровой грамотности россиян является сложившаяся культура обращения с собственными персональными данными. Согласно исследованию²⁵, проведенному Ipsos по заказу Visa, только 0.2% россиян знают, какую информацию по банковской карте и кому можно предоставлять, а также как отличить безопасный веб-сайт для оплаты в Интернете²⁶. Поражают и другие выводы из исследования: 55% россиян согласны раскрыть личные данные в разговоре с мошенниками, а 65% не обращают внимание на адрес страницы при оплате в Интернете. При этом молодые люди в возрасте до 25 лет в меньшей степени осведомлены в вопросах защиты собственных персональных данных.

Ситуацию с неподготовленностью персонала и населения в целом по вопросам кибербезопасности усугубляет наличие факторов ограничения выделения средств на ИБ-бюджет. Об этом свидетельствуют результаты исследования²⁷ компании «Код безопасности»²⁸: данную проблему отметили 39% опрошенных ИТ-специалистов в 2021 г. Для сравнения: в 2019 г. об этой проблеме упомянули 4% опрошенных, а в 2018 — только 2%. Выделим ключевые причины, которые приводят к ограничению бюджетов на информационную безопасность: тяжелое экономическое положение организаций во время пандемии; отсутствие понимания, зачем тратить средства на повышение информационной безопасности, или нежелание это делать. Эксперты отмечают пагубный подход, особенно распространенный в России, когда акцент делается не на профилактику проблем в области информационной безопасности, а на авральном устранении уже случившихся инцидентов, «тушении пожаров»²⁹.

Распределение между внутренними и внешними нарушителями конфиденциальности данных представлено на Рисунке 3 и 4.

²³ Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году // НАФИ [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/> (дата обращения: 30.11.2021).

²⁴ «Да кому мы нужны»: удаленка грозит бизнесу утечками и кибератаками // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1251988/ekaterina-korinenko/da-komu-my-nuzhny-udalenska-grozit-biznesu-utechkami-i-kiberatakami> (дата обращения: 30.11.2021).

²⁵ Исследование проводилось в России для Visa компанией Ipsos. В опросе участвовали 1613 человек в возрасте от 18 до 65 лет: владельцы банковских карт и активные пользователи цифровых банковских услуг. Респонденты проживают в городах с населением от 100 тыс. человек.

²⁶ Visa оценила долю способных противостоять мошенникам россиян в 0,2%. С кем клиенты банков готовы делиться данными своих карт // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/09/11/2021/6189163c9a794745fab97b07> (дата обращения: 30.11.2021).

²⁷ Исследование российского рынка информационной безопасности // Код безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitycode.ru/documents/analytics/issledovanie-rossiyskogo-rynka-informatsionnoy-bezopasnosti-2021/> (дата обращения: 30.11.2021).

²⁸ Российский разработчик программных и аппаратных средств защиты информации.

²⁹ «Да кому мы нужны»: удаленка грозит бизнесу утечками и кибератаками // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1251988/ekaterina-korinenko/da-komu-my-nuzhny-udalenska-grozit-biznesu-utechkami-i-kiberatakami> (дата обращения: 30.11.2021).

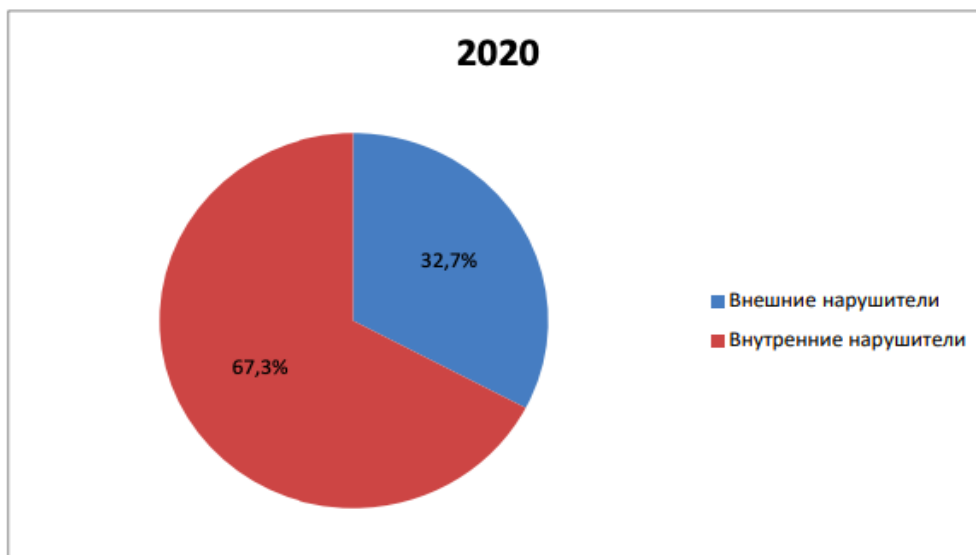

Рисунок 3. Доли общего объема записей, скомпрометированных в результате утечек по вине внешних и внутренних нарушителей, 2020 г. (%)³⁰

В 2020 г. более двух третей от всего объема скомпрометированных данных приходилось на внутренних нарушителей — сотрудников организаций, в результате случайных и неслучайных действий или бездействий. Таким образом, именно персонал компании, а не внешние нарушители представляют главную угрозу с точки зрения объемов компрометируемых данных. С другой стороны, именно внешние нарушители опережали внутренних по количеству инцидентов с утечками в 2020 г., но при этом уступали в объемах скомпрометированных данных.

³⁰ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

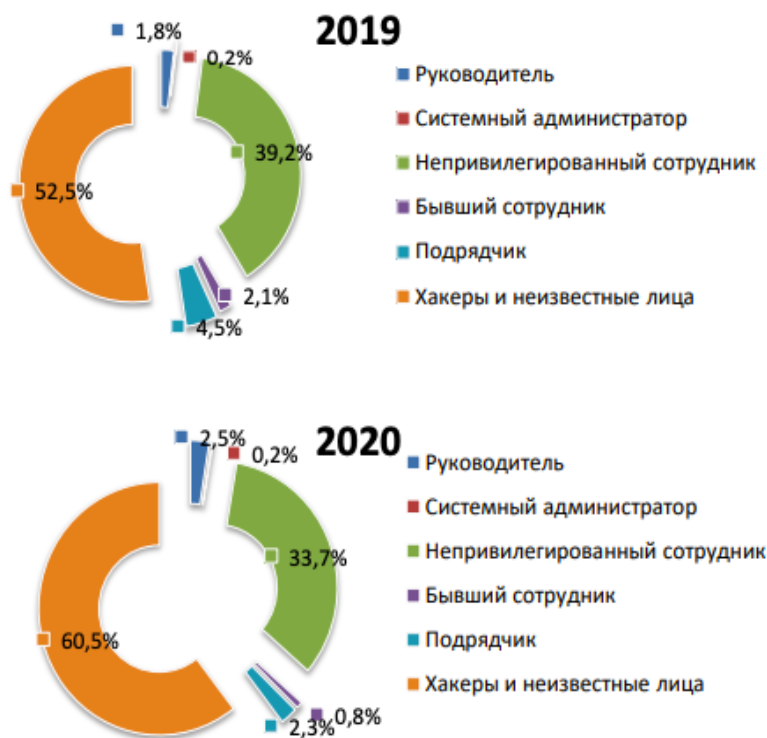

Рисунок 4. Распределение утечек по источнику (виновнику), 2019-2020 гг.³¹

Аналитики отмечают существенное снижение доли утечек по вине непривилегированных сотрудников, бывших сотрудников и подрядчиков организаций в 2020 г. по сравнению с прошлым годом. По всей видимости, руководство организаций извлекло урок из утечек данных, вызванных по вине рядовых сотрудников организаций, имеющих по роду деятельности доступ к конфиденциальным данным. Так, об ужесточении служебных правил и внедрении новых систем контроля при работе с данными заявило руководство «Сбербанка»³² после инцидента с утечкой данных клиентов по вине сотрудника банка³³. Нельзя не отметить новую угрозу, которая исходит от руководителей, имеющих более высокий уровень доступа: их доля среди всего объема нарушителей за год увеличилась с 1,8% до 2,5%.

Случай с утечкой данных в «Сбербанке» по вине сотрудника хорошо иллюстрирует тяжесть последствий утечек, вызванных внутренним нарушителем. Показательно распределение внутренних виновников инцидентов конфиденциальности: в России 41% — это менеджеры по работе с клиентами, 22% — бухгалтерия и финансисты, 20% — менеджеры снабжения³⁴. Аналитики заключают, что наиболее уязвимыми становятся отделы, которые распоряжаются деньгами и критически важной корпоративной информацией. В такой ситуации серьезная утечка

³¹ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

³² «Мы недооценили риски внутреннего предательства»: Сбербанк ужесточил правила работы с клиентскими данными // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/391587-my-nedoocenili-riski-vnutrennego-predatelstva-sberbank> (дата обращения: 26.10.2021).

³³ Сбербанк завершил внутреннее расследование по выявлению канала утечки данных учетных записей по кредитным картам клиентов // Официальный сайт Сбербанка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/press-center/all/article?newsID=56d223ed-1b37-48db-9790-1257c9c96d08&blockID=1303®ionID=77&lang=ru&type=NEWS> (дата обращения: 26.10.2021).

³⁴ Исследование уровня информационной безопасности в компаниях России и СНГ за 2020 год // SearchInform [Электронный ресурс]. URL: <https://searchinform.ru/uploads/sites/1/2021/03/issledovanie-urovnya-ib-v-rf-i-sng-za-2020-god.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

может стоить для организации особенно дорого в плане клиентской базы или конкурентных преимуществ. В этой связи неудивительно, что среди опрошенных российских ИБ-специалистов 80% назвали внутренние инциденты более опасными, чем внешние³⁵.

Описанные выше тенденции в области киберугроз вынуждают проектировать инфраструктуры без периметра: система должна быть в высокой степени готова к атаке со стороны как внешнего, так и внутреннего нарушителя. Одна из наиболее популярных концепций в данной области — модель нулевого доверия. По данным Google Trends, интерес к данной концепции разработки и внедрения ПО постоянно растет во всем мире, особенно в последние несколько лет (Рисунок 5).

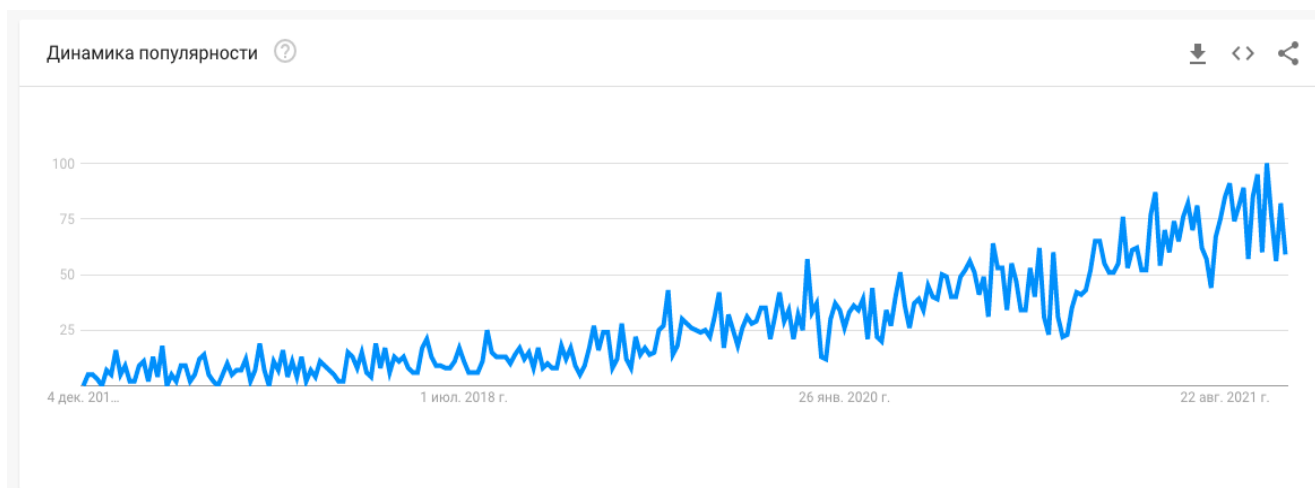

Рисунок 5. Динамика популярности запроса «Zero trust» в мире в 2016–2021 гг.³⁶

Данный тренд подтверждают результаты исследования³⁷ компании Microsoft. Опрошенные лица, принимающие решения в области безопасности, назвали в 2021 г. приоритетом именно разработку стратегии нулевого доверия: 96% опрошенных отметили, что этот процесс является критичным для достижения целей организации. Подчеркивается, что смещение в сторону удаленного и гибридного формата занятости во время пандемии поспособствовали широкому распространению данной концепции: среди всех опрошенных респондентов, знакомых с моделью, 35% заявили о полном ее внедрении в своей организации, 42% находятся в процессе внедрения и еще 24% рассматривают возможность внедрения.

Модель нулевого доверия становится ответом организаций на рост масштаба и уровня последствий утечек по вине внутренних нарушителей. Концепт данной модели заключается в следующем: никогда не доверяй, всегда проверяй. Согласно подходу, каждый работник организации с точки зрения системы информационной безопасности воспринимается как потенциальная угроза. Верификация сотрудника требуется каждый раз, когда происходит попытка доступа к ресурсу или данным организации вне зависимости от должности или статуса данного сотрудника.

Какие тенденции в организационных процессах отражает широкое распространение концепции нулевого доверия в последние годы? С вынужденным массовым переходом на удаленный формат занятости человеческий фактор становится одной из главных причин

³⁵ Исследование уровня информационной безопасности в компаниях России и СНГ за 2020 год // SearchInform [Электронный ресурс]. URL: <https://searchinform.ru/uploads/sites/1/2021/03/issledovanie-urovnya-ib-v-rf-i-sng-za-2020-god.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

³⁶ Источник: Zero trust // Google Trends [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&q=zero%20trust> (дата обращения: 30.11.2021).

³⁷ Zero Trust Adoption Report // Microsoft Security [Электронный ресурс]. URL: <https://query.prod.cms.rt.microsoft.com/cms/api/am/binary/RWGWha> (дата обращения: 30.11.2021).

утечек конфиденциальных данных. В таких обстоятельствах концепция нулевого доверия представляет собой философское переосмысление управления безопасностью организации, которое требует изменения и организационной культуры³⁸, новые подходы к выстраиванию доверия к сотрудникам. С позиций нулевого доверия организация не воспринимается как единое образование, противопоставляющее себя враждебной окружающей действительности. Каждый сотрудник рассматривается как потенциальный нарушитель информационной безопасности организации, требуется постоянная верификация при доступе к конфиденциальным данным. Новые стандарты и модели взаимоотношений между сотрудниками и информационной системой — это ответ на новые вызовы для информационной безопасности организаций.

Теперь рассмотрим распределение утечек по типам данных (Рисунки 6 и 7).

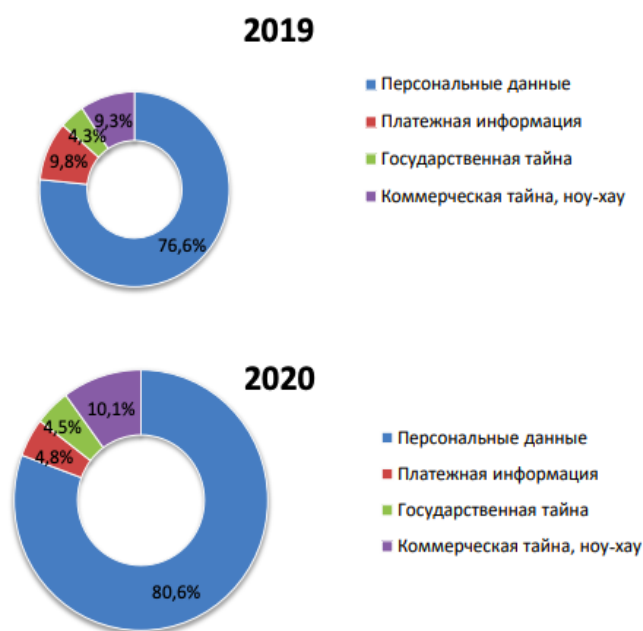

Рисунок 6. Распределение утечек по типам данных, 2019–2020 гг.³⁹

Диаграмма наглядно иллюстрирует, что проблема утечки именно персональных данных сегодня особенно актуальна и массова. Обращает на себя внимание также более чем двойное снижение доли утечек платежной информации. По всей видимости, представители банковской отрасли сделали серьезные выводы из произошедших в последние годы резонансных случаев утечек данных клиентов и усилили системы безопасности при работе с конфиденциальными данными.

³⁸ Tech Trends 2021 // Deloitte [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/articles/7024-TT-zero-trust-never-trust-always-verify/DI_2021-TT-zero-trust-never-trust-always-verify.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

³⁹ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

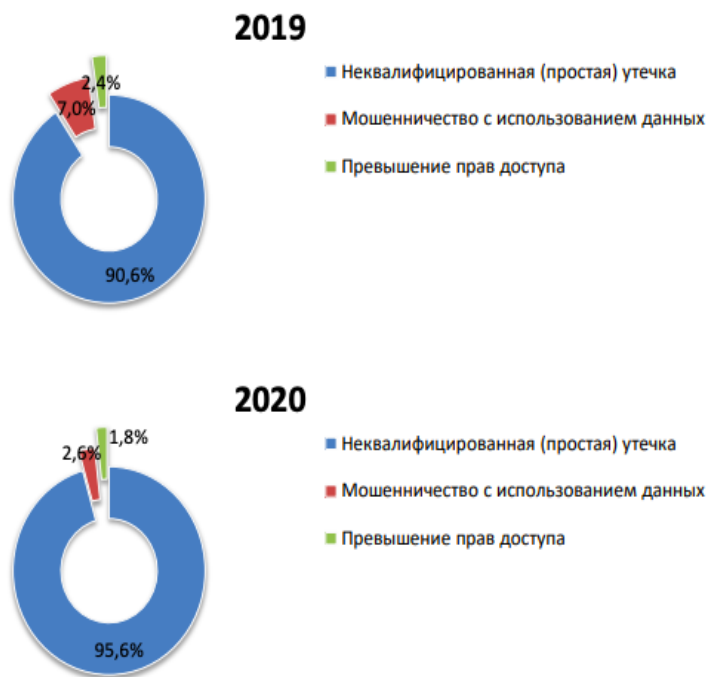

Рисунок 7. Распределение инцидентов по характеру, 2019–2020 гг.⁴⁰

Обращает на себя внимание доля инцидентов, напрямую не связанных с мошенническими действиями. В 2020 г., как и в 2019, их доля составляла более 90%. То есть в подавляющем большинстве случаев нарушитель не использует скомпрометированные данные в мошеннических целях, а, как правило, старается как можно быстрее их продать⁴¹. Такое поведение можно объяснить разными причинами: страх серьезного наказания за мошеннические действия; непонимание, как иначе монетизировать украденные данные; боязнь разоблачения правоохранительными органами или службой безопасности организации. В таких условиях черный рынок персональных данных показывает стабильный рост⁴². Ситуация усугубляется тем, что злоумышленниками создаются все условия для простой и быстрой продажи скомпрометированных данных. Например, в мессенджере Telegram существуют специальные боты, которые позволяют анонимно зарабатывать на продаже данных⁴³. Нередки случаи, когда украденная база, полностью исчерпав свой ресурс, выкладывается в открытый доступ и становится достоянием общественности⁴⁴.

Серьезный рост доли умышленных утечек отмечают эксперты в 2020 г. Если в 2019 г. только 60,2% утечек были совершены умышленно, то в 2020 г. показатель вырос до 72,5%⁴⁵: то есть более двух третей инцидентов с утечками данных в 2020 г. совершались нарушителем сознательно. Эксперты отмечают, что такой существенный рост мог быть вызван несовершенством систем безопасности информационных систем организаций во время удаленной работы на фоне желания

⁴⁰ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

⁴¹ Там же.

⁴² Побочное явление цифровизации: как в России крадут и продают персональные данные // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/433651-pobochnoe-yavlenie-cifrovizacii-kak-v-rossii-kradut-i-prodayut-personalnye-dannye> (дата обращения: 26.10.2021).

⁴³ Клерки поработали на хакеров // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4269795> (дата обращения: 30.11.2021).

⁴⁴ Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

⁴⁵ Там же.

подзаработать со стороны недобросовестных сотрудников или взломщиков⁴⁶. В целом в 2020 г. аналитики отмечают заметный рост утечек персональных данных по всем основным отраслям (Рисунок 8).

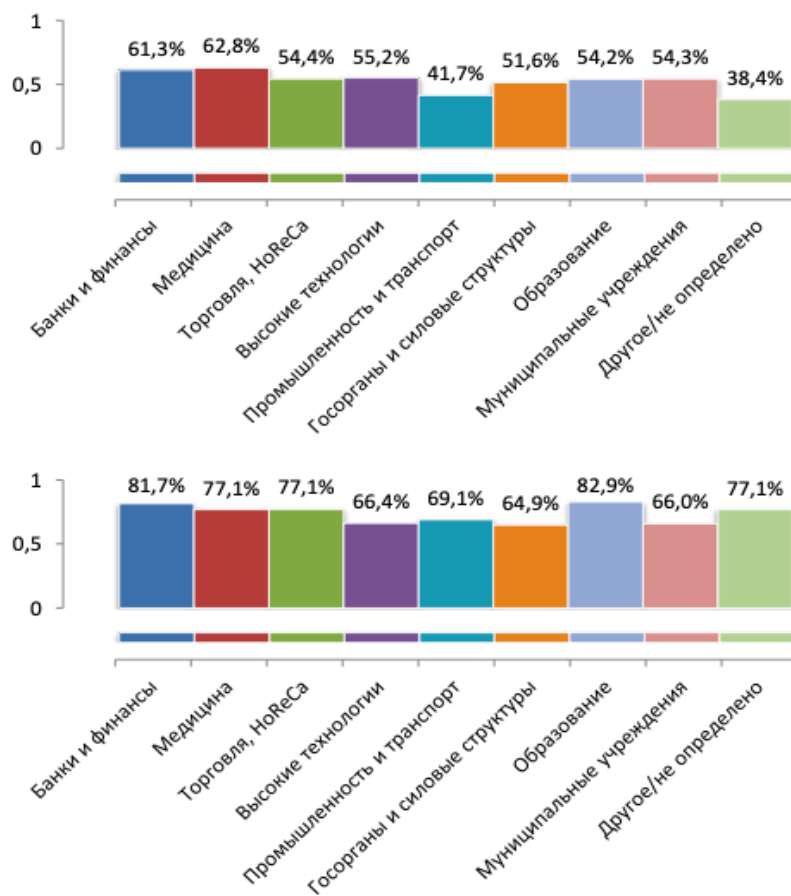

Рисунок 8. Доля умышленных утечек персональных данных от общего количества утечек персональных данных по отраслям, 2019–2020 гг.⁴⁷

Отдельная большая группа инцидентов утечек данных связана с увольняющимися сотрудниками. Эксперты отмечают несколько причин, по которым работники совершают кражи⁴⁸ данных: это переманивание сотрудника к конкуренту, желание открыть собственный бизнес, месть нынешнему работодателю, манипуляции со стороны третьих лиц. Данные намерения подтверждает диаграмма распределения типов конфиденциальной информации, скомпрометированной увольняющимися нарушителями в 2020 г. (Рисунок 9).

⁴⁶ Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

⁴⁷ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

⁴⁸ Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

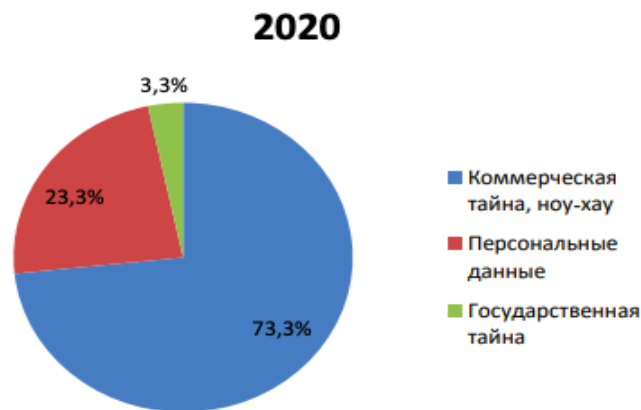

Рисунок 9. Типы конфиденциальной информации, скомпрометированной увольняющимися нарушителями, 2020 г.⁴⁹

Коммерческая тайна и передовые разработки организации — наиболее ценные данные, которые в большинстве случаев пытаются скомпрометировать увольняющиеся сотрудники. Возможности дальнейшего использования такой информации весьма амбициозны: от реализации в организации-конкуренте до запуска собственного бизнеса.

Защита конфиденциальных данных от неправомерного посягательства со стороны увольняющихся сотрудников — это не новая, но серьезная проблема для руководителей и службы безопасности организации. Анализ поведения пользователей на предмет умышленной и неумышленной возможности компрометации данных, отслеживание вероятности увольнения сотрудника, контроль уровня доступа к конфиденциальной информации и своевременная его блокировка при увольнении — важные аспекты информационной безопасности, которые требуют постоянного контроля и совершенствования. Компрометация данных именно со стороны увольняющихся сотрудников потенциально может привести к серьезным негативным последствиям для организации в виде оттока клиентов или потери положения на рынке, поскольку в половине случаев корпоративная информация попадает к конкурентам⁵⁰.

Обсуждение результатов исследования

Новые вызовы цифровой эпохи требуют принципиально нового подхода к выстраиванию в том числе и социальных отношений, построения доверия к людям, организациям и институтам. Данный тезис был проиллюстрирован на примере концепции нулевого доверия, которая сейчас находится на волне популярности во всем мире. Теперь с точки зрения информационной безопасности организация не представляет собой гомогенную сущность, противопоставленную внешнему миру, а каждый ее член рассматривается как потенциальная угроза и нарушитель конфиденциальности. Это радикально новый подход, который полностью переворачивает традиционное представление о доверии: ни в коем случае не доверять, а постоянно проверять. Очевидно, в таких обстоятельствах организационная система в классическом ее понимании находится в состоянии противоречия: внедряется подход, который не соответствует самой сущности организации. Здесь необходимо подчеркнуть, что такая ситуация требует не только

⁴⁹ Источник: Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2020 году // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_Мир_Утечки_2020_v.1.17.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

⁵⁰ Каждый второй случай кражи корпоративной информации сотрудником при увольнении из организации связан с передачей этих данных конкурентам // InfoWatch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/20590> (дата обращения: 30.11.2021).

технологического, но и социального разрешения для снятия всех сложившихся противоречий. Но о каких социальных преобразованиях может идти речь? На наш взгляд, в условиях нулевого доверия такие организационные атрибуты, как, например, корпоративная культура, ценности, цели, стиль управления, могут потребовать серьезного пересмотра в новых обстоятельствах. Пресловутые слоганы об «одной команде», «большой семье» или «общих целях» в новых обстоятельствах серьезно расходятся с действительностью и требуют пересмотра в условиях, когда в каждом сотруднике видится нарушитель конфиденциальности.

В более глобальном смысле можно говорить о проблеме технологий в контексте устойчивого развития [Gidigbi 2021, 27]. В таких обстоятельствах вопрос обеспечения безопасности данных от внутренних нарушителей в организации — актуальный, но далеко не единственный аспект. Например, в последние годы набирает популярность использование в мошеннических целях технологий подделки голоса и изображения человека, фейковых аккаунтов и новостей. В этой связи авторитетные источники в лице The Guardian заявляют об угрозе демократии⁵¹ — одному из столпов западного мира. И если с частью проблем эрудированный человек способен успешно справиться, то в случае других может разразиться настоящая «гонка вооружений»⁵². И такого рода вызовы требуют разрешения не только с точки зрения технологий, но и в первую очередь в социальной плоскости: пересмотр потребительского, близорукого отношения к технологиям; трансформация характера коммуникации между людьми в мессенджерах и социальных сетях; критическое мышление в отношении информации из соцсетей и СМИ; трансформация доверия между людьми в соцсетях; регулирование лоббистской деятельности, особенно ИТ-гигантов⁵³; пересмотр системы оценки руководителей компаний в сторону обеспечения высочайшего уровня защиты конфиденциальных данных [Helman 2019, 525]; внедрение новых подходов к обеспечению кибербезопасности, например кибериммунитета⁵⁴; повышение влияния организаций по защите интересов пользователей; рост цифровой грамотности населения и изменение отношения к собственным персональным данным; пересмотр нормативно-правовой базы; создание условий гласности и общественного надзора. В противном случае без глубинной трансформации социального основания под обстоятельства нового технологического уклада фундаментальное решение проблемы кажется невозможным.

Заключение

Сейчас мы являемся свидетелями тех глобальных трансформационных процессов, которые меняют наше отношение к привычным, давно сложившимся вещам. И к этой трансформационной волне мы в высокой степени оказались не готовы. Процесс форсированной цифровизации, захлестнувший весь мир в последние годы, ярко показал несовершенство самого разнообразного порядка: коллективную и индивидуальную безответственность к защите данных и информационной безопасности, изъяны нормативно-правовой базы, нежелание и неготовность инвестировать ресурсы в повышение уровня цифровой грамотности и защиту инфраструктуры от киберугроз, кризис доверия в организациях. Более глобально — отсутствие единого, последовательного, сбалансированного, системного подхода к цифровой трансформации; глубокого понимания ее основ и первопричин, как технических, так и социальных; тщательной

⁵¹ The rise of the deepfake and the threat to democracy // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/ng-interactive/2019/jun/22/the-rise-of-the-deepfake-and-the-threat-to-democracy> (дата обращения: 02.12.2021).

⁵² Как защититься от дипфейков // Kaspersky Daily [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/rsa2020-deepfakes-mitigation/27678/> (дата обращения: 02.12.2021).

⁵³ Amazon wages secret war on Americans' privacy, documents show // Reuters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/amazon-privacy-lobbying/> (дата обращения: 15.12.2021).

⁵⁴ Почему традиционный подход к кибербезопасности устарел — Kaspersky // РБК Про [Электронный ресурс]. URL: https://pro.rbc.ru/news/610b597e9a79471077e87133?from=material_cards (дата обращения: 15.12.2021).

проработки возможных последствий; моделирования рисков и потенциальных угроз; четкого и методичного плана по осуществлению цифровой трансформации. Данное непонимание выливается сегодня в распространенное «тушение пожаров» и «латание дыр» уже по факту свершения инцидентов, причем данная практика имеет место среди как небольших организаций, так и международных корпораций и целых государств. Это слабые, реактивные, бессистемные ответы на глобальную, зачастую неконтролируемую в нынешних условиях цифровую волну. В таких обстоятельствах запрос на сбалансированное цифровое развитие становится все более актуальным, и в этом заинтересованы все стороны: государство, бизнес, население. Важно осознать, что технологии сегодня, их внедрение и использование — это не решение всех проблем в короткий срок, а огромная, сложная и кропотливая работа с большими рисками и потенциальными выигрышами. Использование технологий по модели черного ящика без глубинного понимания их возможностей и опасностей имеет губительную перспективу, и события последних лет это ярко показывают. Запрос на устойчивое цифровое развитие должен проявляться все отчетливее. По всей видимости, в ближайшие годы вопрос об устойчивом цифровом развитии, выработке и реализации грамотного, системного, рационального подхода к технологическим трансформациям должен стать одним из главных в мировой повестке.

Список литературы:

- Беззатеев С.В., Елина Т.Н., Мыльников В.А., Лившиц И.И. Методика оценки рисков информационных систем на основе анализа поведения пользователей и инцидентов информационной безопасности // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2021. Т. 21. № 4. С. 553–561. DOI: [10.17586/2226-1494-2021-21-4-553-561](https://doi.org/10.17586/2226-1494-2021-21-4-553-561)
- Иванова А.П. Утечка персональных данных: большая проблема в цифровую эпоху (обзор) // Реферативный журнал Государство и право. 2020. № 4. С. 100–107.
- Перекрыстова В.А., Фурсова П.В. Цифровизация в России: проблемы информационной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2 (89). С. 170–176.
- Сергеева И.Г., Али Х.М. Анализ технологических рисков финансовых инноваций // Научный журнал НИУ ИТМО. 2021. № 2. С. 23–29. DOI: [10.17586/2310-1172-2021-14-2-23-29](https://doi.org/10.17586/2310-1172-2021-14-2-23-29)
- Bayan A., Beloff N., White M. Rise of Big Data — Issues and Challenges // 21st Saudi Computer Society National Computer Conference (NCC). 2018. DOI: [10.1109/NCG.2018.8593166](https://doi.org/10.1109/NCG.2018.8593166)
- Gidigbi M.O. Digital Technologies for Sustainable Development: Dual Challenge of Sustainability and Inclusivity Perspective // Law & Digital Technologies. 2021. Vol. 1. P. 27–36. DOI: [10.18254/S123456780015729-2](https://doi.org/10.18254/S123456780015729-2)
- Hammouchi H., Cherqi O., Mezzour G., Ghogho M., Koutbi M. Digging Deeper into Data Breaches: An Exploratory Data Analysis of Hacking Breaches over Time // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 151. P. 1004–1009. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.04.141>
- Helman L. Pay for (Privacy) Performance Holding Social Network Executives Accountable for Breaches in Data Privacy Protection // Brooklyn Law Review. 2019. Vol. 84. № 2. P. 523–569.
- Marcus D.J. The Data Breach Dilemma: Proactive Solutions for Protecting Consumers' Personal Information // Duke Law Journal. 2018. Vol. 68. № 3. P. 555–593.
- Stier S., Breuer J., Siegers P., Thorson K. Integrating Survey Data and Digital Trace Data: Key Issues in Developing an Emerging Field // Social Science Computer Review. 2020. Vol. 38. Is. 5. P. 503–516. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439319843669>

References:

- Bayan A., Beloff N., White M. (2018) Rise of Big Data – Issues and Challenges. *21st Saudi Computer Society National Computer Conference (NCC)*. DOI: [10.1109/NCG.2018.8593166](https://doi.org/10.1109/NCG.2018.8593166)
- Bezzateev S.V., Elina T.N., Mylnikov V.A., Livshitz I.I. (2021) Risk Assessment Methodology for Information Systems, Based on the User Behavior and IT-Security Incidents Analysis. *Nauchno-tekhnicheskiiy vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki*. Vol. 21. № 4. P. 553–561. DOI: [10.17586/2226-1494-2021-21-4-553-561](https://doi.org/10.17586/2226-1494-2021-21-4-553-561)
- Gidigbi M.O. (2021) Digital Technologies for Sustainable Development: Dual Challenge of Sustainability and Inclusivity Perspective. *Law & Digital Technologies*. Vol. 1. P. 27–36. DOI: [10.18254/S123456780015729-2](https://doi.org/10.18254/S123456780015729-2)
- Hammouchi H., Cherqi O., Mezzour G., Ghogho M., Koutbi M. (2019) Digging Deeper into Data Breaches: An Exploratory Data Analysis of Hacking Breaches over Time. *Procedia Computer Science*. Vol. 151. P. 1004–1009. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.04.141>
- Helman L. (2019) Pay for (Privacy) Performance Holding Social Network Executives Accountable for Breaches in Data Privacy Protection. *Brooklyn Law Review*. Vol. 84. № 2. P. 523–569.
- Ivanova A.P. (2020) Utechka personal'nykh dannykh: bol'shaya problema v tsifrovuyu epokhu (obzor) [Personal data leak: The big problem in the digital age (overview)]. *Referativnyy zhurnal Gosudarstvo i pravo*. № 4. P. 100–107.
- Marcus D.J. (2018) The Data Breach Dilemma: Proactive Solutions for Protecting Consumers' Personal Information. *Duke Law Journal*. Vol. 68. № 3. P. 555–593.
- Perekrestova V.A., Fursova P.V. (2021) Digitalization in Russia: Problems of Information Security. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta*. № 2 (89). P. 170–176.
- Sergeeva I.G., Ali H.M. (2021) Technological Risk Analysis of Financial Innovations. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO*. № 2. P. 23–29. DOI: [10.17586/2310-1172-2021-14-2-23-29](https://doi.org/10.17586/2310-1172-2021-14-2-23-29)
- Stier S., Breuer J., Siegers P., Thorson K. (2020) Integrating Survey Data and Digital Trace Data: Key Issues in Developing an Emerging Field. *Social Science Computer Review*. Vol. 38. Is. 5. P. 503–516. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439319843669>

Дата поступления/Received: 26.12.2021